

Мохаммед ульд Слахи, Ларри Симс Дневник Гуантанамо

Guantánamo Diary by Mohamedou Ould Slahi / Edited by Larry Siems

Diary, restored diary, and introduction to the restored edition copyright © 2015, 2017 by Mohamedou Ould Slahi

Notes and introduction to the original edition copyright © 2015, 2017 by Larry Siems

© Козырев А. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Об авторах

Мохаммед ульд Слахи родился в маленьком городке в Мавритании в 1970 году. Он выиграл грант на обучение в колледже в Германии и несколько лет проработал там инженером. В 2000 году он вернулся в Мавританию. В следующем году по приказу Соединенных Штатов его задержали власти Мавритании и передали в иорданскую тюрьму, затем отправили на военную базу в Баграме в Афганистане, а 5 августа 2002 года – в тюрьму Гуантанамо на Кубе, где подвергли его жестоким пыткам. В 2010 году федеральный судья постановил немедленно освободить Мохаммеда, но правительство подало апелляцию. 16 октября 2016 года с него были сняты все обвинения. Мохаммеда освободили и отправили на родину, в Мавританию. После этого против него не выдвигалось никаких обвинений.

Ларри Симс – писатель и правозащитник. Много лет возглавлял программу «Свобода писать» в американском центре PEN. Его последняя работа – *«Отчет о пытках: О чем говорится в документах по программе пыток в США после терактов 11 сентября»*. Ларри Симс живет в Нью-Йорке.

Отзывы о «Дневнике Гуантанамо»

«Невообразимо... Определенно самый влиятельный и интересный пример тюремной литературы, который появился из-за неправильной трактовки „глобальной войны против терроризма“».

Стив Кол, New York Review of Books

«Больше, чем просто мемуары, эта книга – уникальный и пристальный взгляд на то, что происходит с осужденными, когда они попадают туда, где их никто не принимает за людей. Эти записи поднимают вопрос, действительно ли пытки справляются со своей задачей. Слахи ставит под сомнение эффективность пыток, которые пережил заключенный, признанный виновным сразу после своего задержания. Влияние правительства Соединенных Штатов чувствуется на протяжении всей книги».

Крис Серус, Minneapolis Star Tribune

«„Дневник Гуантанамо“ рассказывает о недавних экспериментах в Гуантанамо. Подобные книги сейчас исключительно редкие, потому что военные США не разрешают репортерам общаться с заключенными. В книге изложены записи, которые было бы невыносимо сложно читать, если бы Слахи не смог написать их с долей иронии».

Кэрол Розенберг, Miami Herald

«Изображение ада, намного превосходящее Оруэлла и Кафку: нескончаемые пытки, предписанные безумными докторами из Вашингтона».

Джон ле Карре, автор книги «Хрупкая истина»

«Написанные разговорным английским, которому Слахи успел научиться в заточении, эти страницы изуродованы стараниями агентов американской разведки тысячами черных прочерков. Его рукопись являет собой мрачный шедевр, порой невыносимую летопись боли, отчаяния и горького юмора, который пришелся бы по вкусу Достоевскому, написавшему „Записки из Мертвого дома“. Эта история, которую до настоящего момента никому не удавалось описать столь тщательно и убедительно, напоминает постмодернистскую и глобальную версию процесса над салемами ведьмами. Когда страдания неслышанных и неосужденных становятся не более чем побочным ущербом, допустимыми потерями – в этот момент Америка преступает черту. Шаги, что привели нас к такому, оставались бы по большей мере в тайне, если бы не публикация этих и многих других свидетельств».

Марк Даннер, New York Times Book Review

«Жизненная и ошеломляющая книга, которая, без сомнений, является переломным моментом в истории и литературным триумфом».

Эли Искит, Salon

«Доступная широкой публике информация придает веса описанию событий по версии Слахи... В 2004 году подполковник Стюарт Коуч, на тот момент исполняющий функции прокурора по Гуантанаму, предпринял неожиданный шаг и отказался предъявлять обвинения против Слахи, узнав, что все признательные показания были получены в результате пыток. Описания этих пыток – самые убедительные и тяжелые строки во всей книге. К сожалению, они очень похожи на правду, поскольку тесно перекликаются с описаниями официальных расследований по отношению к другим заключенным в руках Соединенных Штатов... Дневник пестрит уникальными и яркими деталями, которыми невозможно пренебречь».

Дебора Перлстейн, Washington Post

«Слахи изучал английский во время своего заключения, но его записи пронизаны красотой и эмоциями. Его стиль сложный, неровный, но очень пронизательный. Рукописные страницы, которыми перемежаются главы книги, создают эффект подлинности. Страницы перечеркнуты, изрезаны, что создает некую пустоту, ведь многие имена, детали и локации остаются засекреченными. Еще это отражает повсеместную проблему, а именно бессовестную политику Соединенных Штатов по отношению к своим гражданам».

Джон Ярго, The Millions

«К большому удивлению, книга Слахи не только печальная и ужасающая, но и забавная. Тон записок дружелюбный, возмущенный, любознательный и ироничный. Слахи очеловечивает не только себя, но и своих охранников и следователей. Нельзя сказать, что он оправдывает их. Как раз наоборот, он представляет их сложными личностями, которые ищут доброту в жестокости и правильное в неправильном».

Джошуа Роммен, The New Yorker

«Новая захватывающая книга пришла к нам из одного из самых спорных мест на планете, и правительство США не хочет, чтобы вы читали ее. Прошу прощения, если это звучит как громкий маркетинговый заголовок. Дело в том, что это правда. Мы еще очень многого не знаем о Гуантанамо, о тюрьме, в которой ужасные вещи совершают от имени каждого гражданина США».

Кевин Кенфилд, San Francisco Chronicle

«Любой, кто прочитает „Дневник Гуантанамо“, а это должен сделать каждый человек в здравом уме, будет шокирован. Призыв Слахи к простой справедливости должен стать нашим призывом к действию. Ведь на кону стоит не только судьба одного человека, которому, несмотря ни на что, удалось рассказать миру о случившемся, но и будущее нашей демократии».

Гленн Гринвальд, автор книги «No place to hide»

«На этих страницах изображен интеллигентный человек, сбитый с толку, обманутый, избиваемый неделями и месяцами, но все еще добрый и веселый».

Стив Пол, Kansas City Star

«Поражает не только наглядное описание всех издевательств над Слахи, но и его сердечность, даже по отношению к своим мучителям и надзирателям. В центре повествования – испытания Слахи, но книга о далеко не только об этом. Это доклад о том, что другие страны причастны к подобным пыткам. Это ужасающий пример того, что происходит с невиновными людьми, когда закон не имеет никакого значения. По словам редактора книги Ларри Симса, это „грандиозное событие для нашего времени“».

Ноа Яком, Huffington Post

«Захватывающе... Невообразимо... Слахи выступает на этих страницах любопытным и великодушным человеком. Наблюдательным, остроумным, набожным, но не фанатичным. „Дневник Гуантанамо“ заставляет задуматься, почему Соединенные Штаты отбросили идею о том, что только своевременное судебное разбирательство может решить, кто заслуживает тюремного заключения».

Скотт Шейн, New York Times

«Несмотря на множество трудностей, связанных с изданием такого рода книги, „Дневник Гуантанамо“ – лучшее, возможно, изображение всей судебной системы со времен 11 сентября».

Омар эль Аккад, Globe and Mail

Хронология событий

Январь 2000 г. После 12 лет учебы и работы за границей, преимущественно в Германии, а также в Канаде, Мохаммед ульд Слахи решает вернуться на родину – в Мавританию. По пути его дважды задерживают по приказу правительства Соединенных Штатов, в первый раз – полицией Сенегала, во второй раз – правительством Мавритании. ФБР допрашивает его в связи с так называемым заговором, целью которого был подрыв центрального аэропорта Лос-Анджелеса. Не найдя доказательств того, что Мохаммед причастен к теракту, власти освобождают его 19 февраля 2000 года.

2000 – осень 2001 гг. Мохаммед живет с семьей и работает инженером-электриком в Нуакшоте, Мавритания.

29 сентября 2001 г. Власти Мавритании на две недели арестовывают Мохаммеда, и ФБР вновь допрашивает его о причастности к заговору «Миллениум»^[1]. Он выходит на свободу, правительство Мавритании официально признает его невиновным.

20 ноября 2001 г. Полиция Мавритании прибывает к дому Мохаммеда и просит его проследовать за ними для дальнейшего допроса. Он соглашается и отправляется в полицейский участок на своем личном автомобиле.

28 ноября 2001 г. Мохаммеда отправляют самолетом ЦРУ из Мавритании в Амман, где его в течение семи с половиной месяцев допрашивает служба разведки Иордании.

19 июля 2002 г. ЦРУ забирает Мохаммеда из Аммана: он в одних памперсах, с завязанными глазами, в наручниках. В таком виде его перевозят на военную базу Баграм в Афганистане. Именно с этих событий начинается «Дневник Гуантанамо».

4 августа 2002 г. После двух недель допроса в Баграме Мохаммеда военным самолетом отправляют в Гуантанамо с 34 другими арестованными. Группа заключенных прибывает туда 5 августа 2002

года.

2003–2004 гг. Работая с Мохаммедом, Служба разведки США использует «план специального допроса», который лично одобрил министр обороны Дональд Рамсфелд. пытки Мохаммеда включают месяцы изоляции, разнообразные физические, психологические и сексуальные унижения, угрозы смерти и угрозы его семье, фиктивное похищение и экстрадицию.

3 марта 2005 г. Мохаммед пишет заявление о пересмотре его обвинения в причастности к теракту с постановлением «Хабеас Корпус»^[2].

Лето 2005 г. Мохаммед пишет 466 страниц дневника, которые впоследствии станут этой книгой, в своем карцере в Гуантанамо.

12 июня 2008 г. Верховный суд США постановляет, что заключенные в Гуантанамо имеют право оспорить свое содержание под стражей по постановлению «Хабеас Корпус».

Август-декабрь 2009 г. Окружной судья Джеймс Робертсон рассматривает заявление Мохаммеда.

22 марта 2010 г. Судья Робертсон одобряет заявление и приказывает отпустить Мохаммеда из Гуантанамо.

26 марта 2010 г. Администрация президента Обамы подает апелляцию.

5 ноября 2010 г. Апелляционный суд округа Колумбия отправляет дело Мохаммеда с постановлением «Хабеас Корпус» обратно в Федеральный окружной суд США на повторное слушание. В Федеральном окружном суде делу суждено томиться годами.

20 января 2015 г. «Дневник Гуантанамо» издается в Соединенных Штатах, в Великобритании и еще семи странах. Издатели в 19 других странах выпускают переводы этой книги в течение следующих двух лет.

2 июня 2016 г. Мохаммед предстает перед Комиссией по периодическому пересмотру.

14 июля 2016 г. Комиссия заключает, что пребывание Мохаммеда в Гуантанамо «более не имеет необходимости вопреки тому, что сохраняется значительная угроза безопасности Соединенных Штатов».

16 октября 2016 г. Мохаммед освобожден из Гуантанамо. Так же, как и 14 лет назад, во время полета он закован в наручники, на него надеты наушники, завязаны глаза.

17 октября 2016 г. Военный самолет приземляется в аэропорту Нуакшота в Мавритании в два часа дня. Спустя несколько часов Мохаммед воссоединяется с семьей.

Примечания редактора Ларри Симса к тексту и комментарии к восстановленному изданию

В конце примечаний, заметок и комментариев к первому изданию «Дневника Гуантанамо» я писал:

Так много трудностей с работой над этой книгой связано с тем фактом, что правительство Соединенных Штатов продолжает держать оригинальную рукопись под цензурой. В связи с этим автор не может принимать участие в редактировании книги. С нетерпением жду дня, когда Мохаммеда ульд Слахи освободят, и мы сможем ознакомиться с его историей так, как ее рассказал бы он лично.

Этот день настал, и мы можем ознакомиться с этим изданием.

16 октября 2016 года, спустя 5445 дней после того, как Мохаммед отправился в мавританский полицейский участок для допроса и бесследно исчез, его выпустили из Гуантанамо и доставили в родной город Нуакшот. Через несколько часов мы разговаривали с ним по видеосвязи – тогда мы общались впервые. Через несколько недель мы встретились лично в аэропорту Нуакшота.

С тех пор, к моему превеликому удовольствию, мы общаемся почти каждый день с помощью электронной почты, Skype, WhatsApp и SMS. Большая часть времени потрачена на работу над этим изданием «Дневника Гуантанамо». Это доказывает, что надежда, которую я выражал в своих первых заметках, была не напрасна. Теперь у нас есть возможность дополнить книгу тем, что написал Мохаммед с момента своего освобождения. Со всей ясностью и ответственностью перед читателями мы избавляем оригинальные записи от жестких ограничений, обусловленных цензурой.

Во введении к новому изданию Мохаммед объясняет, что мы отнеслись к редактированию как к реставрации какого-то древнего здания или поврежденной картины.

Если бы у нас был доступ к оригинальным нецензурированным рукописям, нам достаточно было бы заполнить текст пропуски. Но

даже это потребовало бы от нас невероятных усилий, ведь было очень сложно прочувствовать, что нужно добавить, отредактировать или дополнить в нетронутom тексте. Порой было сложно подобрать подходящие фразы и выражения.

Мы разделили работу на несколько этапов, начиная с короткой редакции вымаранных существительных и местоимений и заканчивая страницами длинных описаний, которые в оригинале разделены на три части. На двух страницах описан допрос Мохаммеда на полиграфе, а третья – это стихотворение, написанное им в годы заключения. Повторить в точности текст было невозможно, ведь прошло более 10 лет с момента его написания. Мы договорились, что наша цель – восстановить сцены, которые подверглись цензуре, с максимальной точностью и честностью. Так, сначала Мохаммед воссоздавал эти сцены, а потом мы вместе их редактировали. Мы стремились сохранить стиль написания и повествования самого первого издания книги. Тем не менее нам пришлось сместить часть текста с начала пятой главы в конец первой, чтобы сохранить хронологию допросов.

В этом издании слова иногда выделяются темным. Так мы показываем, что в этих местах текст был восстановлен. Это сделано для тех, кто желает сравнить эту версию с самым первым изданием.

Это не очень заметно, но при сравнении двух изданий можно увидеть, что в некоторые сноски были внесены изменения. В первом издании они служили для двух целей. Во-первых, чтобы привлечь внимание читателя на официальные документы, подтверждающие слова Мохаммеда. Во-вторых, чтобы поделиться с читателем догадками и слухами о том, что могло быть скрыто цензурой во время редакции книги. К счастью, эти слухи более не имеют никакого смысла, поэтому некоторые сноски были удалены. Те, которые остались, и те, которые были добавлены, отсылают к обширной документации, связанной с делом Мохаммеда.

Спустя пять лет после того, как я в первый раз получил на руки диск с отцензурированной версией рукописей Мохаммеда, я все еще пытаюсь понять весь масштаб и напряженность тех мучений. Они говорят во многом об отношении нашего государства к базовым правам человека. Каждый день я жил с этими рукописями, а теперь, к огромному счастью, и с самим их автором, и я понял, что «Дневник Гуантанамо» – это символ надежды и перемен.

Однажды вечером, спустя несколько недель после освобождения, Мохаммед стоял у задних ворот своего потрепанного дома на краю Сахары. Ему вспомнился вечер 20 ноября 2001 года, когда он попрощался с мамой и тетей. Он убеждал их, что вернется через несколько часов. После этого он сел в машину и направился в полицейский участок. Мы осознали, что прошло 15 лет с того дня. Я видел его в начале этого путешествия и в конце. И я вижу, что эти 15 лет были невыносимо тяжелыми для него.

Я чувствовал это много раз, пока мы работали над редакцией нового издания. Теперь Мохаммед дома. Его предназначение поведать свою историю миру исполнено этим изданием книги. Говоря не как редактор, а как житель Америки, я вижу, что еще очень многое должно быть сделано. Но Мохаммед сделал то, что должен был. Остальное за нами.

Конец истории и введение в новое издание по Мохаммеду ульд Слахи

1

Каждый раз, когда в заливе Гуантанамо объявлялось штормовое предупреждение, я думал об одном и том же. Я воображал, как тюремный лагерь стирало ураганом, и все мы – заключенные и надзиратели – сражались бок о бок, чтобы выжить. Иногда я спасал много людей, иногда меня спасали, но всегда нам удавалось выжить, остаться невредимыми и свободными.

Именно об этом я мечтал 7 октября 2016 года, когда ураган «Мэтью» надвигался со стороны Карибского моря. По прогнозу, он должен был достичь Гуантанамо, поэтому командование лагеря решило перевести всех 70 заключенных в шестой лагерь. Он был самым безопасным на всей территории Гуантанамо. Мне сказали, что мои личные вещи могут не пережить ураган, поэтому я взял фотографии семьи, Коран и два диска с комедией «Два с половиной человека». Старший офицер, находившийся в тот момент во главе лагеря, весьма сочувствующий человек. Ему за 40 лет, он из Испании. Он смог передать мне свой проигрыватель, но тот сломался уже через несколько минут.

Снаружи моей камеры разгорелся спор между заключенным и охранниками. Они спорили о температуре в блоке, и мы прекрасно понимали, что этот спор бессмысленный. Но заключенного было уже не остановить.

– Вы, американцы, даже если бы я относился вам как к людям, вы бы все равно не уважали меня! – кричал он.

– Мы можем разобраться по-хорошему или по-плохому, – отвечали охранники.

Я старался не обращать внимания на их разговоры и всю ночь слушал сильный ветер, продувающий камеру насквозь. В это же время я мечтал об очередном драматичном побеге.

Здание было таким крепким, что я вообще не слышал звуков шторма. С самого утра по лагерю ходили слухи о заключенных, которых собираются увозить. По слухам, появился план, по которому меня должны были

переселить к марокканцу Абдулу Латифу Назиру и алжирцу Суфьяну Бархуми. За последние несколько лет мы слышали уже столько слухов, которые так и остались слухами, что уже научились не верить им и не радоваться раньше времени. На этот раз все было иначе.

Днем меня ожидала интересная новость. Главным в лагере была назначена новый офицер. Она только заступила на пост, и я еще не успел повидаться с ней. Она прошла мимо моей камеры, посмотрела на меня и широко улыбнулась. Такую улыбку я не видел уже очень много лет.

– Вы же знаете, что скоро уезжаете отсюда? – сказала она. – Это было лучшее из возможных знакомств с новой Организацией исламского сотрудничества: я заступаю на пост, а вы уезжаете домой.

Меня перевели в другой блок. Я встретился с представителями Международного комитета Красного Креста, которые официально заявили, что меня должны доставить домой. Правительство Соединенных Штатов дрожит от одного только упоминания об освобождении заключенных, поэтому они используют слова «доставлять» и «переставлять», как будто мы посылки или беженцы. Язан, представитель Иордании, которого я знал по предыдущему составу делегации МККК, спросил, согласен ли я на перевозку в Мавританию. Я ответил, что согласен на любую предложенную перевозку, процитировав название известной песни «Куда угодно, лишь бы подальше отсюда». На следующий день мои адвокаты Нэнси Холлендер и Тереза Дункан позвонили мне из Соединенных Штатов, чтобы подтвердить новость. Только после этого я смог сказать себе: «Теперь это официально, я покидаю эту тюрьму после стольких лет боли и унижения».

– Завтра у вас «Золотая встреча», – сказала офицер, когда я вернулся в камеру после телефонного звонка. Она все еще улыбалась.

«Золотая встреча» проходит в «Золотом доме» – здании, построенном для допросов. Поначалу допросы были не такие уж и плохие по меркам Гуантанамо. Мы отвечали на всевозможные вопросы ФБР, ЦРУ и американской службы разведки. Но в 2003 году здание отремонтировали и стали использовать для пыток, как «Коричневый дом» и «Желтый дом». Именно в этом «Золотом доме» я, закованный в наручники, провел множество бессонных ночей, дрожа от холода. Я поедал бесчисленное количество сухих пайков и слушал гимн США раз за разом. Кусты вокруг здания разрослись так, что старый лагерь «Дельта-3» стал больше похож на кладбище. От блока «Ромео», в котором я провел последние дни перед инсценированным похищением, остались одни кирпичи. Все было старое, ржавое и грязное. Чем-то напоминало обстановку после урагана из моих фантазий.

Внутри «Золотого дома» ничего не изменилось. Комнаты теперь были предназначены для ФБР и военных криминалистов, для звонков

адвокатам и для встреч с МККК. Но обставлены они были все так же: те же зеркала и комнаты наблюдения по бокам, где ленивые сотрудники Единой оперативной группы жевали свои холодные гамбургеры, смотрели на меня и не понимали, как я тут вообще оказался. Даже запах не изменился: как только я его почувствовал, сразу же вспомнил звук цепей в тот день, когда меня тащили по коридору в комнату, где я встретил сержанта Мэри – одного из дознавателей так называемой группы специального назначения.

Однажды ночью в августе 2003 года я сидел прикованный в такой комнате и слушал телефонный разговор одного из переводчиков. Она звонила своей семье в США и забыла закрыть за собой дверь. Кажется, английский был ее родным языком, но с семьей она разговаривала на арабском с небольшим сирийским акцентом. Она спокойно рассказывала о своей ежедневной рутине в Гуантанамо, совершенно не обращая внимания на страдающего мужчину, лежащего рядом с ней. Это было именно то, в чем я нуждался в тот холодный враждебный вечер. Я надеялся, что ее разговор, больше похожий на пение, никогда не закончится. Я видел в ней проводника между мной и моей семьей, мне казалось, что если ее семья в порядке, то и моя семья тоже. То, что я пытался подавить одиночество, подслушивая чьи-то личные разговоры, поставило меня перед дилеммой: мне нужно было выжить, но я хотел также сохранить свою честь и уважать честь других людей. Сейчас мне жаль, что я подслушивал ее разговор, и могу только надеяться, что она простит мой непреднамеренный проступок.

Моим переводчиком во время «Золотой встречи» был 30-летний маленький смуглый американец арабского происхождения с короткими темными волосами.

– Вы из Западной Африки? – спросил он на арабском, когда меня ввели в комнату и приковали к полу. Цепи на моих лодыжках добавили музыкальный фон нашему разговору, расходясь эхом по всему «Золотому дому». В таких ситуациях мне всегда было интересно, что другие думают о нас, когда мы прикованы. Нормально ли для них общаться со связанными людьми? Им жалко нас? Чувствуют ли они себя в безопасности?

– Да, я из Мавритании, – ответил я на арабском, улыбаясь.

– Вы понимаете, что я говорю?

Комната была заполнена незнакомыми мне людьми, в основном военными офицерами высокого звания, и, казалось, он очень хотел показать, что участвует в процессе.

Сопровождающие подвинули стол так, что я мог облокотиться, спрятать под него закованные ноги и создать впечатление, что я расслабленный свободный человек.

Мы ждали. Как и везде на планете, большому боссу не обязательно появляться вовремя. Наконец послышался голос служащего, который кричал так, будто готовится штурм, и этим поднял всех в комнате на ноги.

– Полковник Габавикс, командир Единой оперативной группы прибыл.

Дверь открылась, и за ней стоял он, во плоти. Это был первый и последний раз, когда я разговаривал с этим человеком.

– Вы будете доставлены на родину через неделю. Есть какие-либо вопросы?

Мне было очень сложно представить жизнь вне Гуантанамо после стольких лет заключения. Я понятия не имел, какие вопросы я могу задать. Вместо этого я попросил его кое о чем. Я сказал полковнику, что хочу взять свои рукописи с собой – их было четыре, помимо «Дневника Гуантанамо», а также некоторые записи и рисунки, которые я сделал во время занятий в тюрьме. Я сказал, что также хочу взять несколько досок для шахмат, книг и других подарков, которые получил от его предшественников, охранников и следователей. Для меня эти подарки имели сентиментальную ценность. Я назвал тех, кто делал мне эти подарки в надежде, что полковник одобрит мою просьбу ради своих друзей.

– Я поговорю с начальством, – сказал он. – Если это не проблема, то мы разрешим вам забрать их.

Я поблагодарил его, улыбаясь. Мне хотелось, чтобы встреча закончилась на этой позитивной ноте, так что не стал портить положения дел, говоря то, что говорить не стоило.

Полковник ушел так же внезапно, как и пришел. Группа сопровождения отвела меня в комнату через зал, где я встретил двух женщин в форме. Сержант была худой брюнеткой, она сидела перед монитором, на котором я увидел старый системный блок Dell, работающую на Windows 7. Она продолжала улыбаться, несмотря на то что компьютер методично выводил ее из себя: ей приходилось печатать все как минимум дважды, и компьютер постоянно выключался. Справа от нее сидела женщина, которая, как мне кажется, была ее боссом, или, по крайней мере, выше ее по званию. Это была невысокая блондинка с аккуратным хвостиком, лейтенант Военно-морских сил США. Она тоже была дружелюбной и даже попросила моих сопровождающих снять с меня наручники.

Затем прошла фотосъемка, где мне пришлось принять пять различных поз: смотря прямо в камеру, повернув голову на 90° вправо и влево и повернув голову на 45° вправо и влево. Я должен был оставить отпечатки пальцев примерно дюжиной способов на электронном планшете. Они записали мой голос, пока я читал страницу, написанную на английском: «Меня зовут вставьте пропуск. Я родился в вставьте пропуск. Я люблю свою страну». И все в таком роде. Должно быть, я

очень нервничал, потому что смог пройти распознавание голоса только со второго раза. После всего этого сержант загрузила мои данные на свой старый компьютер.

Мои сопровождающие снова надели на меня наручники и отвели в другую комнату, где меня ждало ФБР.

– Если будешь вести себя хорошо, я разрешу им снять с тебя наручники, – сказал американец турецкого происхождения с честной улыбкой на лице. ФБР взяло мои отпечатки пальцев, используя старый метод прикладывания пальца к чернилам и затем к бумаге. Это был очень долгий и утомительный процесс, что дало мне время попрактиковать свои знания турецкого языка с агентом ФБР. Пока мы говорили, он случайно приложил палец к бумаге и оставил свой отпечаток. Он немного запаниковал, достал чистый лист, и мы начали заново.

– Надеюсь, это последний раз, когда тебе приходится делать это, – сказал он, улыбаясь и протягивая мне мыло, чтобы я мог вымыть руки.

В комнате были еще четыре агента ФБР – две женщины и двое мужчин. Им всем нравилось проводить время со мной.

– Вам не нужно надеяться, – заверил я его. – Можете поставить свой последний доллар на это.

Меня отвели в новый дом – лагерь для перевозки. Я видел его миллион раз: он был прямо напротив лагеря для изоляции «Эхо», где я жил в течение 12 лет. Если бы я верил в теории заговора, я бы сказал, что правительство специально расположило лагерь для перевозки рядом с моей камерой, чтобы я страдал еще больше. За все эти годы многих заключенных увезли отсюда, я всегда прощался с ними. Мы разговаривали через забор, разделяющий два лагеря. Было приятно видеть, как невинные люди наконец обретали свободу. Я был счастлив за каждого заключенного, попадавшего в лагерь для перевозки, но в то же время мне было больно смотреть, как они покидают Гуантанамо. Теперь тот самый заключенный – это я, и я чувствовал себя виноватым. Было больно думать, что я оставляю всех этих невинных людей. Оставляю их судьбы в руках системы, которая не имеет ни малейшего представления о справедливости.

– Мы скучали по тебе, заключенный 760, – поприветствовал меня один из охранников лагеря «Эхо», когда меня вывели из фургона для перевозок. Пока мы шли по лагерю, невысокая девушка-сержант со светлыми волосами и восточным акцентом рассказала о новых правилах.

– Вы можете свободно передвигаться на территории лагеря, но вы не должны заступать за красную черту. Если честно, мне все равно, если вы нарушите это правило, но в таком случае не задерживайтесь там надолго, потому что, если камеры засекут вас, у нас будут

неприятности, – сказала она, пока вела меня к моему новому дому. – Машина с едой прибывает к белой линии.

Затем она уточнила детали всех процедур, о которых я, к счастью, слушал в последний раз. В Гуантанамо есть много странностей. Например, мы с сержантом разговаривали как старые друзья, несмотря на то что на мне были наручники.

Из-за урагана с большинства окон в лагере «Эхо» сняли решетки. Подрядчики, которые в основном были из так называемых стран «третьего мира», зарабатывали очень мало, но все равно изо всех сил пытались сохранить необходимые условия в лагере. Они еще не успели поставить на место все решетки. Из своей камеры я видел мир, который все это время окружал меня. Он был так близок, но так недостижим. Я видел все комнаты для допроса и «Лагерь закона», где заключенные встречались со своими адвокатами. Домик, где переводчики и учителя смотрели телевизор, ожидая следующей встречи с заключенными. Еще я видел два здания, куда заключенные приходят, чтобы пообщаться с семьями по телефону или по Skype. На парковке неподалеку люди оставляли свои американские фургоны. Выходя из них, они выглядели уставшими от своей скучной и утомительной работы. Через забор, разделяющий лагерь перевозки и лагерь «Эхо», я увидел, что моего сада больше нет, не считая случайной травы и нескольких деревьев. Их стойкость сравнима со стойкостью тех из нас, кто смог выжить.

В течение следующих нескольких дней сотрудники Единой оперативной группы продолжали держать меня в курсе по поводу моей перевозки. Новости быстро приходили от охранников, от Организации исламского сотрудничества, от старших офицеров, от Службы за контролем психического здоровья и от главного врача. У всех были хорошие новости. Мне сказали, что все мои вещи упакованы и отправлены сотрудникам лагеря перевозки, чтобы их погрузили в самолет вместе со мной. Капитан Воздушных сил из Службы за контролем психического здоровья сказала, что планировала встретиться со мной в следующий понедельник, но сомневается, что я все еще буду здесь. Старший медицинский офицер, капитан ВМС, пришла лично дать мне лекарства от малярии – верный знак предстоящей перевозки. Между этими встречами большую часть времени я потратил на разговоры с охранниками о том, какие гаджеты мне следует приобрести, когда я буду дома. Еще меня интересовало, как посмотреть все фильмы, которые мне запрещали смотреть в Гуантанамо. Они рассказали мне о таких сервисах, как Netflix и Putlocker, и даже о пиратском скачивании фильмов.

Затем наступил тот самый день – воскресенье 16 октября 2016 года. Весь день люди в форме приходили и уходили, говоря либо совсем немного, либо вообще ничего. Все казалось нереальным, как будто я был единственным заключенным на всей территории. Мой любимый

представитель Организации исламского сотрудничества снова пришла, и снова она широко улыбалась. Ночная смена так и не прибыла.

– Где другая смена? – спросил я одного из охранников, парня, который рассказал мне, как пользоваться всеми последними ошеломляющими гаджетами.

– Я бы хотел, чтобы они позволили мне быть единственным, кто выведет тебя отсюда, и последним, кто попрощается с тобой, – сказал он. Его молитвы были услышаны, он надел на меня наручники в последний раз.

Он стал менее общительным, когда настал день X. Все казались мрачными, и полную тишину нарушила только капитан, которая с улыбкой подошла ко мне и сказала: «У тебя осталось два часа. На это время мы закроем тебя».

«Это происходит на самом деле», – подумал я. Я вошел в камеру и услышал, как охранник закрывает дверь вручную, это был очень знакомый звук. Это происходило каждый раз, когда в лагерь приезжали гражданские, вроде подрядчиков или учителей. Я принял душ и побрился. После этого надел новую форму для заключенных, которую мне выдали. Старую одежду и вещи, принадлежавшие мне в камере, пришлось оставить. Я попытался посмотреть телевизор, затем почитать книгу, но ничего не вышло. Я просто ходил по камере, молился и тихо напевал. Это были самые долгие два часа в моей жизни.

– Вы готовы? – наконец спросила капитан через отверстие в двери.

– Да.

– Пожалуйста, протяните руки через отверстие, – сказал один из охранников.

Я протянул руки, и охранники надели на меня наручники. Они вежливо спросили, не слишком ли тугие наручники, в ответ я покачал головой. После этого охранники открыли дверь. Я был потрясен, увидев, сколько людей поместилось в таком тесном коридоре. Куда бы я ни посмотрел, я видел людей в форме, в том числе даже нетерпеливого переводчика с моей встречи с полковником. Но в этот раз он просто смотрел и ничего не сказал. До сих пор единственный раз я сталкивался с такой торжественностью только на похоронах. Я почти не говорил, только кивал, когда кто-то задавал вопрос.

Девушка-капитан вела за собой охранников и говорила, что им делать дальше.

– Отведите его к красной линии.

Красная линия была примерно в 60 шагах от моей камеры. Мне казалось, будто я могу слышать биение сердец, как в песне Black Eyed Peas «Boom Boom Pow». Казалось, что сопровождающие нервничали и из-за этого зашли слишком далеко. Капитану пришлось закричать на них: «Не пересекайте красную линию. Назад. Назад». Охранники

послушались, отведя меня немного назад, и остановились прямо перед линией.

Большие ворота открылись, и появились новые сопровождающие. Они забрали меня у предыдущих охранников и не осмотрели мои наручники, как это принято. Они не сказали ни слова, пока выводили меня за ворота.

Там меня ждала другая группа, в том числе старший медицинский офицер и очень высокий белый мужчина в форме. Было темно, и я не смог рассмотреть его звание, но увидел рюкзак и распечатку моей последней фотографии. Он поднес фотографию к моему лицу, внимательно посмотрел и громко сказал: «Личность подтверждена». Вся члены группы выглядели так, будто только вернулись из долгого путешествия. Все они, кажется, были очень сонными, даже низкая чернокожая женщина, которая снимала меня всю дорогу с момента, как я вышел из своей камеры. Худой специалист со светлыми волосами присоединилась к ней в автобусе, который должен был доставить нас в аэропорт. Всю дорогу до Нуакшота они передавали друг другу камеру.

– На что-нибудь жалуетесь? – спросил старший медицинский офицер.

Я потряс головой.

– Нет.

Улыбка скользнула по его лицу, и он почти закричал: «Заклученный 760, я объявляю вас готовым к перелету».

Мы прошли через несколько ворот. Затем сели в автобус, который находился на пароме. Пока паром пересекал залив, наш автобус танцевал как дервиш. Мы вышли в аэропорту у задней двери грузового самолета, который был достаточно большим, чтобы в него поместился целый грузовик. Двигатели работали так громко, что всем приходилось кричать, чтобы передать самое простое сообщение. Меня повели к длинному трапу. Как только мы оказались в самолете, на меня надели наушники, а глаза закрыли повязкой, прямо как когда забирали меня с воздушной базы Баграма, чтобы доставить в бухту Гуантанамо. Хотя в этот раз меня не били и не унижали. Меня усадили в жесткое сиденье, которое находилось практически в углу самолета и не откидывалось. Я не осмелился пожаловаться, потому что боялся, что кто-то может передумать и отправить меня обратно в лагерь. Во время полета я потерял счет времени, борясь с невыносимой болью в спине, которая перешла на уши и голову, а вскоре и вовсе лишила меня возможности шевелиться.

Самолет с грохотом приземлился, и я почувствовал, как кто-то снимает с меня повязку и наушники. Первое, что я увидел, – это электронные часы, висящие передо мной. Было немного после двух часов дня. Еще я увидел полусонных новобранцев, которые выглядели так, будто у них

была не самая хорошая ночь. Я почувствовал, как кто-то осторожно начал снимать с меня наручники.

– Мы прибыли? – спросил я едва ли не шепотом.

– Да, – ответил охранник, стоявший позади меня.

– Это местное время?

– Да.

Мавританскую погоду было несложно узнать. Это был хороший день, но не слишком жаркий. Как раз подходящий теплый прием, в котором я очень нуждался. Меня вывели из самолета, освободили от наручников и отвели на взлетную полосу, где меня ждали представители мавританского и американского правительств. Мы поприветствовали друг друга, и один из моих американских сопровождающих встал рядом со своим соотечественником. После того как мы обменялись любезностями, американец направился к своей машине.

– Кто это? – спросил я одного из мавританцев.

– Посол США, – ответил он.

– Я могу с ним поздороваться? – спросил я.

Он обратился к человеку, стоящему рядом с ним. Посол подошел ко мне, и мы пожали друг другу руки.

– Добро пожаловать домой, – сказал он.

2

В детстве я всегда хотел сочинять и преподавать. Учителя были для меня примером для подражания. Вернувшись домой из школы, я собирал всех соседских детей, кто не мог позволить себе там учиться или чьи родители не считали это нужным. Я устраивал для них бесплатные занятия, воспроизводя уроки, которые посещал в тот же день. Вместо доски я использовал стены, а когда заканчивался мел, который я брал в школе, то пользовался угольками. Моей маме не нравилось то, что я устраивал. И к сожалению, плохое поведение моих учеников никак не помогало заслужить ее одобрения.

Еще я немного увлекся письмом. Я записывал все везде и повсюду, это были случайные записи, которые я даже не всегда запоминал. Несколько раз мои друзья находили мои личные мысли, записанные в тетрадках и даже на полях некоторых учебников, и мне было стыдно. Для этого увлечения, как оказалось, даже не нужна ручка. Так получилось, что я научился записывать свои мысли пальцем по бедру или в воздухе. В Гуантанаме это сводило моих следователей с ума, они делали все возможное, чтобы не дать мне писать на моем же теле. Но они даже не догадывались, что порой я сам не осознавал, что делаю это. Я хотел подчиниться им, но просто не мог. Тогда они решили привязать мои руки

по бокам, чтобы я не мог писать на ногах. Но я все равно мог шевелить пальцами. Даже если вам удастся заткнуть меня, я всегда буду писать.

Когда я прибыл в тюрьму Гуантанамо, то был очень зол. Как только мне сказали, что я могу взять ручку, чтобы писать родным, я решил украсть немного бумаги и начал писать рассказ о себе на арабском. Делал я это в основном для себя. Ручкой было очень неудобно пользоваться, она больше походила на пластиковую емкость для чернил, чем на ручку. Писать ей было так же сложно, как, например, узнать конкретный ответ на поставленный вопрос у коррумпированного чиновника. Приходилось трясти ее раз за разом, чтобы чернила продолжали течь, так что это было одновременно и письмо, и тренировка. Я должен был вернуть ручку после того, как закончу письмо, но мне удавалось спрятать ее в камере. Еще я писал семье, но не нужно было быть гением, чтобы понять, что эти письма никогда не отправляли. Это было частью кампании, проводимой службой разведки. Но я особо не возражал. С счастливым видом я соглашался и составлял письма, которые мысленно адресовывал членам ЕОГ (Единой оперативной группы), чтобы сохранить благополучие семьи Слахи.

В первый раз я начал вести дневник на арабском весной 2003 года. Тогда меня держали в блоке «Майк» лагеря «Дельта». Я прятал страницы дневника в библиотечных книгах, но их у меня забрали, когда перевели в изоляционный блок «Индия» в июне того же года. Там я записывал не только свои мысли, но еще и уроки английского, которые получал от других заключенных или вычитывал из книг. Благодаря этим книгам я узнавал больше не только об английском языке. Там было много стихов, написанных на арабском. К сожалению, эти книги тоже забрали. В течение примерно пяти месяцев мне не давали ни ручек, ни бумаг. Ручку мне выдали, только когда Мистер Икс попросил записать для него «мою историю». К тому времени, как мне вернули дневник и другие записки, я успел пережить много новых унижений, но боялся писать о них. То, что я пытался записывать, не было предназначено для следователей и служащих разведки. Я хотел, чтобы это прочитали люди за пределами Гуантанамо. Но я прекрасно осознавал, что все мои письма доставляются только следователям, и все то, что происходит в Гуантанамо, остается в Гуантанамо. Хоть на мне и не было наручников, руки все еще были связаны по бокам.

В 2004 году, через три года после начала работы Гуантанамо, Верховный суд США наконец ответил на вопрос, ответ на который был очевиден изначально. Да, заключенные Гуантанамо должны иметь право оспаривать утверждения правительства, что они опасные террористы. Первым решением правительства стало создание так называемой Комиссии по пересмотру статуса бойца, где заключенные могли оспорить свой статус «вражеского бойца». Я никогда не воевал против Соединенных Штатов, и я очень обрадовался, когда я узнал, что мне предстоит пройти слушание перед комиссией. Но радость была

недолгой, ведь совсем скоро ко мне пришел военный, который должен был быть моим «представителем» на слушании. Мы встретились в пустом здании лагеря «Эхо». Его сопровождала женщина, которая в конце этой книги станет моим главным следователем. Ее зовут Эми, она военный офицер американской службы разведки.

Моим представителем был молодой капитан Воздушных сил. Он был тихим, прямолинейным и практически безынициативным. Он тихо и манерно рассказывал, что меня ждет на слушании. Было очевидно, что он не верит в благополучный исход. Большую часть времени он объяснял мне, что он не на моей стороне. Предполагалось, что он будет моим адвокатом, но при этом он заявил, что имеет право передать комиссии любую конфиденциальную информацию, если она будет ценной для правительства Соединенных Штатов. В это время, казалось, Эми была единственной, у кого был план. Она убеждала меня сознаться во всем, что на меня повесит комиссия, объясняя, что это сделает мою жизнь намного легче.

По какой-то причине я не согласен был сдаться. Я понял, что где-то в глубине души надежда на освобождение не оставляла меня. Слушание было просто показательным выступлением. Но я подумал: даже если мои представитель и следователь не такие усердные, как хотелось бы, возможно, офицеры во время слушания, к всеобщему удивлению, выслушают меня. Я просто не мог поверить, что демократическое государство, в котором более 200 лет соблюдались все законы, может обмануть суд на глазах у всех.

Я попросил совета у Эми. Капитан решила, что я идиот. Как я мог просить совета у человека, который хотел держать меня в тюрьме как можно дольше, у следователя, чья работа зависела от моего пребывания в заключении. Я хотел поставить ее в трудное положение, ведь, в конце концов, она знала, что я не сделал ничего плохого ее родине. Я попросил ее повторить все те фразы, которые мне следует сказать на слушании.

– Я не адвокат, – сказала она, потя.

Слушание началось очень плохо. Я нервничал так сильно, что совершил нелепую ошибку во время произнесения клятвы, сказав вместо своего имени фразу: «Я, назовите свое имя». Все в зале смеялись. С этого момента я старался только слушать все обвинения и отклонять их одно за другим. Из-за того, что заключенные не имеют права присутствовать на заседаниях комиссии, где обсуждаются так называемые секретные улики, мне казалось, что я сражаюсь с невидимой армией обвинителей. К слову, я до сих пор не понимаю, как что-то может одновременно быть и «секретным», и «уликой». Член комиссии попросил Эми покинуть зал на время разбирательства, что я воспринял как возможность не следовать ее инструкциям. После этого я сосредоточился на том, чтобы на своем

плохом английском рассказать о своей жизни во всех деталях как можно более понятно и четко.

Результат слушания был неудивительным – почти всем заключенным было отказано. Но я был воодушевлен. Моя попытка защитить себя не причинила мне вреда. Было ясно, что Эми впоследствии получила доступ к стенограмме слушания, но она никогда не ругала меня. И, что более важно, некоторые охранники даже поддерживали меня. Один из моих сопровождающих, которого все называли Моряк, смеялся над обвинениями после слушания. Он и его друг Большой Джей сказали мне, что мое слушание прошло успешно. Среди охранников я заработал славу невинного человека. Я снова начал думать о том, чтобы поведать свою историю кому-то за пределами Гуантанамо.

Такая возможность появилась благодаря знаковому решению Верховного суда США в пользу жителя Великобритании Шафика Расула. Верховный суд постановил, что заключенные в Гуантанамо могут оспаривать содержание их под стражей в судах Соединенных Штатов. Наконец, мы имели право выступать в свою защиту, а наши дела стали рассматривать американцы, которые не входили в состав военных служб или разведки.

Первая встреча с адвокатами состоялась в середине июня 2005 года. Я подготовил для них полную историю моих задержаний. Один из охранников дал мне зеленый спиральный блокнот, в котором я записал все даты, имена и детали моей жизни и следствия, которое длилось на протяжении пяти лет. Я отдал эту тетрадь Нэнси Холлендер и Сильвии Ройс, когда мы встретились. Считаю, что мне очень повезло: заключенные не могли выбрать себе адвокатов, а некоторым требовались годы, чтобы довериться им. Но я был уверен, что мои адвокаты прислушаются ко мне. Они забрали тетрадь с собой и попросили меня продолжить писать.

Я снова начал работу, но в этот раз писал в виде повести. Чтобы убедиться, что мою рукопись не перехватили и не уничтожили, я писал ее кусками, отправляя чередой писем моим адвокатам. Благодаря этому все материалы становились адвокатской тайной, а значит, следователи не могли прочитать их. Когда я заканчивал часть, то просил конверт и запечатывал письмо как можно лучше, после этого его отправляли. Письмо доставлялось в специальную зону в Вашингтоне, где хранились все адвокатские материалы из Гуантанамо. Я писал день и ночь в изоляционном секторе лагеря «Эхо», в котором были только я и мои охранники, заваливая своих адвокатов письмами.

Я знал свою историю, но не знал всех слов, чтобы передать ее. Поэтому я часто сидел с охранниками, играл в карты, пил чай и одновременно продолжал писать. Если я застревал на каком-то слове или выражении, то просто спрашивал у них.

– Как сказать на английском, что кто-то резко начинает громко плакать?

– Разрыдаться, – ответил охранник, который был младшим офицером ВМС.

– Как ты назовешь человека, который говорит по радио? – спросил я.

Я тогда вспоминал женщину, которую слышал по радио, когда меня перевозили из аэропорта Аммана в иорданскую тюрьму. Сквозь наушники я слышал ее сонный голос, который перебивал чудесную музыку, рассказывая о погоде. Когда иорданская исполнительная группа поняла, что я слышу радио, они подскочили и вместо радио включили магнитофон.

– Ведущий? – ответил один из них.

– Я не знаю. Они еще ставят музыку.

– Диджей? – сказал другой.

– Как вы называете штуки, которые вставляете в уши?

– Наушники?

– Когда вы готовите, то надеваете что-то на руки, чтобы не обжечься. Как это называется?

– Рукавицы?

– Да, точно!

Я писал письма одно за другим, следя за нумерацией страниц, чтобы мои адвокаты смогли собрать всю рукопись. Я держал в голове все, о чем хотел написать: только правда, как я ее помнил, без приукрашиваний. Тогда я осознал, что можно выразить любую мысль на любом языке, если у тебя сила воли и люди вокруг, которые говорят на этом языке, и если ты не боишься задавать вопросы или ошибаться. Я писал до тех пор, пока было что рассказывать. 28 сентября 2005 года я просто написал: «Конец».

Когда я только начинал этот рассказ, я думал, что пишу ее для своих адвокатов, чтобы они могли знать мою историю и защитить меня как полагается. Но вскоре я понял, что пишу для других читателей. Для тех, чья нога ни разу не ступала на территорию Гуантанамо. Слишком много лет правительство Соединенных Штатов затыкало мне рот и говорило за нас обоих. Они рассказывали общественности лживые истории, в которых связывали меня с террористами, и люди не могли ничего узнать о моей жизни и о том, как с нами обращались. Теперь письма стали моим способом бороться с правительством. Я хотел, чтобы простые граждане судили меня, поэтому мне нужно было, чтобы эти письма попали кому-то лично в руки. Это был мой единственный шанс. Я не был уверен, что письма, которые я писал и передавал адвокатам, когда-нибудь станут книгой. Но я верил в книги и в людей, которые их читают. Всегда верил, с тех самых пор, как ребенком держал в руках свою первую книгу. Я думал о том, что бы произошло, если бы кто-то за пределами тюрьмы держал написанную мной книгу.

Это произойдет только через девять лет. Но даже простое написание тех писем воодушевило меня. Теперь, когда Эми убедила меня сообщить о плохом обращении в тюрьме, я согласился. Она уведомила своего начальника, лейтенанта-полковника по имени Форест. Они расспросили меня о долгих годах в тюрьме, о «Секретных проектах», касающихся моих допросов, и сказали, что они заполняют официальные заявления. Позднее в 2005 году, когда я снова оказался перед комиссией, занимавшейся нашими делами, я почувствовал, что могу спокойно рассказать многое из того, о чем писал в письмах и рассказывал Эми. Сейчас мне странно осознавать, что тогда меня больше интересовало, чтобы моя история выбралась из Гуантанамо, чем мое собственное освобождение. Я сказал комиссии, что написал книгу обо всем, что рассказал им, и предложил прочесть ее. Они слушали меня много часов, задавали разные вопросы. Только в конце слушания я узнал, что комиссия не в силах повлиять на мое дело. После, когда моим адвокатам разрешили получить стенограмму слушания Административной комиссии, мы обнаружили, что многое из того, что я рассказал о жестоком обращении со мной, не записано. Именно в тот момент, когда я начал рассказывать о самых ужасных издевательствах, записывающее оборудование стало «непригодным».

Надежда на справедливость в Гуантанамо снова исчезла, и я опять начал сомневаться, что цензура США позволит моей истории добраться до людей. Но мои адвокаты продолжали работать. Из-за того, что мои письма были отправлены им конфиденциально, надежда возлагалась на так называемую Привилегированную группу, в которую в основном входят служащие разведки в отставке и государственные служащие, которым разрешен доступ к переписке между заключенными и адвокатами. Но Привилегированная группа отказалась рассекречивать письма. Вместо этого они предложили адвокатам отправить все письма обратно в Гуантанамо, чтобы я попробовал отправить их лично им через обычную почту. По опыту написания писем семье я знал, что отправить что-то по обычной почте – все равно что выбросить или по крайней мере замуровать в капсуле времени. Я прекрасно понимал, что все отправленное через обычную почту попадает в руки правительства, и они могут использовать полученную информацию, как им захочется.

Мои адвокаты втайне отправили заявление в суд в Вашингтоне о том, что Привилегированная группа обязана рассекретить письма для их дальнейшей публикации. Все произошло за закрытыми дверями, между моими адвокатами, представителями государства и судьей. Мне было запрещено присутствовать на этих слушаниях и даже знать, что говорится о моих рукописях. Судебный процесс длился пять лет и в итоге ни к чему не привел. Мои адвокаты даже не могли сказать мне, почему так произошло и почему Привилегированная группа отказалась рассекречивать письма.

Так что мы с адвокатами решили сделать так, как предложила Привилегированная группа. Мы отправили рукописи обратно в Гуантанамо и отказались от статуса адвокатской тайны. Теперь правительство могло прочитать мои письма и использовать их против меня. Но для правительства США этого было недостаточно. Они решили официально рассекретить рукописи, но объявили их «защищенными», а это означало, что их нельзя публиковать. Но наша борьба продолжилась. Не для того мы боролись все эти годы, чтобы правительство сказало: «Теперь только вы и ваши друзья-адвокаты могут почитать рукописи». Мои адвокаты приготовились снова забрать все письма. Наконец правительство решило не только рассекретить письма, но и «снять с них защиту». Это означало, что теперь, чтобы письма можно было официально опубликовать, правительство должно было отредактировать их так, как считает нужным.

Все это заняло почти семь лет.

Я провел это время в изоляционном блоке лагеря «Эхо». Временами моя вера в освобождение очень сурово проверялась. В конце 2006 или начале 2007 года два агента ФБР из Миннесоты пришли ко мне, чтобы спросить о молодом арабе из Миннеаполиса. Я даже знать о нем не мог, и, кажется, все мои познания об этом штате ограничивались комедийными выступлениями Криса Рока. По его словам, в Миннесоте нет американцев африканского происхождения, так что я сделал вывод, что в Миннесоте не должно быть ни арабов, ни американцев арабского происхождения. Но, видимо, я был не прав. Оба агента часами рассказывали мне об этом парне. В конце разговора они отвели одного из моих следователей в сторону и сказали ему, что, судя по тому, как я отвечал на их вопросы, я никогда не покину Гуантанамо. Следователь передал мне это, когда агенты покинули тюрьму. Это был один из многих-многих дней, когда я чувствовал, что больше никогда не выйду на свободу.

Но хорошие дни были тоже. Например, в январе 2009 года, когда, на следующий день после инаугурации, президент Обама подписал указ о закрытии Гуантанамо. Не знаю, как на это отреагировали люди за пределами тюрьмы, но в Гуантанамо эту новость приняли очень серьезно. Единая оперативная группа раздала каждому заключенному копию указа президента. Многие офицеры с высокими должностями ходили по лагерю и разговаривали с нами. Лично со мной говорил капитан Воздушных сил и даже адмирал ВМС. С ними было несколько членов ЕОГ (Единая оперативная служба), включая Пола Рестера – начальника разведки в Гуантанамо. Они хотели убедиться, что негуманные методы больше не используются.

Я ликовал. Я убрался на всей территории и больше времени потратил на работу в своем саду. Один из охранников посоветовал мне не суетиться, ведь все равно меня скоро отправят домой. Но я помнил историю Гуантанамо и понимал, что его снова могут использовать для беженцев,

так что хотел, чтобы лагерь выглядел как можно лучше для тех, кто придет после меня. Абсолютно каждый человек в Гуантанамо, будь это заключенный, следователь или охранник, верил, что Обама сдержит свое обещание и закроет это место. Мы знали, что некоторых заключенных отправят в США для суда, но все знали, что у меня ничего не вышло, поэтому это точно должен был быть не я. Пол Рестер даже сказал, что меня освободят. Отправят в Бельгию или Германию, предсказывал он.

Этого не произошло. Но в тот же год о моем деле услышал судья окружного суда в Вашингтоне Джеймс Робертсон. Спустя год после обещания Обамы судья Робертсон постановил: «Петиция Мохаммеда ульд Слахи одобрена. Слахи должен быть освобожден из-под стражи. Это ПРИКАЗ». Снова на миг я поверил, что смогу вернуться домой. Но потом я узнал, что администрация президента оспаривала несколько петиций о непричастности к терактам, в том числе и мою. Теперь я понимал, что мне не выбраться. Но, готовясь к подаче петиции, я узнал, что правительство проговорилось об очень многом. Мнение судьи Робертсона показало, что версия правительства о том, кем я являюсь и что предположительно сделал, на самом деле ложная. Теперь у правительства уже не было возможности заявлять, что моя версия моей же истории должна оставаться засекреченной.

Когда мои адвокаты наконец получили отцензуренную версию публикации, они связались с Ларри Симсом. Он подобрал несколько отрывков и написал о моих страданиях в журнале Slate. Меня трясло, когда я узнал, что некоторые части рукописи отправились в печать. Я до смерти хотел прочитать их, ведь прошло восемь лет с тех пор, как я в последний раз видел их. Я не хотел пробуждать старые воспоминания, от которых все это время так старался избавиться. Еще я боялся, что мне будет стыдно за свой неидеальный английский. Но мои страхи вскоре исчезли. Конечно, в этих отрывках были болезненные воспоминания. Я читал их как бдительный спящий волк посреди ночи из арабской пословицы: с одним глазом открытым, а другим закрытым. Но другие сцены, которые я переживал заново, заставляли меня смеяться.

И затем, спустя долгое время я увидел свою книгу... по телевидению.

Это было 20 января 2015 года, во вторник, около десяти вечера. У меня был урок испанского с контрактником из ЕОГ. Это был американец египетского происхождения, который называл себя Ахмедом. Ахмед – случайный псевдоним, потому что контрактникам нельзя было говорить заключенным свои настоящие имена. Как меня уверял Ахмед, его испанский был на базовом уровне, но я был рад любой предоставленной возможности изучать языки в Гуантанамо. Так как я был его единственным учеником, мы занимались в моей камере. В то утро я решил включить телевизор, чтобы создать немного шума и сделать наше занятие более оживленным. И вдруг мы оба замерли. По российскому телеканалу Russia Today, который я включил, рассказывали об отрывке

из моей книги. В прямом эфире они брали интервью у Нэнси Холлендер и Ларри Симса в студии RT в Лондоне. В какой-то момент на экране появилась моя фотография.

– Узнаешь этого парня? – в шутку спросил Ахмед.

В первый раз я почувствовал, каково это – быть свободным в тюрьме, я ощутил полную свободу в тот момент, когда ко мне вернулась моя потерянная честь. Я думал о Тиме Роббинсе из «Побега из Шоушенка», когда он, улыбаясь, предлагал своим сокамерникам выпить. Выпить то, на что он заработал честным тяжелым трудом. Моя камера расширилась, свет стал ярче, цвета красочнее, солнце светило теплее и нежнее, и каждый вокруг меня выглядел дружелюбнее. Даже девушка-сержант с короткой стрижкой, которая обычно вовсе не улыбается, в тот день улыбалась очень много. Теперь моя семья и весь мир знают о том, как я вижу историю своей жизни. Это было настоящим освобождением.

Спустя 14 месяцев после публикации «Дневника Гуантанамо» я узнал, что мне было назначено слушание еще задолго до Комиссии по пересмотру. Президент Обама создал эти комиссии в 2011 году, но им понадобилось несколько лет, чтобы начать работу. А когда это произошло, я только наблюдал, как другие заключенные проходили свои слушания. Казалось, что никто не хочет заниматься моим делом. Наконец, летом 2016 года, спустя почти 14 лет после моего заключения в Гуантанамо, у меня появился шанс на освобождение.

Как и в прошлые разы, мне назначили представителей. В этот раз казалось, что они действительно заинтересованы в том, чтобы помочь мне. Когда я впервые встретился с ними, они рассказали, что некоторые заключенные пострадали из-за того, что рассказывали слишком много о своей жизни в тюрьме. Они сказали, что комиссия это не форум для обсуждения жизни заключенных. Это не суд, в котором внимательно рассматриваются все детали из прошлого. Комиссия должна оценивать потенциальную опасность заключенного для Соединенных Штатов в случае его освобождения.

Мои представители рассказали, что во время подготовки к слушаниям многие из заключенных писали текст заранее. Очень много текста. Они расписывали все до мелочей: «Я такой-то и такой-то, пошел туда-то и туда-то, сделал то и то, и вообще я хороший человек». Их представители возвращали эти тексты и объясняли: «Мы не можем сказать это на слушании. Слушание сильно ограничено по времени, и оно официальное». Но заключенные настаивали: «Нет, это моя жизнь и мое решение. Я хочу рассказать об этом». Часто они говорили: «Я хочу сообщить о несоблюдении закона. Я хочу, чтобы мир знал, что я не сделал ничего плохого. Я хороший человек». Это обычное стремление невинного человека, но именно из-за этого многие заключенные проиграли свои слушания.

Когда они рассказывали мне об этом, я улыбался. «Со мной таких проблем не будет», – говорил я им. А сам думал: «Я уже поведал миру свою историю». *И* это делало меня счастливым.

3

Но моя книга в том виде, в котором она была изначально опубликована, никуда не годилась.

Впервые я увидел изданную книгу спустя несколько месяцев после публикации. Нэнси Холлендер принесла мне ксерокопию книги, сделанную издателем специально для меня. Она не могла принести мне саму книгу, потому что правительство не позволило бы мне увидеть вступление и заметки, сделанные Ларри Симсом. Основанием для этого было то, что некоторые из заметок отсылают к документам, которые все еще считаются «засекреченными», хотя их можно спокойно найти в интернете. Ксерокопия содержала только мой текст со всеми правками правительства.

Читая текст, я подсознательно добавлял все вырезанные куски. Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять: то, что читаю я, и то, что видят мои читатели, – часто совсем разные вещи. Дело не в том, что читатели не узнают каких-то деталей. Дело в том, что в их сознании может появиться мысль, что все вырезанные куски описывают что-то, что правительство США считает угрозой.

Если честно, я не знаю, почему многое из написанного мной было подвергнуто цензуре. Логика некоторых правок мне совершенно не понятна. Какого черта правительству понадобилось вырезать стихотворение, которое я написал для одного из следователей в виде пародии на известную литературную классику? Почему они вырезали все вымышленные имена, которые взяли себе охранники, когда решили примерить на себя роли персонажей из «Звездных войн»? Почему они вырезали имена всех людей, о которых меня допрашивали, хотя они сами пытались связать меня с этими людьми? Скорее всего, это все связано с «национальной безопасностью», но я не уверен. Из-за «национальной безопасности» меня отвезли сначала в Иорданию, потом в Баграм и затем в Гуантанамо. Унижали и пытали меня тоже из-за «национальной безопасности». И я всегда думал: «А можно поподробнее узнать о том, что такое „национальная безопасность“?»

Я вырос во времена военной диктатуры, не такой жестокой, как это иногда бывает, но тем не менее никакой демократии не было. Я помню, что мама говорила моим старшим братьям не обсуждать политику, потому что боялась, что у стен есть уши. В моей стране все привыкли к цензуре во благо «национальной безопасности». Но что удивляет людей в Мавритании, так это то, что цензуре подверглось не только арабское

издание «Дневника Гуантанамо». Арабское издание основано на американском оригинале, а это значит, что информацию скрывают и от граждан США.

Интересно, что бы основатели Америки сказали о цензуре. Мне нравится думать, что они были бы на моей стороне, ведь одна из жалоб на короля Великобритании в Декларации о независимости была на «отправление нас через Моря в наказание за преступление, которого мы не совершали». Хочется верить, что они были бы на моей стороне, когда мы с агентом ФБР Уильямом обсуждали Гуантанамо. Он рассказывал о моих правах и о том, какое обращение со мной, как с гражданином США, недопустимо. «Понятно, – сказал я. – Но как я могу жить без защиты?» Конечно, я был защищен законами США, как позже подтвердят американские суды, и законами Мавритании, где я родился, и международными законами, потому что права, которые нарушали США, были не просто американскими, а человеческими. Но это Уильям не хотел или не мог понять.

В детстве я выучил стихотворение «Тюремный охранник», которое написал Ахмед Матар. Оно начинается так:

Я стоял в своей камере,
Думал о своем положении.
Заключенный я или тот охранник рядом?
Между мной и им стояла стена.
В стене была дыра,
Через которую я вижу свет, а он видит тьму.
Как и у меня, у него есть жена, дети, дом.
Как и я, он здесь поневоле.

Я не могу сказать, что находился в состоянии просветления в течение всего времени в Гуантанамо. В своих мыслях я часто бывал слишком незрел, смущен и зол. Думаю, мне было намного проще наблюдать за охранниками и следователями, чем им за мной.

Летом 2003 года, после долгого дня пыток, которые были частью «Специального проекта» по допросу, девушка-сержант рассказала, как осведомлены в сексуальных вопросах американцы и как не осведомлены йеменцы. Больше всего в тот день меня задело то, что меня перепутали с йеменцем. Я глубоко уважаю их, все йеменцы, кого я знал, выделялись своей честью и силой духа. Но я здесь, а девушка, которая долго пытала меня, не знает, кто я такой. Даже близко. Если бы она назвала меня марокканцем, алжирцем, малийцем, сенегальцем или даже тунисцем, я бы мог счесть это географической ошибкой. Но Сана находится в четырех тысячах миль от Нуакшота.

Я был шокирован и обижен ее невежеством, но в каком-то смысле она не ошиблась, когда бросила меня в один котел с йеменцами. В Гуантанамо

имело большое значение, откуда ты родом. С самого начала заключенных в Гуантанамо разделяли на тех, за кем стояла какая-то сила, обычно важная страна – союзник США, и тех, у кого не было ничего подобного. Дольше остальных в Гуантанамо держали именно тех, кто принадлежал ко второй группе. Наши личности никого не интересовали. Самое главное – мы были бедняками из стран, не обладавших достаточной политической силой, чтобы вступить за нас и потребовать нашего освобождения.

Следователь, которая сказала мне это, появляется в «Дневнике Гуантанамо» дважды. Хотя правильнее будет сказать «появляется» в кавычках, так как правительство США подвергло цензуре оба эпизода с ее участием. Читатели ничего о ней не узнают, даже того, что я называю ее «она». Я не использовал ее имя, потому что она даже не удосужилась выдумать его для меня. В Соединенных Штатах, если у вашей двери появляется агент ФСБ или полицейский, он называет свое имя и показывает удостоверение. То же самое делают полицейские и сотрудники службы разведки в Мавритании, Германии и Канаде. Самое неуважительное по отношению к заключенным в Гуантанамо было то, что к нам приходили безымянные люди, а порой даже безликие. Они говорили: «Я здесь, чтобы допросить вас. Я буду задавать вопросы. Вы не знаете, кто я такой. Я могу сделать с вами все что угодно, и вы не сможете опознать меня». Они были так увлечены этими прятками, что не смогли заметить самых банальных вещей о тех людях, о которых спрашивали.

В какой-то степени рукописи были отражением моей реакции на подобное отношение. В первую очередь я хотел рассказать свою историю со своей точки зрения. Я хотел сказать: «То, что говорят эти люди, неправда. Я здесь, придите и поговорите со мной сами, задайте любые вопросы. Когда мне было 19 и 20, я был в Афганистане в течение нескольких месяцев. Вот и все. Я вернулся. Я не убийца. Я не кровожадный человек. Я очень миролюбивый. Я люблю людей. Вот кто я такой». Еще я хотел, чтобы мои рукописи стали сенсацией. Я хотел, чтобы весь мир знал, что происходит в Гуантанамо. Более семи лет правительство США держало эту сенсацию под замком. И даже когда все происходящее в Гуантанамо уже не было ни для кого секретом, правительство разрешило выпустить книгу только в неполном виде.

Я буду вечно благодарен своим издателям в Соединенных Штатах, в Великобритании и в других странах за то, что они согласились издать книгу, которая так сильно подверглась цензуре. И я благодарен всем тем, кто прочитал эту книгу. Своей свободой я обязан адвокатам, которые смогли вынести мои рукописи за пределы Гуантанамо. Я обязан всем, кто прочитал эти рукописи и рассказал о них своим знакомым. Я убежден, что должен вам всем восстановленную версию. Я никогда не думал, что мою историю так сильно отредактируют. С тех самых пор как

я вернулся домой, каждый мой собеседник спрашивал, сможет ли он или она когда-либо прочитать версию без цензуры.

Я старался добиться этого самым правильным способом, просил правительство вернуть мне оригинальные рукописи, которые не подверглись цензуре. Но раз за разом они отказывали мне, поэтому я начал работать с Ларри Симсом над тем, что сейчас называется «Восстановленным изданием». Нам часто казалось, будто мы пытаемся реконструировать очень древнюю постройку.

Поначалу я думал, что это будет довольно легко: стоит лишь собрать воедино кусочки пазла. Я прошелся по небольшому отрывку, и факты, имена, места, порой даты показались мне детальками мозаики, которые легко вставляли на свои места в тексте – вычеркнутые цензурой поля. Но ситуация стала сложнее, когда я понял, что не хватает целых предложений, абзацев и даже страниц. Я стал одержим заполнением всех пропусков. Так я хотел отомстить правительству за цензуру. Но такая одержимость всегда имеет последствия, она делает тебя своим пленником. Я знал, какие события происходили в длинных вырезанных частях, но не мог вспомнить точные фразы, порядок предложений, внешность людей и иногда даже подробности того, что я сам описывал.

Я работал прямо на страницах копии, делая пометки над вырезанными кусками и на полях. В перерывах между работой, когда я возвращался домой и принимался за ланч, мне вспоминалось еще больше. В итоге я начал вспоминать и записывать даже больше, чем от меня требовали пропущенные поля. Но именно через этот процесс я начал чувствовать, что поистине воссоздаю внешний вид и содержание оригинальных страниц, отказавшись от предписанных государством рамок. Затем мы с Ларри начали делать то, что нам запретили, когда «Дневник Гуантанамо» готовился к первой публикации: мы работали вместе, восстанавливая вырезанные сцены.

В результате мы написали книгу, которая полностью отразила годы моего заточения в Гуантанамо. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы передать свою историю как можно честнее и точнее.

Я публикую это новое, восстановленное издание с такими же чувствами, которые я испытывал, когда в 2015 году отправлял первую версию. Я с огромным уважением отношусь ко всем, о ком рассказал на этих страницах. Даже ко всем тем, кто пытал меня, допрашивал и охранял, чьи настоящие имена я не знаю, потому что в Гуантанамо они использовали фальшивые. В самой первой книге я писал, что не держу на них зла за все пытки и издевательства. Тогда я обратился ко всем ним и попросил прочитать книгу, чтобы исправить все ошибки. Я писал, что мечтаю однажды собраться вместе, попить чая и еще многому научиться друг у друга. Я говорю совершенно искренне, что каждый день учит меня быть более милосердным и прощать других людей.

Работа над этим изданием позволила мне увидеть то, что кто-то очень хотел скрыть. Иногда это даже был я сам. Когда я получил ксерокопию книги в Гуантанамо, я перечитывал ее раз за разом, боясь, что написал то, чего писать не нужно было. Порой я испытывал чувство стыда. Особенно стыдно мне было за свою детскую привычку раздавать всем людям вокруг смешные прозвища. Агент службы разведки Иордании, руководивший моей перевозкой, не был Сатаной, это человек, который, как отметил Ахмед Матар, любил свою семью. Я увлекался подобным раньше, сейчас мне за это стыдно. В каком-то смысле, читая то, что я написал 10 лет назад, я как будто читал старый дневник. Иногда мне было смешно, а иногда грустно. Но в основном меня просто забавляла моя собственная глупость. Я узнал больше о том, кем я был и кем я стал. Такое наблюдение за своей жизнью дает мне уверенность в моем будущем.

Больше всего я благодарен именно за эту уверенность. Ее дают мне все персонажи, описываемые в книге, в основном государственные служащие со всех концов света, чья сложная человеческая природа и чьи поступки побудили меня быть честным прежде всего с самим собой.

Уверенность дают все, кто помог мне вынести мою историю за пределы Гуантанамо, ведь без них этой книги вовсе бы не было, а я все еще кричал бы где-нибудь в темной камере. Особенно я благодарен Нэнси Холлендер и Терезе Дункан, которые почти восемь лет добивались разрешения на публикацию этой книги. Моему редактору Ларри Симсу, который сделал книгу такой, какой я ее всегда хотел видеть. Рейчел Воджел, Джефу Шендлеру, Асе Мучник, Джейми Бингу и всем тем, кто публиковал и распространял «Дневник Гуантанамо» по всему миру.

И конечно, я благодарен своим героям – читателям. В трудные времена я мечтал, что кто-то из вас будет читать мою историю. С самого начала это вдохновляло меня. Это издание для вас.

I

Иордания – Афганистан – Гуантанамо Июль 2002 – февраль 2003

Американская команда перехватывает инициативу. Прибытие в Баграм. Из Баграма в Гуантанамо. Гуантанамо, новый дом. Один день в раю, следующий в аду.

Аэропорт Аммана, 19 июля 2002 года, 22:00^[3]

Музыка была выключена. Разговоры охранников уже не были слышны. Из грузовика все вышли. Было очень одиноко.

Долго ждать не пришлось: я почувствовал чье-то присутствие, какой-то молчаливый отряд. Не помню, чтобы они сказали хоть слово.

Один из них снял с меня наручники. Он освободил одну руку, и в этот же момент второй человек схватил эту руку и согнул ее, пока третий надевал новые, более прочные и тяжелые наручники. Теперь руки были связаны передо мной.

Кто-то начал рвать мою одежду чем-то похожим на ножницы. Я подумал что-то вроде: «Какого черта здесь происходит?» Меня стала очень беспокоить эта поездка, которую я никогда не хотел и не планировал. Кто-то решал за меня абсолютно все, я мог волноваться о чем угодно, но не о принятии решений. Много разных мыслей проносилось в моей голове. Размышляя оптимистично, я предполагал, что нахожусь в руках американцев, но в этом нет ничего страшного: они просто хотят отвезти меня домой и убедиться, что все пройдет втайне ото всех. Пессимистичные мысли подсказывали, что я провалился, что американцы смогли что-то повесить на меня и отправят меня в тюрьму до конца жизни.

Меня раздели догола. Было унижительно, но повязка на глазах помогла мне не смотреть на мое отвратительное голое тело. Во время всей процедуры я мог вспомнить только одну молитву: «О тот, кто выжил! О тот, кто существует сам по себе!» Все время я бормотал эту молитву. Каждый раз, когда я оказываюсь в подобной ситуации, я забываю обо всех молитвах, кроме этой, которую я узнал из жизни нашего пророка. Мир праху его.

Кто-то из отряда надел на меня памперс. Теперь я был точно уверен, что меня отправляют в Штаты. Я убеждал себя, что все будет в порядке. Я переживал только, что по телевидению моя семья может увидеть меня в таком унижительном положении. Я был очень тощим. Я всегда был тощим, но *настолько* тощим – никогда. Одежда стала так велика, что я был похож на маленького кота в большом мешке.

Одев меня снова, американцы начали меня осматривать. Один из них снял с меня повязку. Я не смог ничего разглядеть из-за фонарика, которым он светил мне в глаза. С ног до головы он был одет во все черное. Он открыл рот и высунул язык, показывая, что я должен повторить за ним. С этим у меня не было никаких проблем. Я увидел часть его бледной руки, что окончательно убедило меня в том, что я в руках Дяди Сэма.

Повязку вновь надели мне на глаза. Все время я слышал громкие двигатели самолетов. Почти уверен, что какие-то самолеты приземлялись, а какие-то взлетали. Я чувствовал приближение своего «особого» самолета, а как грузовик подъезжает к нему, этого я уже не мог различить. Но я точно понял, когда меня вытащили из грузовика, что он стоял вплотную к трапу самолета. Я был так истощен, болен и утомлен, что не мог сам идти, и американцам пришлось тащить меня как труп.

В салоне самолета было очень холодно. Меня положили на диван и приковали, скорее всего, к полу. После этого укрыли одеялом. Оно было очень тонким, но все равно стало комфортнее.

Я расслабился и полностью отдался мечтаниям. Я думал о членах семьи, которых больше никогда не увижу. Они, наверно, очень расстроятся! Я плакал очень тихо и без слез. Все мои слезы закончились еще в начале экспедиции, которая была словно границей между жизнью и смертью. Если бы только я лучше относился к людям. Если бы только я лучше относился к семье. Я сожалел о каждой ошибке, совершенной в жизни: по отношению к Богу, к семье, к кому-либо вообще.

Я размышлял о жизни в американской тюрьме. Вспоминал о документальных фильмах о тюрьмах и жестокость, с которой там относятся к заключенным. Я жалел, что я не слепой и что у меня нет никакой болезни, из-за которой меня могли бы определить в изолятор и обеспечить мне гуманное лечение и защиту. Я подумал: «Как пройдет первое заседание суда? Есть хоть малейший шанс на честный суд в стране, в которой так ненавидят мусульман? Неужели я признан виновным еще до того, как мне предоставят шанс оправдать себя?»

Я утонул в этих болезненных мыслях. Время от времени мне очень хотелось в туалет. Памперс не помогал, я не мог убедить свой мозг держать мочевой пузырь под контролем. Охранник позади меня постоянно заливал мне в рот воду, что только ухудшало мое положение. Этого нельзя было избежать, я мог либо глотать, либо задохнуться. Лежать на боку было мучительно больно, но ни одна попытка поменять положение не удалась, потому что каждый раз меня сильно били и возвращали в изначальное положение.

Я смог понять, что нахожусь в большом реактивном самолете, поэтому решил, что точно направляюсь напрямик в Соединенные Штаты. Через пять часов самолет начал снижение и затем плавно приземлился на полосу. Я понял, что это не Штаты: они должны находиться немного дальше. Но тогда где я? В немецком Рамштайне? Точно! Наверняка это Рамштайн. Там находится американский военный аэропорт, который используют для транзита самолетов, летящих с востока. Мы остановились здесь, чтобы заправиться. Как только самолет приземлился, охранники заменили мои металлические кандалы пластиковыми, которые больно врезались мне в лодыжки, пока я шел к вертолету. Вытаскивая меня из самолета, один из охранников похлопал меня по плечу, как будто хотел сказать: «С тобой все будет в порядке». Я был в такой агонии, что этот простой жест дал мне надежду, что вокруг меня все еще настоящие люди.

Когда я увидел солнце, то снова задался вопросом: «Где я?» Да, это была Германия, здесь в июле солнце встает рано. Но почему Германия? В Германии я не совершал преступлений! Что они повесили на меня? Тем не менее законодательство Германии было для меня наилучшим

вариантом, потому что я хорошо знаю судопроизводство и говорю на немецком языке. Более того, суд в Германии прозрачный. Здесь мне не грозил срок в 200 или 300 лет. Мне не о чем было беспокоиться: судья встретится со мной и покажет мне все, что правительство имеет против меня, а затем я отправлюсь во временную тюрьму, пока мое дело не решится. Я не буду жертвой пыток, не буду видеть злые лица следователей.

Через 10 минут вертолет приземлился, и меня потащили в грузовик, возле которого уже ждал охранник. Водитель и его напарник говорили на языке, который я раньше никогда не слышал. Я подумал: «На каком, черт возьми, языке они разговаривают? Филиппинском?» Я подумал о Филиппинах, потому что я знаю, что на территории этой страны находится много американских военных. Точно, это Филиппины: *они* сговорились и повесили на меня что-то. Что *они* будут спрашивать во время суда? В любом случае все, чего мне хотелось, это закончить путь и справить нужду, а после этого пусть делают со мной, что хотят. «Пожалуйста, давайте уже приедем, – подумал я. – После этого можете хоть убить меня!»

Мы ехали минут пять, а потом охранники вытащили меня из грузовика и, как мне показалось, привели в какой-то зал. Они заставили меня встать на колени и опустить голову. Я должен был оставаться в таком положении, пока они не вернутся за мной. Они крикнули: «Не двигаться». Первым делом я справил нужду, и я уверен, это был самый запоминающийся момент с самого моего рождения. Это было такое облегчение, я чувствовал, будто меня освободили и вернули домой. Вдруг все мои заботы исчезли, и я улыбнулся. Никто не заметил, что я сделал.

Примерно через 15 минут охранники забрали меня и потащили в комнату, где, очевидно, «обрабатывали» немало заключенных. Как только я вошел в комнату, охранники сняли все с моей головы. Мои уши очень сильно болели, так же сильно, как и голова. Вообще все тело болело так, что я почти не мог стоять. Охранники начали раздевать меня, и скоро я остался в чем мать родила. Там я впервые оказался перед солдатами США, и это было не по телевидению, это происходило на самом деле. Понятно и естественно отреагировав, я закрывал интимные части тела руками. Еще я начал тихо проговаривать молитву: «О тот, кто выжил! О тот, кто существует сам по себе!» Никто не останавливал мое чтение молитвы, однако один из охранников смотрел на меня со злостью. Позже он запретит мне смотреть по сторонам.

Врач – высокий 20-летний санитар – быстро осмотрел меня, после чего меня одели в афганскую одежду. Да, афганскую одежду на Филиппинах. Конечно, я был в цепях, руки были привязаны к телу. Более того, на руки мне надели рукавицы. Теперь я готов действовать! Как действовать? Без понятия!

Сопровождающие провели меня в соседнюю комнату для допросов. Как только я вошел в комнату, несколько человек начали кричать и бросать тяжелые предметы в стену. В этой какофонии я смог расслышать несколько вопросов:

- Где Мулла Омар?
- Где Усама бен Ладен?
- Где Джалалуддин Хаккани?

Я быстро проанализировал: люди, о которых они спрашивали, когда-то были лидерами стран, а теперь это просто кучка беглецов. Следователи упустили несколько деталей. Во-первых, они оповестили меня о последних событиях: Афганистан захвачен, но люди высших чинов – нет. Во-вторых, я сдал себя как раз тогда, когда началась война с терроризмом, и с тех пор находился в тюрьме в Иордании. Я был отрезан от всего мира. Так откуда я тогда должен был знать о захвате Афганистана силами США и о сбежавших лидерах? Не говоря уже об их текущем местоположении.

Я робко ответил:

- Я не знаю.
- Ты врешь! – крикнул один из них на плохом арабском.
- Нет, я не вру. Меня схватили так и так, я знаю только Абу Хафса... – сказал я, кратко пересказав им свою историю^[4].
- Мы должны допросить этих ублюдков так, как это делают в Израиле.
- Как они это делают? – спросил другой.
- Они раздевают их, а потом допрашивают!
- Наверно, так и стоит поступить, – предложил другой.

Стулья продолжали летать по комнате и ударяться о стены и пол. Я понимал, что это делается для запугивания и создания атмосферы страха и опасности. Я вел себя так, будто на меня это действовало, и даже притворно дрожал больше, чем нужно. Я не верил, что американцы пытаются людей, хотя всегда в теории допускал такую возможность.

– Я допрошу тебя позже, – сказал один из них, и американский переводчик повторил это на арабском.

– Отведи его в отель, – приказал следователь.

В этот раз переводчик промолчал.

Так прошел первый допрос. Перед тем как сопровождающие забрали меня, я в страхе попытался поговорить со своим переводчиком.

– Где вы научились так хорошо говорить на арабском? – спросил я.

– В Соединенных Штатах, – ответил он. Он показался мне польщенным. На самом деле он не говорил на арабском особенно хорошо. Просто я пытался завести новых друзей.

Сопровождающие увели меня.

– Ты говоришь на английском, – отметил один из них с азиатским акцентом.

– Немного, – ответил я.

Они с коллегой засмеялись. Я чувствовал себя обычным человеком, который ведет обычный разговор. Я сказал себе: «Смотри, какие американцы дружелюбные, они поместят тебя в отель, будут допрашивать всего пару дней, а затем просто посадят на самолет домой. Не стоит беспокоиться. Соединенные Штаты просто хотят все проверить, и, поскольку ты ни в чем не виноват, они это выяснят. Ты на базе на Филиппинах, несмотря на то что это место на грани законности, это временно». Азиатский акцент одного из охранников уверил меня в мысли, что я на Филиппинах.

Вскоре я прибыл, но не в отель, а в деревянную камеру, где не было ни туалета, ни раковины. Из вещей там были тонкий матрас и старое одеяло. По всей вероятности, кто-то был здесь до меня. Я был счастлив покинуть Иорданию, место, полное случайностей, но меня беспокоила невозможность вовремя молиться, и я очень хотел знать, сколько намазов я уже пропустил. Камеру охраняла тощая, невысокая белая женщина, и с ней чувствовал себя более комфортно, ведь последние восемь месяцев я имел дело только с большими накачанными мужчинами.

Я спросил ее, который час, и она сказала, что было около 11, если я правильно все помню. У меня был еще один вопрос.

– Какой сейчас день?

– Я не знаю, каждый день здесь похож на предыдущий, – ответила она.

Я осознал, что задаю слишком много вопросов, она даже не должна была отвечать про время, как я потом узнал.

Я увидел томик Корана, лежащий на бутылках воды, и понял, что не один находился в тюрьме, которая была совсем не похожа на отель.

Как выяснилось, меня доставили не в ту камеру. Вдруг я заметил ноги заключенного, чье лицо не видел из-за черного мешка. Как я вскоре узнаю, черные мешки надевались на голову всех заключенных, чтобы их нельзя было опознать. Если честно, я не хотел видеть его лицо: вдруг ему было больно или он страдал. Ненавижу смотреть, как люди страдают, это сводит меня с ума. Я никогда не забуду, как вопили в Иордании бедные заключенные, которых пытали. Я помню, как закрывал уши руками, чтобы заглушить их крики, но неважно, как сильно я

пытался, я все равно слышал, что они страдали. Это было ужасно, намного ужаснее, чем сами пытки.

Женщина-охранник у моей двери остановила сопровождающих и организовала мой перевод в другую камеру. Это была точно такая же камера, только с облицованной стеной. В камере была полупустая бутылка с водой. Название было написано на русском языке. Тогда я пожалел, что не знал русского. Я сказал себе: «Американская база на Филиппинах? Бутылки с водой из России? Соединенным Штатам не нужны поставки из России, к тому же географически это не имеет никакого смысла. Где я? Может, в бывшей республике СССР вроде Таджикистана? Все, что я знаю, так это то, что я ничего не знаю!»

В камере не было ничего для справления естественных нужд. Умывание для молитвы было невозможно, да и запрещено. Невозможно было определить Киблу, направление к Мекке. Заключенный в камере напротив был душевнобольной. Он кричал на каком-то незнакомом мне языке. Позднее я узнал, что он из талибских лидеров.

Позже в тот же день, 20 июля 2002 года, охранники забрали меня для очередной полицейской рутины – взять отпечатки пальцев, измерить рост, вес и так далее. Мне предложили девушку-переводчика. Было очевидно, что арабский не был ее родным языком. Она объяснила мне правила: никаких разговоров, никаких громких молитв и еще несколько запретов в том же духе. Охранник спросил, хочу ли я воспользоваться уборной. Я подумал, что он подразумевает место, где можно принять душ. «Да», – сказал я. Оказалось, уборной они называли бочку, наполненную человеческими отходами. Самая отвратительная уборная из всех, что я когда-либо видел. Охранники должны были следить за теми, кто пользуется уборной. Я не мог есть местную еду, еда в Иордании была намного лучше, чем те холодные сухие пайки, которые давали в Баграме. Поэтому мне не нужно было пользоваться уборной. Чтобы справить нужду, я использовал пустые бутылки у себя в камере. Ситуация с гигиеной была далеко не идеальной, иногда бутылка наполнялась, и я продолжал на пол, проверяя, не дошла ли моча до двери.

Следующие несколько ночей в изоляции меня охранял очень веселый мужчина, который пытался обратить меня в христианство. Мне было очень приятно общаться с ним, хотя мой английский был на базовом уровне. Мой собеседник был молод, энергичен и очень религиозен. Он любил Буша («истинного религиозного лидера», по его словам) и ненавидел Билла Клинтона («неверного»). Он любил доллар и ненавидел евро. При себе он всегда имел Библию и по возможности читал мне истории, в основном из Старого Завета. Я бы не понял ни одной из них, если бы не читал Библию несколько раз на арабском, не говоря уже о том, что истории из Библии мало отличаются от историй в Коране. В иорданской тюрьме я попросил дать мне Библию, в чем мне не отказали, поэтому я мог хорошо изучить ее. Это помогло мне понять

западные общества, хоть многие из них и заявляют, что не подвержены влиянию религиозных текстов.

Я не пытался спорить с ним, потому что был счастлив иметь собеседника. И он, и я были убеждены, что религиозные тексты, в том числе и Коран, должно быть, имеют одни и те же корни. Как выяснилось, знания этого солдата о его религии были весьма поверхностными. Несмотря ни на что, я был рад, что он охранял меня. Он давал мне больше времени на пользование уборной и даже отворачивался, когда я пользовался бочкой.

Я спросил его о своем положении. «Ты не преступник, потому что преступников они помещают в другой части тюрьмы», – сказал он, показывая рукой в сторону. Я подумал о тех «преступниках» и представил группу молодых мусульман, которым сейчас очень тяжело. Мне стало не по себе. Позже меня переведут к этим «преступникам», и я стану «преступником первостепенной важности». Мне было стыдно, когда этот же охранник увидел меня позже с «преступниками» после того, как сказал, что меня освободят не позже, чем через три дня. Он вел себя нормально, но не так свободно говорил со мной о религии, потому что с нами было много его коллег. Другие заключенные сказали, что этот охранник был добрым по отношению и к ним тоже.

На вторую или третью ночь агент по имени Уильям в одиночку забрал меня из камеры и потащил в допросную, где уже сидела девушка – переводчик с арабского. Уильям был американцем японского происхождения, работал с ЦРУ, как потом расскажет мне его коллега. Он специализировался на жестоким обращении с заключенными, которые считались важными, но недостаточно ценными для секретных тюрем ЦРУ. Он точно подходил для своего дела. Он был из тех, кто не против заняться грязной работой. Заключенные в Баграме называли его Уильям-палач: ходили слухи, что он пытал даже невиновных людей, которых правительство уже освободило^[5].

Уильяму не нужно было надевать на меня наручники, ведь я был в них 24 часа в сутки. Я спал, ел, пользовался уборной, будучи с ног до головы закованным. Он открыл папку и с помощью переводчицы с арабского начал допрос. Он задавал мне общие вопросы о жизни и моем прошлом. Когда он спросил: «На каких языках ты разговариваешь?», то не поверил мне. Он смеялся вместе с переводчицей:

– Что? Ты говоришь на немецком? Подожди, сейчас проверим.

Вдруг в допросную вошел высокий белокожий мужчина в шортах. Он представился как Майкл, произнес имя по-немецки – МиШаЭль. Ошибиться было невозможно, он точно был главным. Он быстро осмотрел комнату и что-то сказал своим коллегам. Пока я пытался разобрать их слова, он молниеносно переключился на другой язык.

– Sprichst du Deutsch?^[6] – произнес он.

– Jawohl^[7], – ответил я. Майкл говорил не на чистом немецком, но его немецкий был на достойном уровне, особенно учитывая, что он родился и прожил всю жизнь в Соединенных Штатах. Позже он рассказал мне, что учил немецкий как иностранный, чтобы продвинуться по карьерной лестнице в ЦРУ и стать ближе к своим немецким корням. Он подтвердил своему коллеге, что мой немецкий был «лучше, чем его».

Оба смотрели на меня с каким-то уважением после этого, хотя уважения было недостаточно, чтобы избежать ярости Уильяма. Он спросил меня, где я научился говорить на немецком, и сказал, что допросит меня снова в другой раз.

Майкл подошел ко мне и сказал: «Wahrheit macht frei»^[8].

Когда я это услышал, то понял, что правда не освободит меня, потому что «Arbeit» не освобождала евреев. Пропаганда Гитлера использовала слоган: «Arbeit macht frei» – «Труд освобождает». Но работа никого не освободила.

Майкл записал что-то в маленький блокнот и покинул комнату. Уильям отправил меня обратно в камеру и извинился перед девушкой-переводчиком.

– Простите, что не давал вам спать так долго.

– Все в порядке, – ответила она.

Спустя несколько дней изоляции меня перевели в основной блок ко всем заключенным, но я мог только смотреть на них, потому что меня поместили в узкий коридор с колючей проволокой между камерами. Зато я чувствовал, будто был не в тюрьме, и благодарил Бога за это. Спустя восемь месяцев полной изоляции я стал ближе к другим арестантам. «Плохие» заключенные, вроде меня, были закованы 24 часа в сутки в коридоре, где каждый проходящий охранник или заключенный наступал на них. Место было таким узким, что в течение следующих 10 дней проволока царапала меня. Я видел, как Омара Дегейса насильно кормили. Он объявил голодовку на 45 дней. Охранники кричали на него, пока он перебрасывал кусок хлеба из одной руки в другую. Все заключенные выглядели такими измотанными, будто их похоронили, а через несколько дней воскресили. Но Омар был совсем не такой. Это были кости без мяса. Он очень напоминал фотографии, которые показывают в документальных фильмах о заключенных периода Второй мировой^[9].

Заключенным запрещалось разговаривать между собой, но нам нравилось смотреть друг на друга. В наказание за разговоры заключенных подвешивали за руки так, чтобы их ноги чуть-чуть дотрагивались до земли. Я видел, как один афганский заключенный несколько раз терял сознание, пока висел. Врачи «приводили его в порядок» и вешали обратно. Другим заключенным везло больше – их подвешивали на определенное время, а затем снимали.

Большинство заключенных пытались разговаривать во время наказания, но за это охранники только удваивали их страдания. Там был один афганский старик, которого, по слухам, арестовали, чтобы он сдал своего сына. Этот старик был психически нездоров. Он никогда не замолкал, потому что не знал, где находится и почему. Не думаю, что он понимал, в каком находится положении, но охранники все равно продолжали исправно его наказывать. Это было жалкое зрелище. Однажды охранник уронил старика лицом на пол, и он заплакал как младенец.

Нас поместили в шесть или семь больших камер с колючей проволокой. Камеры были названы в честь операций, проводимых против США: Найроби, U.S.S. Коул, Дар-эс-Салам и так далее. В каждой камере был заключенный по кличке «англичанин», который переводил все приказы для своих сокамерников. Нашим «англичанином» был молодой человек из Судана по имени Абу Мохаммед. Его английский был на базовом уровне, поэтому он втайне от всех спросил меня, знаю ли я английский. «Нет», – ответил я. Но, как выяснилось, по сравнению с ним я был Шекспиром. Моя братия подумала, что я отказываюсь помогать им, но я просто не знал, насколько ужасным было наше положение.

Теперь я сидел перед группкой простых американских граждан. В первую очередь я заметил, что они жуют что-то без перерыва и подумал: «Что не так с этими людьми? Неужели им нужно так много есть?»

Большинство охранников были высокими и имели лишний вес. Некоторые из них были весьма дружелюбными и даже гостеприимными. Каждый раз, когда я понимал, что охранник грубит, то притворялся, что не знаю английского. Я помню, как однажды ко мне подошел уродливо нахмурившийся ковбой.

– Ты говоришь на английском? – спросил он.

– Не понимаю английский, – ответил я.

– Мы не хотим, чтобы ты говорил на английском. Мы хотим, чтобы ты медленно умирал здесь, – сказал он.

– Не понимаю английский, – повторил я. Я не хотел, чтобы он получал удовольствие от того, что он говорит мне. Людям с ненавистью внутри всегда нужно срывать на ком-то, но я не был готов быть этим кем-то.

Групповые молитвы были запрещены. Каждый молился поодиночке, и я тоже. Заключенные не знали, когда приходит время для молитвы. Мы просто имитировали: когда кто-то начинал молиться, мы понимали, что время пришло, и тоже начинали молиться. Коран был разрешен для всех заключенных, нужно было только попросить. Я не помню, чтобы сам просил хоть раз, потому что охранники передавали его друг другу без всякого уважения. Они бросали его из рук в руки, как будто бутылку с водой. Я не хотел быть причиной унижения слова Господа. Более того, спасибо Господу, что я знаю Коран наизусть. Насколько я помню, один из

заклученных передал мне Коран, которым никто из заклученных в камере не пользовался.

Через пару дней Уильям-палач забрал меня для допроса. Та же самая девушка была в роли переводчика.

– Расскажи мне свою историю, – попросил Уильям.

– Меня зовут так-то, я окончил университет в 1988 году, поехал учиться в Германию... – Я отвечал простыми скучными фактами, которые, казалось, не интересовали Уильяма. Он заскучал и начал зевать. Я знал точно, что он хочет от меня услышать, но я не мог помочь ему.

Он перебил меня:

– Моя страна очень ценит правду. Сейчас я задам тебе несколько вопросов. Если ответишь на них честно, мы освободим тебя и отправим домой к семье. Но если совершь, то останешься в тюрьме на неопределенный срок. Одной пометки в моей записной книжке достаточно, чтобы полностью уничтожить твою жизнь. В каких террористических организациях ты состоишь?

– Ни в одной, – ответил я.

– Ты не человек, ты не заслуживаешь уважения. Встань на колени, скрести руки за шеей.

Я послушался, и он надел мне на голову черный мешок. В последнее время спина очень болела, и эта поза причиняла мне много боли. Уильям пользовался моей проблемой с седалищным нервом^[10].

Он принес два проектора и направил их мне в лицо. Я не открывал глаза, но чувствовал тепло и вскоре начал потеть.

– Тебя отправят в тюрьму в Соединенных Штатах, где ты проведешь остаток жизни, – начал угрожать он. – Ты никогда не увидишь свою семью. Их будет трахать другой мужчина. В американских тюрьмах террористов вроде тебя насилуют сразу несколько человек. Охранники в моей стране хорошо справляются со своей работой, но то, что тебя изнасилуют, – факт. Но, если скажешь мне правду, тебя тут же освободят.

Я был достаточно зрелым, чтобы понять, что это гнилой лжец и человек без чести. Но он был главным, и мне приходилось слушать это вранье снова и снова. Я просто надеялся, что агентства начнут нанимать умных людей. Он правда думал, что кто-то поверит в эту чушь? Один из нас должен был быть идиотом. Он был идиотом, или он думал, что я идиот? Я бы больше его уважал, если бы он сказал: «Слушай, если ты не скажешь мне то, что я хочу услышать, я продолжу пытаться тебя».

В общем, я сказал:

– Конечно, я буду честен!

– В каких террористических организациях ты состоишь?

– Ни в одной! – ответил я.

Он вновь надел на меня мешок и начал долгий разговор, полный унижений, оскорблений и угроз. На самом деле я не помню всего этого в точности, а может, я не был готов запоминать весь тот бред. Мне было очень больно, и я устал. Я пытался присесть, но он возвращал меня в прежнее положение. Я заплакал от боли. Да, мужчина моего возраста заплакал. Я просто не мог терпеть боль.

Спустя несколько часов Уильям отправил меня обратно в камеру, обещая больше пыток в следующий раз. «Это только начало», – сказал он. Я вернулся в камеру, уставший и напуганный. Я молил Аллаха спасти меня от него. Все следующие дни я жил в страхе. Каждый раз, когда Уильям проходил мимо нашей камеры, я отворачивался, чтобы не видеть его и чтобы он не увидел меня, следуя логике страуса. Он следил за каждым заключенным день и ночь и советовал охранникам, как обращаться с ними. Я видел, как он допрашивает одного из заключенных. Я не собираюсь пересказывать, что слышал о нем, я хочу рассказать о том, что видел своими глазами. Этим заключенным был подросток из Афганистана, лет 16 или 17. Уильям заставлял его стоять на ногах и не давал спать около трех дней. Мне было его так жаль. Каждый раз, когда он падал, прибегали охранники и, крича: «Никакого сна для террористов», – заставляли его подняться на ноги. Я помню, как я ложился спать, а когда просыпался, видел, что он все еще стоит как дерево.

Каждый раз, когда я видел Уильяма, мое сердце колотилось, а он часто бывал рядом. Однажды он отправил ко мне девушку-переводчика, чтобы она передала мне сообщение от него.

«Уильям надерет тебе зад».

Я не ответил, но про себя сказал: «Да остановит тебя Аллах!» Но вообще-то Уильям так и не выполнил эту угрозу. Вместо него на допросы меня стал забирать Майкл. Он был хорошим парнем, может, он чувствовал, что у нас есть что-то общее из-за языка, который мы оба знали. А почему нет? Даже некоторые охранники приходили ко мне, чтобы потренировать немецкий, когда узнали, что я разговариваю на нем.

Тем не менее он рассказал мне длинную историю.

– Я не как Уильям. Он молодой и вспыльчивый. Я использую только свои, гуманные методы. Я хочу рассказать тебе кое-что об истории Соединенных Штатов и о войне с терроризмом.

Рассказ Майкла был простым и поучительным. Он начал с американцев и пуритан, которые наказывали даже невиновных людей и топили их, и закончил войной с терроризмом.

– Здесь нет невиновных заключенных. Либо ты сотрудничаешь с нами, и мы оба получаем от этого выгоду, либо отправишься на Кубу.

– Что? Куба? – вскрикнул я. – Я даже не знаю испанского, и вы, парни, *ненавидите* Кубу.

– Да, но у нас есть американская территория в Гуантанамо, – ответил он и после этого рассказал еще о Теодоре Рузвельте и всяком таком. Я знал, что меня отправят еще дальше от дома, и мне это очень сильно не нравилось.

– Зачем вам отправлять меня на Кубу?

– У нас есть еще варианты, например, Египет или Алжир, но туда мы отправляем только очень плохих людей. Я ненавижу отправлять туда заключенных, потому что там их ждут страшные пытки.

– Просто отправьте меня в Египет.

– Ты точно этого не хочешь. На Кубе к заключенным относятся гуманно, и там есть два имама. Во главе лагеря стоит Минюст^[11].

– Но я не совершал преступлений по отношению к вашей стране.

– Мне жаль, если ты говоришь правду. Это как если бы у тебя был рак.

– Меня отправят в суд?

– Не в ближайшее время. Может, через года три, когда мои люди забудут об 11 сентября.

Майкл продолжил рассказом о своей личной жизни, но я не хочу писать об этом здесь.

Еще несколько раз я виделся с Майклом. Он задавал вопросы и пытался обмануть меня, говоря что-то вроде «Он сказал, что знает тебя!» о людях, о которых я никогда не слышал. Он взял адреса моей электронной почты и пароли. Еще он попросил сотрудников немецкой разведки, которые в тот момент были в Баграме, допросить меня, но они отказались, ссылаясь на то, что законы Германии запрещают им допрашивать иностранцев^[12].

Все это время он пытался убедить меня пойти на сделку, чтобы меня не отправили на Кубу. Если честно, я бы предпочел отправиться на Кубу, чем оставаться в Баграме.

– Пусть будет так, – сказал я ему. – Не думаю, что могу что-либо изменить.

Станным образом мне нравился Майкл. Не поймите меня неправильно. Он был хитрым следователем, но по крайней мере он говорил со мной в соответствии с моим уровнем интеллекта. Я попросил Майкла перевести меня в камеру к остальным заключенным и показал ему раны от колючей проволоки. Он сказал: «В Баграме следователи могут делать с тобой все что угодно, они самые главные». Иногда Майкл давал мне попить, что я, конечно, очень ценил, особенно если учесть, чем нас кормили. Каждый раз это были холодные сухие пайки и сухой хлеб. Втайне я передавал свою еду другим заключенным.

Однажды ночью Майкл познакомил меня с двумя следователями, которые допрашивали меня о заговоре. Они говорили на плохом арабском и были очень враждебно настроены. Они не разрешали садиться и угрожали мне. Майклу это не понравилось, и он сказал мне на немецком: «Если хочешь сотрудничать, сотрудничай со мной. Эти парни – ничто». В тот момент я почувствовал себя лотом на аукционе, который достанется самому щедрому покупателю.

В общем блоке мы всегда нарушали правила и разговаривали со своими соседями. У меня было три непосредственных соседа. Первый – афганский подросток, похищенный по дороге в Эмираты, где он раньше работал, что объясняло его акцент. Он был очень забавным и всегда мог меня рассмешить, хотя за девять месяцев в заключении я почти забыл, что значит смеяться. Проведя выходные с семьей в Афганистане, он отправился в Иран, откуда потом поплыл на лодке в Эмираты. Лодку задержали Соединенные Штаты и арестовали всех пассажиров.

Второй сосед – 20-летний парень с мавританскими корнями. Он родился в Нигерии и позднее переехал в Саудовскую Аравию. Он никогда не был в Мавритании, не говорил на мавританском диалекте. Если бы он не рассказал вам о себе, вы бы точно решили, что он коренной житель Саудовской Аравии.

Третий сосед – палестинец из Иордании по имени Ибрагим. Его похитили и пытали в течение семи месяцев в каком-то афганском племени. Его похититель требовал денег от семьи Ибрагима, иначе он грозился сдать Ибрагима американцам. Второй вариант был маловероятен, потому что США платили всего пять тысяч долларов за голову. Бандит все обговорил с его семьей, включая выкуп, но Ибрагиму удалось вырваться из плена в Кабуле. Он отправился в Джалалабад, где его приняли за арабского моджахеда, схватили и продали американцам. Я рассказал Ибрагиму о том, что видел в Иордании, и оказалось, что он, по-видимому, хорошо знаком со службой разведки этой страны. Он знал всех следователей, которые допрашивали меня, так как он сам провел 50 дней в той же тюрьме.

Мы прикрывали головы, когда разговаривали, чтобы охранники думали, что мы спим, и болтали, пока не устанем. Мои соседи сказали, что мы были в Баграме, в Афганистане, и я сообщил им, что нас отправят на Кубу. Но они не поверили мне.

Около 10 утра 4 августа 2002 года из ниоткуда появился отряд, некоторые его члены были вооружены. Они наставили на нас оружие, а другие в это время кричали: «Ставай! Ставай!». Я был очень напуган. Хотя я и ожидал перевода примерно в этот день, но никогда не видел подобного представления.

Мы поднялись. Охранники продолжили командовать: «Без разговоров... Не двигаться... Я тебя застрелю нахрен!.. Я серьезно!» Меня взбесило, когда Ибрагим из Палестины попросил воспользоваться уборной, а

охранники отказали: «Не двигаться!». Я подумал что-то типа: «Ты не можешь просто держать все в себе, пока они не закончили?» Но дело в том, что Ибрагим страдал от дизентерии и не мог держать все в себе. Ибрагим сказал мне, что все равно воспользуется уборной. Это он и сделал, игнорируя все крики охранников. Каждую секунду я ожидал, что они выстрелят в него, но этого не произошло. Уборная внутри наших камер представляла собой открытую бочку, которую заключенные в наказание чистили. Она была очень мерзкой и плохо пахла. Так как я из страны третьего мира, я видел много плохих уборных, но никакие из них не могли сравниться с уборной в Баграме.

Меня затрясло от страха. Один из членов отряда подошел к воротам нашей камеры и начал называть имена или, скорее, номера тех, кого собираются перевести. Все номера, которые называли в моей камере, принадлежали арабам, что было очень плохим знаком. Братья не поверили мне, когда я сказал о переводе на Кубу. Но теперь я чувствовал, что точно прав. Переглянувшись, мы улыбнулись друг другу. Несколько охранников подошли к камере, держа наручники, мешки и другие приспособления. Они начали вызывать нас одного за другим и требовали подойти к воротам, чтобы на нас могли надеть наручники.

Один из охранников назвал мой номер. Я пошел к воротам, как овечка навстречу мяснику. У ворот охранник крикнул: «Повернись!» – что я и сделал. «Руки за спину!»

Когда я просунул руки в отверстие, один из охранников схватил мой большой палец и согнул мою руку. «Если, черт возьми, пошевелишься, я сломаю тебе руку». Другой охранник в это время надевал мне на руки и на ноги цепи. Затем на голову надели мешок, чтобы я ничего не видел. Ворота открылись, и меня швырнули в очередь к остальным заключенным, где я столкнулся с чьей-то спиной. Хоть мне и было больно, меня грела мысль о том, что передо мной стоит такой же человек, испытывающий то же самое, что и я. Мне стало еще легче, когда в мою спину аналогичным образом ударился Ибрагим. Многим заключенным было хуже от того, что они не знали, каких от них ожидают действий. Думаю, мне очень повезло, что мне закрыли глаза, во-первых, потому, что я не видел множества плохих вещей, происходящих вокруг, и, во-вторых, потому, что мешок на голове помог мне мечтать о лучшем положении. Спасибо Аллаху, что я умею игнорировать то, что происходит вокруг меня, и мечтать, о чем хочется.

Мы должны были стоять очень близко друг к другу. Дышать было тяжело. Нас было 34 человека, все арабы, кроме одного человека из Афганистана и одного с Мальдив^[13]. Когда мы все встали в ряд, нас привязали друг к другу, обмотав наши плечи веревкой. Ее затянули так туго, что вся моя рука онемела.

Нам приказали встать и повели нас в место, где эта процедура продолжилась. Мне это очень не нравилось, потому что Ибрагим

постоянно наступал на мою цепь, и мне было больно. Я старался не наступать на цепь человека, идущего впереди меня. Слава богу, шли мы недолго, где-то в том же здании нас посадили друг напротив друга на длинные скамьи. Мне показалось, что скамьи образуют круг.

Сначала нас одели. На мне были наушники, так что я ничего не слышал. От них очень сильно болела голова, они были такие узкие, что следующие два дня кончики ушей кровоточили. Руки были закованы передо мной и связаны цепью с ногами. Еще они надели на меня рукавицы, чтобы я не мог шевелить пальцами. Это было довольно забавно. Каждый раз, когда я пытался освободить пальцы, охранники били меня по рукам. Мы устали, люди начали стонать. Регулярно один из охранников снимал с меня наушники, чтобы прошептать какую-нибудь задевающую фразу: «Знаешь, ты не совершал никаких ошибок. Твои мама и папа совершили ее, когда произвели тебя на свет».

«Тебе понравится дорога в карибский рай...»

Я не отвечал на провокации, делая вид, что не понимаю, что говорит охранник. Другие заключенные рассказали мне, что они тоже подверглись таким унижениям, но им повезло больше, потому что они не знали английского.

С меня сняли тапочки и вместо них дали какие-то китайские кроссовки. На глаза надели уродливые толстые очки, которые привязали к моей голове. Они очень напоминали очки для плавания. Чтобы понять ту боль, попробуйте обернуть такие очки вокруг руки и походите так несколько часов. Я уверен, вы не выдержите и снимите их. А теперь представьте, что вы обернули эти очки вокруг своей головы и проходили так больше 40 часов. В заключение мне за ухо прилепили какую-то клейкую подушечку.

Иногда во время процедуры нам проводили осмотр всех отверстий тела, на потеху охранникам. Я возненавидел тот день, когда начал пополнять свой скудный английский словарный запас. В таких ситуациях намного лучше не понимать вообще ни слова. Большинство заключенных не говорили об этом осмотре и очень сильно злились, когда кто-то начинал говорить об этом. Лично мне не было стыдно, я думаю, что те, кто проводил подобные осмотры без какой-либо адекватной на это причины, должны стыдиться самих себя.

Я был уставшим, расстроенным, голодным... и все остальные плохие прилагательные в словаре. Я уверен, что был не один такой. Нам выдали новые пластиковые браслеты с номерами. Мой номер оказался 760, а следующий за мной, 761, был Ибрагим. Можно сказать, что моя группа была семисотой серией^[14].

Ибрагим несколько раз воспользовался уборной, а я старался обойтись без нее. Наконец я тоже пошел. Это было примерно в два часа дня.

– Ты любишь музыку? – спросил меня сопровождающий, когда мы остались одни.

– Да, конечно!

– Какую музыку?

– Хорошую!

– Рок-н-ролл? Кантри?

Я не был знаком с этими словами. Обычно я слушал немецкое радио с разной западной музыкой, но я не мог сказать, как какой вид назывался.

– Любую хорошую музыку, – ответил я.

Эта приятная беседа продолжилась тем, что он снял с меня мешок, чтобы я мог сделать дела. Это было нелегко, так как все мое тело было в цепях. Охранник осторожно посадил меня на скамью и приказал ждать в течение следующих нескольких часов. На следующие 48 часов нам запретили молиться.

Около четырех часов дня началась перевозка в аэропорт. К тому моменту я уже был живым трупом. Ноги не держали меня, позже охранникам придется тащить меня всю дорогу от Баграма до Гуантанамо.

Нас погрузили в грузовик, который доставил до аэропорта. Это заняло от пяти до десяти минут. Я был счастлив каждому движению, просто чтобы иметь возможность размять тело, так как боль в спине просто убивала меня. В грузовике мы сидели плечом к плечу. К сожалению, меня посадили лицом к задней части грузовика, поэтому меня немного тошнило. Охранники кричали на нас: «Никаких разговоров!» Я не знаю, сколько в грузовике было людей; все, что я знаю, это то, что справа от меня сидел один заключенный, слева – другой, а к спине прижимался третий. Всегда приятно ощущать тепло своих товарищей, странным образом это меня успокаивало.

Было очевидно, что мы прибыли в аэропорт, когда через наушники начал проникать звук авиационных двигателей. Грузовик сдавал назад, пока не подъехал вплотную к самолету. Охранники начали кричать на языке, который я не смог опознать. Я стал слышать звук, с каким тела бьются о пол. Два охранника хватали заключенных по очереди и бросали их другим двум охранникам на самолете. Те, кто кидали, кричали «код». Те, кто ловили, кричали в ответ, подтверждая прием посылки. Когда пришла моя очередь, двое охранников взяли меня за руки и за ноги и швырнули меня в сторону принимающей команды. Не помню, ударился я о пол или охранники поймали меня. Я перестал что-либо чувствовать, поэтому это не имело никакого значения.

Другая команда внутри самолета схватила меня и привязала к маленькому прямому сиденью. Ремень был такой тугой, что я не мог дышать. Я ударился о кондиционер, и один из охранников закричал: «Не

двигаться. Не разговаривать!». Я не знал, как сказать «тугой» на английском. Я начал звать: «Охрана, охрана, ремень...» Никто не пришел мне на помощь. Я задыхался. Рот и нос мне закрывала маска, вдобавок на голове был мешок, не говоря уже о тугом ремне. Дышать было невозможно. Я продолжал говорить: «Охрана, сэр, я не могу дышать!.. Охрана, СЭР, пожалуйста». Но, казалось, будто мои просьбы о помощи затерялись в огромной пустыне.

Спустя пару минут Ибрагима швырнули справа от меня. Я не был уверен, что это он, но позже он сказал мне, что чувствовал мое присутствие. Каждый раз, когда охранник поправлял мои очки, я мог немного осмотреться. Я видел кабину летчика, которая была прямо передо мной. Я видел зеленую униформу команды сопровождения. Я видел тени других заключенных справа и слева от меня. «Мистер, прошу, мой ремень... больно...» – звал я. Когда крики охранников прекратились, я понял, что все заключенные оказались на борту. «Мистер, прошу... ремень...» Охранник не только не помог мне, он затянул ремень еще туже.

Теперь боль была невыносимой. Я чувствовал, что вот-вот умру. Я не мог не начать звать громче. «Мистер, я не могу дышать...» Один из солдат подошел и расслабил ремень, было не очень комфортно, но все лучше, чем раньше.

– Все еще тугой... – Я узнал это слово, когда он спросил меня: «Ремень тугой?»

– Больше я ничем не могу помочь.

Я перестал надеяться, что когда-либо избавлюсь от этого ремня.

– Я не могу дышать! – сказал я, показывая на нос.

Подошел охранник и снял маску с моего носа. Я глубоко вдохнул и почувствовал большое облегчение. Но, к моему ужасу, охранник снова надел маску на мой нос и рот. «Сэр, я не могу дышать... Охрана... Охрана...» Тот же парень вернулся, но вместо того чтобы снять маску, он снял с меня наушники и сказал: «Забудь об этом!». А потом вернул наушники обратно. Было невыносимо тяжело, но я все еще мог выжить. У меня было достаточно воздуха как раз для того, чтобы не умереть. Мне нужно было убедить свой мозг, что такого маленького количества воздуха достаточно.

Самолет поднялся в воздух. Охранник крикнул мне на ухо: «Я дам тебе лекарства, ты выглядишь ужасно». Он заставил меня принять несколько таблеток, дал мне яблоко и сэндвич с арахисовым маслом – единственная пища, которую нам дали с начала перевозки. С тех пор я ненавижу арахисовое масло. У меня совсем не было аппетита, но я притворялся, что ем сэндвич, чтобы охранники не наказали меня. Я всегда старался избегать контакта с этими жестокими охранниками до тех пор, пока это не было крайне необходимо. Я откусил сэндвич, а

оставшуюся часть держал в руке, пока охранники не пришли убрать мусор. А с яблоками было сложно, ведь руки были привязаны к телу, а еще мешали рукавицы. Я зажал яблоко между руками, а голову согнул к телу, как акробат, чтобы откусить кусок. Одно неправильное движение, и яблока уже нет. Я пытался поспать, но каждая попытка вздремнуть проваливалась. Сиденья были прямые как стрелы и жесткие как камни.

Через пять часов самолет приземлился, и наши тела перенесли в другой самолет, возможно, большего размера. Самолет летел спокойно. Я был счастлив каждому изменению – изменению, которое может привести к улучшению ситуации. Но я ошибся, новый самолет не был лучше. Я знал, что Куба далеко, но я не думал, что настолько, особенно учитывая высокую скорость американских самолетов. В какой-то момент я подумал, что правительство хочет взорвать самолет над Атлантическим океаном и назвать это несчастным случаем, раз уж все заключенных допросили уже по тысяче раз. Но эта сумасшедшая идея беспокоила меня меньше всего. Почему меня вообще должна беспокоить небольшая боль во время смерти, после которой я попаду в рай на милость Божью. Жить по милости Божьей лучше, чем жить по милости Соединенных Штатов.

Казалось, самолет летел в далекое-далекое королевство. С каждой минутой я чувствовал все меньше, мое тело онемело. Помню, что один раз я попросил воспользоваться уборной. Охранники притащили меня в нужное место, затолкали меня в маленькую комнатку и сняли с меня штаны. Я не мог сделать дела в присутствии других. Но думаю, мне удалось выдавить из себя немного жидкости. Я просто хотел приехать, неважно куда! Любое место было бы лучше, чем этот самолет.

Спустя не знаю сколько часов самолет приземлился на Кубе. Охранники начали вытаскивать нас из самолета. «Вперед!.. Стоять!» Я не мог ходить, ноги не слушались меня. Я только теперь заметил, что потерял один ботинок. После тщательного осмотра вокруг самолета охранники начали командовать: «Вперед! Не разговаривать! Голову вниз! Шаг вперед!» Я понял только «не разговаривать», но это было неважно, все равно меня тащили охранники. Внутри грузовика охранники крикнули: «Сесть! Скрестить ноги!» Я не понял последнюю часть, но они согнули мне ноги. «Голову вниз!» – крикнул один из них, толкая мою голову к спине другого заключенного. Всю дорогу к лагерю женский голос кричал: «Без разговоров!» А мужской голос: «Не разговаривать!» Арабский переводчик ответственно, но неуклюже старался поспеть за своими американскими коллегами в переводе грубых и ругательных слов. «Держите голову низко». Меня раздражало, как общаются американцы. Я оставался в таком положении, пока не встретил других, хороших американцев. В то же время я думал о том, как они по-разному произносят одну и ту же команду. «Не разговаривать» и «Без разговоров». Это было любопытно.

К этому моменту цепи на моих лодыжках полностью отрезали поступление крови к моим ступням. Ноги совершенно онемели. Я слышал только стоны и плач других заключенных. Охранникам приказали избивать нас. Меня не пощадили. Меня били по голове и душили. Но я никого не виню. Я виню только того бедного, несчастного заключенного, который продолжал двигаться, из-за чего я постоянно вскидывал голову. Заключенные рассказали мне, что нас в тот момент перевозили на пароме, но я этого даже не заметил.

Где-то спустя час мы прибыли к месту назначения. Мне было ужасно больно, но я был счастлив, что этот долгий путь остался позади. Слова пророка гласят: «Дорога – это испытание». Эта дорога действительно была испытанием. Теперь меня беспокоило, как я встану, если от меня этого потребуют. Я был просто парализован. Двое охранников схватили меня и крикнули: «Ставай». Я попытался подпрыгнуть, но ничего не вышло. Они подняли меня и выкинули из грузовика.

Теплое кубинское солнце встретило меня. Это было восхитительно. Мы выехали из Баграма 4 августа 2002 года в 10 утра и прибыли на Кубу 5 августа около часа дня, что означает, что мы провели в самолете в холоде более 30 часов^[15]. Мне повезло больше, чем товарищу из Судана, он очень сильно замерз. Один раз он попросил охранника выключить кондиционер в самолете. Охранник не только отказал ему, но и всю дорогу до Кубы поливал его водой. Медикам пришлось забрать его в отдельное помещение и согреть у открытого огня.

– Когда они зажгли огонь, я сказал себе: «Ну вот опять, они будут пытаться меня!» – рассказал нам он.

Я очень смеялся, когда он поделился с нами этой историей в лагере «Дельта» в блоке «Оскар».

Новая команда охранников была лучше старой. Старая команда говорила: «Вота». Новая команда говорит: «Вода». Старая команда говорила: «Ставай». Новая команда говорит: «Вставай». Помимо этого старая команда была очень шумной^[16].

Могу точно сказать, что в тот момент все заключенные испытывали нестерпимую боль. Я слышал только стоны. Рядом со мной сидел афганский парень, который громко плакал и просил о помощи, но каждый раз, когда он приподнимался, охранники били его и валили на землю. Он говорил на арабском: «Господа, как вы могли так поступить со мной? Пожалуйста, помогите мне, господа!» Но никто даже не думал осмотреть его. Этот парень был болен еще в Баграме. Он сидел в камере напротив нашей, и я видел, что его все время тошнило. Мне было его очень жаль. В то же время я смеялся. Можете поверить? Смеялся! Но не над ним. Я смеялся над ситуацией в целом. Во-первых, он говорил с охранниками на арабском языке, которого они не знают. Во-вторых, он называл их «господа», которыми они, конечно, не были.

Сначала мне нравилось теплое солнце, но с каждой минутой оно становилось все жарче. Я начал потеть и вскоре совсем устал стоять на коленях, ведь это продолжалось уже шесть часов. Регулярно кто-то из охранников кричал: «Нужна вода!» Не помню точно, чтобы я просил воду, но скорее всего просил. На голове все еще был мешок, но я все равно был в хорошем настроении, осознавая, что я оказался в новом месте, где могу общаться с другими людьми. Было больно, но боль утихла от мысли, что здесь не будет допросов и пыток. Я не знал, сколько продлится заключение, но я даже и не думал жаловаться на что-нибудь, хотя большинство заключенных вокруг стонали и даже плакали. Я думаю, я перешел все границы боли уже очень давно.

В очереди на «обработку» я был самым последним. В приоритете были те, кто пострадал в самолете, как, например, парень из Судана. Наконец два охранника потащили меня в клинику. Они раздели меня и поставили под душ. Я принял душ, прямо в цепях, на глазах у своей братии, врачей и солдат. Те, кто прошли процедуру до меня, все еще стояли голыми. Это было очень мерзко, и хоть душ и был приятный, я не мог насладиться им. Мне было очень стыдно, и я воспользовался старым трюком: я просто все время смотрел себе под ноги. Охранники вытерли меня и повели дальше. В основном вся эта процедура представляла собой простой медицинский осмотр, во время которого они записали все показатели: рост, вес, шрамы. Еще они нас допросили. Все это очень напоминало конвейер по сборке автомобилей. Я следовал за кем-то, кто так же следует за кем-то, и так далее.

– Какие-нибудь заболевания? – спросила молодая медсестра.

– Да, седалищный нерв и гипотония.

– Что-нибудь еще?

– Нет.

– Где они схватили вас?

– Я не понимаю, – ответил я.

Доктор повторил вопрос медсестры, но я все равно не понял. Он говорил слишком быстро.

– Неважно, – сказал доктор.

Один из охранников объяснил мне жестами, что спрашивал врач.

– На моей родине!

– Откуда ты?

– Мавритания, – ответил я, а охранники уже тащили меня дальше.

Врачи не должны допрашивать заключенных, но они все равно делают это. Лично мне нравилось общаться с людьми, поэтому меня не беспокоило, что они идут против правил.

В госпитале было прохладно и очень людно. Мне становилось легче, когда я видел заключенных в том же положении, что и я. Особенно после того, как на нас всех надели оранжевую униформу. Следователи смешались с врачами, чтобы собрать информацию.

«Ты говоришь по-русски?» – спросил старый мужчина, разведчик времен холодной войны. Позднее он еще несколько раз допросит меня и расскажет, что однажды работал с Гульбеддином Хекматияром, лидером моджахедов в Афганистане времен войны с Советским Союзом. Он допрашивал русских заключенных и передавал их Соединенным Штатам. «Я допрашивал их. Они теперь граждане США, и многие из них – мои лучшие друзья». Еще он заявил, что ответственен за создание Оперативной группы Гуантанамо. Следователи вроде него ходили среди заключенных и пытались с ними по-дружески пообщаться. Тем не менее следователям очень тяжело смешиваться с другими людьми. У них получается крайне неуклюже.

Сопровождающие отвели меня в комнату, где было много заключенных и следователей.

– Как тебя зовут? Откуда ты? У тебя есть жена?

– Да.

– Как зовут жену?

Я забыл имя своей жены и нескольких других членов семьи из-за постоянной депрессии, в которой я пребывал уже девять месяцев. Я понимал, что такой ответ их не устроит, поэтому назвал первое имя, пришедшее в голову.

– Зейнебу.

– На каких языках ты разговариваешь?

– Арабский, французский, немецкий.

– Sprechen Sie Deutsch?^[17] – спросил мужчина-следователь, который помогал своей темнокожей коллеге, записывая все в блокнот.

– Bist du so-und-so?^[18] – спросил я, произнеся немецкое имя, которое узнал в Афганистане. На бейдже парня было написано «Грэхем», он был шокирован, когда я произнес его настоящее имя. Темнокожая женщина смотрела на него в замешательстве.

– Кто рассказал тебе обо мне?

– Майкл из Баграма! – сказал я и объяснил, что в Баграме Майкл рассказал мне о нем на случай, если мне понадобится немецкий переводчик в Гуантанамо.

– Мы продолжим разговор на английском, но очень простом, – сказал он.

Коллега Майкла из ЦРУ с тех пор сторонился меня, пока не покинул Гуантанамо.

Я слушал допрос заключенного из Туниса.

– Ты учился в Афганистане?

– Нет.

– Ты же знаешь, что, если ты врешь нам, мы узнаем всю информацию из Туниса!

– Я не вру!

Медицинский осмотр продолжился. Темнокожая девушка-санитар, по ощущениям, взяла у меня тысячу миллилитров крови. Я думал, что потеряю сознание или умру. Давление было 110 на 50, очень низкое. Доктор немедленно дала мне какие-то маленькие красные таблетки. Еще меня сфотографировали. Меня раздражало, что на мою частную жизнь всячески посягают. Я был оставлен на милость кого-то, кому я не доверяю и кто мог быть очень жесток. Многие заключенные обычно улыбаются на камеру. Лично я никогда не улыбался и думаю, что в тот день, 5 августа 2002 года, никто из нас и не подумал улыбнуться.

После бесконечных процедур сопровождающие вывели меня из клиники. «Низко опусти голову!» На улице уже было темно, но я не знал точного времени. Погода была приятная. «Садись». Я просидел около получаса, после чего сопровождающие забрали меня, посадили в комнату и приковали к полу. Я не заметил этого, к тому же меня ни разу еще таким образом не приковывали. Я подумал, что эта комната станет моим новым домом.

В комнате были только несколько стульев и стол. Никаких признаков жизни. «Где все остальные заключенные?» – сказал я сам себе. Мне надоело ждать, и я решил выйти из комнаты, чтобы попробовать найти других заключенных, но как только я попытался встать, цепи жестко притянули меня обратно к полу. Только тогда я понял, что что-то не так. Как выяснилось, я находился в отделении для допросов в «Коричневом доме», месте с богатой историей.

Вдруг в комнату вошли три человека: пожилой человек, который говорил со мной ранее в клинике, агент ФБР, который представился Уильямом, и молодой человек из Марокко, который выполнял роль переводчика^[19].

– Comment vous vous appelez?^[20] – спросил Уильям с заметным акцентом.

– Je m'appelle...^[21] – ответил я.

На этом французский Уильяма закончился. Следователи постоянно использовали эффект неожиданности.

Я мельком заметил часы на одном из парней. Было около часа ночи. В моем организме все перепуталось: я чувствовал себя очень бодрым, несмотря на то что не спал уже больше 48 часов. Следователи использовали эту слабость, чтобы ускорить допрос. Кроме того, мне не предложили ни еды, ни воды.

Уильям допрашивал меня, а марокканский парень хорошо переводил. У другого парня не было возможности задать вопрос, он просто записывал. На самом деле Уильям не удивил меня. Он задавал те же самые вопросы, на которые я отвечал беспрерывно уже три года. Он говорил на очень понятном английском, мне практически не нужен был переводчик. Он казался умным и опытным человеком. Когда наступила глубокая ночь, Уильям поблагодарил меня за сотрудничество.

– Я верю, что ты честен с нами, – сказал он. – В следующий раз мы развяжем тебя и принесем что-нибудь поесть. Мы не будем пытаться тебя. И мы не экстрадируем тебя в другую страну.

Я был счастлив услышать эти слова от Уильяма. Как позже выяснилось, он либо обманывал меня, либо не был осведомлен о планах своего правительства.

Все трое вышли из комнаты и отправили ко мне сопровождающих, которые отвели меня в мою новую камеру. Она находилась в блоке «Оскар», предназначенном для изоляции^[22]. Я был единственным среди всех 34 человек, кого выбрали для допроса. Внутри блока ничто не подавало признаков жизни, казалось, что я был там совсем один. Когда охранник оставил меня в холодильной камере, я начал сильно паниковать, особенно после того, как за мной закрыли большую металлическую дверь. Я пытался убедить себя, что это временно, что утром меня вернут к остальным заключенным. Я не могу оставаться здесь дольше, чем одну ночь! В действительности я провел в блоке «Оскар» целый месяц.

Было около двух часов ночи, когда охранник протянул мне сухой паек. Я ел столько, сколько мог. Аппетита совсем не было. Когда я осмотрелся, то увидел совсем новый Коран, он сделал меня счастливым. Я поцеловал Коран и вскоре уснул. Это был самый крепкий сон в моей жизни.

Крики моих товарищей разбудили меня рано утром. Блок «Оскар» вдруг оживился. Никогда не подумал бы, что еще в нескольких холодильных камерах там держали людей. Я считал, что я в блоке один, но на самом деле там были и другие заключенные. Я не мог их услышать, потому что они были без сознания после долгих и суровых наказаний. Пока охранники приносили еду, мы знакомились друг с другом. Мы не видели друг друга из-за особого строения блока, но могли слышать.

– Салам алейкум!

– Алейкум ассалам!

– Кто вы?

– Я из Мавритании... Палестины... Сирии... Саудовской Аравии...

– Как дорога?

- Я чуть не замерз насмерть, – крикнул один парень.
- Я спал всю дорогу, – ответил Ибрагим.
- Зачем мне под ухо положили пластырь? – спросил третий.
- Кто сидел передо мной в грузовике? – спросил я. – Он постоянно двигался, и охранники избивали меня всю дорогу от аэропорта до лагеря.
- Меня тоже, – ответил другой заключенный.

Мы называли друг друга по номерам, которые нам выдали в Баграме. Мой номер был 760. В камере слева от меня был 706, Мохаммед аль-Амин из Мавритании. Ему было около 20 лет, его схватили в Пакистане и продали американцам. Хоть он и мавританец, он никогда не был в Мавритании. Я мог понять это по его саудовскому акценту. Справа от меня был парень с Мальдив, его номер 730. Он плохо говорил на арабском и сказал, что его схватили в Карачи, где он учился в университете. Передо мной, друг напротив друга, сидели суданцы^[23].

Завтрак был скромный: одно вареное яйцо, кусок хлеба и что-то еще, название чего я не знаю. Это было впервые, когда я поел что-то горячее с тех пор, как я покинул Иорданию. Ах, чай был бесподобный! Я люблю чай больше, чем любую еду. Чай – это обязательная часть рациона людей, живущих в теплых регионах. Звучит противоречиво, но это правда.

Вокруг было много невнятных разговоров. Было просто приятно, что люди рассказывали друг другу свои истории. Многие заключенные страдали, кто-то больше, кто-то меньше. Себя же я считал не самым удачливым, но и не самым невезучим. Некоторых схватили вместе с их друзьями, и эти друзья словно исчезли с лица земли, скорее всего, их отправили в другие союзные страны, чтобы допрашивать с помощью пыток. Например, в Египет или Иорданию. Я считал прибытие на Кубу большой удачей, поэтому сказал братьям: «Так как вы, парни, не совершали преступлений, вы не должны бояться. Лично я буду сотрудничать, потому что никто не будет меня пытаться. Я не хочу, чтобы кто-то из вас испытал то, что пережил я в Иордании. В Иордании они едва ли ценят сотрудничество».

Я ошибочно думал, что худшее позади, поэтому мало беспокоился о том, сколько времени понадобится американцам, чтобы понять, что я не тот, кого они ищут. Я верил в американское правосудие слишком сильно, поэтому делился своей верой с заключенными из европейских стран. Мы все примерно понимали, как работает демократия. Другие заключенные, например, с Ближнего Востока, не верили в это и не полагались на американское правосудие. Они основывались на жестокости американских экстремистов по отношению к мусульманам и арабам. С каждым днем оптимистов становилось все меньше. Методы допроса становились все хуже и хуже, и, как вы потом увидите, люди,

ответственные за Гуантанамо, нарушили все принципы, на которых основаны Соединенные Штаты. Нарушен был даже принцип Бена Франклина: «Те, кто готовы пожертвовать насущной свободой ради малой толики временной безопасности, не достойны ни свободы, ни безопасности».

Все мы хотели компенсировать месяцы молчания, мы хотели сбросить с себя всю злобу и боль и слушали удивительные истории друг друга на протяжении следующих 30 дней в блоке «Оскар». Когда нас потом перевели в другой блок, многие заключенные плакали из-за того, что их разлучили со своими новыми друзьями. Я тоже плакал.

Группа следователей появилась в моей камере.

– Резервация! – сказал один из охранников, держа длинные цепи в руках.

Резервация – это кодовое слово для того, чтобы забрать кого-то на допрос. Хотя я и не понимал, куда меня ведут, я выполнял все их приказы, и меня привели к следователю. Его звали Хамза, или, по крайней мере, так его называли, и на нем была военная форма США. Он был служащим разведки в Национальной гвардии Кентукки, настолько парадоксальный человек, насколько вообще можно это вообразить. Он хорошо говорил на арабском, с иорданским акцентом. Было ясно, что он вырос среди людей, говорящих на арабском^[24].

Мне было страшно, когда я вошел в комнату в «Коричневом доме». На спине Хамзы висел CamelBak, рюкзак с водой, из которого он изредка попивал. Я никогда раньше такого не видел. Я думал, что они будут пользоваться этой штукой при допросе. Я не знаю, почему я вообще был напуган, но на меня очень сильно повлияло то, что я не знаю Хамзу, ни разу не видел такой водяной рюкзак, как у него, и то, что я не ожидал увидеть военного.

Пожилый джентльмен, который допрашивал меня прошлой ночью, вошел в комнату с горстью конфет в руках и представил мне Хамзу. «Я выбрал Хамзу, потому что он говорит на твоём языке. Мы будем задавать тебе вопросы о твоём кузене Абу Хафсе. Я скоро уйду, но моя замена позаботится о тебе. Скоро увидимся». Он вышел из комнаты, оставив меня наедине с Хамзой.

Хамза был дружелюбным парнем. Он был офицером в запасе армии США, который верил, что ему в жизни очень повезло. Хамза хотел, чтобы я снова рассказал ему свою историю, которую я рассказывал раз за разом в течение последних трех лет. Следователи постоянно спрашивали меня об этом. Каждый раз, когда они только начинали шевелить губами, я уже знал, о чем будут вопросы. Каждый раз я говорил одно и то же. И каждый раз, когда я доходил до рассказа об Иордании, они жалели меня. Хамза не был исключением.

– Эти страны не уважают права человека. Они даже пытаются людей, – сказал он.

Мне было приятно это слышать. Если Хамза критикует жестокие методы допроса, значит американцы не будут их использовать. Да, они не полностью соблюдали закон в Баграме, но то было в Афганистане, а теперь мы в США, на контролируемой территории.

После того как Хамза закончил допрашивать меня, он отправил меня обратно и пообещал вернуться, когда появятся новые вопросы. Во время разговора с Хамзой я попросил разрешение воспользоваться уборной. «Номер 1 или номер 2?» – спросил он. Тогда я впервые услышал, чтобы туалетные дела кодировали по номерам. В странах, в которых был я, не принято спрашивать людей о том, что они собираются делать в туалете, и уж тем более не придумывают для этого разные коды.

Больше Хамза никогда меня не допрашивал. Через несколько дней агент ФБР Уильям продолжил работу, только теперь в состав команды ФБР входил Хосе, американец испанского происхождения, который говорил на английском без акцента и в совершенстве владел испанским. Хосе тоже был дружелюбным парнем. Он отлично работал вместе с Уильямом. По какой-то причине ФБР было заинтересовано в том, чтобы взять мое дело в свои руки. Хотя несколько раз во время допроса присутствовал военный следователь, я мог точно сказать, что Уильям был главным^[25].

Команда работала со мной около месяца, практически каждый день. Они задали мне все возможные вопросы. Помимо этого мы также обсуждали различные политические темы. Никто даже и не думал угрожать мне или пытаться меня. В ответ на такое отношение я с удовольствием сотрудничал с ними. «Наша задача – получить от тебя ответы и отправить их на анализ в Вашингтон. Даже если ты врешь нам, мы не сможем сразу этого понять, потому что нам не хватит для этого информации», – сказал Уильям.

Команде было очевидно, что здоровье мое было подорвано. Следы тягот в Иордании и Баграме давали о себе знать. Я выглядел как призрак во плоти.

– Ты идешь на поправку, – сказал военный, когда увидел меня через три недели после моего прибытия в Гуантанамо.

На второй или третий день в Гуантанамо я просто свалился в обморок в своей камере. Я достиг своего предела, сухпайки уже не помогали. Врачи забрали меня из камеры, я попытался сам дойти до госпиталя, но, как только я вышел из блока «Оскар», снова упал. Врачам пришлось тащить меня. Меня столько рвало, что во мне, кажется, не осталось жидкости. Мне оказали первую помощь и сделали какое-то внутривенное вливание. Результат был ужасен; должно быть, они использовали какие-то лекарства, на которые у меня аллергия. Во рту было так сухо и язык

так онемел, что я не мог произнести ни слова. Я показал жестами, чтобы они перестали заливать в меня жидкость, и они послушали.

Позже той же ночью охранники вернули меня в камеру. Мне было так плохо, что я не мог взобраться на кровать. До конца месяца я спал на полу. Доктор выписал какие-то таблетки от гипотонии, и каждый раз, когда у меня случалось обострение седалищного нерва, санитар давал мне мотрин.

Хоть я и был физически очень слаб, допрос не прекращался. Несмотря ни на что, у меня было приподнятое настроение. В блоке мы пели, шутили, рассказывали друг другу истории. Также у меня появилась возможность узнать о звездах Гуантанамо, таких как мулла Заиф, бывший посол Талибана в Пакистане, который рассказывал нам о самых последних событиях и слухах в лагере. Или, например, об иорданце Абу Хузайфе, которого перевели в блок «Оскар» из-за его поведения^[26].

Абу Хузайфа рассказал нам, что его пытали вместе с другими заключенными в Кандагаре:

– Они держали нас под солнцем часами, били, но не переживайте, братья, здесь, на Кубе, никто не будет пытаться нас. В комнатах есть кондиционеры, а некоторые братья даже отказываются говорить, пока им не предложат еды, – сказал он.

– Я плакал, когда по телевидению смотрел на заключенных, которым надевали мешки на голову и отвозили на Кубу. Министр обороны США говорил, что они самые злые люди на нашей планете. Я никогда не думал, что буду одним из этих «злых людей», – сказал Ибрагим из Судана, который пострадал от переохлаждения во время полета в Гуантанамо.

Ибрагим работал учителем арабского языка в кувейтской организации по оказанию чрезвычайной помощи, обучая афганских беженцев. Его схватили с четырьмя коллегами в доме в Пешаваре. Это произошло после полуночи, его насильно разделили с семьей под крики и слезы детей и жены. То же самое случилось и с его друзьями, которые подтвердили правдивость его истории. Я слышал тысячи подобных историй, и каждая заставляла меня забыть о предыдущей. Я не мог сказать, чья история была самой трагичной. В какой-то момент я стал немного смягчать свою собственную, но мои братья говорили, что она все-таки оставалась одной из самых страшных. Лично я не мог определиться. Немецкая поговорка гласит: «Wenn das Militär sich bewegt, bleibt die Wahrheit auf der Strecke»^[27].

Закон войны суров. Если и есть в войне что-то полезное, так это то, что она раскрывает в людях их самые хорошие и плохие качества.

Некоторые пытаются использовать безнаказанность, чтобы навредить другим людям, а некоторые пытаются сделать все возможное, чтобы свести страдания к минимуму.

4 сентября 2002 года меня перевели в блок «Дельта», что означало, что моей изоляции пришел конец, и меня наконец поместили к основной группе заключенных. С одной стороны, мне было тяжело расставаться с новыми друзьями, с другой стороны, мне безумно хотелось попасть в совершенно обычный блок к совершенно обычным заключенным. Я устал быть «особенным», путешествуя по всему миру против своей воли.

Я прибыл в блок «Дельта» до заката. Впервые за девять месяцев меня поместили в камеру, откуда я мог видеть природу. И впервые я имел право разговаривать с заключенными и видеться с ними. Меня поместили в камеру 5, между двумя арабами с юга. Они были дружелюбными и интересными собеседниками. Их обоих схватили пакистанцы и продали американцам. Когда пленники пытались сбежать от солдат пакистанской армии, один из них, из Алжира, выхватил АК-47 у одного из пакистанских охранников и застрелил его. В суматохе другие пленники захватили контроль над автобусом. Охранники сбежали, пленники тоже сбежали, но их уже ждала другая армия – дивизион США. Так пленников снова задержали. Во время попытки побега на автобусе многие пострадали. Я видел алжирского заключенного, оставшегося полным калекой из-за количества пуль, которые он принял на себя.

Сначала мне нравилось в блоке «Дельта», но ситуация стала хуже, когда некоторые следователи начали пытаться допрашивать заключенных, хотя тогда это были еще очень скромные пытки. Мне было известно только об одном используемом методе – ночи в холодильной камере. Я знал молодого араба, которого забирали на допрос каждую ночь и возвращали в камеру только утром. Я не знаю деталей того, что с ним там происходило, потому что он был очень стеснительным, но мои соседи рассказали, что он не стал помогать следователям. А еще один мой сосед рассказал, что парня две ночи держали в холодильной камере, потому что он отказывался сотрудничать.

К этому времени большинство заключенных отказались сотрудничать, потому что считали, что предоставили все возможные сведения по своим делам. Людям надоело, что их постоянно допрашивают, им казалось, что это никогда не кончится. Лично я был новеньким и хотел воспользоваться каждым полученным шансом. Может, мои товарищи ошибались! Но в итоге я врезался в ту же кирпичную стену, что и остальные. Заключенные стали переживать из-за отсутствия надлежащего судебного процесса, и ситуация продолжала ухудшаться по мере того, как на нас использовали более болезненные методы вытягивания информации.

Где-то в середине сентября 2002 года, через некоторое время после моего перевода в блок «Дельта», новая команда из двух агентов с рифмующимися именами – Джон и Дон, забрала меня для допроса и объяснила, что будет заниматься мной в течение следующих двух месяцев.

– Сколько меня еще будут допрашивать?

– До тех пор, пока у правительства есть вопросы к тебе!

– Это долго?

– Я могу сказать только, что ты не задержишься здесь больше, чем на пять лет, – сказал Джон.

Команда общалась со мной через арабского переводчика, которому на вид было под 50.

– Я не готов отвечать на одни и те же вопросы раз за разом!

– Нет, у нас есть несколько новых вопросов.

Но они задавали те же вопросы, что и в течение последних трех лет. Даже несмотря на это, я без особого желания продолжал сотрудничать с ними. Если честно, я не видел никаких преимуществ в этом, мне просто хотелось узнать, что выйдет.

Примерно в это же время другой следователь, агент ЦРУ, который представился Питером, забрал меня для допроса. Это был очень тощий высокий мужчина 40 с чем-то лет. У него была козлиная бородка, и он говорил на идеальном арабском с явным тунисским акцентом. Питер обладал именно такими уверенностью и авторитетом, которые требуются для его работы. Он был со мной прямолинеен и даже поделился тем, что правительство США думает обо мне и о других заключенных. Он все говорил, и говорил, и говорил: он пытался добиться того, чтобы я работал на него. То же самое он делал еще с несколькими арабами из Северной Африки^[28].

– На следующий четверг я организовал встречу с немцами. Ты будешь разговаривать с ними?

– Да, буду.

Это была первая ложь, которую я заметил, ведь агент ФБР Уильям сказал мне: «Никакие иностранные правительства не будут разговаривать с тобой здесь, только американцы!». На самом деле я много раз слышал, чтобы заключенных допрашивали следователи не из США, например, уйгурских заключенных из Китая. Агенты китайской разведки прибыли в Гуантанамо, чтобы помочь США получить информацию от уйгурских заключенных. Эти иностранные следователи угрожали некоторым арестантам пытками, когда они вернутся на родину.

– Надеюсь, мы увидимся в другом месте, – сказал китайский следователь одному из уйгурцев. – Если мы увидимся в Туркестане, ты много чего расскажешь!^[29]

Но я не боялся ни с кем разговаривать. Я не совершал никаких преступлений. Я даже хотел сотрудничать, чтобы доказать свою невиновность, потому что правило Гуантанамо гласит: «Заключенные Гуантанамо считаются виновными, пока не будет доказано обратное». Я

знал, что меня ждет у иностранных следователей, поэтому хотел высказаться.

Настал тот день, и охранники забрали меня в здание под названием «Оранжевый трейлер», где заключенные обычно встречаются с агентами из ЦРУ и иностранной разведки. Два джентльмена из Германии сидели за другим концом стола. Я смотрел на них со своего места, прикованный к полу. Тот, что постарше, вел себя тише молодого, который играл роль плохого парня во время допроса. Ни один из них не представился, что было нарушением законов Германии. Они просто стояли передо мной, как тени, точно так же, как и остальные секретные следователи^[30].

– Ты говоришь на немецком, или нам понадобится переводчик? – спросил молодой агент.

– Боюсь, что нет, – ответил я.

– Что ж, ты понимаешь всю серьезность ситуации. Мы приехали из Германии, чтобы поговорить с тобой.

– Погибли люди, – продолжил тот, что постарше.

Я улыбнулся:

– С каких пор вам дозволено допрашивать людей за пределами Германии?

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать юридические основания для допроса!

– Возможно, когда-нибудь в будущем я смогу поговорить с прессой и выдать вас, – сказал я. – Хотя я и не знаю ваших имен, я узнаю вас по фотографиям, и не важно, как много времени это отнимет у меня!

– Ты можешь говорить все, что хочешь. Ты ничего не можешь сделать с нами. Мы знаем, что делаем, – сказал он.

– Так вы, парни, пользуетесь беззаконием этого места, чтобы получить от меня информацию?

Молодой агент подскочил ко мне:

– Герр Салахи, если бы мы хотели, мы бы попросили охранников подвесить тебя на стене и избить!^[31]

Когда он сказал это, мое сердце заколотилось: я пытался выразиться как можно аккуратнее и в то же время хотел избежать пыток.

– Вам не напугать меня, я не ребенок. Если продолжите говорить со мной в таком тоне, вы можете паковать свои вещи и возвращаться в Германию.

– Мы здесь не для того, чтобы привлечь тебя к ответственности или напугать, мы просто были бы очень благодарны, если бы ты ответил на несколько наших вопросов, – сказал агент постарше.

– Слушайте, я был в вашей стране, и вы знаете, что я никогда не совершал преступлений. К тому же о чем вы беспокоитесь? Вам даже не угрожают. Я мирно жил в вашей стране и никогда не злоупотреблял вашим гостеприимством. Я очень благодарен за все, что дала мне ваша страна, я не ударю ей в спину. Так что за спектакль вы тут пытаетесь разыграть?

Молодой агент сбавил свой тон:

– Герр Салахи, мы знаем, что ты невиновен, но не мы схватили тебя, это сделали американцы. Мы здесь не по просьбе США. Мы работаем на правительство Германии, за последнее время мы смогли предотвратить несколько терактов. Мы знаем, что ты даже знать не можешь об этих событиях. Тем не менее мы просто хотим спросить тебя о двух людях – Кристиане Ганцарском и Кариме Мехди и были бы признательны, если бы ты ответил на несколько вопросов о них^[32].

– Забавно, что вы прибыли сюда из самой Германии, чтобы спросить о жителях вашей страны! Эти два человека – мои хорошие друзья. Мы посещали одну и ту же мечеть, но я не знаю, чтобы они были замешаны в каких-либо террористических операциях.

Наш разговор не продлился долго. Они спросили меня о моей жизни в лагере и попрощались. После этого я никогда больше не встречался с немцами.

Тем временем команды из агента Джона и агента Дона продолжала допрашивать меня.

– Ты знаешь, кто такой Рамзи бен аль-Схиб? – спросил Джон.

– Нет, не знаю, – ответил я честно.

– Но он знает тебя!

– Боюсь, что вы перепутали мое дело с каким-то другим!

– Нет, я очень внимательно читал именно твое дело.

– Можете показать его фотографию?

– Да. Я покажу ее тебе завтра.

– Хорошо. Возможно, я знаю его под другим именем!

– Ты знаешь об американских базах на территории Германии?

– Зачем вы спрашиваете меня об этом? Я посещал Германию не для того, чтобы изучать американские базы, да и вообще они мне совершенно не интересны! – ответил я со злостью.

– Мои люди уважают заключенных, говорящих правду, – сказал тощий агент, пока его коллега агент Дон записывал разговор.

Я уловил намек на то, что он назвал меня лжецом, хотя и в очень странной манере. Разговор был окончен.

На следующий день Джон и Дон доставили меня в допросную и показали две фотографии. Оказалось, что на первой был изображен Рамзи бен аль-Схиб, который подозревается в причастности к теракту 11 сентября и которого задержали во время совместной операции в Карачи спустя год. На второй фотографии был изображен Мохаммед Атта, один из угонщиков самолета 11 сентября. Что касается Мохаммеда, я никогда не слышал о нем и не видел его. А вот Рамзи бен аль-Схиба я точно где-то видел, но не мог вспомнить, где и когда. Я понял, что этот парень, должно быть, очень важен, так как агентства всячески пытались установить связь между ним и мной^[33]. По понятным причинам я отрицал, что когда-либо видел его. Просто подумайте, как бы это выглядело, если бы я сказал, что видел этого парня, но не помню, где и когда? Неужели следователь поверил бы в это? Точно нет! И если честно, тогда мне было до смерти страшно.

На следующий день команда ФБР снова пришла ко мне и показала фотографию Разми бен аль-Схиба. Я отрицал, что знаю его, точно так же, как и за день до этого. Тот факт, что я отрицаю свое знакомство с этим человеком, которого я действительно не знал или недолго видел однажды или дважды, но никак не был с ним связан, создавало почву для всех диких теорий о моей связи с терактом 11 сентября. Я действительно не знал его или недолго видел один или два раза, но у нас не было ничего общего. Следователи пытались найти и ухватиться хоть за какую-нибудь ниточку, чтобы расследовать дело, но я совсем не хотел быть этой самой ниточкой.

– Мы бы хотели, чтобы ты прошел тест на детекторе лжи, – сказал Джон.
– Это необязательно, – добавил его коллега.

Но я точно знал, что отказ от этого теста означал бы полное признание своей вины, даже несмотря на то что мы так ни разу и не обсуждали, в чем меня обвиняют. Агенты объяснили мне суть этого теста с помощью переводчика, и я согласился пройти его. Я спросил, когда будет проведен тест.

– В течение следующих нескольких дней.

В это время меня перевели в блок «Лима», где я познакомился с парнем алжирско-боснийского происхождения по имени Мустафа Айт Идир. Он был знаменитым арестантом. Мустафа слышал обо мне и, как и любой другой любопытный человек, хотел узнать больше. Я же, в свою очередь, хотел пообщаться с культурными людьми. Как мне казалось, Мустафа был отличным парнем, мне было очень трудно представить, что он преступник^[34].

В блоке «Лима» в основном содержались заключенные из Европы и Северной Африки. Впервые я познакомился с алжирцами, марокканцами, тунисцами, а также датчанами, шведами, французами и боснийцами. Я был счастлив познакомиться с заключенными из Магриба, потому что я из этого региона, я понимал их шутки лучше и схватывал их

гораздо быстрее, чем шутки арабов. Я пытался познакомиться с другим мавританцем, но нам не разрешали. Единственный раз, когда мы пересеклись, был по дороге в госпиталь, когда нам одновременно стало плохо. По пути он вступил в разгоряченный спор с нашим сирийским переводчиком о работе переводчиков в Гуантанамо, и я воспользовался моментом, чтобы выглянуть наружу из неряшливо залепленного окна. Я увидел девушку на пробежке и несколько водяных труб. Тогда я вспомнил, что за пределами Гуантанамо есть жизнь, и мне внезапно стало очень страшно. Я с тяжелым сердцем признал, что чувствовал себя спокойнее в грузовике, в цепях, в окружении охранников, которым выдали огнестрельное оружие, как только мы покинули лагерь.

Настал день проходить тест на детекторе лжи, и команда сопровождающих в тишине провела меня в «Золотой дом». Я всегда хотел знать, куда меня ведут и зачем. Я помню, однажды команда сопровождающих отказалась говорить мне, куда мы идем. Тогда я подумал, что меня ведут на казнь^[35].

Входя в комнату, где я должен был проходить тест, я ожидал увидеть огромную машину. Я рассказал своим соседям, что меня ожидает тест на детекторе лжи, и Джабир Жубран аль-Файфи^[36], который когда-то был служащим в саудовской армии, сказал, что однажды проходил такой тест. Его описание теста было не очень обнадеживающим. Помимо этого за несколько дней до теста мне в руки попал египетский роман о двойном агенте из Египта, который подвергся проверке на детекторе лжи. Если бы я верил в теории заговоров, я бы сказал, что следователи специально направили ко мне библиотекаря с именно этой книгой. Но я даже не мог понять, зачем им бы это понадобилось. Напугать или воодушевить меня? В романе после долгих часов мучений египтянин одержал победу. Как мне показалось, мораль в том, что ты можешь лгать и пройти тест успешно, а можешь говорить только правду и все равно провалиться.

Из книги и рассказов Джабира я представлял детектор лжи как большую машину, похожую на тренажер, на которую я залезу, и ко мне подсоединят кучу проводов. Затем меня заставят бежать и потеть, в то время как следователи рядом со мной начнут забрасывать меня вопросами и следить за моими жизненными показателями, которые покажут, говорю я правду или вру. Я ожидал много криков и угроз, как в египетском романе. Но когда я вошел в комнату, то увидел большой стол с портативным компьютером, прибором для измерения давления, большой ремень, маленький принтер, много разных проводов и всяких приборов, о которых я ничего не знаю. Мне стало легче, потому что оборудование оказалось не таким устрашающим, каким я его себе представлял. Американский гений никогда не перестанет удивлять меня: с помощью такого маленького устройства они могут решить, врешь ты или нет!

Охранники усадили меня на стул напротив пустого стола и оставили меня одного. Наблюдатель смотрел за моим поведением из соседней комнаты. Когда он решил прервать свою самоизоляцию за стеклом и вошел в комнату, с ним был переводчик, который очень плохо говорил на арабском. Было забавно наблюдать, как они взаимодействуют и как переводчик пытается успеть за своим наставником.

Он начал с историй о своих достижениях, называя многих известных подозреваемых в жестоких преступлениях, которых он спас и отправил домой. Рассказы из «Тысячи и одной ночи» меркли по сравнению с воображением этого парня. Он вкратце объяснил мне технический принцип работы детектора, в основном, чтобы запугать меня и убедить говорить только правду. Скорее всего, Абу Зубайда и другие выслушали то же самое. Он обернул мой живот и грудную клетку ремнями, чтобы измерить частоту дыхания. Затем он закрепил датчик артериального давления на моей руке, а еще один датчик поместил на кончик указательного пальца, объясняя это тем, что я начну потеть, если солгу, и температура моего пальца уменьшится. Затем он начал сложный и тщательный допрос^[37].

Он разложил фотографии подозреваемых угонщиков и организаторов теракта 11 сентября и спросил, знаю ли я кого-нибудь из них. Я не понимал его логику, потому что он показывал мне больше, чем одну фотографию, и спрашивал о них всех, как будто они были связаны между собой и работали вместе. Почему он не показывал их по очереди? Я сказал, что никогда не видел и не разговаривал с ними, несмотря на то что один раз я видел Рамзи бен аль-Схиба. Я не мог вспомнить, где его видел, и решил не упоминать этого, потому что был напуган, особенно из-за того, что ФБР и наблюдатель, очевидно, подозревали его в причастности к теракту 11 сентября.

Наблюдатель сказал, что результаты теста были «неокончательными». Должно быть, он понял, что напрасно не разделил фотографии парней и не спрашивал о них по отдельности. Его попытки убедить меня пройти тест еще раз прошли мимо моих ушей. Я устал, как никогда раньше не уставал, и сказал ему, что мне не очень-то и нужна свобода. Весь процесс был долгим и утомительным. «Comme un jour sans pain»^[38], – как говорят французы, к тому же это на самом деле был день без хлеба. Меня отправили обратно в камеру, я был уверен, что они хотят оставить меня там еще очень надолго.

Спустя пару дней меня забрали для допроса.

– Как ты? – спросил Джон.

Я уже очень давно его не видел.

– Хорошо!

Джон со своими коллегами обсуждали детектор лжи и пытались убедить меня пройти тест снова. Но я отказался. Я на самом деле не мог понять,

почему это может быть для меня выгодно. Еще они пытались узнать у меня что-нибудь о других заключенных. Единая оперативная группа стала жестче обращаться с заключенными, допросы становились все хуже и хуже, а внезапные визиты так называемой «бригады IRF», вытаскивающей «непослушных заключенных», стали в порядке вещей. Однажды целый отряд отправили на обыск нескольких заключенных одновременно. Была глубокая ночь, когда охранники вытащили меня из камеры и начали обыск с наставленной на меня телекамерой и под присмотром контрактников. Я был не один такой, обыскивали весь блок из 48 заключенных. Отношения между арестантами и Единой надзирательной группой стали очень напряженными. Мы никак не могли изменить эту ситуацию, у ЕНГ были все карты^[39].

Во времена командования генерал-майора Данлеви было много проблем, в основном связанных с отчаянием заключенных. Бесконечные допросы. Неуважение к святому Корану со стороны некоторых охранников. Пытка заключенных в холодильных камерах по ночам (хотя этот метод использовался не так часто, как он будет использоваться во время командования генерала Джеффри Миллера). Так что мы решили объявить голодовку. Многие заключенные приняли в ней участие, включая меня. Но я смог продержаться всего четыре дня, после чего стал жалкой тенью самого себя^[40].

– Не смей сломаться, ты подведешь всю группу, – сказал мой саудовский сосед.

– Я говорил вам, парни, я соглашаюсь на голодовку, но не на суицид. Я сломаюсь, – ответил я.

Все стало только хуже, когда командование взял генерал Миллер. Он был трудолюбивым человеком. Такого точно выберут для самой грязной работы, от которой многие другие откажутся. Генерал Миллер был радикальным человеконенавистником. Он полностью изменил условия содержания в Гуантанамо. Он беспрерывно ходил по блокам и давал охранникам и следователям указания, как поступать с нами. Я не знаю, что он говорил им, но так как я был из тех, на кого направлены эти указания, я определенно чувствовал боль.

Генерал Миллер ввел некое подобие классового общества в лагере. Блоки делились на уровни. Всего их было пять. Самым лучшим был первый уровень, к которому приписывались заключенные, сотрудничающие наиболее охотно. Четвертый уровень был для изоляции как меры наказания. Пятый уровень был для людей, которые представляли большую ценность для разведки. Заключенные на этом уровне были полностью отданы на милость своих следователей, что, конечно, для самих следователей было очень удобно. Система была разработана так, чтобы постоянно держать нас на взводе. Один день в раю, следующий в аду.

Сначала, когда нам сообщили о новой системе, я был абсолютно уверен, что меня отправят на первый уровень. Но, к моему отчаянию, меня поместили в блок изгоев; это было худшее, что только могло случиться. Я не понимал, что происходит, ведь у меня никогда не было проблем с охранниками, и я всегда отвечал на вопросы своих следователей и сотрудничал с ними. Но я забыл, что сотрудничать значит говорить именно то, что хотят услышать следователи.

К концу 2002 года меня снова поместили в блок «Оскар». Команда сопровождающих появилась перед моей камерой.

– 760, резервация! – сказали они.

– Хорошо, только дайте мне пару секунд!

Я оделся, умыл лицо. Сердце начало колотиться. Я ненавидел допросы, я устал от того, что меня постоянно запугивают, я устал жить в постоянном страхе на протяжении 13 месяцев.

– Аллах с тобой! Выше голову! Они работают на Сатану! – кричал мой друг-заключенный, чтобы поддержать меня. Мы всегда это делали, когда кого-то из нас забирали на допрос.

Меня раздражал звон тяжелых цепей, я еле-еле тащил их. Людей постоянно забирали для допроса, и каждый раз, когда я слышал звон цепей, то думал, что за мной идут. Ты никогда не знаешь, что будет происходить на допросе, порой люди даже не возвращаются в блок, они просто исчезают. Это случилось с моим марокканским товарищем, и это случится со мной, как вы позже, дай Бог, узнаете.

Войдя в комнату в «Коричневом доме», я увидел новую команду во главе с агентами ФБР. Уильям познакомил меня с агентом ФБР по имени Роберт и с кем-то из Полицейского департамента Нью-Йорка, кого он назвал Томом. Вместе с ними были служащий военной разведки и молодой марокканский парень, который был не арабским, а французским переводчиком^[41].

– Здравствуйте!

– Здравствуй! – сказали они почти хором.

– Я выбрал Роберта и Тома, потому что уверен в их опыте и зрелости, – сказал Уильям. – С этого момента они будут вести твоё дело. В нём ещё есть несколько упущенных деталей. В частности, ты не всё рассказал нам о Рауфе Ханначи. Он очень важный парень!^[42]

– Во-первых, я рассказал вам всё, что знаю о Рауфе Ханначи, даже несмотря на то что я не обязан давать вам информацию о ком-либо. Здесь мы говорим обо мне. Во-вторых, если вы хотите, чтобы я продолжил сотрудничать с вами, я хочу, чтобы вы ответили на один мой вопрос: почему я здесь? Если вы не ответите мне, считайте, что меня не существует.

Позже я узнал у своих адвокатов Нэнси Холлендер, Сильвии Ройс и Терезы Дункан, что волшебная формулировка моей просьбы – это петиция с положением «Хабеас Корпус». Очевидно, эта фраза ни о чем не говорит большинству смертных людей вроде меня. Обычный человек просто сказал бы: «Какого черта вы держите меня взаперти?» Я не юрист, но здравый смысл подсказал мне, что после трех лет допросов и содержания меня в неволе, правительство должно мне хотя бы объяснить причины всего этого. В чем именно заключается мое преступление?

– Это не имеет смысла. Это как если бы кто-то закончил дистанцию в десять миль, пройдя всего девять, – сказал Уильям.

Было бы более точно, если бы он сказал «дистанцию в миллион миль, пройдя всего одну милю».

– Слушайте, это просто, как абв – ответьте на мои вопросы, и я буду сотрудничать с вами!

– Мне нечего тебе ответить! – сказал Уильям.

– Мне тоже! – ответил я.

– В Коране говорится, что, если кто-то убил одну душу, считается, что он убил все человечество, – сказал переводчик, пытаясь достичь перемирия.

Я неодобрительно посмотрел на него.

– Я не тот, кого вы ищете! – сказал я на французском и повторил на простом английском.

Том, офицер нью-йоркской полиции, начал говорить:

– Я уверен, ты против убийства людей. Мы ищем не тебя. Мы пытаемся найти парней снаружи, которые хотят навредить невинным людям.

Он говорил это, показывая фотографии, на которые я отказывался смотреть: каждый раз, когда он пытался подсунуть их мне, я отворачивался. Я не хотел, чтобы он получил удовольствие от того, что я хотя бы посмотрел на них.

– Слушай, Ахмед Рессам сотрудничает с нами, и у него большие шансы уменьшить свой срок до 27 лет, а он очень плохой человек. Кому-то вроде тебя нужно поговорить всего около пяти минут, и ты будешь свободен, – сказал Роберт.

В этой фразе не было ни толики здравого смысла. Когда я обдумал его слова, то подумал: «Боже, парень, который сотрудничает, будет в заключении еще 27 лет, после которых он не сможет насладиться никакой жизнью. Какая же жестокая страна!» Мне жаль, но слова Роберта не заслуживали никакого ответа. На пару с Уильямом он попытался договориться со мной о чем-то, привлекая к разговору агента из военной разведки, но меня уже ничто не могло убедить^[43].

Было понятно, что следователи привыкли к тому, что заключенные переставали сотрудничать через некоторое время. Так же как я учился у других заключенных не сотрудничать, следователи учились друг у друга обращаться с теми, кто отказывается помогать им. Допрос подошел к концу, и меня отправили обратно в камеру. Я был доволен собой, ведь теперь я относился к большинству заключенных: к тем, кто не сотрудничал. Теперь меня не очень волновало, что я могу находиться в тюрьме до конца жизни. Меня больше бесило, что от меня ожидают сотрудничества. Вы запираете меня в клетку, я не даю вам информации. На том и порешим.

Допросы продолжились с новой командой. Уильям редко посещал их.

– Я не буду приходить до тех пор, пока ты не выдашь нам всю имеющуюся у тебя информацию, – сказал он однажды. – Тем не менее так как мы американцы, мы обращаемся с вами по самым высоким стандартам. Посмотри на заключенного 207, мы предлагаем ему медицинское лечение по самым современным технологиям.

Заключенный, которого он упомянул, был молодым арабом по имени Мишаль Алхабири, во время заключения он был серьезно ранен, а парни из ЕОГ сказали, что он пытался покончить с собой. Следователи несколько раз использовали эту историю, чтобы показать, что США гуманно относятся к заключенным^[44].

– Вы просто хотите, чтобы он оставался живым, потому что у него может быть нужная вам информация, и, если он умрет, информация умрет вместе с ним! – ответил я. Американские следователи всегда упоминали бесплатную еду и медицинские препараты для всех заключенных. На самом деле я вообще не понимаю, какие у них еще есть альтернативы! Лично меня держали в заключении в недемократических странах, и медицинское обслуживание было высшим приоритетом. Если заключенный сильно заболит, он не выдаст нужные данные и, скорее всего, умрет. Это здравый смысл.

Еще два месяца мы спорили.

– Отведите меня в суд, и я отвечу на все вопросы, – говорил я команде.

– Суда не будет, – отвечали они.

– Вы мафия? Вы крадете людей, запираете их и шантажируете, – сказал я.

– Вы, парни, настоящая проблема для закона. Мы не можем применить к вам обычный свод законов. Нам хватит только косвенных доказательств, чтобы уничтожить тебя, – сказал Том.

– Я же ничего не совершал против вашей страны, не так ли?

– Ты – часть большого заговора против США! – сказал Том.

– Вы можете сказать это кому угодно! Что я сделал?

– Я не знаю, ты мне скажи!

– Смотрите, вы похитили меня из моего собственного дома в Мавритании, не на поле боя в Афганистане, потому что вы подозревали меня в причастности к заговору «Миллениум», к которому, как вы знаете сейчас, я не причастен. Так что дальше? Для меня это выглядит так, будто вы хотите повесить на меня что-то.

– Я не хочу ничего вешать на тебя. Просто мне жаль, что ты не видел документы, к которым у меня есть доступ, – сказал Роберт.

– Мне неважно, что написано в документах. Я просто хочу, чтобы вы посмотрели на сообщения от января 2000 года, связывающие меня с заговором «Миллениум». И теперь, после сотрудничества с Ахмедом Рессамом, вы знаете, что я не причастен к нему.

– Не думаю, что ты причастен к нему, и также не верю, что ты знаком с Ахмедом Рессамом, – сказал Роберт. – Но я знаю, что ты знаешь людей, которые знают Рессама.

– Я не знаю, но не вижу проблемы, если все дело в этом, – ответил я. – Знать кого-то – это не преступление, кто бы этот человек ни был.

Молодой египтянин, который в тот день был переводчиком, пытался убедить меня сотрудничать. Почти как и все остальные переводчики в Гуантанамо, он называл себя Мохаммед.

– Слушайте, я пришел сюда, жертвуя своим свободным временем, чтобы помочь вам, парни. Единственный способ помочь себе – говорить, – сказал он.

– Тебе не стыдно работать на этих злых людей, которые арестовывают твоих братьев по вере без какой-либо причины, кроме того, что они мусульмане? – спросил я его. – Мохаммед, я старше тебя, я знаю больше языков, у меня лучше образование, и я был в гораздо большем количестве стран, чем ты. Я понимаю, что ты здесь, чтобы помочь самому себе и заработать денег. Если ты и пытаешься обмануть кого-то, то только самого себя!

Я так взбесился, потому что он говорил так, будто я ребенок. Роберт и Том просто смотрели.

Подобные разговоры случались раз за разом во время допросов. Я продолжал говорить: «Вы говорите мне, почему я здесь, я буду сотрудничать. Вы не говорите мне, я не буду сотрудничать. Но мы всегда можем поговорить о чем угодно, кроме допроса».

Роберту понравилась эта идея. Он уверил меня, что попросит своего начальника предоставить ему причины моего ареста, потому что сам он их не знал. Тем временем он много рассказал мне о культуре и истории Америки, США и Исламе, США и арабском мире. Мне начали показывать фильмы. Я посмотрел «Гражданскую войну», «Мусульман в США» и несколько других передач о терроризме с «Линии фронта». «Все это

дерьмо случается из-за ненависти, – говорил он. – Ненависть – причина всех бед».

– Я буду показывать тебе доказательства одно за другим, – сказал однажды Роберт. – Есть один важный парень из «Аль-Каиды», который говорит, что ты вовлечен.

– Полагаю, вам не нужно меня спрашивать о чем-либо, если у вас есть свидетель. Просто отведите меня в суд и уничтожьте меня, – сказал я. – Согласно вашему свидетелю, что я сделал?

– Он сказал, что ты – часть заговора.

Я уже очень устал от слов «Большой заговор против Соединенных Штатов». Сколько бы я с ним ни спорил, Роберт не давал мне ни за что зацепиться.

Что насчет Тома из нью-йоркской полиции, он не особо любил спорить.

– Если правительство считает, что ты причастен к чему-то, они отправят тебя в Ирак или обратно в Афганистан, – сказал он^[45].

– Так что, если вы будете пытаться меня, я расскажу вам все?

– Нет, смотри. Если мама спрашивает ребенка, сделал ли он что-то плохое, он может соврать. Но, если она ударит его, он во всем сознается, – ответил Том.

Мне нечего было ответить на эту аналогию. В общем, тем «важным парнем из «Аль-Каиды» оказался Рамзи бен аль-Схиб. Они сказали, что Рамзи сказал, будто я помог ему добраться до Чечни с двумя другими парнями, которые впоследствии оказались среди угонщиков самолетов, но я этого не делал. Хотя я и видел его один или два раза в Германии, я даже не знал, как его зовут. Если бы я и помог им добраться до Чечни, это не было бы преступлением. Но я не совершал и этого.

К тому времени я знал о всех пытках, которым подвергся Рамзи бен аль-Схиб после ареста в Карачи. Свидетели, которых также задержали вместе с ним, сказали: «Мы думали, что он мертв. Мы слышали его плач и крики день и ночь, пока его не забрали от нас». По лагерю ходили слухи, что он умер от пыток. Пытки от надзирателей были обычным делом и исполнялись профессионально. Я слышал много рассказов об этом от заключенных, которые даже не знали друг друга, так что это точно была правда. И, как вы позже увидите, я подвергся пыткам в Гуантанамо так же, как и многие другие заключенные. Да вознаградит нас всех Аллах.

– Я не верю в пытки, – сказал Роберт.

Я не рассказал ему, что знаю о том, что Рамзи пытали. Но то, что правительство отправило меня, Мамдуха Хабиба и Мохаммеда Саад Икбала в другую страну под стражу с применением пыток, означало, что правительство верит в пытки. То, во что верит Роберт, не имело особого значения по сравнению с правосудием США во времена войны^[46].

Что касается Тома, ему нужно было получить из меня информацию как можно скорее, используя классические полицейские методы. Однажды он предложил мне еду из Макдональдса, но я отказал, потому что не хотел быть ему должным.

– Военные пытаются перевести тебя в очень плохое место, а мы не хотим этого допустить! – предупредил он меня.

– Дайте им сделать это. Я привыкну. Вы держите меня в тюрьме независимо от того, сотрудничаю я с вами или нет. Так почему я должен помогать вам? – сказал я, еще не зная, что американцы используют пытки, чтобы упростить допросы. Я устал от того, что каждый день меня допрашивают. Моя спина была явно настроена против меня. Я даже просил медицинскую помощь.

– Вам нельзя сидеть так долго, – сказала военная девушка-терапевт.

– Пожалуйста, скажите это моим следователям, потому что они заставляют меня сидеть часами каждый день.

– Я напишу им об этом, но не уверена, что это поможет, – ответила она. Это не помогло. Напротив, в феврале 2003 года Том умыл руки^[47].

– Я собираюсь покинуть тебя, но если ты готов поговорить о своих телефонных разговорах, дай мне знать, и я вернусь, – сказал он.

– Уверяю вас, я не буду говорить о чем-либо до тех пор, пока вы не ответите на мой вопрос: «Почему я здесь?».

РАНЕЕ

~~SECRET~~~~NOFORN~~~~PROTECTED~~

285

or crying. ~~At~~ Ultimately I ended up doing both. I kept reading the short message over and over. I knew it was for real from my mom not like the fake ^{one} I got one year ago. The only problem I couldn't respond the letter b/c I was still then not allowed to see the ICRC.

was the one who handed me that historical piece of paper. The First Unofficial Laughter in the Ocean of Tears:

~~_____~~ kept getting me English literature books I enjoyed reading, most of them were Western. But I remember still remember one book called The Catcher in The Rye that made me laugh until my stomach hurt. It was a funny book. I kept trying to keep my laughter as low as possible and pushing it down, but the guards felt something. "Are you crying?" asked me one of them. "No, I am alright!" I responded. And since interrogators are not professional comedians, most of the humor they, sometimes, came up with ~~with~~ a bunch of lame jokes that really didn't make me laugh, but I forced myself to always to an official smile. ~~_____~~

~~_____~~ came on Sunday morning and waited outside the building. ~~_____~~ appeared before my cell ~~_____~~. I didn't recognize him. I thought he was a new interrogator. But he spoke I knew it was him. "Are ~~_____~~" - "Don't worry. Your interrogator is waiting outside on you" - I was overwhelmed and terrified at the same time. It was too much for me. ~~_____~~ led me outside the building where ~~_____~~

~~SECRET//NOFORN~~~~PROTECTED~~

II

Сенегал – Мавритания

21 января 2000 – 19 февраля 2000

Первое задержание в Сенегале. Возвращение домой с сопровождением. Первый допрос в Мавритании. Безвыходная ситуация. США раздувают дело.

Мавританский анекдот рассказывает о человеке, который боялся петухов. Каждый раз, когда он видел петуха, он чуть не сходил с ума.

– Почему вы так боитесь петухов? – спрашивает его психиатр.

– Петух думает, что я зерно.

– Вы не зерно. Вы очень большой человек. Никто не может перепутать вас с маленьким зернышком, – говорит психиатр.

– Я знаю об этом, доктор. Но петух не знает. Ваша задача – пойти и убедить его, что я не зерно.

Этот человек так и не вылечился, потому что разговаривать с петухами невозможно. Конец.

Годами я пытался убедить правительство США, что я не зерно.

Все началось в январе 2000 года, когда я возвращался в Мавританию спустя 12 лет жизни за границей. 21 января 2000 года в восемь часов вечера мои друзья Ахмид Лаабиди и библиотекарь суннитской мечети подбросили меня до аэропорта Дорваль в Монреале. Я купил билет авиалиний «Сабена» на ночной рейс до Дакара с пересадкой в Брюсселе. Я прибыл в Брюссель утром, уставший и сонный. Забрав багаж, я свалился на одну из скамеек в транзитной зоне и использовал сумку как подушку. Одно я знал наверняка. Кто угодно мог украсть мою сумку, потому что я слишком сильно устал. Я поспал час или два и, когда проснулся, отправился искать уборную, чтобы умыться, и место, где можно помолиться.

Аэропорт был маленький, чистый и опрятный. Там были рестораны, магазины Duty-Free, телефонные будки, компьютеры с интернетом, мечеть, церковь, синагога и бюро психологической помощи для атеистов. Я посетил все дома Божьи и был впечатлен. Я подумал: «Это, может быть, именно та страна, в которой я хочу жить. Почему бы мне просто не пойти и не попросить убежища? Я говорю на языке, и у меня достаточно хорошая квалификация, чтобы устроиться на работу в сердце Европы». Я был в Брюсселе до этого, и мне очень нравилась многокультурная жизнь и множество прекрасных видов города.

Я уехал из Канады, потому что США натравили на меня свои службы безопасности, но они не арестовали меня, а просто начали слежку.

Сейчас я понимаю, что быть преследуемым не так страшно, как быть в тюрьме. В итоге они бы просто выяснили, что я не преступник. «Ты не учишься на своих ошибках», – всегда говорила мне мама. Я никогда не верил, что США злобно пытались отправить меня куда-то, где законы не имеют значения.

Граница была в дюймах от меня. Если бы я пересек ее, то никогда не написал бы эту книгу.

Вместо этого я помолился в маленькой мечети. Было очень тихо, там господствовало спокойствие. Я так устал, что прилег в мечети, почитал Коран какое-то время и вскоре уснул.

Я проснулся от звуков шагов какого-то парня, который пришел молиться. Казалось, он хорошо знает место и уже много раз пользовался аэропортом. Он был высокий и худой, дружелюбный. Ему было около 30 с чем-то лет, может быть, чуть за 40. Мы поздоровались после того, как он закончил молиться.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он меня.

– Я здесь проездом. Я прилетел из Канады и собираюсь отправиться в Дакар.

– Откуда ты?

– Из Мавритании. А ты?

– Я из Сенегала. Я веду торговлю между своей страной и Эмиратами. И я жду тот же рейс, что и ты.

– Хорошо, – сказал я.

– Пойдем отдохнем. Я член клуба такого-то, – предложил он, название клуба я не запомнил.

Мы пошли туда, и он оказался просто восхитительным. Телевидение, кофе, чай, печенье, удобный диван, газеты. Я слишком сильно устал, поэтому провел большую часть времени во сне на диване. В какой-то момент мой сенегальский друг захотел пообедать и разбудил меня, чтобы я составил ему компанию. Я боялся, что не смогу вернуться в клуб, потому что у меня не было клубной карты, и они позволили мне войти, только потому что мой сенегальский друг показал карту, подтверждающую его членство в клубе. Тем не менее урчание живота было громче моих сомнений, поэтому я решил выйти и пообедать. Я отправился к прилавку авиалиний «Сабена» и попросил талон на бесплатный обед, после чего нашел ресторан. Большинство позиций в меню были со свининой, поэтому я решил остановиться на вегетарианской еде.

Я вернулся в клуб и встретился со своим другом. Затем мы услышали объявление о посадке на рейс «Сабена» № 502 в Дакар. Я выбрал Дакар, потому что это было намного дешевле, чем лететь напрямую в Нуакшот в Мавритании. Дакар всего в трехстах милях от Нуакшота, и я

договорился со своей семьей, чтобы они встретили меня там, – путешественники часто так делают.

Во время полета я был полон сил, потому что хорошо поспал в аэропорту Брюсселя. Рядом со мной сидела молодая француженка, которая жила в Дакаре и изучала медицину в Брюсселе. Я думал о том, что мои братья могут не успеть приехать в аэропорт вовремя, и мне придется провести ночь в отеле. Француженка великодушно рассказала мне о ценах в Дакаре и о том, как сенегальцы пытаются содрать побольше денег с незнакомцев, особенно таксисты.

Полет длился около пяти часов. Мы прибыли около 11 вечера, и все формальные процедуры заняли полчаса. Забирая свой багаж, я вновь случайно встретился со своим сенегальским другом, и мы пожелали друг другу счастливого пути. Как только я отвернулся, таща за собой чемодан, я увидел своего улыбающегося брата Хамуда. Очевидно, он увидел меня раньше, чем я его. Хамуд был вместе с нашим старшим братом Мохаммедом Салемом и со своими двумя друзьями, которых я не знал.

Мохаммед Салем забрал мою сумку, и мы направились в сторону парковки. Мне нравилась теплая ночная погода, которая встретила меня, когда я вышел из аэропорта. Мы болтали и восторженно спрашивали друг у друга, как наши дела. Как только мы перешли дорогу, если честно, я не могу описать, что со мной произошло. Все, что я знаю, это то, что меньше чем за секунду на меня надели наручники, и я оказался окружен группой призраков, которые отделили меня от моей компании. Сначала я подумал, что это было вооруженное ограбление, но, как оказалось, это было немного другое ограбление.

– Именем Закона вы арестованы, – сказал специальный агент, пока застегивал наручники.

– Меня арестовывают! – Я звал своих братьев, которых уже не видел.

Я подумал, что, если они внезапно потеряют меня, им будет очень больно. Я не знал, слышали они или нет, но, как оказалось, они действительно меня слышали, потому что мой брат Мохаммед Салем потом все время издевался надо мной и говорил, что я трус, потому что звал на помощь. Может, это и так, но что случилось, то случилось. Чего я не знал, так это того, что моих братьев и их двоих друзей арестовали тоже. Да, двух друзей, один из которых проделал весь путь из Нуакшота с моими братьями, и другой, чей брат живет в Дакаре, случайно решил отправиться в аэропорт, как раз для того, чтобы быть арестованным как «соучастник». Какая удача!

Если честно, я не был готов в такой несправедливости. Если бы я знал, что американские следователи до такой степени несправедливы, я бы и не уезжал из Канады или из Бельгии, где я останавливался. Почему Соединенные Штаты не арестовали меня в Германии? Германия – один из самых близких союзников США. Почему они не арестовали меня в Канаде? Канада и США – это почти одна и та же страна. Следователи из

США заявляли, что я покинул Канаду из-за страха быть арестованным, но это совершенно не имеет смысла. Во-первых, я покинул Канаду, используя паспорт со своим настоящим именем, чтобы пройти все формальные процедуры, включая все виды регистрации. Во-вторых, где лучше быть арестованным: в Канаде или Мавритании? Конечно же, в Канаде! И почему США не арестовали меня в Бельгии, где я пробыл почти 12 часов?

Я полностью понимаю гнев и отчаяние, которые вызывает терроризм в США. Но бросаться на невинных людей и причинять им страдания, одновременно ища ложные доказательства, никому не помогает. Это только усугубляет проблему. Я всегда говорил американским агентам: «Парни! Спокойно! Думайте, прежде чем что-то делать! Имейте в виду хотя бы крошечную вероятность, что вы взяли не того, перед тем, как навредите ему». Но когда случается что-то плохое, люди пугаются и теряют самообладание. За последние шесть лет меня допрашивали более сотни следователей из разных стран, и у всех них есть кое-что общее – замешательство. Может, правительство хочет, чтобы все было именно так, кто знает?

Как бы то ни было, полиция в аэропорту вмешалась, когда заметила, что нас задержали. Агенты были одеты в гражданское, поэтому их было несложно перепутать с группой бандитов, совершающей ограбление. Но парень сзади меня показал волшебный значок, и полицейские сразу же ушли. Нас пятерых закинули в фургон для перевозки скота, и вскоре к нам присоединился еще один друг, тот, с которым я познакомился в Брюсселе, просто потому, что мы пожелали друг другу счастливого пути.

Охранники залезли в фургон вместе с нами. Их главный сел на переднее пассажирское сиденье, но он все равно мог видеть и слышать нас, потому что стекла, обычно разделяющего водителя от грузовой части, тут не было. Грузовик поехал так, мы будто попали в голливудскую сцену погони. «Ты угробишь нас», – должно быть, сказал один из охранников, потому что водитель немного сбавил скорость. Местный паренек, который приехал с моими братьями, сходил с ума. Регулярно он выкрикивал какие-то неразборчивые слова, выражающие его беспокойство и расстройство. Как выяснилось, он думал, что я торгую наркотиками, и успокоился ровно в тот момент, когда выяснилось, что меня подозревают в причастности к терактам! Так как я был главным виновником всего происходящего, мне было очень неприятно, что я причиняю так много проблем окружающим. Единственное, что меня успокаивало, это то, что я не хотел всего этого, к тому же в какой-то момент страх затмил все остальные эмоции.

Сев на жесткий пол, я почувствовал себя немного лучше в окружении людей, в том числе и агентов специального назначения. Я начал читать вслух Коран.

«Заткнись!» – сказал главный с переднего сиденья. Но я не заткнулся, я просто начал читать тише, но все равно недостаточно тихо для босса. «Закрой рот!» – сказал он, но в этот раз замахнулся на меня палкой. «Ты пытаешься заколдовать нас!» Я знал, что он был настроен серьезно, поэтому начал молиться про себя. Я не пытался заколдовать кого-либо, и я даже не знаю, как это сделать. Но африканцы – самый доверчивый и суеверный народ, который я знаю.

Дорога заняла минут 15–20, было немного за полночь, когда мы прибыли в комиссариат. Организаторы операции, стоявшие позади грузовика, вступили в диалог с моим брюссельским другом. Я ничего не понял, потому что они говорили на местном языке волоф. Через некоторое время парень забрал свой багаж и ушел восвояси. Позже я спросил своих братьев, которые знают язык волоф, что он сказал полиции. Оказалось, он объяснил, что никогда до этого не видел меня в Брюсселе и не знал, что я террорист.

Мы остались сидеть в грузовике впятером. На улице было очень темно, но я слышал, что мимо ходили люди. В грузовике мы прождали от 40 минут до часа. Я стал нервничать еще сильнее, когда парень с пассажирского сиденья сказал: «Ненавижу работать с белыми», хотя он употребил слово «мавры», поэтому я подумал, что они ждут мавританскую команду. Меня затошнило, сердце затрепетало, как перышко на ветру, я весь сжался, чтобы не потерять самообладание. Я думал обо всех пытках, о которых когда-либо слышал, и гадал, как меня будут пытать этой ночью. Я перестал что-либо видеть и будто оглох; после той фразы я мог слышать лишь невнятный шепот. Я уже не чувствовал, что братья были рядом со мной, в том же грузовике. Только Бог мог помочь мне. Бог никогда не подводит.

«Вылезай!» – крикнул кто-то нетерпеливо. Я пробрался к дверям грузовика, и охранник помог мне спуститься. Нас привели в помещение, полное комаров, готовых начать пир. Они даже не стали ждать, пока мы уснем, они сразу начали свое дело и стали рвать нас на части. Очень забавно, что маленькие комариные стайки ведут себя скромно, а полчища насекомых – грубо. В первом случае они ждут, пока ты уснешь, а во втором сразу начинают кусать тебя, как будто говоря: «И что ты с этим сделаешь?». На самом деле ничего. Туалет там был максимально грязный, что создало отличные условия для размножения комаров.

Я был единственным, на кого надели наручники.

– Я бил тебя? – спросил парень, пока снимал с меня их. – Нет.

Подняв глаза, я увидел, что на запястьях появились ссадины. Следователи стали забирать нас одного за другим на допрос, начиная с незнакомцев. Это была очень долгая, страшная и темная ночь.

Моя очередь пришла незадолго до рассвета.

В допросной были две женщины: белая американка, которая, скорее всего, была служащей разведки США в Сенегале, и шериф местной сенегальской полиции. Еще там были двое мужчин – сенегальский следователь и его помощник. Полицейская была главной в полицейском участке, но она не участвовала в допросе. Она так устала, что несколько раз даже засыпала. Американка делала записи и иногда передавала их следователю. Следователь был тихим, тощим, умным, достаточно религиозным и мудрым человеком.

– Против тебя выдвинуты очень серьезные обвинения, – сказал он, доставая толстую стопку бумаг из ярко-желтого конверта. Он еще не вынул документы, а я уже точно мог сказать, что он уже много раз читал их. И я уже знал, о чем он будет говорить, потому что канадцы уже допрашивали меня.

– Я ничего не сделал. США хотят очернить ислам, обвиняя мусульман в таких ужасных событиях.

– Ты знаешь, кто такой Ахмед Рессам?

– Нет. Я вообще думаю, что вся история о нем вымышлена, чтобы навредить мусульманам.

Я говорил откровенно. Тогда я не знал многого, что знаю сейчас. Я верил в теории заговора, но, наверно, не так же сильно, как правительство США.

Следователь спрашивал меня и о других людях, большинство из которых я не знал. Те люди, которых я знал, не были замешаны ни в каких преступлениях, или по крайней мере, я ничего не знал о них. Напоследок сенегальцы спросили меня о моем отношении к США и о том, почему я путешествую через их страну. Я совсем не понимал, как мое отношение к стране влияет на что-либо. Я не житель США и никогда не хотел попасть туда. К тому же я всегда мог соврать. И, если я не совершал никаких преступлений, не имеет значения, люблю я США или ненавижу их. Я объяснил все это сенегальскому следователю.

– Кажется, ты очень устал! Предлагаю тебе поспать. Знаю, это тяжело, – сказал он.

Конечно, я до смерти устал и был голоден. Охранники вернули меня в маленькую комнату, где мои братья и их друзья лежали на полу и сражались с самыми эффективными комариными ВВС Сенегала. Спали ли мы? Не особо.

Следователь со своим помощником пришли рано утром. Они освободили двух парней и забрали нас с братьями в главное здание Министерства внутренних дел. Следователь, который оказался важным человеком в правительстве Сенегала, отвел меня в свой офис и позвонил министру.

– Этот парень передо мной – не глава террористической организации, – сказал он.

Я не смог расслышать, что ответил министр.

– Что касается меня, я не заинтересован в том, чтобы держать его в тюрьме. Да и причин для этого у меня нет, – продолжил следователь. Он был краток и прямолинеен.

Тем временем мои братья хорошо устроились, купили что-то и начали заваривать чай. Чай – единственное, что помогает мавританцу выжить, с Божьей помощью. Мы давно ничего не ели и не пили, и чай – первое, что пришло в голову. Прошло немало времени с тех пор, как мы хоть что-то пили или ели, но первое, что пришло нам на ум, это чай.

Я был счастлив, что та тонна бумаги, которую США предоставили Сенегалу, не впечатлила их. Моему следователю не понадобилось много времени, чтобы понять, что к чему. Мои братья заговорили с ним на волофе. Я спросил, о чем они говорили, и они объяснили, что правительству Сенегала нет смысла держать меня в тюрьме, но принимать окончательное решение будут люди из США. Никому эта ситуация не нравилась, потому что все понимали, к какому решению придут американцы.

– Мы ждем кое-кого из посольства США, – сказал следователь.

Около 11 часов появилась чернокожая американка. Она сделала несколько фотографий, сняла отпечатки пальцев и забрала записи, которые сделал помощник следователя утром. Моим братьям было комфортнее с чернокожей женщиной, чем с той белой, которую они видели прошлой ночью. Людям комфортно в окружении тех, кого они часто видят. И так как половина населения Мавритании – чернокожие, моим братьям было проще доверять им. Но это было наивно. В любом случае, черная или белая, она просто была посланником.

Закончив работу, американка сделала пару телефонных звонков, отвела следователя в сторону и, кратко переговорив с ним, ушла. Инспектор сообщил, что мои братья могут идти, а меня продержат еще какое-то время.

– Думаете, мы можем подождать, пока его освободят? – спросили братья.

– Я бы посоветовал вам пойти домой. Если его освободят, он сможет сам найти дорогу.

Братья ушли, и я почувствовал себя брошенным и одиноким, хотя я считал, что они все сделали правильно.

В течение следующих нескольких дней сенегальцы продолжали допрашивать меня об одном и том же. Вопросы передавали от американских следователей. Больше они ничего не предпринимали – они не применяли силу и не угрожали, все ограничилось только вопросами. Еда в тюрьме была ужасной, поэтому мои братья договорились со знакомой семьей в Дакаре, чтобы они мне раз в день приносили еду, что они и делали.

Я беспокоился только о том, чтобы убедить правительство США, что я не зерно. У моего единственного товарища по камере в Сенегале была совсем другая забота. Он хотел тайно перебраться в Европу или США. У нас явно были разные Джульетты. Молодой человек из Кот-д'Ивуара намеревался покинуть Африку.

– Мне не нравится в Африке, – рассказал он мне. – Многие мои друзья погибли. Все живут в нищете. Я хочу в Европу или США, я уже пытался дважды попасть туда. В первый раз мне удалось попасть в Бразилию, обхитрив работников порта. Но один африканец предал нас и сдал бразильским властям, которые отправили нас в тюрьму, а затем депортировали в Африку. Бразилия – прекрасная страна с очень красивыми женщинами, – добавил он.

– Как ты можешь такое говорить? Ты все время пробыл в тюрьме! – перебил я.

– Да, но охранники регулярно выводили нас погулять по окрестностям и потом возвращали в тюрьму, – улыбнулся он. – Знаешь, брат, во второй раз я почти смог добраться до Ирландии. Но безжалостный капитан не выпустил меня с корабля и передал таможенникам.

«Звучит по-колумбовски», – подумал я и поинтересовался:

– Как ты вообще попал на корабль?

– Очень легко, брат. Я подкупил нескольких рабочих в порту. Они тайно провели меня на корабль до Европы или США. Для меня это не имело значения. Недельку я прятался в зоне для контейнеров, потом провизия закончилась, и я начал общаться с командой. Сначала они пришли в ярость. Капитан корабля направлялся в Ирландию, и он был так взбешен, что хотел утопить меня.

– Ну и животное! – перебил я, но мой друг продолжил:

– Но через какое-то время команда приняла меня, накормила и дала мне работу.

– Как тебя поймали на этот раз?

– Те, кого я подкупил, обманули меня. Они сказали, что корабль направляется напрямик в Европу, но мы сделали остановку в Дакаре, таможенники забрали меня с корабля, и вот я здесь!

– Каков твой следующий план?

– Я буду работать, откладывать деньги и потом попробую еще раз.

Мой товарищ намеревался покинуть Африку любой ценой. Более того, он был уверен, что однажды сможет ступить на желанные земли.

– Парень, жизнь в Европе на самом деле выглядит совсем не так, как нам показывают по телевизору, – сказал я.

– Нет! – ответил он. – Мои друзья удачно перебрались в Европу и отлично живут там. Красивые женщины и много денег. В Африке плохо.

– В Европе ты так же можешь угодить в тюрьму.

– Мне плевать. Тюрьма в Европе хорошая. Африка плохая.

Насколько я понял, этого парня совершенно ослепили богатые страны, которые намеренно показывают нам, бедным африканцам, картинку «рая», в который нам никогда не попасть, хотя в чем-то он был прав. В Мавритании большая часть молодежи мечтает эмигрировать в Европу или США. Если политика африканских стран не изменится к лучшему, мы переживем катастрофу, которая затронет весь мир.

Его камера была ужасной. Моя была немного лучше. У меня был очень тонкий старый матрас, а у него была только картонка, на которой он спал. Обычно я давал ему свою еду, потому что я не могу есть, когда нервничаю. Кроме того, мне приносят еду родственники, а ему приходится есть тюремную пищу. Охранники разрешали нам проводить время вместе днем, а вечером они запирали его. Моя камера всегда была открыта. За день до того, как меня экстрадировали в Мавританию, посол Кот-д'Ивуара прибыл, чтобы подтвердить личность моего товарища. Конечно же, у него не было документов.

– Мы освобождаем тебя! – радостно сказал помощник следователя, который допрашивал меня последние несколько дней.

– Спасибо! – перебил я его, глядя в сторону Мекки, потому что хотел скорее упасть на пол, чтобы поблагодарить Бога за свое освобождение.

– Тем не менее мы должны забрать тебя на родину.

– Нет, я знаю дорогу, я сам доберусь туда, – сказал я, думая о том, что на самом деле я не очень хочу возвращаться в Мавританию. Может, поехать в Канаду или еще куда-нибудь. Мое сердце достаточно настрадалось.

– Мне жаль, но мы обязаны передать тебя лично!

Счастье сменилось болью, страхом, нервозностью, беспомощностью, замешательством и другими чувствами, которые я не могу описать.

– Собирай свои вещи! – сказали мне. – Мы выдвигаемся.

Я с горечью в сердце начал собирать свои личные вещи, которых было совсем немного. Инспектор взял мою большую сумку, а я нес маленький портфель. Во время задержания американцы скопировали все мои документы и отправили их в Вашингтон на анализ.

Было около пяти часов вечера, когда мы вышли за ворота полицейского комиссариата. Там нас ждал внедорожник «мицубиси». Инспектор положил сумки в багажник, и мы заняли задние сиденья. Слева от меня сидел охранник, которого я до этого никогда не видел. Он был старше меня и намного крупнее. Он был довольно тихим. Всю дорогу он вел себя расслабленно и смотрел только вперед, только иногда поглядывая на меня краем глаза. Я терпеть не мог, когда охранники пялились на

меня, как будто никогда раньше не видели млекопитающее. Справа от меня сидел инспектор, а на переднем сиденье устроился следователь.

Водитель был белым американцем 40 с чем-то лет, ростом около 5 футов и 8 дюймов (177 сантиметров). Это и был тот человек, который отдавал приказы и сенегальцам, и мавританцам. По его коже было видно, что он провел некоторое время в теплых странах, но точно не в Сенегале, потому что следователь постоянно указывал ему дорогу до аэропорта. Или, может, он просто искал кратчайший путь, я не знаю. Он разговаривал на французском с сильным акцентом, хотя почти все время молчал. Он говорил только по делу, когда было необходимо; за всю дорогу ни разу не обратился ко мне. Двое других следователей пытались пообщаться со мной, но я молчал, потому что продолжал про себя читать Коран. Из уважения сенегальцы не конфисковали мой Коран, как это делают мавританцы, иорданцы и американцы.

Дорога до аэропорта заняла около 25 минут. Пробок практически не было. Белый водитель быстро нашел место для парковки, и мы вышли из машины. Всю дорогу до зала ожидания охранники несли мой багаж. Впервые я избежал всех принятых формальностей при перелете из одной страны в другую. Было приятно, но мне не удалось этим насладиться. Казалось, все в аэропорту были готовы к нашему приезду. Впереди шли следователь и белый парень, демонстрируя свои волшебные значки направо и налево. Было очевидно, что на самом деле у страны нет суверенитета, она все еще была колонизирована самым неприятным образом. В так называемом свободном мире политики проповедуют такие понятия, как демократия, свобода, мир и права человека. Какое лицемерие! Тем не менее большинство людей верят в этот пропагандистский мусор.

В зале ожидания никого не было. Мы сели, и один из сенегальцев взял мой паспорт, чтобы поставить штамп. Я думал, что полечу обычным рейсом Air Afrique, который вылетал в Нуакшот в тот день. Но мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что я полечу на личном самолете. Когда человек с моим паспортом вернулся, мы сразу же пошли к взлетной полосе, где уже стоял маленький белый самолет с заведенными двигателями и готовый ко взлету. Американец показал нам жестом, чтобы мы остановились, и быстро переговорил с пилотом. Возможно, следователь был с ним, я не помню. Мне было слишком страшно, чтобы я мог запомнить что-нибудь.

Вскоре нам сказали зайти в самолет. Он был настолько маленьким, насколько это вообще возможно. Нас было четверо, и мы едва смогли протиснуться в самолет, опустив голову и согнув спину. У пилота было самое комфортное место. Она была француженкой, судя по акценту. Это была очень разговорчивая худая блондинка немного в годах. Она не говорила со мной, но обменялась парой слов с инспектором. Позже я узнал, что она рассказала своим друзьям из Нуакшота о секретной посылке, которую она везла из Дакара. Большой охранник и я

протиснулись и согнулись на задних сиденьях напротив инспектора, место которого было немного лучше. Очевидно, что самолет был перегружен.

Следователь и американец дождались, пока самолет взлетит. Я не обращал внимания на разговор пилота и инспектора, но в какой-то момент услышал, что она говорит, что лететь нам всего 300 миль, и это займет от 45 минут до часа в зависимости от направления ветра. Звучало как что-то из средневековой навигации. Инспектор пытался поговорить со мной, но нам не о чем было разговаривать; как по мне, все уже было сделано и сказано. Я понимал, что ему нечего сказать, чтобы помочь мне, так почему я должен общаться с ним?

Я ненавижу летать в маленьких самолетах, потому что их очень сильно трясет, и мне всегда кажется, что ветер их просто сдует. Но в этот раз было по-другому. Мне не было страшно. На самом деле я хотел, чтобы самолет разбился, а я остался единственным выжившим. Я знал бы, куда мне идти, ведь это была моя страна, я здесь родился, и кто угодно обеспечил бы меня едой и ночлегом. Я тонул в своих мечтах, но самолет не разбился. Напротив, он становился все ближе и ближе к пункту назначения. Ветер помогал ему. Я думал о своих невинных братьях, которых, как и раньше, переправляют сейчас в незнакомые места и страны, и я чувствовал себя спокойнее, потому что мне было не так одиноко. Меня поддерживали мысли о других людях, которых незаслуженно обвиняют. Я слышал много историй о том, что моих братьев бросают туда-сюда как футбольный мяч, просто потому, что они однажды побывали в Афганистане, Боснии или Чечне. Это так несправедливо! За тысячи миль от них я чувствовал теплое дыхание этих самых несправедливо обвиненных. Всю дорогу я читал про себя Коран, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг.

Моя компания, кажется, хорошо проводила время, оценивая погоду и наслаждаясь видами пляжа, вдоль которого мы все время летели. Не думаю, что в самолете были какие-то навигационные системы, потому что пилот все время держалась на небольшой высоте, чтобы ориентироваться по пляжу. В окно я видел покрытые песком маленькие деревни Нуакшота, такие же унылые, как и перспективы жизни в них. Определенно за день до этого там была песчаная буря, люди только начали потихоньку выходить на улицы. Пригороды Нуакшота выглядели еще более жалко, чем обычно. Бедный грязный город с переполненными улицами и без каких-либо намеков на цивилизацию. Это было похоже на гетто Кебба, которое я знал, только хуже. Самолет летел так низко, что я мог различить людей в толпе, где каждый, казалось, не знал, куда идти и что делать.

Уже очень давно я не видел свою родину. В последний раз это было в августе 1993 года. И вот я возвращаюсь, но уже как подозреваемый в террористической деятельности, которого отправят в какую-нибудь секретную тюрьму. Я хотел закричать своим людям: «Я здесь! Я не

преступник! Я невиновный! Я такой же, как и вы!» Но мой голос будто что-то сдавливало, как в кошмарном сне. На самом деле я не видел ничего знакомого в городе, он слишком сильно изменился.

Наконец я осознал, что самолет не собирается разбиваться, и я не смогу поговорить со своим народом. Удивительно, как тяжело человеку принимать безвыходность своего положения. Ключ к выживанию в любой ситуации – осознание того, что ты находишься в ней. Хотел я того или нет, меня везли к людям, которых я совершенно не хотел видеть.

– Можете оказать мне услугу? – спросил я инспектора.

– Конечно!

– Я бы хотел, чтобы вы сообщили моим родственникам, что я на родине.

– Хорошо. Есть номер телефона?

– Да.

Инспектор, вопреки моим ожиданиям, действительно позвонил моей семье и рассказал о моей ситуации. Более того, сенегальцы официально объявили в прессе, что меня передали на родину. И мавританцам, и американцам это сильно не понравилось.

– Что ты рассказал инспектору? – спросил меня позже ДСР Мавритании, Directeur de la Surete de l'Etat^[48].

– Ничего.

– Ты лжешь. Ты попросил его позвонить семье.

Не нужно быть Дэвидом Копперфилдом, чтобы понять, что телефонный разговор записывался.

Передача произошла быстро. Самолет остановился у дверей аэропорта, где нас ждали двое мужчин. Мавританский инспектор и здоровый чернокожий парень, которого позвали, скорее всего, на всякий экстренный случай.

– Где шеф полиции аэропорта? – поинтересовался инспектор, посмотрев на своего черного коллегу.

Я знал этого шефа полиции, он однажды был в Германии, я тогда обеспечил его жильем и помог купить «мерседес-бенц». Я надеялся, что он покажется, увидит меня и замолвит словечко. Но он так и не пришел. И к тому же он не смог бы помочь мне. Разведка Мавритании имеет самую большую власть в стране. Я чувствовал, будто тону, и пытался ухватиться за любую ниточку.

– Вас отправят в отель, где вы проведете остаток ночи, – сказал инспектор своим гостям.

– Как ты? – спросил он фальшиво, смотря на меня.

– Я в порядке.

– Это все, что у него есть? – спросил он.

– Да, это все.

Я смотрел, как все мои вещи передают из рук в руки так, будто я уже умер.

– Пойдем! – сказал мне инспектор.

Черный парень, который все время пристально смотрел не меня, нес багаж и вел меня в маленькую грязную комнату в какой-то секретной части аэропорта. В комнате этот парень снял свой грязный столетний тюрбан.

– Целиком закрой свое лицо этим тюрбаном, – сказал инспектор.

Типичный мавританец. Дух бедуина все еще доминирует в нем.

Инспектор должен был предвидеть, что ему понадобится тюрбан, чтобы скрыть мое лицо, но в Мавритании нет практически никакой организации, все оставляют на волю случая.

Было трудно, но я не забыл, как намотать тюрбан на голову. Подобные вещи люди из пустыни должны уметь делать. Тюрбан вонял накопившимся потом, закрывал мне и рот, и нос, это было отвратительно. Но я послушно выполнял все приказы и сдерживал дыхание.

– Не смотри по сторонам, – сказал инспектор, когда мы втроем вышли из комнаты и направились в сторону припаркованной патрульной полицейской машины «рено-12».

Я сел на пассажирское сиденье, инспектор сел за руль, а черный парень занял заднее сиденье, не сказав ни слова. Было время рассвета, но сказать точно было трудно из-за облака пыли, закрывавшего горизонт. Улицы были пустые. Когда появлялась возможность, я осматривался, вопреки приказу, но едва мог что-либо узнать.

Дорога была короткой, около 10 минут до здания Министерства безопасности. Мы вылезли из машины и зашли в здание министерства, где нас ждал очередной охранник. Обстановка была идеальной для комаров, люди в этом месте – незваные гости. Отвратительная уборная, грязные полы и стены, соединяющие все комнаты дыры, муравьи, пауки, мухи.

– Общайте его тщательно, – сказал инспектор охраннику, которого звали Якоб.

– Отдайте мне все, что у вас есть, – вежливо попросил Якоб, чтобы не обыскивать меня.

Я отдал ему все, что у меня было, кроме карманного Корана. Должно быть, инспектор знал, что у меня он будет, поэтому он вновь отправил ко мне Якоба, и тот сказал:

– У вас есть Коран?

– Да.

– Отдайте его мне! Я же попросил отдать все, что есть.

Теперь охранник боялся, что его отправят обратно еще раз, поэтому он аккуратно осмотрел меня, но не нашел ничего, кроме карманного Корана. Я был так расстроен и напуган, так устал, что не мог сидеть прямо. Я накинул куртку себе на лицо и свалился на столетний, изношенный матрас толщиной в дюйм. Кроме этого матраса, в комнате ничего не было. Я хотел уснуть, потерять сознание и не просыпаться до тех пор, пока все плохое не закончится. Сколько боли я могу выдержать? Может ли моя семья вмешаться и спасти меня? Они используют электричество для пыток? Я слышал истории о том, как людей пытаются до смерти. Как они могли вынести это? Я читал о героях-мусульманах, которые встречали смерть с достоинством, с гордо поднятой головой. Как они сделали это? Я не знал. Я знал только, что чувствовал себя таким маленьким по сравнению с большими известными личностями, и был до смерти напуган.

Хоть комары и разрывали меня на части, я смог уснуть. Порой я просыпался и задавался вопросом: «Почему они не допрашивают меня прямо сейчас и не делают со мной что хотят, чтобы все поскорее закончилось?» Ненавижу ждать пытки. Арабская мудрость гласит: «Ожидание пытки хуже самой пытки». Я могу только подтвердить это. Мне удалось помолиться, не знаю как.

Где-то около полуночи я проснулся от звука шагов и от того, что кто-то открывает и закрывает двери каким-то необычным образом. Когда охранник открыл дверь в мою комнату, я мельком увидел лицо мавританского друга, который оказался рядом со мной много лет назад, когда я был в Афганистане в 1992 году, во время борьбы с коммунизмом. Он выглядел очень измученным и грустным, должно быть, он подвергся многим пыткам. Я почти потерял рассудок от мысли, что мне предстоит пройти как минимум то же самое, что прошел он. А нужно принимать во внимание, что он был в хороших отношениях с президентом Мавритании, а его семья была очень влиятельной – преимущества, которых у меня не было. Я подумал, что он, вероятно, рассказал им обо мне, и именно поэтому его привезли сюда.

– Вставай! – сказали охранники. – Надевай тюрбан.

Я надел грязный тюрбан, собрался с силами и пошел за охранниками в комнату для допросов, как овечка, которую ведут к своей судьбе, на скотобойню.

Когда мы прошли мимо того парня, которого я увидел, то понял, что это был просто охранник, который не смог сохранить свою форму в надлежащем состоянии. Он выглядел очень сонным, должны быть, его вызвали, когда он спал, и он еще даже не умылся. Это был не мой друг, как мне показалось сначала. Боль, ужас и страх взяли верх над моим

разумом. Боже помилуй! Я совершил преступление? Нет. Мой друг совершил преступление? Нет. Мы сговорились, чтобы совершить преступление? Нет. Единственное, что мы сделали вместе, это поехали в феврале 1992 года в Афганистан, чтобы сражаться с коммунизмом. И насколько мне известно, это было не преступление, по крайней мере в Мавритании.

Так почему я был напуган? Потому что преступления относительны. Правительства их определяют и переопределяют, как им удобно. Большинство людей даже не знают грань, которая разделяет нарушение закона от его соблюдения. Если тебя арестовывают, ситуация ухудшается, потому что большинство людей верят, что правительство всегда имеет веские основания для ареста. Вдобавок ко всему этому, если мне предстояло страдать, я не хотел, чтобы кто-то страдал со мной. Я думал, что они арестовали моего друга из-за подозрения в причастности к заговору «Миллениум» только потому, что он однажды был в Афганистане.

Я вошел в комнату для допросов, которая оказалась кабинетом ДСР. Комната была большой и хорошо обставленной: кожаный диван, два двухместных кресла, журнальный столик, большой стол, кожаный стул, еще пара простых стульев для неважных гостей и, конечно, портрет президента, выражающий всю слабость законов и всю силу правительства. Жаль, что меня не передали США, по крайней мере, там я мог бы обратиться хоть к чему-то, хотя бы к закону. Конечно, правительство США и политики делают успехи в последнее время за счет законов. В правительстве очень умные люди, они взывают к страху людей, чтобы те отказались от своей свободы и личной жизни. Тем не менее у правительства уйдет еще какое-то время, чтобы начать полностью пренебрегать законом, как в странах третьего мира и коммунистических странах. Но в реальности это меня не касалось, и, слава богу, у моего правительства нет технологий, которые позволили бы им следить за бедуинами в необъятной пустыне.

В допросной было три человека: ДСР, его помощник и протоколист. ДСР попросил их принести все мои вещи. Они тщательно все изучили, не упустив ничего. Они не говорили со мной, только перешептывались между собой, чтобы взбесить меня. В конце поисков они отсортировали мои бумаги и отложили те, которые считали наиболее интересными. Позже они спросили меня о каждом написанном в этих бумагах слове.

– Я собираюсь допросить тебя. Просто хочу предупредить, что будет лучше, если ты расскажешь всю правду, – сказал ДСР уверенно, продолжая курить трубку, которую он никогда не вынимал изо рта.

– Уверен, что расскажу, – ответил я.

– Отведите его назад... – сухо скомандовал он охране.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне все о своей жизни и как ты вступил в Исламское движение, – сказал ДСР после того, как охранники вытащили мое тело из лап москитов и вернули в комнату для допросов.

Если тебя арестовывают в первый раз, то велики шансы, что ты не будешь особо откровенен, и это нормально. Даже если ты не совершал никаких преступлений, это разумно. Ты в замешательстве, ты хочешь показаться как можно более невинным. Ты понимаешь, что тебя арестовывают из-за достаточно серьезных подозрений, и ты не хочешь их раздувать. Более того, допрос включает в себя то, о чем никто не хочет говорить, например, о друзьях или о личной жизни. А когда тебя подозревают в терроризме, правительство поступает с тобой особенно грубо. Во время допроса ты всегда стараешься не отвечать на вопросы о друзьях и близких. И наконец, ты очень расстроен из-за своего ареста, и ты ничего не должен своим следователям. Наоборот, они должны тебе объяснить причину твоего задержания, и только ты решаешь, отвечать на вопросы или нет. Если этой причины достаточно, чтобы удерживать тебя, ты можешь просить профессиональных представителей. А если нет, то тебя и задерживать не должны были. Вот как работает цивилизованный мир, а все остальное – диктатура. Диктатурой правит хаос.

Если честно, я вел себя, как среднестатистический человек, я пытался показаться невинным как ребенок. Я старался сохранить в тайне имена всех знакомых мне людей, кроме тех, о которых полиция и так прекрасно знала. Следователи продолжили допрос, но, когда они открыли канадскую папку, все решительно испортилось.

Правительство Соединенных Штатов видело в моем аресте и переводе в Мавританию прекрасную возможность раскрыть план Ахмеда Рессама, который в те времена отказывался сотрудничать с властями. Более того, США хотели узнать более подробно о моих друзьях в Канаде и Германии и даже за пределами этих стран. В конце концов, за моего брата Махфуза ульд аль-Валида уже объявляли награду – пять миллионов долларов^[49]. Еще США хотели узнать больше о джихаде в Афганистане, Боснии и Чечне. Бесплатная консультация. Из-за вышеперечисленного и по другим причинам, которые мне неизвестны, США увели мое дело как можно дальше. Они назвали меня «организатором заговора». Они попросили все страны обеспечить их хоть какой-то информацией обо мне, особенно Канаду и Германию. И так как я уже «плохой» парень, по отношению ко мне должны применить силу.

К разочарованию правительства США, все было не совсем так, как они надеялись, и они не добились того, чего хотели. Не важно, какой гениальный у кого-то план, план Бога работает всегда. Я чувствовал себя как в «Me Against the World» 2Pac'a. И вот почему.

Все, что могли сказать канадцы, было: «Мы видели его с А и Б, и они плохие люди». «Мы видели его в такой-то и такой-то мечети». «Мы

прослушали его телефонные разговоры, но в них ничего интересного!» Американцы попросили канадцев предоставить им записи моих разговоров, но после их обработки. Конечно, не имеет смысла выбирать разные отрывки из разговоров и пытаться придать им какой-то смысл. Я думаю, что канадцам нужно было сделать одно из двух: либо отказать американцам в предоставлении доступа к частным разговорам на территории их страны, либо отдать полные записи разговоров в оригинальном виде, даже без перевода.

Канадцы передали своим американским коллегам записи разговоров, но из всех слов американские следователи решили сосредоточиться только на двух словах на более чем четыре года: чай и сахар.

– Что ты имеешь в виду под чаем и сахаром?

– Я имею в виду чай и сахар.

Не могу сказать, сколько раз США уже задавали мне этот вопрос и сколько раз просили других людей делать это. Еще одна мавританская народная сказка повествует о человеке, который родился слепым. И у него была только одна возможность познать мир вокруг себя. Однажды он увидел крысу и после этого, когда кто-то пытался что-то описать этому человеку, всегда просил: «Сравни это с крысой. Она больше? Она меньше?»

Канадская разведка хотела бы, чтобы я был преступником, чтобы исправиться после того своего провала, когда Ахмед Рессам с огромным количеством взрывчатки ускользнул от них в Соединенные Штаты. Америка обвинила Канаду в том, что террористические атаки на США подготавливались именно на ее территории, поэтому разведка Канады сходилась с ума. Она полностью потеряла самообладание, пытаясь успокоить своего большого брата, США. Она начала наблюдать за людьми, которых считали плохими, в том числе и за мной. Я помню, как после неудавшегося заговора канадцы попытались установить две камеры, одну в моей комнате, другую у моего соседа. Я всегда очень крепко спал. Я слышал голоса, но не мог сказать, чьи это голоса. Или лучше будет сказать, что я слишком ленив, чтобы просыпаться и идти проверять. Мой сосед Мурад был совсем не такой. Он проснулся и пошел на шум. Он сохранял молчание и наблюдал, пока в стене не появилась маленькая дырка. Парень из другой комнаты дунул в нее и, посмотрев, столкнулся взглядом с Мурадом.

Мой сосед разбудил меня и рассказал о случившемся.

– Мурад, я слышал эти же голоса в моей комнате, – сказал я ему.

– Давай проверим!

Наше короткое расследование было успешным. В моей комнате мы нашли маленькое отверстие.

– Что будем делать? – спросил Мурад.

– Позвоним в полицию, – сказал я.

– Так звони же! – сказал он.

Я намеренно не использовал наш телефон. Вместо этого я вышел и воспользовался телефонной будкой, набрав 911. Прибыли двое полицейских, и я объяснил, что наш сосед втайне от нас просверлил две дырки в нашем доме. Мы хотели, чтобы его задержали за незаконные действия по отношению к нам. В общем, мы просто просили о помощи.

– Заполните отверстия с помощью герметика, и проблема решена, – сказал один из полицейских.

– Серьезно? А я и не знал. Вы случайно не плотник? – спросил я. – Слушайте, я вызвал вас не для того, чтобы вы дали мне совет, как починить мой дом. За всем этим, очевидно, стоит преступник, который незаконно посягает на нашу собственность. Если вы нам не поможете, мы сами о себе позаботимся. И, кстати, можно увидеть ваши удостоверения?

Они молча показали свои удостоверения с именами и контактами на задней стороне. Очевидно, эти полицейские просто выполнили чьи-то идиотские приказы, чтобы обмануть нас, но для канадской разведки было уже поздно. Целыми днями мы просто сидели и смеялись над всем этим.

Ирония в том, что я прожил в Германии 12 лет, и Германия ни разу не предоставила никакой информации, касающейся моих преступлений, потому что их не было. В Канаде же я пробыл около двух месяцев, и американцы утверждают, что канадцы предоставили им тонны информации обо мне. Канадцы даже не знают меня! Но так как вся работа службы разведки основана на «что, если», Мавритания и США начали интерпретировать информацию так, как им это было удобно, чтобы подтвердить теорию о том, что я организатор заговора.

Допрос, казалось, не двигался с места. Я продолжал повторять свой рассказ о джихаде в Афганистане 1991–1992 годов, что, кажется, не впечатляло мавританского следователя. Мавритании плевать на поездку в Афганистан, они все прекрасно понимают. Но, если ты пытаешься создать проблемы внутри страны, тебя арестуют независимо от того, был ты в Афганистане или нет. С другой стороны, для американского правительства простой визит в Афганистан, Боснию или Чечню может стать отличным поводом начать следить за тобой до конца твоих дней или отправить тебя за решетку. У всех арабских стран, кроме коммунистических, подход такой же, как у Мавритании. Я думаю, что коммунистические страны по крайней мере честнее, чем правительство США, потому что они вообще запрещают своим гражданам совершать джихад. Тем временем США преследуют людей, основываясь на неписаных законах.

Мавританский следователь интересовался моей деятельностью в Канаде, которая не имеет никакого отношения к криминалу, но никто даже и не думал верить мне. Все мои ответы на вопросы «Ты сделал это и то, пока находился в Канаде?» были: «Нет, нет, нет, нет». И так мы совсем застряли. Я думаю, что я показался им виновным, потому что не полностью рассказал свою историю об Афганистане, и я понял, что мне нужно заполнить эти пропуски, чтобы попытаться хоть как-то оправдать себя. В тот день следователь принес оборудование для съемки. Как только я увидел его, меня начало трясти. Я знал, что меня заставят признаться и что меня будут транслировать в прямом эфире по национальному телевидению, прямо как в октябре 1994 года, когда правительство Мавритании арестовало исламистов, заставило их дать признательные показания и транслировало эту съемку на всю страну^[50]. Я был так напуган, что почти не мог держаться на ногах. Было понятно, что на мое государство оказывают большое давление.

– Я был очень терпелив с тобой, мальчик, – сказал следователь. – Ты должен сознаться, или я передам тебя специальной команде.

Я знал, что он имеет в виду пыточную команду.

– Заявления продолжают приходить каждый день отовсюду, – сказал он. Несколько дней до этого разговора я не мог спать. Двери все время открывали и закрывали. Каждое движение рядом со мной пугало меня. Моя комната была поблизости от архива, и через щель в стене я мог увидеть несколько папок и их названия. У меня начались галлюцинации, и я читал документы о себе, которых никогда не существовало. Это было невыносимо. А теперь еще пытки? Только не это.

– Слушайте, директор, я не до конца был честен с вами, и я бы хотел рассказать всю свою историю, – сказал я ему. – Тем не менее я не хочу, чтобы вы рассказали все это американским властям, потому что они вообще не понимают, что такое джихад, а я не хочу подливать масло в огонь.

– Я им ничего не скажу, – сказал ДСР.

Следователи всегда врут людям, вся их работа заключается в том, чтобы обмануть и перехитрить.

– Если хочешь, я даже могу попросить своих помощников выйти, – продолжил он.

– Нет, они мне не мешают.

ДСР позвал своего водителя и отправил его купить еды. Он принес куриный салат, который мне понравился. Это был мой первый прием пищи с момента, когда я покинул Сенегал. Это было 12 февраля 2000 года.

– Ты больше ничего не съешь? – поинтересовался ДСР.

– Нет, я сыт.

– Ты почти не ешь.

– Я так привык.

Я начал рассказывать всю свою историю о джихаде в самых мельчайших подробностях.

– А что касается Канады и атак на США, я с этим никак не связан, – закончил я.

В последующие дни ко мне лучше относились и лучше кормили. Все вопросы, которые мне задавали, так же, как и мои ответы, были содержательны. Вопросы основывались на информации, полученной из разных источников. Когда ДСР узнал, что я говорю ему правду, он перестал верить, что сообщения США истинны, и, скорее всего, отложил их в сторону, если вообще не выбросил.

14 февраля 2000 года команда ФБР из Соединенных Штатов прибыла, чтобы допросить меня. Их было трое: два агента – Джек и Майкл – и кто-то из Министерства юстиции. Очевидно, власти Мавритании поделились записями моих допросов с ФБР, поэтому агенты США и мавританцы владели одинаково полной информацией^[51].

Когда команда прибыла, их поселили в отеле «Халима», где, как оказалось, их заметила местная пресса. Деддахи ульд Абдаллахи, ДСР, дал мне наставление за день до их приезда.

– Мохаммед, у нас на тебя ничего нет. Как только у нас появится возможность, мы освободим тебя, – сказал он. – Тем не менее эти люди хотят допросить тебя. Я хочу, чтобы ты был сильным и говорил только правду.

– Как вы можете позволить иностранцам допрашивать меня?

– Это решение принял не я, это просто формальность, – сказал он.

Мне было очень страшно, потому что раньше я никогда не сталкивался с американскими следователями, хотя предполагал, что они не будут использовать пытки, чтобы выбить из меня информацию. Но вообще-то я очень скептически относился к честности и гуманности американских следователей. Это было похоже на «Мы лично не будем избивать тебя, но ты знаешь, где сейчас находишься!» Так что я знал, что ФБР хочет допрашивать меня под давлением и угрозой недемократической страны.

Атмосфера была подготовлена. Мне сказали, что надеть и что говорить. У меня ни разу за все время не было возможности принять душ или постирать одежду, поэтому я надел что-то из своих грязных вещей. Должно быть, от меня исходил ужасный запах. Я был таким тощим, что одежда на мне совсем не сидела, я выглядел как подросток в мешковатых штанах. Но, несмотря на то что я был недоволен, я пытался выглядеть как можно более дружелюбным и нормальным.

ФБР прибыло около восьми вечера, и допросная уже была готова. Я вошел с улыбкой. После дипломатичного приветствия и знакомства я сел на жесткий стул.

Лидер команды – специальный агент Джек – начал разговор:

– Мы прибыли из США, чтобы задать тебе несколько вопросов. У тебя есть право хранить молчание. Также ты можешь отвечать на одни вопросы, а другие пропускать. Если бы мы были в США, мы бы предоставили тебе бесплатного адвоката.

Я уже хотел перебить его, чтобы не слушать эту чепуху, и сказать: «Хватит молоть чушь, задавайте уже свои вопросы!» В допросной были только следователи ФБР и арабский переводчик. Мавританские следователи вышли.

– Спасибо большое, мне не нужен адвокат, – сказал я.

– Но мы бы хотели, чтобы ты ответил на наши вопросы.

– Конечно, я отвечу, – сказал я.

Они начали спрашивать меня о моей поездке в Афганистан во время войны с коммунистами, показали мне несколько фотографий, задали вопросы о Канаде и почти не спрашивали о Германии. Что касалось фотографий и Германии, я был совершенно честен, но некоторых подробностей своих поездок в Афганистан в январе 1991 и феврале 1992 года я не осветил. Знаете почему? Потому что правительство США не должно волновать, что я делал, чтобы помочь своим афганским братьям в войне с коммунистами. Ради бога, США были на нашей стороне! Когда война закончилась, я вернулся к своей обычной жизни. Я не нарушил ни одного закона в Мавритании или Германии. Я законно отправился в Афганистан и вернулся обратно. Что касается США, я не гражданин США и никогда там не был. Так какой закон я тогда вообще мог нарушить? Я понимаю, что, если я оказываюсь на территории США и они арестовывают меня по обоснованным подозрениям, тогда я полностью должен объяснить им свою позицию. А Канада? Ну они раздули очень серьезное дело из моего пребывания там просто потому, что какой-то араб готовил атаку из Канады. Я объяснил со всеми возможными доказательствами, что не причастен к этому. Так что закройте рот и оставьте меня в покое.

Следователи ФБР сказали, что я не был с ними честен. – Нет, я честен, – соврал я.

Хорошо, что мне было совершенно все равно, что они думали.

Специальный агент Майкл записывал мои все мои ответы, не отрывая от меня взгляда. Мне было интересно, как ему это удастся. Позже я узнал, что следователи ФБР изучают язык тела, пока ты говоришь, что, конечно же, чушь собачья^[52]. Многие факторы влияют на допрос, и они различаются в зависимости от культуры. Так как американцы знают все о моем деле, я предложил агенту Майклу вернуться и посмотреть, где он

посчитал, что я лгу, просто чтобы проверить его компетентность. Еще американские следователи отклонились от своего приказа и делали то, что сделали бы любые другие следователи. Они пытались подловить меня, спрашивая о Судане, Найроби и Дар-эс-Саламе. Что я вообще мог знать об этих местах, если только у меня нет множества двойников?

Специальный агент Джек предложил мне работать на них. Я думаю, предложение было бессмысленным, только если они не были точно уверены, что я преступник. Я не полицейский, но я знаю, как преступники могут искупить свою вину, однако лично мне не за что искупать вину. На следующий день, примерно в то же время, ФБР снова прибыло, чтобы попытаться извлечь из меня хоть какую-то информацию, которой я поделился с мавританцами, но меня было не переубедить. В конце концов, власти Мавритании делились с ними всем, что знали сами. Команда ФБР никак не давила на меня, они были довольно дружелюбными. Глава команды сказал: «С нас хватит. Мы возвращаемся домой», – прямо как Умм Амра и ее ослик^[53]. ФБР покинули Нуакшот, и меня освободили 19 февраля 2000 года.

– У этих парней вообще нет никаких доказательств, – сказал ДСР с грустью. Он чувствовал, что им просто воспользовались.

Мавританцы изначально не хотели, чтобы меня доставили к ним, потому что это была безвыигрышная ситуация. Если бы они доказали мою вину и передали США, они испытали бы на себе гнев общественности. Если нет, то испытали бы гнев правительства США. В любом случае президент потерял свой пост.

В конечном итоге, должно быть, происходило что-то вроде этого:

– Мы на него ничего не откопали, а вы, ребята, не предоставили нам никаких доказательств, – сказали сенегальцы, вероятнее всего. – Из-за этого мы не можем далее удерживать его. Но, если хотите забрать его, забирайте.

– Нет, мы не можем забрать его, потому что сначала мы должны представить доказательства, – ответило правительство США.

– Ну, мы не хотим с ним уже иметь ничего общего, – сказали сенегальцы.

– Передайте его мавританцам, – предложило правительство США.

– Нет, он нам не нужен, просто заберите его! – закричало правительство Мавритании.

– Вам придется, – сказали США, не оставляя Мавритании никакого выбора.

Но правительство Мавритании всегда предпочитает сохранять спокойные отношения между народом и правительством. Они не хотят неприятностей.

– Ты свободен, – сказал ДСР.

– Мне отдать ему все его вещи? – спросил его напарник.

– Да, все, – ответил ДСР.

Он даже попросил меня проверить, все ли мои личные вещи на месте, но я был так восхищен, что ничего не проверил. Я чувствовал, будто монстр страха пропал из моей груди.

– Спасибо огромное, – сказал я.

ДСР приказал своим помощникам доставить меня домой. Было около двух часов дня, когда мы выехали и направились в сторону дома.

– Тебе лучше не общаться с журналистами, – сказал инспектор.

– Я не буду.

И на самом деле я никогда не раскрывал подробностей скандала, связанного с иностранными следователями, которые посягают на суверенитет моей страны. Мне так не нравилось лгать журналистам.

– Да ладно, мы видели парней из ФБР в отеле Халима, – сказал мне репортер после моего освобождения. Боже, эти журналисты просто волшебники.

– Может, они слушали мой допрос, – сказал я неуверенно.

Я пытался распознать дорогу до дома, но поверьте мне, я не узнавал ничего до того самого момента, когда полицейская машина остановилась прямо у моего дома и высадила меня. Прошло почти семь лет с того момента, когда я в последний раз видел свою семью^[54].

Все сильно изменилось. Дети стали мужчинами и женщинами, молодые люди повзрослели. Моя сильная мама ослабела. Но в итоге все были счастливы. Моя сестра Неджах и моя бывшая жена почти не спали все эти ночи, молясь Богу, чтобы он облегчил мои страдания и боль. Да вознаградит Бог всех, кто был на моей стороне.

Все собрались вокруг меня, моя тетя, мои двоюродные братья и сестры, друзья. Моя семья щедро накормила всех гостей, некоторые из которых пришли просто поздравить меня, другие – взять интервью, кто-то – чтобы просто познакомиться с человеком, о котором в течение последнего месяца были все новости. Несколько дней спустя мы с семьей стали обсуждать планы на мое будущее. Если вкратце, то моя семья хотела, чтобы я остался на родине, чтобы они видели меня каждый день. Я сказал себе, что хочу найти работу и каждое утро наслаждаться прекрасным лицом своей матери. Но радость никогда не длится вечно.

III

Мавритания

29 сентября – 28 ноября 2001

*Свадьба и празднования. Я сдаюсь. Освобождение из-под стражи.
Верблюды садятся в два шага. Тайная полиция у дверей моего дома.
День независимости. Полет в Иорданию.*

29 сентября 2001 года был очень сложным днем. Во-первых, я занимался организацией свадьбы своей прелестной племянницы Зейнаб Минт Элмами и, во-вторых, меня пригласили на ужин, организованный очень важным человеком в моем клане. Его зовут Ахмед ульд Эль Моктар ульд Каттари. К несчастью, он попал в ужасную автомобильную аварию и только недавно вернулся из Соединенных Штатов, где его лечили. Ульд Каттари очень уважают среди народов юга, и ужин организовали, чтобы собрать средства на помощь так называемым «Кадрам Трарзы»^[55].

С утра я попросил босса дать мне немного денег, чтобы я мог помочь племяннице со свадьбой^[56]. У нас, мавританцев, есть плохая привычка организовывать все на лету, это наследие нашего бывшего деревенского уклада, которое живо до сих пор. Моей задачей было доставить всех гостей до места проведения торжества.

Свадьбы в исламском мире отличаются друг от друга не только от страны к стране, даже внутри одной может существовать множество различных традиций. Свадьба моей племянницы была устроена по обычаям авторитетных семей Южной Мавритании.

Значительная часть работы достается жениху. Он старается узнать как можно больше о своей будущей жене, «выпуская на охоту» за информацией нескольких женщин из своей родни, с которыми он состоит в самых доверительных отношениях. В отчет этого «комитета» входит информация о жизни девушки, ее интересах, образовании и тому подобном. Иногда, если у девушки хорошая репутация, эта стадия расследования пропускается.

Следующий шаг – свидания, которые очень отличаются от американских. Заинтересованный парень встречается с девушкой в доме ее родителей, обычно в присутствии других членов ее семьи. Цель этих свиданий – узнать друг друга получше. Этот этап может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет в зависимости от жениха и невесты.

Некоторые девушки не хотят заводить семью, пока не окончат школу, а другие хотят, или, скажем, родственники давят на них, а парень убеждает завести семью. С другой стороны, многие мужчины не собираются жениться сразу, они просто хотят «забронировать» девушку и заниматься своими делами, пока не будут финансово готовы к свадьбе. Жених обычно старше невесты, иногда даже намного, но порой бывает и так, что невеста старше жениха. Мавританцы довольно толерантны к разнице в возрасте.

Чтобы узнать, рассматривает ли девушка парня в качестве жениха, он отправляет к ней своего хорошего друга перед тем, как официально попросить ее руки. После этого совершается решительный шаг: парень

спрашивает у мамы девушки, согласна ли она отдать свою дочь ему в жены. Это делают только тогда, когда уверены, что им, скорее всего, не откажут. Поэтому они отправляют доверенных третьих лиц, чтобы избежать унижения при отказе. Ответить на предложение может только мама девушки, мнение отца обычно не учитывается.

Этот шаг, хоть и неофициально, но связывает жениха и невесту. Теперь все знают, что пара помолвлена. Секс до свадьбы не одобряется в Мавритании, и не только по религиозным причинам. Многие парни сомневаются в девушке, которая готова заняться с ними сексом. Они думают: если она согласилась на секс со мной, то может заняться им с другим мужчиной, и еще одним, и еще одним, пустившись в бесконечное сексуальное приключение. Хотя ислам одинаково строг к мужчинам и женщинам в этом вопросе, общество осуждает мужчин за добрачный секс намного меньше, чем женщин. Это можно сравнить с отношением к изменам в США. Общество более терпимо к изменам со стороны мужчин, чем со стороны женщин. Я никогда не встречал американца, который готов простить измену, но я встречал американок, которые простили бы.

Празднований в честь помолвки и обручальных колец не бывает, но жених должен дарить своей будущей жене подарки. До помолвки девушка никогда не принимает подарки от незнакомых мужчин.

Последний шаг – сама свадьба, дата которой выбирается с согласия обоих. Каждая сторона может потребовать столько времени, сколько ей нужно для подготовки, конечно, в разумных пределах. Мужчина должен формально выкупить невесту, но не принято, чтобы семья девушки устанавливала какую-то сумму. Ее определяет сам мужчина в силу своих финансовых возможностей. Поэтому сумма выкупа может быть и очень скромной, и невообразимо большой. Когда жених платит столько, сколько ему только позволяет финансовое положение, многие семьи берут себе символическую сумму, а остальное отдают семье жениха, обычно это как минимум половина выкупа.

Празднование свадьбы традиционно проводится в семейном доме девушки, но в последнее время люди чаще стали заказывать проведение праздника в больших домах, похожих на клубы. Это очень прибыльный бизнес. Праздник начинается с акда, брачного соглашения, которое может зачитать любой имам или шейх. Мавританцы не верят в государственные формальности, поэтому практически никто не заключает брак официально, кроме тех случаев, когда это экономически выгодно, что бывает крайне редко.

На праздновании присутствуют члены обеих семей. Традиционно мавританцы отмечают свадьбу в течение семи полных дней, но современная жизнь диктует такие условия, что семь дней сокращаются до всего одной ночи. Друзья жениха могут быть только одного с ним возраста, на женщин это ограничение не распространяется. Во время

празднования женщины редко общаются с мужчинами, хотя и могут находиться с ними в одном зале; каждый пол уважает территорию другого. Тем не менее все гости разговаривают друг с другом в центре зала и вместе наслаждаются развлечениями: шутками, музыкой и поэзией. Когда я был ребенком, мужчины и женщины передавали зашифрованные сообщения через человека, который точно знал содержание этих фраз. В них обычно рассказывалось о каких-то забавных случаях, которые могли произойти с кем угодно, и обычно конфузные. Сейчас такие развлечения уже не проводятся.

На свадьбе щедро угощают едой и напитками. Празднование традиционно заканчивается так называемым «*Тавазским грабежом*», который не имеет никакого отношения к буквальному значению этих слов. Название просто описывает обычай, по которому женщины похищают невесту, а ее братья пытаются помешать им. Подругам невесты разрешено сговориться и спрятать ее, а жених со своими друзьями обязан помешать им. Если же команде жениха не удалось предотвратить «грабеж», то они находят невесту и приводят ее к жениху. Невеста должна действовать сообща со своими подругами, иначе ее будут называть всеми плохими прилагательными. Иногда мужчинам требуется несколько дней, чтобы отыскать невесту.

Когда невесту находят, ее передают жениху, и свадьба заканчивается. Близкие друзья доставляют новообразовавшуюся семью домой, а гости добираются домой сами.

Свадьба моей любимой племянницы Зейнаб Минт Элмами прошла бы примерно так. Я не должен был присутствовать на свадьбе, потому что я намного старше жениха, да и все равно у меня было не так много свободного времени. Меня ожидали на другой интересной вечеринке. Когда все гости были на месте, я спросил у мамы, все ли в порядке. Кажется, все было как надо, моя помощь больше не требовалась. Дальше атмосфера свадьбы должна была сделать все сама.

Когда я добрался до вечеринки, которая проводилась на прекрасной вилле Ахмеда ульд Эль Моктар ульд Каттари в Tevrlegh Zeina, меня очень тепло встретили. С большинством гостей я не был знаком, но заметил своего двоюродного брата и хорошего друга доктора Ибрагима ульд Нтагри, утонувшего в толпе. Я прорвался через людей и сел рядом с ним.

Он был рад встрече и познакомил меня с самыми важными гостями. Мы отступили от центра вечеринки с несколькими его товарищами, и Ибрагим познакомил меня со своим другом, молодым адвокатом. Он спросил нас с Ибрагимом, может ли он помочь защитить нашего брата Махфоуза, за которого власти США объявили награду 25 миллионов долларов^[57].

– Чем ты ему поможешь? Сократишь срок с 500 до 400 лет? – спросил я с иронией.

Люди в других частях мира, например в Европе, с трудом понимают, насколько сурово наказывают в США. Мавритания – страна, где законы почти не соблюдаются, но, даже несмотря на это, Мавритания намного более гуманна, чем США. Какой смысл приговаривать кого-то к 300 годам, если люди столько не живут?

Мы просто болтали об этом и наслаждались вкусной едой, когда мне позвонили. Я достал телефон и отошел от своих друзей. Позвонил ДСР, директор службы разведки.

– Привет, – ответил я.

– Мохаммед, где ты? – спросил он.

– Не переживайте! Где вы?

– Я у своего дома. Нам нужно встретиться.

– Хорошо. Просто ждите. Я уже еду! – сказал я.

Я отвел своего брата Ибрагима в сторону:

– Слушай, мне позвонил Деддахи, нам нужно увидеться.

– Как только он отпустит тебя, дай мне знать.

– Хорошо.

ДСР ждал меня у своего дома, но он был не один. За его спиной стоял помощник, инспектор, и это был не очень хороший знак.

– Салам алейкум, – сказал я, выходя из машины.

– Алейкум ассалам. Тебе нужно поехать со мной, а твою машину поведет мой помощник.

– Хорошо.

Инспектор и мы с ДСР поехали в секретную хорошо известную тюрьму.

– Эти люди приказали нам арестовать тебя.

– Почему?

– Я не знаю, но надеюсь, что скоро мы сможем выпустить тебя. Вся эта ситуация с 11 сентября свела всех с ума.

Я промолчал. Я просто позволил ему немного поговорить со своим помощником и не вмешивался в их разговор. ДСР уже вызывал и допрашивал меня дважды за те две с половиной недели, что прошли с атак 11 сентября.

Они отвели меня в комнату, где я уже был полтора года назад.

Инспектор вышел проинструктировать охранников, и я воспользовался этим, чтобы быстро позвонить своему брату Ибрагиму.

– Меня арестовали, – прошептал я, даже не дожидаясь ответа.

Затем я стер все записи в телефонной книге. Не то чтобы у меня были какие-то интересные контакты: все, что у меня было, это номера

партнеров по бизнесу из Мавритании и Германии. Но я не хотел, чтобы правительство США потом мучило этих миролюбивых людей, просто потому, что их номера были записаны в моем телефоне. Самый забавный контакт, который я удалил, был записан как «ПК Ладен». Это был телефон компьютерного магазина. Так совпало, что на немецкий слово «магазин» переводится как «ладен». Я знал, что бессмысленно это объяснять, следователи все равно мне не поверили бы. Господи, они постоянно пытались повесить на меня что-то, к чему я не имел никакого отношения!

– Отдай мне свой телефон, – сказал инспектор, когда вернулся.

Среди того, что американцы вернули мне потом, был этот старый нелепый телефон, но в нем не осталось никаких номеров. Что касается моего ареста, это было похоже на политическую торговлю наркотиками. ФБР попросило президента США вмешаться и помочь арестовать меня. В свою очередь Джордж Буш попросил президента Мавритании об услуге. Как только мавританский коллега Буша узнал о просьбе, он отправил полицию арестовать меня.

– У меня нет к тебе вопросов, потому что я все знаю про твое дело, – сказал ДСР.

Он и его помощник ушли, оставив меня с охранниками и роем москитов.

Спустя несколько дней ДСР пришел в мою камеру.

– Слушай! Те парни хотят узнать о Мехди и Ганцарски, и они сказали, что ты причастен к заговору «Миллениум».

– Ну, Мехди и Ганцарски – это мои друзья в Германии, а что касается заговора, я к нему не имею никакого отношения.

– Я дам тебе ручку и лист бумаги, и ты напишешь все, что знаешь.

После двух недель моего пребывания в мавританской тюрьме два белых американских следователя, мистер Ли и его немецкий переводчик мистер Грант, прибыли в тюрьму, чтобы допросить меня^[58].

Перед тем как я встретился с этой американской командой из двух человек, они отправили полицию штурмовать мой дом и офис, чтобы конфисковать все, что может указывать на мою причастность к преступной деятельности. Специальная охранная команда привезла меня домой, обыскала дом и забрала все, что может быть полезно для американцев. Когда они прибыли, моя жена спала, и они ее безумно напугали. Она ни разу в жизни не видела, как полиция обыскивает чей-то дом. Я тоже этого никогда не видел, но меня беспокоило только то, что они сильно потревожили мою семью. Мои соседи не очень переживали из-за всего этого, во-первых, потому, что они знают меня, а во-вторых, потому, что они понимают, что полиция Мавритании несправедлива. Одновременно с этим другая команда обыскивала офис компании, в

которой я работал. Как выяснилось, американцев ничего не интересовало, кроме моего рабочего компьютера и телефона.

Когда я вошел в допросную, оба следователя сидели на кожаном диване. Они выглядели очень сердитыми. Должно быть, они были из ФБР, потому что конфискованные вещи в итоге оказались у ФБР.

– Здравствуйте, – сказал я, протягивая руку. Но и моя рука, и мое «здравствуйте» остались висеть в воздухе.

Агент Ли, кажется, был главным. Он пододвинул ко мне старый металлический стул.

– Ты видишь фотографию на стене? – спросил агент Ли, указывая на портрет президента, а агент Грант перевел на немецкий.

– Да, – ответил я.

– Твой президент пообещал нашему, что ты будешь с нами сотрудничать, – сказал агент Ли.

Я подумал: «Как дешево!» Мне вообще плевать на обоих президентов, как по мне, они оба злые и несправедливые.

– Да, конечно, я буду! – сказал я и потянулся к столу, где были разные напитки и конфеты.

Агент Ли ударил меня по рукам.

– Здесь тебе не вечеринка, – сказал он. – Слушай, я здесь, чтобы узнать о тебе всю правду. Я не собираюсь удерживать тебя.

– Хорошо! Вы спрашиваете, а я отвечаю.

Посреди разговора в допросную вбежал парень с чаем, пытаюсь задобрить своих рассерженных гостей. «Свали отсюда!» – сказал агент Ли. Он совсем без уважения относился к беднякам. Идиот и расист. Лично я игнорировал все оскорбления в свой адрес и сохранял спокойствие. Я очень хотел пить, потому что допрос длился всю ночь.

– Перед 11 сентября ты позвонил своему младшему брату в Германию и сказал: «Сосредоточься на школе». Как это расшифровать?

– Никак. Я всегда советую брату сосредотачиваться на школе.

– Зачем ты звонил в спутниковую компанию в США?

– Мы пользуемся американским интернетом, и мне была нужна помощь.

– Зачем ты звонил в отель в Германии?

– Мой босс попросил меня забронировать номер для одного из его братьев.

– Сколько у тебя компьютеров?

– Только мой рабочий компьютер.

– Ты лжешь! У тебя есть портативный компьютер.

– Это компьютер моей бывшей жены.

– Где живет твоя бывшая жена?

– ДСР знает.

– Хорошо, давай проверим эту ложь.

Агент Ли вышел на несколько минут, чтобы приказать ДСР обыскать дом моей бывшей жены и забрать портативный компьютер.

– Что, если ты лжешь?

– Я не лгу.

– Но что, если?

– Я не лгу.

Конечно, он угрожал, что меня будут пытаться, если окажется, что я солгал.

– Ты ведь знаешь, что у нас есть несколько черных ублюдков, которые ненавидят террористов вроде тебя, – сказал он, и в течение всего разговора в его речи мелькали расистские выражения.

– Я сам ненавижу евреев, но вы, парни, направляете самолеты в наши здания, – продолжил он.

– Это дело ваше и тех, кто сделал это. Вы должны обсудить свои проблемы с ними. Я к этому не имею никакого отношения.

Регулярно агенту Ли звонили, очевидно, это была его девушка. В это время другой идиот, говорящий на немецком, задавал самые глупые вопросы.

– Смотри сюда. Это немецкая газета, и в ней пишут о вас, парни, – сказал он.

Я просмотрел статью об экстремизме в Германии.

– Что ж, мистер Грант, это не мои проблемы. Как видите, я в Мавритании.

– Где сейчас Абу Хафс? Где Нуман? – спросил агент Ли агрессивно^[59].

– Я не в Афганистане. Я в Мавритании, в тюрьме. Как я могу знать, где они сейчас?

– Ты прячешь его, – сказал он.

Я хотел было сказать: «Проверьте мои рукава», – но осознал, что не в моем положении говорить такое.

– Ахмед Рессам сказал, что знает тебя!

– Я не знаю Ахмеда Рессама. И вы ничего не можете с этим сделать.

Тем временем ДСР со своим помощником вернулся с ноутбуком моей бывшей жены. Им было запрещено входить в допросную, поэтому они постучали в дверь, и агент Ли вышел. Я присмотрелся и увидел, что у

них был тот самый ноутбук. Я обрадовался, что они смогли найти «большой секрет».

Агент Ли вернулся.

– Что, если я скажу тебе, что они не нашли компьютер? – спросил он, пытаясь быть умнее, чем он есть на самом деле.

– Я только могу сказать, что у меня его нет, – ответил я, дав ему поверить, что я не видел ноутбук. После этого он ни разу не спросил меня о нем.

Они скопировали все жесткие диски и вернули их домой, просто чтобы потратить четыре года на старательные поиски несуществующего сокровища. Вот незадача!

– Мы вторглись в Афганистан и убиваем там всех. Думаешь, это нормально? – спросил агент Ли.

– Вам лучше знать, вы же этим занимаетесь, – сказал я.

– Ты знаешь Хаяри^[60]?

– Нет!

– Канадцы сказали, что видели вас вместе. Либо я обманываю тебя, либо они обманули меня. Или ты лжешь.

– Я не знаю его, но в мечети и в кафе недалеко от нее меня всегда окружали незнакомые люди.

– Как ты думаешь, почему из двух миллионов мавританцев мы выбрали именно тебя?

– Я не знаю почему. Я знаю только, что не сделал вам ничего плохого.

– Напиши свое имя на арабском.

Я написал имя. Для чего-то он все время меня фотографировал. Он меня очень запутал.

– Зачем ты звонил в ОАЭ?

– Я не звонил.

– Ты думаешь, я обманываю тебя?

– Нет, но я не помню, чтобы звонил в ОАЭ.

Как выяснилось, он действительно обманул меня, но, возможно, непреднамеренно. Я действительно не звонил в ОАЭ, но однажды мне звонила моя подруга доктор Эман из Саудовской Аравии. Она пыталась помирить меня с моей бывшей женой. Я не смог вспомнить об этом во время допроса, я слишком сильно нервничал. Но когда меня освободили, дома мне напомнили, поэтому я сам пошел в полицию и рассказал им все о том случае. Еще как-то раз мой брат Ибрагим, который работает рентгенологом, звонил своему французскому поставщику в Париж. Обычно, если я даю телефон тем, кому я доверяю, то не уточняю

деталей звонка. Но, если тебя арестовывают, нужно рассказать обо всей своей жизни, и ответы вроде «я не помню» не принимаются.

Во время допроса агент Ли обзывал меня и мою семью разными словами и запрещал мне пить то, за что платит мой народ. В конце концов, это на наши налоги обеспечивается комфорт американских гостей. В конце допроса, когда мой организм был уже почти полностью обезвожен, агент Ли ударил меня по лицу полуторалитровой бутылкой с водой и вышел из допросной. Я даже не почувствовал боли от удара, которым мне чуть не сломали нос. Мне было слишком приятно видеть, как агент Ли и его переводчик уходят. Агент Ли не делал никаких записей, что показалось мне очень странным, потому что обычно следователи все отмечают в блокнотах, но я уверен, что наш разговор записывался на диктофон. Мистер Грант из всех сил пытался повторить все оскорбления, которыми агент Ли щедро меня осыпал. Я думаю, что мистер Грант был бесполезен для мистера Ли.

Американцы покинули Мавританию, и на следующий день правительство Мавритании освободило меня. Потом ДСР отправился в медиацентр и сообщил им, что я невиновен и что с меня сняты все обвинения. Начальник ДСР, Directeur General de la Surete Nationale (генеральный директор национальной безопасности)^[61], предложил мне деньги в долг на случай, если я не смогу трудоустроиться, а ДСР в это время позвонил генеральному директору (PDG) компании, в которой я работал, и лично сообщил ему, что я невиновен и должен продолжить у них работать^[62].

– Мы никогда не сомневались в нем. Мы всегда ему рады, – сказал мой бывший босс.

Тем не менее правительство США приказало держать меня под домашним арестом. Единственной причиной этому было отсутствие справедливости. Устроиться на работу после тюрьмы мне было нетрудно, потому что мавританцы уже начали уставать от того, что американцы набрасываются на невинных граждан по всему миру и пытаются осудить их. На самом деле у меня было намного больше возможностей устроиться на работу, чем когда-либо до этого. Я переживал только за свою сестру Неджу, которая страдала от депрессии и приступов тревоги. Семья, конечно, была рада видеть меня, так же как и все мои друзья и знакомые. Они постоянно приходили поздороваться со мной и пожелать удачи.

Но, как известно, верблюд садится в два шага.

Легенда гласит, что однажды городской житель ехал верхом на верблюде с бедуином. Кочевник сидел перед горбом, а сзади – городской, который ухватился за спину кочевника, чтобы удержаться на животном. Когда они прибыли домой, верблюд согнул передние конечности, чтобы сесть, и кочевник от неожиданности потерял равновесие и упал на землю. Городской не мог не посмеяться над ним.

Бедуин посмотрел на своего друга и сказал: «Рано радуешься, верблюд садится в два шага». И действительно, когда верблюд согнул задние конечности, чтобы занять самую удобную позу и отдохнуть, городской житель упал лицом вниз.

Насколько я помню, я никогда не падал с верблюда, но тем не менее, когда я продолжил жить обычной жизнью, правительства Мавритании и США сговорились, чтобы похитить меня.

Было около четырех часов дня, когда я возвращался с работы домой, – примерно через месяц после допроса. День был очень длинный и жаркий. По исламскому календарю был четвертый день Рамадана, поэтому вся семья, кроме детей, постилась^[63].

Это был запоминающийся рабочий день. Меня отправили оценить солидный для нашей маленькой компании проект. Нам поручили осмотреть сеть, соединяющую все телефоны и компьютеры в президентском дворце. Я договорился с координатором проекта о встрече ранним утром. Первую половину дня мне пришлось прождать его у офиса. Есть две вещи, которые объединяют всех представителей власти: они не уважают договоренности и никогда не начинают работать вовремя.

Во время Рамадана большинство людей веселятся ночью и спят днем. Я же не ложился спать той ночью по другой причине. У меня произошла небольшая ссора с моей любимой женой. Ненавижу ссоры, поэтому я чувствовал себя подавленно и не мог уснуть всю ночь. Утром я был очень сонным, но все равно прибыл на место встречи, хоть и немного опоздал. Офис координатора был закрыт, и в коридоре не было свободных стульев, поэтому мне пришлось сесть на пол и опереться спиной на стенку. Я успел несколько раз заснуть.

Около полудня мой коллега и брат ульд Каттари пришел и отвел меня в президентский дворец. Я думал, что меня будут ждать сплошные формальности, особенно потому что я был «подозреваемым в терроризме», но ничего такого не было. За день до визита нужно назвать свое имя, чтобы тебя внесли в списки. Когда я показал охранникам свой ID, они сверились со списками и пропустили меня. Меня это очень удивило. Но, в конце концов, только американцы подозревают меня в терроризме. Ирония в том, что я ни разу в жизни не был в Штатах, а во всех странах, где я был, обо мне говорили: «С этим парнем все в порядке».

Когда мы вошли в святилище дворца, я почувствовал, будто оказался в другой стране. Внутри был сад с самыми разными цветами. Небольшие фонтанчики создавали легкий моросящий дождь. Там было прохладно и светло.

Мы сразу перешли к делу. Я обошел много комнат и этажей, сделал некоторые измерения, но нас остановили и посоветовали покинуть

дворец, потому что намечался официальный визит. Нам выделили место, где мы могли подождать, и я использовал это время с пользой, направившись к центральной телефонной станции, чтобы проверить местную инфраструктуру. Парень из IT был двоюродным братом президента и таким же дружелюбным, как большинство людей в Аtare. Его выбрали в основном из соображений безопасности. Президент доверяет только своим людям, что совершенно логично. Я был очень расстроен, потому что весь проект предполагал намного больше работы, чем изначально планировалось. Из-за этого мне понадобилась бы помощь профессионала. Я не хотел облажаться в президентском дворце. Я бы скорее вообще ушел оттуда, чем начал продавать им высокотехнологичное оборудование, сделанное в Тимбукту.

Парень из IT показал нам то, что мы должны были увидеть, и ушел к гостям. Было уже поздно, и координатор проекта договорился, чтобы мы пришли вновь – закончить измерения и провести оценку необходимой инфраструктуры. Мы с моим братом ульд Каттари ушли, намереваясь вернуться на следующий день. Когда мы вышли за территорию дворца, я уже сильно устал и хотел как можно скорее уехать. Я позвонил своему боссу, доложил о проделанной работе и даже доехал до офиса, чтобы рассказать коллегам, как все прошло.

Когда я ехал домой, мой двоюродный брат Хусейн ульд Наджбенен позвонил мне, чтобы убедиться, что я приду к нему на ужин. Хусейн – государственный служащий, который изучал управление и стал чиновником, продвигаясь вверх по карьерной лестнице до поста префекта. Еще он старый друг семьи, я знал его и играл с ним в карты, когда был ребенком. В тот день Хусейн организовывал большой ужин для своих друзей, включая моего брата, который приехал к нам из Германии, и меня. Ровно в тот момент, когда Хусейн позвонил мне, моя машина заглохла. Меня каждый раз раздражало, когда старая-как-мой-дедушка машина делала это.

– Мне нужно приехать помочь тебе? – спросил Хусейн.

– Нет, я вижу гараж недалеко от меня. Уверен, что там мне помогут.

– Не забудь про наш ужин, и напхни о нем Сейлому^[64]! – сказал он.

Механик из гаража обнаружил, что сломалась подача топлива к карбюратору, но смог все починить. В Мавритании люди могут починить абсолютно все, в Германии люди находят всему замену. Механик хотел, чтобы я заплатил ему больше, чем я ожидал, и поэтому мне пришлось заняться тем, что я ненавижу больше всего. Я начал торговаться, и в итоге мы сошлись на меньшей сумме. В Германии мне нравится то, что тебе никогда не нужно торговаться, у всего есть своя цена. Будь ты даже немцем, к тебе все равно отнесутся с достоинством. Проблема торгов в том, что кто-то в любом случае остается в невыгодном положении. Лично я хочу справедливую для обеих сторон цену, которая сделала бы их счастливыми.

Когда я прибыл в дом моей мамы около четырех часов, там были только моя тетя Хадиджа, которую мы называли Нен, и моя сестра Неджа. Обе уже спали. Моя мама вышла из дома, чтобы покормить овец. Я же вошел внутрь и надел халат. Когда я шел в душ, моя мама и два тайных полицейских вбежали в дом почти одновременно.

– Слахи, генеральный директор хочет видеть тебя!

– Зачем?

– Мы не знаем, – сказал один из них.

– Хорошо. Я приму душ и переоденусь.

– Хорошо! – сказал другой, направившись к выходу. – Мы подождем тебя снаружи.

Тайная полиция с уважением относилась ко мне после того, как я две недели назад сдался. Они знали, что я не из тех, кто попытается сбежать. Вообще я был под домашним арестом с 2000 года и в любой момент мог сбежать из страны. Но я не сбежал. И у меня не было на это причин. Я принял душ и переоделся. Тем временем моя тетя проснулась из-за шума. Сестра же ничего не слышала и продолжала спать. И я был этому очень рад, потому что меня сильно беспокоила ее депрессия, от которой она уже давно страдала.

– Думаю, что полиция прибыла, потому что ты купил новый телевизор, а они не хотят, чтобы ты смотрел телевизор. Как ты думаешь? – спросила мама невинно.

Я улыбнулся и сказал: «Не думаю. Но уверен, что все будет в порядке». Моя мама говорила о спутниковой антенне, которую я установил прошлой ночью, чтобы улучшить качество изображения. Ирония в том, что одним из тех, кто помогал мне устанавливать антенну, был агент Якоб. Когда я был в тюрьме за месяц до этого, он попросил найти для него работу, потому что в полиции получал слишком мало. Я пообещал, что помогу ему, и хотел предложить ему сделать кое-что для меня, поэтому позвал его помочь мне с антенной и хорошо заплатил. Для такого человека, как он, это был единственный способ выжить. Я помог ему заработать, и потом мы сидели в моем доме, пили чай и шутили.

– Я привел тебя к себе домой не для того, чтобы ты арестовал меня, – пошутил я.

– Надеюсь, тебя никогда не арестуют, – сказал агент Якоб.

Дом моей мамы находится напротив дома моего брата. Их разделяет небольшая стена. Я мог просто перепрыгнуть через нее и попасть в дом брата, затем выйти через дверь и оказаться на совершенно другой улице. И знаете что? Меня бы тогда просто не нашли, не только потому, что большинство людей помогли бы мне укрыться, но и потому, что полиция была совсем не заинтересована в моих поисках. Я даже думаю,

что правительству было бы намного приятнее сказать США: «Он сбежал, мы не смогли найти его».

Ты должен знать, дорогой читатель, что стране очень тяжело выдавать своего гражданина. Президент очень жалел, что ему нужно выдать меня. Но зачем ему тогда выдавать меня? От этого зависит, будет ли он занимать свой пост. Я понимаю, что если США задержат меня в Афганистане и переведут в Гуантанамо по какой-нибудь причине, то мое государство не за что винить, потому что это я решил поехать в Афганистан. Но похищать меня из моего собственного дома и передавать США, проигнорировав Конституцию Мавритании и международные законы, – это ненормально. Мавритания должна была попросить у США доказательства моей вины, которых у них не было, потому что я ни в чем не виноват. Но даже если бы США и предоставила бы эти доказательства, то Мавритания должна была бы судить меня по законам Мавритании, так же как Германия судит по своим законам своих граждан, подозреваемых в причастности к терактам 11 сентября. Но если США говорят: «У нас нет доказательств», то Мавритания должна ответить: «Да пошли вы!». Но нет, все работает не так. Не поймите меня неправильно. Я виню обе стороны в равной степени.

Агенты тайной полиции, очевидно, хотели, чтобы я сбежал, особенно агент Якоб. Но этого не хотел я. Правительство убедило мою семью, что я не преступник, поэтому они всегда хотели, чтобы я следовал за полицейскими, когда они приходили за мной. Забавный факт о «тайной полиции» в арабских странах: ее сотрудников граждане знают гораздо лучше, чем обычных полицейских. Думаю, властям арабских стран стоит задуматься о другом названии, что-то вроде «Самая Очевидная Полиция».

Снаружи были четверо полицейских, когда из дома вышли я, моя мама и тетя. Мама сумела сохранить самообладание и начала молиться. Моя тетя впервые видела, как полиция кого-то задерживает, поэтому была до смерти напугана и не сказала ни слова. Она сильно вспотела и начала нашептывать какие-то молитвы. Обе смотрели на меня, не отрывая взгляда. В их глазах читалось то самое чувство бессилия, которое испытываешь, когда видишь, как твои любимые люди исчезают, как сон, и ничем не можешь им помочь. То же самое происходило со мной: в зеркало заднего вида я наблюдал, как молятся моя мать с тетей, пока мы не свернули с улицы и мои родные не пропали из вида.

– Поезжай на своей машине, мы надеемся, что ты сможешь вернуться домой уже сегодня, – проинструктировал меня один из полицейских. – Гендиректор нацбезопасности, скорее всего, просто задаст тебе несколько вопросов.

Агент Якоб с самым грустным выражением лица сел на пассажирское сиденье.

– Слахи, я бы очень хотел не быть частью всего этого дерьма, – сказал он.

Я промолчал. Я продолжал следовать за полицейской машиной передо мной, которая направлялась в секретную хорошо известную тюрьму. Несколько раз меня уже держали там, и я точно знал, что мне это совсем не понравится. Я ненавидел темную грязную камеру, я ненавидел отвратительную уборную, я ненавидел все, особенно постоянное чувство страха и тревоги.

– Инспектор уже искал тебя сегодня. Ты же знаешь, что ДСР сейчас в Испании. Инспектор спросил, у кого есть твой номер телефона. Но я промолчал, хоть он у меня и есть, – сказал агент Якоб, пытаюсь как-то утешить себя. Единственный, у кого еще был мой номер, это ДСР, и, очевидно, он его никому не давал.

И вот мы у ворот ненавистой тюрьмы. Инспектор Измаил был в своем кабинете. Он смотрел на меня с какой-то бесчестной улыбкой, которая очень быстро сменилась на хмурый взгляд.

– У нас не было твоего номера. Директор сейчас в Испании. Он вернется через три дня, и пока мы продержим тебя здесь.

– Но почему? Я уже устал от того, что вы удерживаете меня без причины. Чего вы хотите от меня на этот раз? Вы только меня выпустили, – сказал я обозленно и сердито, особенно потому, что парень, который все знает о моем деле, сейчас был не в стране.

– Почему ты так напуган? Я никогда раньше тебя таким не видел, – сказал инспектор.

– Слушайте, вы арестовали меня после 11 сентября, и следователи из США приехали сюда, чтобы допросить меня. Потом, осознав, что я невиновен, вы освободили меня. Я примерно могу понять арест после 11 сентября, но этот арест мне кажется совершенно ненормальным.

– Все будет хорошо. Дай мне свой телефон, – соврал инспектор, натянуто улыбаясь.

Инспектор знал о моем задержании столько же, сколько и я, потому что правительство не поделилось бы с ним никакой информацией. Не думаю, что правительство Мавритании что-нибудь решило по моему делу. Главный распорядитель всего этого, ДСР Деддахи, был не в стране, а без него никакие решения не принимались. Но мы оба осознавали тогда, что США попросили президента Мавритании, который тогда стоял у власти, задержать меня. Президент приказал своему генеральному директору по национальной безопасности, который теперь сам занял пост президента, арестовать меня. А он в свою очередь отдал такой же приказ своим людям во главе с инспектором^[65].

Тем не менее я думаю, что США даже не пытались скрыть свои намерения передать меня в Иорданию, и к моменту моего задержания 20 ноября 2001 года два человека знали о плане – президент Мавритании и

его директор нацбезопасности. Но США слишком много просили от своего союзника, так что правительству Мавритании нужно было время, чтобы все обдумать и принять решение. Передача меня Иордании имела серьезные последствия. Это совершенно противоречило Конституции Мавритании. Президент вот-вот мог потерять свое кресло, и любые неприятности очень сильно повлияли бы на его положение. США не просили Мавританию выдать меня им, что было бы намного логичнее. Нет, они хотели, чтобы я оказался в Иордании, и это было большим неуважением к суверенитету Мавритании. Правительство Мавритании запрашивало доказательства, любые доказательства, но США не смогли ничего предоставить, поэтому мой арест сам по себе был обременительным для правительства, не говоря уже об экстрадиции в Иорданию. Мавританское правительство искало доказательства моей вины в странах, которые я посетил, – в Германии и Канаде, – но они смогли представить только хорошие сведения обо мне. По этим и другим причинам мавританскому президенту нужен был его доверенный человек, ДСР, перед тем как предпринимать такой опасный шаг.

Я отдал свой телефон инспектору. Он приказал охранникам присмотреть за мной и вышел. Так я вынужден был проводить время с охранниками, а не с Хусейном ульд Наджбененом и остальными своими братьями.

В Мавритании охранники секретных заключенных были частью тайной полиции. Они могут глубоко сопереживать тебе, но в то же время выполняют любой приказ, даже если им придется убить тебя. Такие люди ненавистны обществу, потому что они поддерживают диктатуру. Без них диктатуры не было бы. Им нельзя доверять. И тем не менее я не чувствовал никакой ненависти по отношению к ним, скорее я им сочувствовал. Они были такими же гражданами Мавритании, как и все остальные. Большинство из них знали меня по предыдущим арестам.

– Я развелся со своей женой, – сказал молодой охранник.

– Почему? У тебя же есть дочь.

– Я знаю, но у меня нет денег, чтобы снимать жилье для жены и меня, и моей жене надоело жить в доме моей мамы. Они совсем не ладили.

– Но развод?!. Seriously?

– А что бы ты сделал на моем месте?

Мне нечего было ответить, потому что простая математика была против меня. Парень зарабатывал около 40 или 50 долларов в месяц, а на то, чтобы иметь хоть какую-то нормальную жизнь, ему нужна минимум 1000 долларов. У всех моих охранников было что-то общее. Все они находились за чертой бедности и без какой-либо дополнительной работы не выжили бы до конца месяца. В Мавритании разница между офицерами и новобранцами слишком большая.

– Мы видели много людей, которые работали здесь и в итоге заняли очень высокие должности в правительстве. Ты тоже можешь достичь

многого, мы уверены, – всегда говорили мне они. Они явно желали занять хорошие посты в правительстве, но лично я не верил, что работа на правительство – это правое дело. Я думаю, что желание заработать не может быть оправданием того зла, которое они совершают во благо правительства и несправедливого режима. В моих глазах они были так же виновны, как и все остальные, независимо от оправданий, которые они могут себе придумать.

Тем не менее мавританские охранники, все без исключения, выразили согласие со мной и сказали, что предпочли бы не быть теми, кто должен выполнять эту работу. Они проявили ко мне все возможное уважение и симпатию и все время успокаивали меня, потому что я очень боялся, что меня выдадут американцам и отправят на военный суд. Президент Соединенных Штатов тогда гавкал, что подозреваемые в терроризме должны быть переданы им для военного суда. Я знал, что там у меня не будет ни единого шанса на справедливость. Мы ели, молились и общались вместе. Мы делили все: еду, чай, радиоприемник, по которому слушали новости. Все мы спали в большой камере без мебели, но с роем комаров. Так как это было в Рамадан, мы ели ночью и не спали до утра, а ложились спать уже днем. Очевидно, им приказали обращаться со мной именно так. Иногда приходил инспектор, чтобы проверить, как у нас дела.

– Привет.

– Как ты?

– Прекрасно! Почему вы держите меня под арестом?

– Спокойно. Это не пожар! – сказал он.

Интересно, почему он говорил о пожаре? Он выглядел совсем несчастным, и я понимал, что это не из-за меня. Я был подавлен и напуган, поэтому мне стало очень плохо. Я потерял аппетит и ничего не мог есть. Давление сильно упало. ДСР позвонил доктору, чтобы тот осмотрел меня.

– Вы не можете поститься. Вам придется поесть, – сказал он, выписывая какие-то лекарства.

Я не мог подняться, поэтому мне приходилось справлять нужду в бутылку. Что касается остальных дел, то с этим проблем не было, потому что я ничего не ел. Мне стало совсем плохо. Правительство Мавритании стало беспокоиться, что «товар» просто исчезнет до того, как попадет в руки клиента – США. Иногда я пытался сесть, чтобы поесть немного, но каждый раз, когда я садился, голова начинала кружиться, и я падал. Все это время я ел и пил только то, что мог принять в себя лежа на матрасе.

Я провел семь дней в мавританской тюрьме. Моя семья ни разу не навестила меня, как я позже узнал, им запретили видеть меня и даже не

сообщили, где я находился. На восьмой день, 28 ноября 2001 года, мне сообщили, что меня отправят в Иорданию на корабле.

28 ноября в Мавритании празднуется День независимости. В этот день в 1960 году Исламская Республика Мавритания обрела независимость от французских колонистов. Ирония в том, что именно в этот день в 2001 году независимая и суверенная Республика Мавритания выслала одного из своих граждан как посылку. К их бесконечному стыду, власти Мавритании не только нарушили Конституцию, которая запрещает экстрадировать мавританских преступников, но и выдали невинного гражданина и оставили его на милость непредсказуемого американского правосудия.

В ночь накануне заключения международной сделки между Мавританией, США и Иорданией охранники разрешили мне посмотреть парад, который двигался с окраин в сторону президентского дворца. Музыканты шли в сопровождении школьников, в руках которых были зажженные свечи. Это зрелище напомнило о том, как я сам школьником участвовал в таком параде 19 лет назад. Тогда я доверчиво смотрел на это мероприятие, посвященное рождению нации, частью которой я был. Я не знал тогда, что страна не считается суверенной, если она не может самостоятельно справиться со своими проблемами.

Служба безопасности – самый важный государственный орган в странах третьего мира и даже в некоторых так называемых свободных странах. Поэтому ДСР был приглашен на церемонию, проводимую утром в президентском дворце. Он пришел между 10 и 11. Вместе с ним прибыли двое его помощников. Он пригласил меня в свой кабинет, где он обычно допрашивает людей. Я был очень удивлен, вообще увидев его, потому что был праздник. Хотя я и был болен, мое давление поднялось от неожиданной встречи, и я смог встать и пройти в допросную. Но, едва войдя в кабинет, я свалился на большой черный кожаный диван. Было очевидно, что моя гиперактивность была фальшивкой.

ДСР отправил всю охрану домой, и я остался наедине с ним и его помощниками. Охранники помахали мне на прощание, как бы говоря: «Поздравляем!» Мы все думали, что меня освободят, хотя я и был настроен скептически. Мне не нравились все это оживление и телефонные звонки вокруг меня.

ДСР отослал своего помощника, и вскоре он вернулся с парой дешевых вещей, одеждой и рюкзаком. Тем временем другой помощник уснул на полу перед дверью. ДСР отвел меня в комнату, где, кроме нас, никого не было.

– Мы отправляем тебя в Иорданию, – объявил он.

– Иордания? О чем вы говорите?

– На их короля было совершено покушение.

– И что?.. Меня с Иорданией ничего не связывает, у меня проблемы только с американцами. Если вы хотите отправить меня в какую-то страну, то отправьте меня в Соединенные Штаты.

– Нет, они хотят, чтобы мы отправили тебя в Иорданию. Они утверждают, что ты сообщник Ахмеда Рессама, хоть я и понимаю, что ты никак не связан ни с ним, ни с 11 сентября.

– Тогда почему вы не защитите меня от несправедливости, я ведь гражданин Мавритании? – спросил я.

– США – страна, основанная на сплошной несправедливости, – был его ответ.

– Хорошо, я хочу встретиться с президентом! – сказал я.

– Ты не можешь. Все уже решено, и это необратимо.

– Что ж, тогда я хочу хотя бы попрощаться со своей мамой, – сказал я.

– Ты не можешь. Это секретная операция.

– Сколько это продлится?

– Два или три дня максимум. И, если ты не захочешь, тебе не обязательно с ними разговаривать. Я не имею ничего против.

Я знал, что он брешет, меня, должно быть, отправляют в Иорданию с совершенно определенной целью.

– Вы можете точно узнать, когда я вернусь?

– Я попробую. Я надеюсь, что эта поездка в Иорданию только добавит положительных показаний твоему делу. Сенегальцы, канадцы, немцы и я уверены, что ты невиновен. Я не знаю, сколько свидетелей американцам нужно, чтобы оправдать тебя.

ДСР отвел меня обратно в свой кабинет и несколько раз попытался позвонить своему боссу, директору нацбезопасности. Когда он все-таки дозвонился, тот не смог назвать точную дату моего возвращения домой, но он заверил, что вся поездка займет всего несколько дней. Я не знаю наверняка, но мне кажется, что это американцы всех обхитрили. Они просто попросили доставить меня в Иорданию, а там меня ждал совсем другой разговор.

– Я точно не знаю, – сказал ДСР искренне, когда повесил трубку. – Но слушай, сегодня среда. Два дня на допрос, один день на дорогу. Так что ты вернешься в субботу или воскресенье.

Он открыл рюкзак, который принес его помощник, и попросил меня примерить новую дешевую одежду. Я надел полный комплект: футболку, штаны, пиджак и пластиковую обувь. Какая красота! Ничего из этого мне не подходило. Я выглядел как скелет в новом костюме. Но кого это вообще волновало? Уж точно не меня.

С того момента, как я узнал об этом решении, и до моего прибытия в Иорданию ко мне относились как к посылке. Я не знаю, как описать свои чувства. Злость, страх, беспомощность, унижение, несправедливость, предательство... На самом деле я никогда не задумывался о том, чтобы бежать из тюрьмы, хотя меня уже четыре раза несправедливо заключали под стражу. Но в этот день я задумался о побеге, потому что я никогда не представлял, даже во сне, что меня отправят в страну, которая во всем мире известна своим практикующим пытки режимом. Но у меня была всего одна пуля, и, если бы я выстрелил и не попал, я выглядел бы очень плохо в глазах своего государства. Не то чтобы это меня беспокоило, они сотрудничали бы с США, даже если бы я казался им ангелом. Да и вообще, я сам сдался.

Я осмотрелся в поиске путей для побега. Давайте предположим, что я выбрался из здания. Мне понадобилось бы такси, как только я добрался бы до дороги. Но у меня совсем не было денег, и я не мог поехать к тем кто знал меня, потому что там меня будут искать в первую очередь. Когда я осматривал двери, была одна, к которой у меня не было причин подходить, поэтому я попросил разрешения воспользоваться уборной. Там я сбрил свою бороду и начал размышлять о другой двери. Она была стеклянной, так что я мог разбить ее, но я хорошо знал план здания. Эта дверь привела бы меня к вооруженному охраннику, который вполне мог застрелить меня. И даже если бы мне удалось пробраться мимо охранника, пришлось бы обойти Министерство внутренних дел, здание которого находилось по соседству, на главной улице. Там всегда стояли охранники, которые наблюдали за прохожими. Пройти мимо них было невозможно. Может быть, просто был шанс перепрыгнуть через стену, но был ли я для этого достаточно сильным? Нет, не был. Но я был готов собраться с силами и сделать все невозможное возможным.

Все эти планы и мысли крутились в моей голове, пока я был в уборной. Я посмотрел на потолок, но там тоже не было пути для побега. Я закончил мыться и бриться и вышел. Снаружи уборной был зал без крыши. Я подумал, что могу взобраться на стену и покинуть здание, перепрыгнув на крышу соседнего дома. Но было две неприятности. Во-первых, стена была высотой около 20 футов и рядом не было ничего, что могло бы помочь взобраться на нее. Во-вторых, меня бы точно заметили, потому что вокруг было достаточно много охранников, поэтому, когда я приземлялся бы на землю, меня там уже ждали бы полицейские. Я понял, что побег останется нереализованной мечтой для того, перед кем закрыты все двери, кроме двери в рай.

ДСР продолжал звонить команде специального назначения, которая уже летела за мной.

– Они должны прибыть через три часа. Они уже на Кипре! – сказал он.

Вообще он не должен был говорить, где самолет, кто в нем и куда меня собираются отвезти. Американцы хотели держать меня в состоянии

ужаса и тревоги. Я не должен был знать, что со мной происходит. Дорога до аэропорта с завязанными глазами и перевозка в другую страну, которая находится в 11 часах пути от родины, заставят нервничать так сильно, что выжить получится только у людей со стальными нервами. Но ДСР был не прочь держать меня в курсе всех событий. Не потому, что он беспокоился обо мне, а потому, что он знал, что согласиться на такую ужасную операцию означает одновременно и отказаться от своей власти. Беспорядки и протесты против мавританского президента уже начались, и ДСР понимал, что происходящее со мной сломает спину верблюда. Я тоже понимал это и продолжал молиться: «О Боже, прошу, пусть эти люди не проливают кровь за меня!»

ДСР выяснил, что самолет прибывает около семи часов вечера. Помощник все это время спал, поэтому ДСР отправил его домой. Было около шести часов, когда ДСР, другой его помощник и я выехали на роскошном «мерседесе» директора. Он позвонил в аэропорт еще раз, чтобы все обговорить и доставить меня в аэропорт незаметно, не привлекая внимания. Я надеялся, что этот план не сработает и народ узнает, что провернуло государство.

ДСР направил нас в другую сторону от аэропорта, он хотел задержаться в пути и прибыть в аэропорт в то же время, что и иорданская делегация. Я надеялся, что их самолет разобьется. Даже понимая, что его можно заменить, я хотел, чтобы рейс отложили, как если бы знал, что умру, но надеялся отсрочить свою смерть. ДСР остановился у продуктового магазина и зашел внутрь, чтобы купить нам перекусить и разговеться. Закат должен был застать нас в аэропорту во время прибытия непрошеного самолета. Перед магазином стоял большой белый грузовик ООН. Водитель вошел в магазин и оставил двигатель включенным. Я подумал, что при большом везении я смогу угнать его и при еще большем везении даже скрыться на нем, потому что у «мерседеса» было мало шансов против мощного полноприводного джипа «тойота».

Но я видел все изъяны этого плана и не стал воплощать его в жизнь. Угнав машину, я сделал бы невиновных людей своими соучастниками: в кабине сидела семья водителя, а я был не готов вредить невинным людям. Для угона еще потребовалось бы как-то нейтрализовать «мерседес», что могло стоить жизней двух офицеров полиции. Хотя я и не чувствовал бы своей вины за то, что они сами убили себя, пока пытались незаконно и несправедливо меня наказать, но я совершенно не хотел убивать кого-то. И был ли я физически способен провернуть эту операцию? Я не был в этом уверен. Продумывая эту операцию, я как бы мечтал, чтобы отвлечься от ужасной неизвестности, ожидающей меня.

Я должен отметить, что в Мавритании полиция не использует параноидальные и жестокие американские техники завязывания глаз, затыкания ушей и заковывания людей в цепи с головы до пят; в этом плане мавританцы очень спокойные. Вообще я думаю, что в мире нет людей более жестоких, чем американцы. Я даже свободно шел, когда мы

прибыли в аэропорт, и мог в любой момент убежать и добраться до общественного терминала аэропорта прежде, чем кто-нибудь меня поймает. Тогда я мог бы, по крайней мере, передать людям, а соответственно, и своей семье, что меня похитили. Но я этого не сделал и даже не знаю почему. Может быть, если бы тогда я знал все, что знаю сейчас, я бы воспользовался любым шансом победить несправедливость. Я бы не стал сдаваться с самого начала.

После остановки у продуктового мы отправились напрямик в аэропорт. Так как был праздник, пробок совсем не было, люди мирно разъехались по домам. Прошло восемь дней с момента, когда я в последний раз видел внешний мир. Он выглядел мрачно. Должно быть, целый день шла пыльная буря. Я видел подобное тысячу и один раз, и мне это нравилось. Каждый раз, когда буря убивает город, вечером океанский бриз возвращает его к жизни, и очень медленно, но уверенно люди начинают выходить на улицы.

Сумерки были удивительными и прекрасными, как и всегда. Я представлял, как моя семья готовит еду ифтар для окончания дневного поста, мама, выполняя свою скучную работу, читает молитву, люди пытаются разглядеть солнце, пока оно не скрылось за горизонтом. Как только муэдзин объявляет «Аллах велик», все жадно хватают что-нибудь попить. Мои братья предпочитают сначала покурить и выпить чая, мои сестры же в первую очередь берут по напиток. Никто из моих сестер не курит, в нашей культуре не принято, чтобы женщины курили. Отсутствовал только я, но абсолютно все переживали и молились за меня. Моя семья была уверена, что через несколько дней меня отпустят, в конце концов, мавританские власти сказали моей семье, что я не сделал ничего плохого, что они просто ждали, пока американцы поймут то же самое и оставят меня в покое. Как же моя семья ошибалась! Как же я ошибся, когда доверился группке преступников и их стране! Казалось, что жизнь меня ничему не учила. Но сожаление никак не помогло, корабль отчалил.

«Мерседес» бесшумно двигался в сторону аэропорта, и я утонул в своих размышлениях. В аэропорту, у секретного входа, нас ждал шеф полиции, как планировалось. Ненавижу черные ходы! Как много невинных душ провели через этот вход? Я однажды проходил через него, когда правительство США доставило меня из Дакара 20 месяцев назад. Когда мы прибыли к входу, закончились мои мечтания о каком-то чудесном спасителе, который придет и остановит машину, нейтрализует офицеров и отнесет меня домой на своих крыльях, чтобы я смог принять ифтар в тепле материнского дома. Божий план было не остановить, поэтому я полностью отдался его воле.

Шеф полиции аэропорта выглядел скорее как верблюжий пастух. На нем была поношенная бубу^[66], наша национальная одежда, и тенниска без пуговиц.

– Я же сказал, что не хочу, чтобы тут был кто-то кроме нас, – сказал ДСР.

– Все в порядке, – сказал шеф с неохотой. Он был ленивый, беззаботный, наивный и слишком консервативный. Я не думаю, что он вообще понимал, что происходит. Казалось, он был религиозным парнем с традиционными взглядами на жизнь, но религия никак не влияла на его решения, учитывая его сотрудничество с правительством.

Муэдзин начал распевать восхитительный азан, символизирующий окончание дня и завершение поста. «Аллах велик, Аллах велик». «Я подтверждаю, что нет бога, кроме Аллаха» один раз, дважды и затем еще два раза, «Я подтверждаю, что Мохаммед пророк его», «Молись. Молись. Процветай. Процветай» и затем дважды «Аллах велик» и «Нет бога, кроме Аллаха». Какое удивительное послание! Но угадай что, дорогой муэдзин. Я не могу ответить на твой зов, и я не могу завершить пост. Мне было интересно, муэдзин хотя бы догадывается о том, какая несправедливость происходит в этой стране?

Вокруг было грязно. Весь маленький бюджет, который государство выделило на восстановление аэропорта, разошелся по рукам тех агентов, которым это государство его доверило. Не сказав ни слова, я пошел к самому чистому месту и начал молиться. ДСР, его помощник и шеф присоединились ко мне. Когда я закончил молиться, ДСР предложил мне воды и несколько сладких булочек, чтобы я разговелся. В этот же момент на взлетную полосу приземлился маленький самолет. У меня не было аппетита. Но я понимал, что без еды я не выживу, поэтому я выпил немного воды и затолкал кусок булки в рот, но он застрял в горле. Я закашлялся, но смог проглотить его. Я сходил с ума от страха, хотя пытался вести себя как обычно и восстановить душевное равновесие. Меня трясло, и я все время продолжал бормотать молитвы.

Команда служащих аэропорта направила маленький самолет к «мерседесу». Он остановился в нескольких дюймах от машины, дверь открылась, и темнокожий мужчина лет 40 спустился по трапу. Он был довольно полный, с огромным животом, который явно очень сложно забить едой, и с одной из тех комбинаций бороды и усов, которые тонут во всем, что он пытается выпить. О боже, я бы не стал пить с ними из одной чашки даже за миллион долларов. Как только я увидел этого парня, я придумал ему прозвище – Сатана.

Ступив на взлетную полосу, он осмотрел нас лисьими глазами. У него была сухая, нейтральная улыбка и привычка поправлять усы. Еще его взгляд постоянно блуждал, один глаз был широко открыт, а другой прищурен. Я легко мог заметить в его глазах шок из-за того, что он, казалось, не мог найти нужного ему человека, то есть меня. Но было понятно, что это не первая его операция. К нему тут же вернулось самообладание, как будто ничего серьезного не произошло.

– Мы привезли сюда людей в мешках, – сказал мне потом в Иордании его коллега офицер Рами.

– Но как они пережили перелет без воздуха?

– Мы оставили дырку для носа, чтобы поддерживать поступление кислорода, – сказал офицер Рами.

Я не знаю ничего о случаях с мешками, но я знаю о случаях, когда подозреваемых террористов похищали и доставляли в Иорданию.

Сатана ожидал, что его жертва будет стоять в цепях, с завязанными глазами и затычками в ушах. Но я стоял в гражданской одежде, был похож на обычного человека. Его это очень удивило. Я выглядел не как террорист, тем более не как очень важный террорист, который предположительно стоит за заговором «Миллениум».

– Здравствуй, – сказал он, очевидно, он не привык к прекрасному мусульманскому приветствию. – Мир тебе!

Он обменялся парой слов с ДСР, хотя, казалось, что они плохо друг друга понимают. ДСР не разбирал иорданский диалект, а гость из Иордании не привык к мавританской речи. У меня было большое преимущество перед ними обоими, потому что нет такого арабского диалекта, который бы я не понимал, ведь у меня много друзей из разных стран с разными культурами.

– Он сказал, ему нужно топливо, – объяснил я ДСР.

Я хотел позволить этому хищнику понять, кто я такой. Я взял свой рюкзак и показал готовность зайти в самолет. Именно в этот момент Сатана осознал, что я и есть тот самый жалкий «террорист», за которым его послали.

ДСР передал ему мой паспорт и какую-то тонкую папку. Сверху на трапе самолета стояли двое молодых парней, одетые в костюмы в духе ниндзя. Оказалось, что это мои охранники на время самого долгого полета в моей жизни, который продлится 11 часов. Я быстро поговорил с ДСР в такой манере, что Сатана ничего не должен был понять.

– Скажите ему не пытаться меня.

– Это хороший парень. Я хочу, чтобы ты относился к нему как следует! – сказал ДСР неясно.

– Мы хорошо о нем позаботимся, – весьма двусмысленно ответил Сатана.

ДСР дал мне еды, чтобы я мог поесть во время полета.

– Не нужно, у нас с собой достаточно еды, – сказал Сатана.

Я был рад, потому что мне очень нравилась кухня Ближнего Востока.

Я занял место, приготовленное для меня, и лидер операции приказал провести тщательный досмотр, когда самолет начал взлетать. Они

нашли только мой карманный Коран, который не стали отнимать. На меня надели наушники, глаза закрыли повязкой. Но вскоре, когда самолет достиг нужной высоты, ее сняли, чтобы я мог поесть. Я не очень разбираюсь в телекоммуникациях, поэтому, когда на меня надели наушники, я подумал, что это какой-то новый американский метод, который позволит им высосать всю информацию из моей головы и передать ее в главный компьютер для анализа. Меня совсем не беспокоило, что они высосут, намного сильнее я боялся боли от электрических разрядов. Это звучит глупо, но, когда ты напуган, ты – это не ты. В такие моменты ты снова становишься ребенком.

Самолет был очень маленьким и очень шумным. Он мог лететь только три или три с половиной часа, а затем нужно было совершать посадку для заправки. «Они на Кипре», – говорил ДСР за несколько часов до их прибытия в Нуакшот. Я подумал, что на обратном пути тоже будет остановка на Кипре, потому что такие преступления должны быть идеально скоординированы между заговорщиками.

Сатана предложил мне поесть. Еда выглядела хорошо, но у меня пересохло в горле, так что казалось, будто я пытаюсь проглотить кучу камней.

– Это все? – спросил Сатана.

– Я в порядке, хаджи, – сказал я. Хаджи называется тот, кто совершил паломничество в Мекку, но на Ближнем Востоке ты уважительно обращаешься ко всем незнакомым людям, называя их хаджи. В Иордании каждого заключенного называли хаджи, чтобы сохранить имена в тайне.

– Ешь-ешь, наслаждайся! – сказал Сатана, пытаюсь подбодрить меня, чтобы я поел и оставался в живых.

– Спасибо, хаджи, я достаточно поел.

– Ты уверен?

– Да, хаджи, – ответил я.

Сатана посмотрел на меня и улыбнулся самой неестественной улыбкой из всех, что я когда-либо видел, такой же, как когда он вышел из самолета в аэропорту Нуакшота.

Охранники убрали мусор и задвинули стол. Двое наблюдали за мной: один был прямо за спиной, а другой – напротив меня. Парень позади все время пристально смотрел на меня, не уверен, что он вообще хоть раз моргнул. Должно быть, он прошел какую-то жесткую тренировку.

– На учениях я почти потерял самообладание, – позже сказал один молодой новобранец в иорданской тюрьме. – Во время учений мы убили террориста на глазах у всех студентов. Кто-то не выдержал и заплакал.

– Где вы проходили учения? – спросил я его.

– Арабская страна, не могу сказать, какая.

Меня тошнило, но я старался делать вид, что все хорошо и что он герой.

– Они хотят, чтобы мы не жалели террористов. Я могу убить убегающего от меня террориста всего одной пулей, – заявил он демонстративно.

– О, звучит здорово! Но как ты можешь знать наверняка, что это террорист? Он ведь может оказаться невинным человеком, – начал рассуждать я.

– Мне все равно. Если мой босс сказал, что это террорист, значит, так и есть. Мне не разрешается судить самому. От меня требуется только выполнять приказы.

Мне стало так жаль свой народ, жаль, что ему пришлось столкнуться с такой жестокостью. Теперь я на самом деле стоял перед человеком, которого обучили слепо убивать любого, кого ему укажут. Я знал, что он не врет, потому что однажды я встретил бывшего алжирского солдата, который искал убежища в Германии, и он рассказал, как они расправлялись с исламистами.

– Во время засады мы захватили одного 16-летнего парня, и по дороге в тюрьму наш босс остановился, вытащил его из грузовика и застрелил его. Он не хотел, чтобы парень сидел в тюрьме, он хотел отмщения, – рассказал он мне.

Мне было непонятно, почему они сохраняли такую бдительность, учитывая, что я был закован, а рядом находились два охранника, два следователя и два пилота. Сатана попросил охранника, сидящего напротив меня, освободить место, а затем сел и начал допрашивать меня:

– Как тебя зовут?

– Мохаммед ульд Слахи.

– Какое у тебя прозвище?

– Абу Мусаб.

– Какие еще прозвища у тебя есть?

– Никаких!

– Ты уверен?

– Да, хаджи!

Меня никогда не допрашивали следователи из региона Шам, и я прежде не слышал, чтобы этот акцент звучал так жутко. Мне кажется, что акцент Шам самый приятный в арабском языке, но акцент Сатаны был совсем не таким. В нем все было злым: то, как он двигается, говорит, смотрит, ест – просто все. Во время нашего короткого разговора мы почти кричали, но все равно плохо слышали друг друга, потому что двигатели самолета работали очень громко. Ненавижу маленькие самолеты.

Каждый раз я чувствую себя так, будто лечу не в самолете, а на крыле демона.

– Мы закончим допрос сейчас и продолжим его позднее, – сказал он.

Спасибо, старые двигатели! Я просто хотел, чтобы он наконец ушел от меня.

Около полудня по Гринвичу в среду 28 ноября 2001 года мы приземлились на Кипре. Был это коммерческий или военный аэропорт? Я не знаю. Но Кипр – кусочек средиземноморского рая на земле.

Следователи и два пилота надели пиджаки и вышли из самолета, скорее всего, чтобы отдохнуть. Похоже, шел дождь, потому что земля казалась влажной. Я смотрел в маленькое мутное окно. Прохладный бриз с улицы дал мне понять, что на острове царила холодная зима. Я чувствовал, как что-то трясет маленький самолет, вероятно, это была цистерна с топливом. Я начал мечтать.

Я подумал: «Сейчас местной полиции самолет покажется подозрительным, и она, возможно, обыщет его. Мне повезло, что я нарушаю закон, пересекая территорию без визы, меня должны арестовать и посадить в тюрьму. Там я попрошу убежище и останусь в раю. А иорданцы даже не смогут вмешаться, потому что они пытаются незаконно переправить меня. Чем дольше самолет стоит, тем больше шансов, что меня арестуют».

Как же я ошибался! Какими обманчивыми могут быть мечты. Это был единственный способ справиться со всем тем злом, что окружало меня. Самолет на самом деле стоял довольно долго, около часа, но никто так и не обыскал его. Согласно списку пассажиров, который иорданцы дали местным властям, меня не существовало. В один момент я подумал, что вижу полицейских в черной форме, но меня было невозможно заметить, потому что я был зажат между двумя сиденьями и со стороны был похож на сумку. Хотя, может, я их и не видел, а просто придумал, потому что хотел, чтобы полиция прибыла и арестовала меня.

Сатана, его помощник и два пилота вернулись, и мы полетели. Пилоты поменялись местами. Я заметил, что толстый пилот теперь сидит перед Сатаной. Казалось, он был такой же в ширину, как и в высоту. Сатана начал разговаривать с ним. Хотя я и не слышал, что они говорят, полагаю, что это была дружеская беседа между двумя взрослыми людьми. Сатана утомился, как и все остальные, кроме молодого охранника, который продолжал следить за мной, не моргая. Он постоянно давал команды вроде «Держи голову низко!» и «Смотри вниз!», но я все время забывал эти правила. У меня было ощущение, что это мой последний полет, потому что я был уверен, что не смогу пережить пытки. Я вспомнил всех своих родных, даже толстых соседей, племянниц и моих двоюродных братьев и сестер. Как коротка жизнь! В мгновение ока все исчезает.

Я продолжал читать Коран при тусклом свете. Сердце билось так, будто хотело выпрыгнуть из моего горла. Я почти ничего не понимал из того, что читал. Бессознательно я прочитал как минимум 200 или 300 страниц. Я готов был умереть, но не думал, что это произойдет именно так. Боже, сжался надо мной! Думаю, что никто не встречает смерть так, как представлял себе. Люди принимают в расчет все, кроме смерти. Вряд ли у кого-то в календаре отмечена дата своей смерти. Неужели Богом было предначертано, что я умру в Иордании от рук одних из самых злых людей в мире? Но вообще я не переживал, что меня убьют плохие люди. Я знал, что перед Богом они не смогут оправдаться.

Ложное умиротворение взяло верх в полете между Кипром и точкой назначения, о которой я ничего не знал. Бандиты, казалось, сильно устали после перелета из Аммана в Нуакшот за день до этого. И мне очень повезло. Около четырех часов утра по Гринвичу в четверг 29 ноября самолет начал снижаться вновь и наконец приземлился в неизвестном мне месте. Я думал, что это была арабская страна где-то на Ближнем Востоке, потому что мне кажется, что я смог разглядеть арабские надписи, когда мельком посмотрел в окно. Все еще было темно, но погода казалась теплой и сухой. Никаких признаков зимы.

В этот раз я не хотел, чтобы полиция обыскивала самолет, потому что арабские страны всегда сотрудничают против своих собственных граждан. Какое предательство! Тем не менее любая утечка информации не повредила бы. Но второй раз мечтать я не стал. Мы ждали гораздо меньше, несмотря на то что самолет прошел ту же процедуру. Сатана и два пилота вышли отдохнуть, и я слышал те же самые звуки заливающегося бензина, что и на Кипре. Самолет взлетел и направился к пункту назначения – Амману в Иордании. Не думаю, что мы еще хоть раз останавливались, хотя я постоянно проваливался в сон, пока мы не прибыли в Иорданию.

Более 90 процентов населения Иордании – мусульмане. Для них, как и для всех мусульман на Ближнем Востоке, пост – самая важная религиозная служба. Люди, которые не постятся, осуждаются другими, поэтому некоторые начинают поститься из-за давления со стороны общества, хотя многие из них неверующие. В Мавритании люди спокойнее относятся к посту, но строже к молитве.

– Позавтракай, – сказал охранник.

Думаю, что я уснул на мгновение.

– Спасибо, я не хочу.

– Это твой последний шанс поесть перед тем, как начнется пост.

– Ничего, я в порядке.

– Ты уверен?

– Да, хаджи.

Они начали завтракать, чавкая, как коровы. Я мог их слышать даже через наушники. Я продолжал украдкой смотреть в окно, пока не увидел рассвет.

– Хаджи, я бы хотел исполнить свою молитву, – сказал я охраннику.

Он поговорил с Сатаной, и тот приказал вынуть из одного моего уха наушник.

– Здесь не получится молиться. Когда мы прибудем на место, мы с тобой вместе будем молиться, – сказал Сатана.

Мне стало немного легче, потому что если он молится, значит, что он верующий и не будет делать плохо своему брату по вере. И тем не менее казалось, он мало знает о своей религии. Молитва должна совершаться в строго определенное время. Молитву нельзя отложить, кроме случаев, описанных в исламских писаниях. В любом случае обещанная молитва с Сатаной так и не состоялась.

IV

Иордания

29 ноября 2001 – 19 июля 2002

Гостеприимство моих арабских братьев. Кошка и мышка: Красный Крест против иорданской разведки. Хорошие новости: я предположительно совершил покушение на президента. Центр туризма: то, что я знаю, убьет меня. Несправедливая справедливость.

Четверг, 29 ноября 2001 года, семь часов утра по местному времени.

Маленький самолет начал неуклюже пробираться через облачное холодное небо Аммана. Мы наконец приземлились, и самолет замер. Все хотели поскорее выбраться из салона, в том числе и я.

– Поднимайся, – сказал один из охранников, снимая с меня наручники.

Я почувствовал облегчение и сидел молча, говоря про себя: «Смотри, они дружелюбные. Они просто хотели убедиться, что ты не натворишь ничего плохого в самолете. Теперь, когда мы прибыли, нет необходимости в наручниках и наушниках». Как же я ошибался! Они сняли с меня наручники только для того, чтобы надеть их еще раз, связав мои руки за спиной, еще они надели на меня большие наушники и на голову натянули мешок, полностью закрыв ее до шеи. Мое сердце громко застучало, давление повысилось, и теперь мне было проще устоять на ногах. Я начал бормотать молитвы. Впервые ко мне так относились. Штаны начали сползать с меня, потому что я был слишком тощим, и, кажется, не ел почти неделю.

Двое новых энергичных охранников вытащили меня из самолета. Я споткнулся, когда добрался до трапа, потому что ничего не видел, а тупые охранники ничего мне не сказали. Я упал лицом вниз, но охранники успели поймать меня перед тем, как я ударился о трап.

– Осторожно! – сказал офицер Рами, мой будущий следователь, другим охранникам. Я запомнил его голос, и, когда он позже начал допрашивать меня, я его вспомнил. Теперь я знал, что нужно спускаться по трапу до тех пор, пока ногами не коснусь земли и пока холодный ветер не поразит все мое тело. Моя одежда не подходила для такой погоды. На мне были дешевые, сделанные в бедной стране вещи, которые мне выдали власти Мавритании.

Один из охранников молча помог мне залезть в джип, который был припаркован в метре от трапа самолета. Охранники втиснули меня между собой на заднем сиденье, и мы поехали. Я чувствовал себя комфортно. Внутри было тепло, и двигатель работал тихо. Водитель случайно включил радио. Ведущая поразила меня своим акцентом и своим сонным голосом. Город просыпался после долгой холодной ночи, медленно, но уверенно. Водитель все время ускорялся и резко тормозил. Какой ужасный водитель! Должно быть, они наняли его просто потому, что он тупой. Я постоянно двигался назад вперед, как манекен для краш-тестов.

Я слышал, что вокруг нас сигналили автомобили. Это было время, когда большинство людей едут на работу. Я представил, будто я в это же время дома, собираюсь на работу, наслаждаюсь новым днем, чувствую бриз через открытое окно, подбрасываю каждого своего племянника до его школы. Каждый раз, когда ты думаешь, что жизнь прекрасна, она предает тебя.

После примерно 40–45 минут бестолкового вождения мы свернули, въехали в ворота и остановились. Охранники вытащили меня из джипа. Я задрожал от холодного ветра, хоть и чуть-чуть, потому что очень быстро мы вошли в здание, где меня оставили рядом с обогревателем. Я знал, как он выглядит, даже с закрытыми глазами. Я просто чувствовал, что это был такой же обогреватель, какой был у меня в Германии. Позже я узнал от охранников, что тюремные объекты построены шведской компанией.

– Не двигайся, – сказал один из охранников перед тем, как они оба вышли из помещения.

Я стоял ровно, хоть ноги еле держали меня и спина сильно болела. Там меня оставили на 15 или 20 минут, пока офицер Рами не схватил меня за воротник, чуть не задушив до смерти. Офицер Рами грубо протолкнул меня к лестнице. Должно быть, я был на нулевом этаже, и он направлял меня в сторону первого.

Легенда гласит, что арабы – одни из самых гостеприимных людей на планете. И враги, и друзья согласны с этим. Но то, что я испытывал

здесь, это немного другое гостеприимство. Офицер Рами втащил меня в маленькую комнату со столом и двумя стульями. Там меня уже ждал человек, сидящий напротив. Это был большой и неуклюжий мужчина 20 с чем-то лет, который постоянно и по многу раз повторял одни и те же вопросы. Как и остальные охранники, он был одет в иорданскую военную форму, и у него была военная стрижка. Было видно, что он не в первый раз занимается этой работой, потому что на его лице не было признаков человечности. Он ненавидел себя больше, чем кто-либо ненавидел его.

Первое, что я заметил, это два портрета на стене: нынешнего короля Абдаллы и его покойного отца Хусейна. Такие портреты доказывают, что диктатура существует в нецивилизованном мире. В Германии я ни разу не видел, чтобы кто-то повесил портрет своего президента. Только раз я видел это – в новостях или по городу – когда перед выборами повесили несколько портретов кандидатов. Может я не прав, но я не доверяю тем, кто вешает портрет президента или портрет того, кто выиграл выборы, набрав 80 процентов голосов. Это просто смешно. На другой стене висели большие часы, на них я увидел время – 7:30 утра.

– Раздевайся! – сказал охранник.

Я выполнил приказ, но нижнее белье оставил. Я готов был драться, но белье бы снимать не стал. Но охранник просто протянул мне чистую голубую форму. Иорданцы намного организованнее, чем мавританцы. Тюрьма была скромной, но чистой и уютной. Впервые в жизни я надел тюремную форму. В Мавритании ее нет, но не потому, что это демократическая страна, а потому, что власть слишком ленива и коррумпирована. Форма – это признак коммунистической страны. Единственная так называемая демократическая страна, где заключенных одевают в особую форму – это США. Иорданцы полностью позаимствовали американскую систему обустройства и организации тюрьмы.

Молодой парень, сидящий за столом, был довольно толстым. Он исполнял роль клерка, но весьма неудачно.

– Как вас зовут? Где вы проживаете в Аммане?

– Я не из Аммана.

– Откуда вы, черт возьми?

– Я из Мавритании, – ответил я.

– Нет, я спрашиваю, где вы живете здесь, в Иордании?

– Нигде!

– Они схватили вас, когда вы делали пересадку в аэропорту?

– Нет. Хаджи забрал меня из моей страны на пару дней, чтобы допросить и вернуть обратно.

Я хотел, чтобы все звучало как можно более безобидно. Тем более это именно то, что мне сказали, хотя теперь у меня возникло чувство, будто меня обманывают или предают.

– Назовите свое имя по буквам.

Я произнес свое имя по буквам, но, казалось, что парень не ходил в начальную школу. Он писал будто китайскими палочками. Он все время писал одну форму за другой и выбрасывал старые бумаги в мусорное ведро.

– Какое преступление вы совершили?

– Я ничего не совершал!

Оба засмеялись.

– Ох, очень убедительно! Вы ничего не совершали, но при этом вы здесь!

Я подумал: «Какие преступления я должен назвать, чтобы угодить им?»

Я представил себя как человека, который проделал весь путь из Мавритании, чтобы выдать информацию о своих друзьях.

– Хаджи сказал мне, что ему нужна моя помощь, – сказал я. Но затем я подумал: «Какой глупый ответ». Если бы я хотел добровольно предоставить информацию, я бы сделал это в Мавритании.

Охранники все равно мне не поверили, потому что какой вообще преступник когда-либо сознается в преступлении? Я чувствовал себя униженным, потому что мой рассказ звучал странно и неправдоподобно.

В бюрократическом хаосе офицер, командующий тюрьмой, взял все в свои руки. Он взял мой кошелек и скопировал мои персональные данные. Это был 40-летний мужчина со светлыми волосами, белой кожей и сухим лицом. Он выглядел очень серьезным. Было очевидно, что он уже много лет занимается своей работой. Во время моего пребывания в the Dar Al Tawqif wa Tahqiq, «Здании ареста и допроса»^[67] я видел, что он работает день и ночь и спит в тюрьме. Большинство охранников проходят через это. Они работают вдалеке от дома, и охранники рассказали мне, что их смены могут длиться сутками. Во время смен они практически не покидают тюремные объекты. Порой я замечал, что охранник подсматривает за мной через дыру в стене камеры. Я-Слежу-За-Тобой – такое имя я дал ему – был офицером так ими называемого al Jaish Al Arabi, «Арабского легиона». Я подумал: «Какой маскарад! Если это защитник нас, арабов, то у нас проблемы!» Как гласит арабская поговорка: «Ее защитник – ее убийца».

– Почему они называют вас «Арабский легион»? – спросил я позже одного из охранников.

– Потому что мы защищаем весь арабский мир, – ответил он.

– Это замечательно, – сказал я, думая, что было бы просто чудесно, если бы они защищали нас от самих себя.

После того как они закончили с оформлением бумаг, один из сопровождающих охранников сковал мне руки за спиной наручниками, завязал мне глаза и снова схватил за воротник. Мы зашли в лифт, и я почувствовал, что он едет вверх. Должно быть, мы остановились на третьем этаже. Охранник провел меня по коридору, несколько раз повернув, пока не открылась большая металлическая дверь. Охранник снял с меня наручники и повязку.

Я начал осматриваться, но смог увидеть не так уж много. Где-то в трех метрах от меня было окно. Оно было маленькое и находилось высоко, чтобы заключенные не могли смотреть в него. Однажды мне удалось взобраться и посмотреть в него, но я не увидел ничего, кроме высоких круглых стен тюрьмы. Да, тюрьма была построена в форме круга. Это было очень умно, потому что, даже если тебе удастся выпрыгнуть в окно, ты не сможешь нигде спрятаться. Камера выглядела мрачно и сурово, но была чистой. В ней была деревянная кровать со старым одеялом и тонкой простыней. Дверь громко закрылась за мной, и я остался один, уставший и напуганный. Какой удивительный мир! Я всегда любил посещать другие страны, но точно не таким способом.

Я, как обычно, умылся и пытался помолиться стоя, но у меня не получилось, поэтому пришлось молиться сидя. Я пополз до кровати и вскоре уснул. Сон был пыткой. Как только я закрывал глаза, друзья, о которых меня могут спрашивать, начали приходить и разговаривать со мной. Они меня безумно напугали, я много раз просыпался, бормоча их имена. Я был в безвыигрышной ситуации. Если бы я не спал, то чувствовал бы себя безумно уставшим, а если бы спал, то кошмары продолжили бы мучить меня до такой степени, что я начал бы кричать от страха.

Где-то в 4:30 охранник на посту разбудил меня, чтобы я поел. Еда подается из каталки, которая проезжает по коридору от камеры к камере. Позже повар проходит снова, чтобы собрать пустые тарелки. Заключенным разрешалось оставить одну чашку для чая и сока. Когда повар пришел за моей тарелкой, он увидел, что я почти ничего не съел.

– Это все?

Я не мог заставить себя поесть. Страх и отчаяние слишком сильно овладели мной.

– Да, спасибо.

– Ну, как скажешь!

Повар быстро забрал мою тарелку и укатился. В тюрьме не как дома, здесь, если ты не ешь, это нормально. Это дома твои родители и жена делают все возможное, чтобы переубедить тебя. «Дорогой, поешь еще немного. Или тебе приготовить что-нибудь другое? Пожалуйста, поешь ради меня. Почему ты не говоришь мне, что именно ты хочешь съесть?» В обоих случаях, скорее всего, ты откажешься. В тюрьме – потому что ты

безумно напуган, а дома – потому что избалован. То же самое когда тебе плохо. Помню забавный случай, когда однажды мне на самом деле было больно – это была либо головная боль, либо боль в животе.

– Мне очень больно! Пожалуйста, дайте мне какие-нибудь лекарства.

– Пошел ты, нытик, – сказал охранник.

Я не мог сдержать смех, потому что помнил, как моя семья реагировала, когда узнавала, что мне плохо.

Отдав остатки еды, я вновь уснул. Как только я закрыл глаза, во сне я увидел свою семью. Мне снилось, что они спасают меня из Иордании. Во сне я все время говорил им, что это просто сон, но они меня убеждали: «Нет, это происходит на самом деле, ты дома». Каким разочарованием было проснуться утром и обнаружить себя в камере. Этот сон мучил меня несколько дней. «Я же говорил, что это сон, пожалуйста, не покидайте меня», – говорил я. Но они уходили. Реальность заключалась в том, что меня тайно удерживали в тюрьме в Иордании, и моя семья никак не могла узнать, где я нахожусь. Слава богу, через какое-то время этот сон исчез, хотя я все еще просыпался в слезах после того, как обнимал во сне свою любимую младшую сестру.

Первая ночь самая ужасная: если тебе удастся ее пережить, то, скорее всего, ты переживешь и все остальные. Был Рамадан, поэтому нас кормили два раза: первый раз на закате и второй раз на рассвете. Повар будил меня и подавал утреннюю еду. Мы называем эту еду сухур. Она символизирует начало нашего поста, который длится до заката. Дома это намного больше, чем просто еда. Важна атмосфера. Моя старшая сестра будит всех, и мы садимся за стол, вместе едим, пьем теплый чай и наслаждаемся общением. «Обещаю, я никогда не буду жаловаться на твою еду, мама», – думал я.

Я все еще не привык к иорданскому времени. Мне нельзя было знать время или дату, но позже, когда я подружился с охранниками, они сообщали мне время. Тем утром мне пришлось угадывать. Было около 4:30, что означало 1:30 у меня дома. Интересно, что делала моя семья? Они знают, где я?^[68] Покажет ли им Бог, где я? Увижу ли я их когда-нибудь еще? Только Аллах знает! Шансы казались очень маленькими. Я ел по чуть-чуть, да и еды, в принципе, было немного. Лепешка, кефир и маленькие кусочки огурца. Но в этот раз я съел больше, чем прошлой ночью. Я все время читал Коран при тусклом свете. Я не мог читать его наизусть, потому что мозг отказывался работать как нужно. Когда я подумал, что наступил рассвет, то начал молиться, и, когда я закончил, муэдзин запел азан. Его небесный, тонущий в воздухе, сонный, хриплый голос пробудил во мне все эмоции. Как могли все те молящиеся верующие принять тот факт, что один из них покоится в мрачной темнице Dar Al Tawqif wa Tahqiq.

Вообще есть два азана: один – чтобы побудить людей принять свою последнюю пищу утра, а второй – чтобы они перестали есть и

отправились молиться. Они звучат одинаково, единственная разница в том, что во втором муэдзин говорит: «Молитва лучше сна». Я помолился еще раз и потом пошел в кровать, чтобы предстать перед выбором: хочу я страдать во сне или в жизни. Я продолжал переключаться с одного на другое, как если бы был пьян.

Второй день прошел без каких-либо серьезных происшествий. Мой аппетит остался тем же. Один охранник дал мне почитать книжку. Она мне не понравилась, потому что она была о философской разнице между всеми религиями. Мне очень нужна была книга, которая смогла бы утешить меня. Жаль, что в мире так мало спокойствия. Я и не спал, и не бодрствовал, когда охранники крикнули «Таһгиг!» («Допрос!») и открыли дверь моей камеры.

– Поторапливайся!

Я замерз, мои ноги онемели, но сердце билось так сильно, что я спрыгнул с кровати и выполнил приказ охранника. Сопровождающие надели на меня наручники и повели меня в неизвестность. Так как на глазах была повязка, я мог спокойно подумать о точке прибытия, хотя охранники шли намного быстрее, чем я ожидал. Я почувствовал тепло в комнате, в которую вошел. Когда ты напуган, тебе нужно тепло.

Охранник снял с меня наручники и повязку. Я увидел большой синий аппарат, такой же, какие стоят в аэропортах для сканирования багажа и других предметов, у которых нужно определить высоту и вес. Тогда мне стало намного легче. Они просто хотели собрать стандартные данные: отпечатки пальцев, рост и вес. Я знал, что допрос неизбежен, и очень его боялся, но одновременно очень хотел пройти его как можно скорее. Не знаю, как объяснить, возможно, это не имеет смысла. Я просто пытаюсь рассказать о своих чувствах, как могу.

Прошел еще день. Все было точно так же, как и за день до этого, хотя я узнал кое-что очень важное – номер своей камеры. После еды, прерывающей пост, охранники начали называть номера, двери громко открывались, и можно было услышать шаги заключенных, которых забирали. Я выяснил, что их уводили на допросы. Я представлял сотни раз, как охранники произносят мой номер, как я ухожу в уборную и совершаю ритуальное умывание. Это была паранойя. Наконец около 10 вечера в субботу охранник в действительности крикнул: «Таһгиг!»^[69] Я быстро справил нужду. Не то чтобы мне очень хотелось, я особо ничего не пил и из меня и так уже вышло полгаллона жидкости, но в туалет все равно хотелось. Чем я собирался писать, кровью?

– Быстрее, у нас не так много времени, – сказал охранник, стоящий у открытой металлической двери.

Позже я узнал, что время с восьми вечера до часа ночи выделялось на допросы. В это время большинство заключенных водили из камер в допросные и обратно. Сержант надел на меня наручники и повязку и повел. Мы зашли в лифт и спустились на один этаж. Затем мы пару раз

повернули, и я оказался в новой зоне. Открылась дверь, и я зашел в комнату. Запах сигаретного дыма ударил в нос. Это была зона для допроса, где они постоянно пыхтят как старые паровозы. Это отвратительно, когда дым накапливается и перебивает все запахи вокруг.

В этой зоне было удивительно тихо. Сопровождающий охранник оставил меня у стены и ушел.

– Кого ты отправил в Чечню? – по-английски крикнул следователь по имени Абу Раад другому заключенному.

– Я никого никуда не отправлял, – ответил заключенный на ломанном арабском с очевидным турецким акцентом.

Я сразу понял, что это постановка. Этот допрос проводился для меня.

– Лжец! – крикнул Абу Раад.

– Я не лгу вам, – ответил парень на арабском, хотя Абу Раад продолжал говорить на свободном английском.

– Мне все равно, какой у тебя паспорт, американский или немецкий, ты расскажешь мне всю правду, – сказал Абу Раад.

Постановка была идеальной и предназначалась для того, чтобы напугать меня еще больше. И хотя я сразу понял, что это постановка, она сработала.

– Здравствуй, Абдуллах, – сказал Абу Раад.

– Привет, – ответил я, чувствуя его дыхание прямо у своего лица. Я был так напуган, что не понимал, что он говорит.

– Так, значит, тебя *действительно* зовут Абдуллах, – заключил он.

– Нет!

– Но ты ответил мне, когда я назвал тебя Абдуллахом, – возразил он.

Мне казалось, будет глупо сказать ему, что я очень напуган и не понял, каким именем он назвал меня.

– Если подумать, то мы все абдуллахи, – ответил я правильно.

Абдуллах означает «слуга Божий» на арабском. Но я знал, почему Абу Раад назвал именно это имя. Когда я прибыл в Монреаль 26 ноября 1999 года, мой друг Хасни представил меня своему соседу Мураду моим настоящим именем. Позже я встретил другого тунисца, которого я видел во время своего прошлого визита год назад. По ошибке он назвал меня Абдуллахом, и я ответил, потому что мне казалось невежливым поправлять его. С тех пор Мурад называл меня Абдуллах, и мне это нравилось. Я не пытался обмануть Мурада или еще кого-то, в конце концов, у Мурада были ключи от нашего общего почтового ящика, и он всегда забирал мои письма, в которых, очевидно, было указано мое настоящее имя.

Такова история этого имени. Очевидно, что американцы расследовали, почему в Канаде я взял себе имя Абдуллах, но иорданцы понимали намного больше, чем американцы, поэтому пропустили эту часть допроса.

– Ты знаешь, где сейчас находишься? – спросил Абу Раад.

– В Иордании, – ответил я.

Очевидно, он был шокирован. Я не должен был знать, где я, но, видимо, мавританский следователь был так взбешен, что не выполнял приказы американцев. По изначальному плану меня, в наручниках и с повязкой на глазах, должны были доставить из Мавритании в Иорданию и не говорить, куда меня везут, чтобы вселить в меня как можно больше ужаса и сломать меня. Но как только я ответил на вопрос, Абу Раад понял, что эта часть плана не сработала, поэтому снял с меня повязку и провел в допросную.

Это была маленькая комната, два с половиной на три метра. В ней стоял стол и три старых стула. Абу Рааду было под 40. Он был палестинцем и имел живот, который уже начал поддаваться гравитации. Его помощник, офицер Рами, был более молодой, высокой и, возможно, умной версией Абу Раада. Он, очевидно, был из тех, кто любит заниматься грязной работой. Он тоже был похож на палестинца. Я внимательно осмотрел этих парней, и они меня заинтересовали. Вся проблема с терроризмом вызвана агрессией Израиля по отношению к палестинцам и тем фактом, что правительство США поддерживает Израиль. Когда израильтяне захватили Палестину, под огнем британской артиллерии захват вылился в массовую миграцию местного населения. Многие из них перебрались в соседние страны, и Иордания получила львиную долю – больше 50 процентов иорданцев палестинского происхождения. Как по мне, эти следователи были не на своем месте. Нет никакого смысла палестинцам работать на американцев и помогать им победить людей, которые, предположительно, палестинцам помогают. Я понимал, что этим двум следователям не знакомы нормы морали и что человеческая жизнь не имеет для них никакой ценности. Я оказался между двумя враждующими сторонами, и обе считали меня своим врагом. Исторические недруги объединились, чтобы поджарить меня. Это было абсурдно и забавно одновременно.

Абу Раад и его команда сыграли важную роль в «Войне против терроризма». Ему поручили допрашивать похищенных людей, которых США доставляли в Иорданию, и передавать их разным членам команды. Он также лично приезжал в Гуантанамо, чтобы допрашивать определенных людей от имени Соединенных Штатов.

Абу Раад открыл среднюю по размеру папку. Оказалось, это мое досье, которое американцы передали иорданцам. Он начал задавать мне вопросы, которые никак не были связаны друг с другом. Впервые на мне испытали технику, цель которой – быстро заставить лжеца

противоречить самому себе. Но Абу Раад, очевидно, был плохо осведомлен о моем деле и об истории моих допросов. Не имело значения, говорю я правду или обманываю, потому что мне много раз задавали одни и те же вопросы в разных странах. Если бы я соврал, то бы смог соврать снова, и снова, и снова, потому что у меня было достаточно времени, чтобы продумать свою ложь. Но я был с ним честен, а он полностью доверял мне.

Сначала он показал мне фотографию турецкого заключенного, которого допрашивал ранее, и сказал: «Если ты расскажешь мне об этом парне, я закрою дело и отправлю тебя домой». Конечно, он обманывал меня.

Я посмотрел на фотографию и честно ответил: «Нет, я его не знаю». Уверен, что тому парню задали такой же вопрос обо мне, и он, должно быть, ответил так же, как и я, потому что нет ни единого шанса, что он знает меня.

Офицер Рами сидел слева от Абу Раада и записывал мои ответы.

– Ты пьешь чай? – спросил меня Абу Раад.

– Да, я люблю чай.

Абу Раад приказал принести мне большую чашку горячего чая. Когда кофеин попал в кровь, мне стало очень уютно. Эти следователи знают, что делают.

– Ты знаешь Ахмеда Рессама? – спросил Абу Раад.

Об Ахмеди Рессаме меня спрашивали уже тысячу и один раз, и я делал все возможное, чтобы убедить следователей, что не знаком с ним. Если ты не знаешь кого-то, то ты просто не знаешь его, и с этим ничего нельзя поделать. Даже пытая тебя, они не получают никакой полезной информации. Но по какой-то причине американцы не верили, что я не знаю его, и хотели, чтобы иорданцы заставили меня признаться.

– Нет, я его не знаю, – ответил я.

– Клянусь Аллахом, ты знаешь его! – закричал он.

– Не клянитесь, – сказал я, хотя и знал, что для него по клясться Аллахом – это то же самое, что выпить чашку кофе.

Абу Раад продолжал ругаться.

– Вы думаете, я лгу вам?

– Нет, я думаю, что ты забыл.

Это было хорошо сказано, но тот факт, что американцы не предоставили никаких доказательств, очень сильно связывал руки иорданцам. Да, иорданцы пытаются людей ежедневно, но для этого им нужны веские доказательства. Они не напрыгивают ни на кого просто так и не начинают его пытать.

– Я дам тебе ручку и лист бумаги, и я хочу, чтобы ты написал свое краткую автобиографию и имена всех своих друзей, – сказал он, закончив допрос, и попросил охранника вернуть меня в камеру.

Худшее было позади, по крайней мере, я так думал. Сопровождающие охранники были почти дружелюбными, когда надевали на меня наручники и повязку на глаза. Есть что-то общее между всеми тюремными охранниками в США, Иордании и Мавритании. Они всегда отражают настроение следователей. Если следователи счастливы, то и охранники счастливы, если нет, то нет.

Сопровождающие охранники чувствовали, что могли свободно поговорить со мной.

– Откуда ты?

– Из Мавритании.

– Что ты делаешь в Иордании?

– Моя страна выдала меня.

– Ты шутишь?

– Нет, я серьезно.

– Твоя страна просто дерьмо.

В иорданской тюрьме, как и в Мавритании и Гуантанамо, охранникам строго запрещено общаться с заключенными. Но почти никто не соблюдает эти правила.

– Мужик, ты умираешь с голоду, почему ты не ешь? – спросил меня один из сопровождающих.

Он был прав. Мои кости уже были хорошо видны, и кто угодно мог понять, что у меня серьезные проблемы.

– Я поем, только если вернусь домой. Меня не интересует тюремная еда. Мне нужна еда, приготовленная моей мамой, – ответил я.

– Дай Бог, ты выберешься отсюда, но пока что тебе придется поесть.

Я не хочу, чтобы вы подумали, что он хороший, его работа уже определяет его личность, но он чувствовал, что его страна несправедлива. Мне нужны были любые слова утешения, и он очень помог мне. Другие охранники присоединились к нам в коридоре и спросили его, откуда я.

Они открыли дверь моей темной камеры. Я чувствовал, будто сбросил с плеч огромную ношу. «Пройдет всего несколько дней, и они отправят меня домой. ДСР был прав», – подумал я. Иорданцы были в замешательстве от дела, которое им передали США, так же, как и я. Правительство США, очевидно, не дало никаких материалов, чтобы помочь иорданцам сделать свою работу. Стало не так страшно, и мне захотелось поесть.

Хитрый Я-Слежу-За-Тобой появился у моей камеры и дал мне 30 пронумерованных бумажек. Координация между следователями и охранниками была на высшем уровне. Я сразу же начал выполнять оба задания. Абу Раад сказал написать имена всех моих друзей, но это было просто смешно. У меня было так много знакомых, что мне понадобилась бы огромная книга, чтобы указать их всех. Поэтому я составил список своих самых близких друзей и обычное описание моей жизни, которое я уместил на 10 страницах. Впервые я хорошо спал.

Через несколько дней Я-Слежу-За-Тобой забрал мои исписанные и пустые бумажки. Он тщательно сосчитал их.

– Это все, что ты хотел написать?

– Да, сэр!

Я-Слежу-За-Тобой день и ночь наблюдал за заключенными через отверстия в стене. Чаще всего я не замечал его. Однажды он увидел, как я общаюсь с охранником, а потом забрал меня для допроса и расспрашивал, о чем мы разговаривали. А тот охранник исчез, и я его больше никогда не видел.

– Собирай свои вещи, – сказал охранник, разбудив меня с утра.

Я взял свое одеяло, Коран и одну библиотечную книгу. Я был очень счастлив, потому что думал, что меня собираются вернуть домой.

Охранник сказал мне взять в руки вещи и надел мне на глаза повязку. Они не отправили меня домой. Вместо этого я оказался в подвале в камере для нескольких заключенных рядом с тюремной столовой. Эта камера была грязной. Казалось, ее забросили очень давно. Я все еще хотел верить в лучший исход и думал, что она предназначена для трансфера заключенных, готовящихся к освобождению. Я очень устал, и в камере было так холодно, что я уснул.

Около половины пятого подали ифтар, и я медленно вернулся к жизни. На двери я заметил старую бумажку, на которой были написаны правила тюрьмы. Охранники забыли содрать ее. Я не должен был читать правила, но никто не идеален, а у меня появился шанс узнать что-то новое. Правила были такие:

- (1) вам разрешается курить, только если вы сотрудничаете;
- (2) разговаривать с охранниками запрещено;
- (3) МККК посещает тюрьму каждые две недели;
- (4) не разговаривайте с представителями МККК о своем политическом деле^[70].

Я был счастлив, потому что мог хотя бы отправить письмо своей семье, но я упустил одну важную деталь. Меня временно перевели в подвал, чтобы спрятать от Красного Креста во время игры в кошки-мышки,

которая длилась на протяжении восьми месяцев. Именно столько я провел в Иордании.

Каждые 14 дней охранники переводили меня из камеры в подвал, где я сидел несколько дней, а потом возвращали в камеру. Разгадав этот трюк, я прямо попросил своего следователя Рами и его босса Абу Раада организовать мою встречу с представителями Красного Креста.

– Здесь нет Красного Креста. Это военная тюрьма, – соврал он.

– Я видел правила, а вы укрываете меня в погребе каждые 14 дней, чтобы я не встретился с Красным Крестом.

Офицер Рами пристально посмотрел на меня:

– Я защищаю тебя! И ты не встретишься с Красным Крестом.

Тогда я понял, что их не переубедить и что сам Рами не может понять, как решить проблему. Это было намного выше его. Преступный заговор между Мавританией, США и Иорданией был идеальным. Если бы моя причастность к террористической деятельности была доказана, меня казнили бы, и на этом все бы кончилось. Никто даже не узнал бы, что произошло.

– Я хочу встретиться с мавританским послом, – сказал я следователю.

– Это невозможно.

– Хорошо. А что насчет мавританской разведки? – спросил я.

– Что ты хочешь от них?

– Я просто хочу узнать у них, почему меня держат в тюрьме в Иордании. В конце концов, вы же знаете, что я не совершил никаких преступлений по отношению к вашей стране.

– Послушай, наши страны хорошие друзья, поэтому они выдали нам тебя. Мы можем сделать с тобой все что угодно. Убить тебя, арестовать на неопределенный срок или отпустить, если ты признаешься в преступлении.

Офицер Рами одновременно и лгал, и говорил правду. Арабские страны не дружат. Наоборот, они ненавидят друг друга. Они никогда не сотрудничают. Все, что они делают, это плетут заговоры друг против друга. Для Мавритании Иордания бесполезна, и наоборот. Однако в моем случае США заставили их работать вместе.

Я столько раз пытался связаться со своей семьей, но это ни к чему не приводило. Тогда я просто умывал руки и молился Богу, чтобы он позаботился о моей семье и дал им знать, где я. Со временем я понял, что я – не единственная спрятанная посылка. От одного до трех заключенных были вовлечены в «подвальную операцию», и их количество менялось время от времени. Все время, что я находился в Иордании, меня, конечно, держали в изоляции. Но я точно мог сказать,

есть ли кто-нибудь в соседних камерах, основываясь на движениях тележки с едой, охранников и заключенных.

Одно время моими соседями были два храбрых мальчика. Хотя разговоры были запрещены, они все время кричали: «Божья помощь приближается. Запомните, Бог на нашей стороне, а Сатана на их стороне!» Что бы ни делали с ними охранники, они все равно продолжали поддерживать других заключенных и напоминать им о неизбежной Божьей помощи. По их акценту было понятно, что они иорданцы, что логично, а местные были защищены своими семьями больше, чем иностранцы. Тем не менее я не сомневаюсь в том, что эти мальчишки сильно пострадали из-за того, что они делали.

В той холодной темной части тюрьмы я был единственной константой в округе, камеры рядом с моей постоянно меняли владельцев. В какой-то момент моим соседом стал молодой ливанский дурачок, который все время плакал и отказывался есть. Если верить охранникам, его история примерно такая: он прибыл в Иорданию из Ливана, чтобы повеселиться. Когда он въехал в полицейскую патрульную машину в пригороде Аммана, в его машине нашли АКМ-47 и арестовали парня. Надо заметить, что иметь при себе оружие в Ливане нормально, но в Иордании это запрещено законом. В тюрьме молодой ливанец начал сходить с ума. В течение двух недель он плакал и отказывался есть, пока его не освободили. Мне стало так хорошо, когда его выпустили! Мне было очень жаль его. Уверен, он усвоил урок и подумает дважды перед тем, как положить оружие в машину, когда в следующий раз поедет в Иорданию.

Потом был молодой иорданец. Его приговорили к одному году заключения, и к концу срока он совсем обезумел. Он все время кричал: «Я должен увидеть своего следователя!» Я спросил охранников, почему он кричит, и они объяснили: «Потому что его срок закончился, но его не отпускают на свободу». Иногда он начинал громко петь, а иногда кричал на охранников и просил сигареты. Я не виню его. Только имея стальные нервы, ты сохранишь рассудок в иорданской тюрьме.

А после него моим соседом стал пожилой палестинец, который постоянно кашлял.

– Он очень старый, – сказал мне охранник.

– Почему его арестовали? – поинтересовался я.

– Он оказался не в то время не в том месте, – ответил охранник.

Пожилый человек всегда просил больше еды и сигарет. Через несколько недель его освободили. Я был счастлив за каждого, кого выпустили из этого безумного места.

Просто удивительно, что ФБР доверяет иорданцам больше, чем другим американским службам разведки. Когда я сдался осенью 2001 года, ФБР

конфисковало мой жесткий диск, и вместе со мной в Иорданию выслали все данные с него. Американское Министерство обороны годами пыталось достать этот диск. Совершенно не имело смысла, что ФБР активнее сотрудничает с иностранными организациями, чем с внутренними. Но я верю, что индустрия разведки ничем не отличается от любой другой индустрии. Ты покупаешь лучший продукт за лучшую цену, независимо от страны или происхождения. Значит ли это, что иорданцы предлагают лучший продукт? Я не уверен, но они намного больше знают о терроризме, чем американцы. Без помощи иорданцев в этой сфере американцы бы ничего не добились. Но американцы переоценивают их способности, отправляя им людей со всего света, как будто у иорданцев было какое-то суперразведывательное агентство.

– Я покажу тебе несколько фотографий, а ты говори мне, что видишь на них, – сказал мой следователь Рами.

Позже он и Абу Талал по очереди допрашивали меня под командованием Абу Раада. Иорданцы применяют технику, когда несколько следователей допрашивают тебя по отдельности об одном и том же, чтобы убедиться, что ты не меняешь показания. Очень редко они допрашивали меня вместе.

– Хорошо! – сказал я.

Офицер Рами начал показывать мне фотографии. Едва увидев первую, я понял, что ее взяли с моего компьютера или, что более вероятно, с компьютера компании, на которую я работал. Сердце начало биться чаще, и я почувствовал, что слюна стала горькой. Лицо покраснело, как яблоко. Начал заплетаться язык. Не потому что я совершил какие-то преступления, используя свой компьютер, на жестком диске не было ничего, кроме деловых писем и других данных, касающихся того же. Я помню, что хранил там более полутора тысяч сообщений и огромное количество фотографий. Но в этом кроется нечто большее – нарушаются свободы человека.

Компьютер принадлежал компании, которая доверяет мне, и тот факт, что другая страна, такая как США, просматривала жесткий диск и конфисковала материалы, было для нее большим ударом. В компьютере хранились финансовые секреты компании, которыми она не хотела бы делиться с другими. Более того, я работал на семейную компанию, где почти не разделялись рабочие и личные дела. Это означает, что в компьютере была и приватная информация семьи, которую она бы тоже не хотела раскрывать всему миру. К тому же к компьютеру имели доступ все сотрудники компании, поэтому их данные там тоже хранились. Хотя я, зная своих коллег и их отношение к работе и жизни, был на 100 % уверен, что в этой информации нет ничего криминального. Лично у меня там были переписки со моими друзьями из Германии, некоторые из них даже не мусульмане. Но я больше переживал за переписки с мусульманскими друзьями, особенно с теми, кто хоть раз помогал

финансово или морально людям в Боснии или Афганистане, потому что их письма можно было интерпретировать не самым лучшим образом. Просто поставьте себя на мое место и представьте, что кто-то штурмует ваш дом и пытается залезть в вашу личную жизнь! Вы будете рады такому штурму?

Я начал рассказывать ему все, что знал, особенно о моих личных фотографиях. Он откладывал фотографии, которые я мог опознать, в одну сторону, а остальные – в другую. Я объяснил ему, что компьютер использовали несколько моих коллег, и один из них изучал фотографии клиентов интернет-кафе, в том числе их личные и семейные снимки. Я был очень зол на себя, свое правительство, США и иорданцев, потому что видел, что они вторгаются в личную жизнь очень многих людей. Позже, на другом допросе, мне показали еще пару электронных писем, которыми я обменялся с Кристианом Гандзарски и Каримом Мехди. Самое смешное, что Мехди отправил мне письмо перед арестом, и правительство Мавритании допрашивало меня о нем, так что я убедительно объяснил, что в нем не было никакого злого умысла. Едва вернувшись в офис, я написал Мехди: «Дорогой брат! Пожалуйста, прекрати слать мне электронные письма, потому что разведка перехватывает их и усложняет мне жизнь». Я честно не хотел неприятностей, поэтому надеялся закрыть любую дверь, которая может привести меня к ним.

– Почему ты написал Мехди такое письмо? – спросил офицер Рами.

Я объяснил ему ситуацию.

– Нет, ты написал это, потому что боишься, что правительство узнает о твоём сговоре с ним, – нелепо ответил он.

– Ну, это сообщение было адресовано сразу и Мехди, и правительству. Я знаю, что правительство перехватывает все мои письма, и я всегда подозревал, что они видят все мои входящие сообщения, – сказал я.

– Ты использовал шифр, когда просил Мехди перестать писать тебе, – сказал он.

– Что ж, уверен, вы много раз сталкивались с шифрами в своей работе, или у вас есть специалисты, которые помогут вам. Посоветуйтесь сначала с ним, прежде чем принять решение.

– Нет, я хочу, чтобы ты объяснил мне этот шифр.

– Нет никакого шифра, то, что вы поняли, я *и имел* в виду.

Но у меня была еще одна проблема с иорданскими следователями. Мои письма были на немецком языке, так что американцы перевели их на английский и отправили иорданцам, которые в свою очередь перевели их с английского на арабский. При таких обстоятельствах оригинальный текст пострадал: пространство для поиска злых толкований расширилось с каждым новым переводом.

И таким интерпретациям не было конца. Летом 2001 года моя компания дала мне задание помочь с визитом мавританского президента в город Тиджикжа. Семья, которая наняла меня, была из Тиджикжи, и они логичным образом были заинтересованы в том, чтобы все прошло гладко. Мы организовали небольшой медиаконсалтинговый центр, который через интернет транслировал визит президента в прямом эфире. Компания сделала много снимков, на которых мы с коллегами запечатлены рядом с президентом. На одном из них президент стоит за моей спиной, наблюдая, как я «волшебным образом управляюсь с компьютером».

– Я уверен, что ты замышлял покушение на президента, – сказал офицер Рами.

Я не смог сдержать смех.

– Тогда почему я не убил его?

– Я не знаю. Ты скажи, – ответил Рами.

– Слушайте, если бы я пытался убить своего президента в своей стране, это не ваше дело и не дело американцев. Просто передайте меня моей стране и позвольте им разобраться со мной.

Я одновременно и злился и был полон надежд: злился, потому что США пытались повесить на меня любое преступление, неважно какое, а надеялся – на то, что они передадут меня обратно на родину, где меня казнят. Но иорданцы пытались «ловить вслепую» для американцев, и как только ты замечаешь, что следователь начинает слепую охоту, можно быть уверенным, что у него больше не осталось никаких доводов.

Хотя офицер Рами был таким злым человеком, какого только можно представить, следователем он был разумным, поэтому больше никогда не спрашивал меня о покушении на президента или о фотографиях, которые они нашли на моем жестком диске. Теперь я жалел, что не вызвал никаких подозрений и не заставил себя выглядеть виновным, чтобы меня экстрадировали обратно в Мавританию. Это была безумная и отчаянная идея, и не думаю, что мавританцы подыграли бы мне, потому что они точно знали, что я ничего не планировал против президента. Но когда мое положение в иорданской тюрьме ухудшилось, я подумал о том, чтобы признаться, что в Мавритании проходит операция со спрятанной взрывчаткой. Идея была в том, чтобы попробовать вернуться в Мавританию.

– Не делай этого! Просто прояви терпение и помни, что Аллах наблюдает за тобой, – сказал один охранник, когда я обратился к нему за советом. К тому времени у меня было много друзей среди охранников, они сообщали мне обо всех последних событиях и рассказывали мне об иорданской культуре, о методах пыток в тюрьме, и объяснили, кто есть кто среди следователей.

Охранникам было строго запрещено контактировать с заключенными, но они всегда нарушали это правило. Они пересказывали мне самые свежие шутки и предлагали сигареты, от которых я отказывался, потому что не курю. Они рассказывали о других заключенных, о своих делах и личной жизни, свадьбах, детях и социальной жизни в Иордании. Из разговоров с ними я узнал почти все о жизни в Аммане. Еще они приносили мне самые лучшие книги из библиотеки, даже Библию. Я попросил ее, потому что хотел изучить книгу, которая, должно быть, сформировала образ жизни американцев. В Иордании достаточно приличное собрание книг, хотя некоторые и предназначены для пропаганды иорданского короля. Самым лучшим в книгах было то, что заключенные передавали с их помощью записки и успокаивали друг друга приятными словами, оставленными в книге. Я не знал никого из заключенных, но первое, что я всегда делал, это просматривал всю книгу и искал в ней записки. Я запомнил их все.

Охранники в основном были набраны из племени бедуинов, которые известны своей исторической преданностью королю. Они получали очень маленькую зарплату – около 430 долларов в месяц. Хотя это и считается большой зарплатой в Иордании, охранник не смог бы содержать семью без дополнительной подработки. Но, прослужив 15 лет, охранник может либо уйти на пенсию и получать половину от своей зарплаты, либо продолжить работать, получая пособие и обычную зарплату сверху. Охранники входят в состав Иорданских элитных спецслужб и проходят все возможные тренинги за границей. Женщин в спецслужбы, кстати, не берут.

Охранники должны были провожать заключенных из одной камеры в другую, в допросные, в душ или на свидания с родителями, которые проводились по пятницам. Я ужасно расстраивался, когда видел, что кто-то встречается со своей семьей, в то время как я раз за разом лишаясь этого права. Охранники более низких рангов отвечали за надзор, один был ответственным за походы в продуктовый магазин. Каждую субботу ответственный за покупки охранник ходил от камеры к камере, записывая, что каждый заключенный хочет купить. Можно было заказать сок, молоко, конфеты, нижнее белье, полотенца – и в целом все. Если у тебя было достаточно денег, ты получал то, что заказывал, если нет, то нет. У меня было с собой около 87 долларов, когда меня отправили в Иорданию, чего, кажется, было достаточно для моих скромных покупок. Однажды, когда охранник проходил мимо с этим списком, я заметил там свое имя и статус: «Участие в террористических атаках».

Через день охранники предлагали по пять минут прогулки. Я почти никогда не пользовался этим правом. Это не стоило того, чтобы терпеть наручники и повязку на глазах. Регулярно заключенных стригли, а каждое воскресенье охранники давали нам моющие средства, чтобы мы могли убраться в своих камерах. Они в это время мыли пол снаружи. В тюрьме было совсем не грязно.

Тюрьмой заправляли три человека: директор тюрьмы, или надзиратель, который был бедуином, и два его помощника, которые присматривали за нами. У них была примерно та же роль, что и у Единой оперативной группы в Гуантанамо. Полагаю, они не зависят от разведывательных служб, но на практике работают вместе и собирают информацию, каждый своими методами. Директор был очень большим парнем, который с гордостью носил свои бедуинские наряды. Каждое утро он обходил всех заключенных и спрашивал: «Как дела? Нужно что-нибудь?» Он всегда будил меня, чтобы задать этот вопрос.

В течение восьми месяцев в иорданской тюрьме я только однажды попросил у него бутылку для воды, и он принес мне ее. Я хотел поставить ледяную воду, набранную из-под крана, на обогреватель, чтобы иметь немного теплой воды и самостоятельно позаботиться о гигиене. Я думаю, это хорошо, что директор обходил всех заключенных. Тем не менее шансы, что заключенные разберутся со своими проблемами с его помощью, стремились к нулю. Более того, директор активно принимал участие в пытках. Еще он следил, чтобы каждый заключенный получал еду три раза в день: завтрак около семи утра, примерно в час дня обед, состоящий обычно из курицы и риса, и на ужин что-нибудь легкое с чаем.

Два офицера-ассистента беспрестанно патрулировали коридор и проверяли каждого, в том числе и следили за тем, чтобы охранники соблюдали правила. Один из офицеров отвечал за так называемые «внештатные операции», например, захват или обыск домов.

Кроме них были следователи. Иорданские следователи работали плечом к плечу с американскими коллегами с тех самых пор, как началась операция под названием «Война против терроризма». Людей допрашивают не только в Иордании, но и за ее пределами. Их агенты работают в Афганистане, где у них есть преимущество – обычная внешность жителя Ближнего Востока. Сначала иорданцев рассматривали как потенциальных помощников для выполнения грязной работы. Тот факт, что иорданцы активно используют пытки во время допросов, должно быть, впечатлил правительство Соединенных Штатов. Но была одна проблема. Иорданцы не захватывают людей и не пытаются их просто так. У них должна быть веская причина применять мучительные пытки. По мере того, как американцы грешили все увереннее, они стали брать грязную работу в свои руки. Тем не менее быть арестованным и доставленным в иорданскую тюрьму – это уже пытка.

В Иордании у меня было три следователя: Абу Талал, который допрашивал меня всего несколько раз, офицер Рами, который старался больше всех, чтобы сдвинуть с мертвой точки мое дело, пока не сказал, что с его стороны больше работы не осталось и дело закрыто, и Абу Раад, их главный. Абу Раад не только управлял командой следователей в Иордании, но и допрашивал заключенных в Гуантанамо, и, вероятно, в

каких-то еще секретных местах в Афганистане и других странах. Кажется, он хорошо известен в Иордании, как я потом узнал от заключенного в Гуантанамо. Абу Раад, казалось, был весьма опытным. Он увидел мое досье всего один раз и решил, что мое дело не стоило его «драгоценного» времени, и поэтому не удосуживался заняться мной. Они втроем знали гораздо больше о джихаде, чем все их американские партнеры.

– Знаешь, ульд Слахи, единственная твоя проблема – это время, которые ты провел в Канаде. Если ты на самом деле не сделал ничего плохого в Канаде, то в тюрьме тебе не место, – заключил офицер Рами после нескольких наших встреч.

Он был специалистом по Афганистану. Он лично посещал лагеря для учений как агент под прикрытием, во время войны с коммунизмом. Когда я проходил учения в Аль-Фаруке в 1991 году, он работал под видом студента в Хальдене^[71]. Он подробно расспросил меня о поездке в Афганистан и был удовлетворен моими ответами. В этом, по сути, и заключалась его работа. Зимой 2001 года его отправили, может быть, под прикрытием, в Афганистан и Турцию, чтобы помочь США захватить моджахедов, и я увидел его снова летом 2002 года, когда он вернулся с большим количеством фотографий. Отчасти его задание заключалось в том, чтобы узнать все, что можно, обо мне от других заключенных в Афганистане, но, кажется, у него ничего не вышло. Офицер Рами показал мне фотографии. Я никого не узнал и чувствовал себя нелепо. Зачем они показали мне больше ста человек, если я никого из них не знаю? Это бред. Обычно следователи спрашивают о людях, с которыми ты как-то связан. Поэтому я решил узнать хотя бы одного человека.

– Это Гамаль Абдель Насер, – сказал я.

– Ты издеваешься надо мной, что ли?! – закричал офицер Рами.

– Нет-нет, мне просто на мгновение показалось, что это он.

Насер, бывший президент Египта, умер до моего рождения.

– Эти люди из той же банды, что и ты, – сказал Рами.

– Может быть. Но я их не знаю, – сказал я.

На этот он почти никак не отреагировал и стал просто рассказывать о своей поездке в Афганистан.

– Вы очень смелый, – заметил я, чтобы подтолкнуть его говорить еще.

– Знаешь, американцы используют умное оружие, которое преследует цель, основываясь на изменениях температуры. Многих братьев так захватили, – сказал офицер Рами в густом облаке сигаретного дыма.

Офицер Рами был агрессивным, но не жестоким, кроме пары случаев. Один из них произошел прямо перед моим отъездом из Иордании^[72].

Бум! Он ударил меня по лицу, а потом головой о стену. Я заплакал, но скорее от отчаяния, чем от боли.

– Ты не мужчина! Я заставлю тебя вылизать грязный пол и рассказать мне все о себе, начиная с момента, когда ты вылез из вагины своей матери, – сказал он. – Ты еще ничего не видел.

Он был прав, хотя он был самым большим лжецом из всех, кого я когда-либо встречал. Он врал так много, что противоречил сам себе, потому что забывал, что говорил в прошлый раз. Чтобы выглядеть убедительнее, он все время оскорблял меня и упоминал Бога. Мне всегда было интересно, правда ли он думает, что я верю во весь его бред, или нет, но все равно я всегда делал вид, что верю. Он всегда злился, когда я называл его лжецом. Если верить его рассказам, он арестовывал важных людей из «Аль-Каиды», которые заявляли, что я плохой парень, и освобождал их тысячу и один раз, потому что они говорили правду. Забавно, но он каждый раз забывал, что уже отпускал их.

– Я арестовал твоего двоюродного брата Абу Хафса, и он рассказал мне всю правду. Он сказал: «Не трогайте меня, и я все вам расскажу», я не трогал его, и он рассказал. Он рассказал очень плохие вещи про тебя. После этого я тайне отправил его в Мавританию, где его должны были допрашивать пару недель и отпустить. Но ты совсем другой. Ты удерживаешь информацию. Я отправлю тебя в секретную политическую тюрьму в пустыне. Всем будет на тебя наплевать.

Мне приходилось слушать этот бред раз за разом. Единственное, что менялось в его рассказе, – это даты ареста и освобождения. В его фантазиях он еще задержал Абу Зубайдаха и других людей, которые якобы выдали информацию обо мне. Мне же лучше. Пока он не избивал и не унижал меня, я чувствовал себя нормально и просто внимательно слушал его сказки в стиле «Тысячи и одной ночи».

– Я только что прибыл из США, где допросил Ахмеда Рессама. – Он, очевидно, лгал.

– Ну, хорошо, потому что он наверняка сказал, что не знает меня.

– Нет, он сказал, что знает тебя.

– Что ж, это не ваше дело, правильно? Вы сами сказали, что я совершил преступление по отношению к США, так что просто отправьте меня туда или скажите, что сделал против вашей страны, – тонко подметил я. Я начинал уставать от бессмысленного разговора с ним и от попыток доказать, что я не причастен к заговору «Миллениум».

– Я не работаю на американцев. Кто-то из твоих друзей пытается навредить моей стране, и я задаю тебе не прямые вопросы – это такая техника допроса, – соврал офицер Рами.

– Какие именно друзья пытаются навредить вашей стране? – поинтересовался я.

– Я не могу сказать тебе!

– Так как я не пытался навредить вашей стране, меня не в чем винить. Я не мои друзья. Арестуйте их и отпустите меня.

Но если вы пытаетесь добиться конструктивного разговора, то допросная комната точно не для вас. Каждый раз, когда офицер Рами говорил, что арестовал кого-то, я понимал, что этот парень все еще на свободе.

Хотя он всего дважды применял ко мне физическое насилие, он продолжал пугать меня другими методами, которые, возможно, были хуже, чем физическая боль. Он привел бедного заключенного в допросную, и его коллега начал избивать его чем-то тяжелым, пока тот не расплакался как ребенок. Какой грязный ход! На это было больно смотреть. Меня начало трясти, лицо покраснело, язык онемел. Все это я испытывал каждый раз, когда был сильно напуган. Постоянный страх совсем не укреплял меня. Мое отчаяние достигло предела.

– Ты слышишь, что происходит за дверью?

– Да.

– Ты хочешь пережить то же самое?

Я почти ответил: «Да». Для меня было слишком тяжело слышать, как кто-то рядом со мной страдает. Сложно заставить взрослого человека плакать.

– Зачем? Я ведь честен с вами! – сказал я.

В конце концов, брат за дверью тоже разговаривал со своим следователем. Офицер Рами язвительно улыбнулся и продолжил курить, будто ничего не произошло. Той ночью я сотрудничал *и был* спокойным, желание быть логичным и спорить куда-то исчезло. Рами знал, что делает, и, очевидно, он уже давно этим занимался.

Он провел меня по коридору вдоль пыточных камер, чтобы я услышал крики и плач заключенных. Мне повезло, что охранники оставили мне повязку на глазах, поэтому я не видел страданий этих заключенных. Я не должен был, да и не хотел видеть братьев, которые подвергались пыткам. Пророк Мухаммед (мир праху его!) говорил: «Бог мучает всякого, кто мучает людей», и, насколько я понимаю, это касается любой религии.

– Я отправлю тебя в «Бассейн с акулами».

Я отказался говорить с офицером Рами, после того как он ударил меня и начал мне угрожать.

– Вы не знаете меня. Клянусь Всемогущим Богом, я никогда не буду говорить с вами. Пытайте меня. Вы будете говорить только с моим трупом, и, к вашему сведению, мне стыдно за то, что мы сотрудничали в прошлом, – сказал я.

– Во-первых, сотрудничества мы добились силой. У тебя не было выбора. И в будущем тоже не будет. Я заставляю тебя говорить, – ответил он.

Офицер Рами начал бить меня о стену и несколько раз ударил по лицу, но я совсем не чувствовал боли. Не думаю, что он бил меня во всю силу: этот парень выглядел как бык, и один его настоящий удар стоил бы мне всех зубов. Он бил меня и одновременно задавал вопросы. Я их не помню, но зато помню свои ответы. Он был всего один.

– Ana Bari'a, я невиновен.

Я сводил его с ума, но заставить меня говорить было невозможно.

– Сейчас у меня нет времени, но завтра ты будешь страдать, сукин сын, – сказал он и тут же вышел из комнаты.

Сопровождающий отвел меня в мою камеру. Было уже около полуночи. Я сел на свой коврик для молитвы, начал читать Коран и молился до поздней ночи. Я едва мог сосредоточиться на том, что читаю. Я все время думал: «Как выглядит этот „Бассейн с акулами“?» Я слышал о бассейне под электрическим напряжением, который используют в Египте, но «Бассейн с акулами» звучит жутко.

Но встречи продолжились, а меня не вели в комнату для пыток один день, два, три. Со мной ничего не сделали, кроме того, что я не ел, но не потому, что мне не давали еду, а потому, что у меня совсем не было аппетита, как и всегда, когда я чувствую себя подавленно. Позже, уже в Гуантанамо, я узнал от одного иорданского заключенного, который провел 50 дней в этой же тюрьме, что никакого бассейна с акулами нет. Но были другие мучительные пытки: например, заключенных подвешивали за руки и за ноги и избивали их в течение нескольких часов или лишали арестантов сна на несколько дней, чтобы они начинали сходить с ума.

– В Иордании не применяют пытки, пока нет доказательств вины, – говорил Ибрагим. – Если бы они знали о тебе то, что я знаю, они бы даже не арестовали тебя. Американцы приказали им сделать это, – продолжил он.

– Пытки начинаются около полуночи и заканчиваются с рассветом. Все принимают участие: директор тюрьмы, следователи и охранники, – рассказал мне Ибрагим в Гуантанамо. Его сведения совпадали с тем, что я видел. Я сам слышал, как избивали людей, но не знаю, подвешивали их при этом или нет. И еще я наблюдал, как людей лишали сна.

Однажды поздней ночью, разговаривая с одним из своих друзей-охранников, я все время слышал, будто кто-то громко кричит во время тренировки, чтобы высвободить из своего тела всю энергию, как в кунг-фу. Я слышал, как тела падают на пол. Этот шум был слишком громким и слишком близко к моей камере на третьем этаже.

– Вы так поздно тренируетесь? – спросил я у одного из охранников.

Перед тем как он ответил, подошел другой парень в костюме, который закрывал его тело с ног до головы, как у ниндзя. Охранник посмотрел на него и, улыбнувшись, повернулся ко мне.

– Ты знаешь этого парня? – спросил он.

Я натянул деловую улыбку.

– Нет.

Тогда этот парень снял с себя маску, он выглядел как дьявол во плоти. Мне стало так страшно, что я начал смеяться.

– Ах да! Мы знаем друг друга, – сказал я.

– Мохаммад спрашивает: вы, парни, сейчас тренируетесь? – спросил охранник у Ниндзя, неправильно произнеся мое имя.

– Да! Хочешь присоединиться? Многие заключенные тренируются с нами, – сказал он язвительно.

Я сразу понял, что он говорит о пытках. Я перестал смеяться и сжал губы. Мне не хотелось показывать, что я в замешательстве, что я разочарован и испуган.

– Нет, я в порядке, – сказал я. Дьявол вернулся к своим делам, и я спросил охранника: – Почему они надевают маски для этой работы?

– Они хотят сохранить свою личность в тайне. В Иордании за такое могут убить.

Он был прав. Многих заключенных арестовывали, потому что они владели какой-то информацией, а не потому что совершили какое-то преступление, и поэтому их довольно скоро отпускали. А я жалел о том, что был в курсе этих злодеяний. Было невозможно спать под крики и плач взрослых людей. Я пытался хоть как-то заткнуть уши, но ничего не помогало. Пока проводились пытки, я не мог уснуть. Хорошо, что людей пытали не каждый день, и не всегда голоса доходили до моей камеры.

В феврале 2002 года на директора иорданского Департамента по борьбе с терроризмом было совершено покушение.^[73] Он чуть не погиб. Это было самое крупное покушение в истории исламского движения в Иордании. Кто-то заложил в его машину бомбу, которая должна была взорваться по дороге из дома в его офис. И она взорвалась. Но, кажется, произошло чудо. По дороге на работу директор захотел купить сигарет. Он решил пойти за ними вместе со своим водителем. Как только оба вышли из машины, бомба взорвалась. Никто не пострадал, но машина была уничтожена.

Следствие вышло на подозреваемого, но тайная полиция не смогла найти его. Однако с королем борьбы с терроризмом лучше не шутить: подозреваемые должны быть арестованы, и их вина должна быть доказана. Немедленно. Иорданская разведка должна была отомстить за своего шефа. Поэтому арестовали невинного брата подозреваемого и

пытали его до тех пор, пока его брат не сдался. Подразделение специального назначения отправили в людное место, чтобы арестовать невинного парня и избить его. Они хотели показать, какая судьба ждет семью, член которой пытается напасть на правительство. Парня посадили в тюрьму, где следователи пытали его каждый день.

– Мне все равно, сколько времени это займет, я буду пытать тебя, пока твой брат не сдастся, – говорил его следователь.

Семье парня разрешили навещать его, но не из гуманных соображений. Следователь хотел, чтобы родители видели, в каком положении находится их ребенок, и быстрее выдали им подозреваемого. Они были сломлены, и вскоре появилась информация, что подозреваемый скрывается в семейном доме. Поздно ночью их дом взяли штурмом и задержали подозреваемого. На следующий день его брата освободили.

– Что ты скажешь, если кто-то спросит тебя о синяках и ранах, которые я оставил? – спросил его следователь.

– Я ничего не скажу! – ответил мальчик.

– Слушай, обычно мы держим людей, пока они не поправятся, но тебя я отпускаю. Ты можешь пойти и рассказать обо мне что захочешь. Я сделал все необходимое, чтобы захватить террориста, и теперь ты свободен.

О его брате директор позаботился лично. Он избивал его шесть часов подряд. И это не считая того, что делали следователи, чтобы удовлетворить своего босса. Я узнал обо всем этом от охранников, когда заметил, что в тюрьме стало слишком много людей. Не то чтобы я видел целые толпы, но вот количество еды заметно сократилось. Заключенных постоянно перемещали из одной камеры в другую. Каждый раз, когда их проводили мимо меня, окошко в моей двери закрывали, и все чаще я стал замечать новых охранников. Ситуация начала улучшаться летом 2002 года.

К тому времени иорданцы почти завершили работать со мной. Когда офицер Рами закончил допрашивать меня, он передал мне заявление.

– Прочитай и подпиши его, – сказал он.

– Мне не нужно читать его, я тебе доверяю! – соврал я. Зачем мне читать что-то, когда у меня даже нет выбора, подписывать это или нет? Никакой судья не будет рассматривать заявления, подписанные вынужденно и в таком месте, как иорданская военная тюрьма.

Спустя примерно неделю офицер Рами забрал меня для допроса в очень красивую комнату.

– Твое дело закрыто. Ты не соврал. И я благодарен тебе за сотрудничество. С моей стороны работа окончена, но только мой босс может решить, когда тебя отпустят домой. Надеюсь, что скоро.

Я был счастлив услышать эти новости. Я ожидал их, но не так скоро.

– Ты не хочешь поработать на нас? – спросил он меня.

– Я бы хотел, но совсем не гоюсь для такой работы, – ответил я, частично сказав правду и частично солгав.

Он в дружеской манере пытался переубедить меня, но я в том же тоне объяснил ему, что недостаточно умен для работы на разведку.

Но когда иорданцы поделились результатами своего расследования с США и отправили им мое дело, США взяли его и ударили иорданцев по лицу. Я чувствовал злость Дяди Сэма за тысячу миль от меня. Офицер Рами вернулся в свою старую шкуру в последние два месяца моего содержания в Иордании. Допросы возобновились. Я делал все возможное, чтобы заявить о себе. Иногда я сотрудничал, иногда отказывался. Я объявлял голодовки, но офицер Рами заставлял меня есть под угрозами пыток. Я хотел сделать так, чтобы иорданцы отправили меня домой, но у меня ничего не вышло. Возможно, я вел себя недостаточно решительно.

V

Гуантанамо Февраль 2003 – август 2003

Первое «письмо» и первое «доказательство». Ночь страха. Министерство обороны вмешивается. 24 часа допросов. Похищение внутри похищения. Арабо-американская вечеринка.

– Правила поменялись. То, что не считалось преступлением, теперь преступление.

– Но я ничего не сделал, и неважно, насколько суровые у вас законы, я не преступник.

– Но что, если я покажу тебе доказательства?

– Вы не покажете. Но, если покажете, я буду сотрудничать.

Агент Роберт показал мне список худших людей в Гуантанамо. Их было 15, и я был номер один, номером два был Мохаммед аль-Кахтани^[74].

– Да вы шутите, – сказал я.

– Нет, не шучу. Неужели ты не понимаешь всю серьезность дела?

– Так, вы похитили меня из моего дома в моей стране и отправили в Иорданию для пыток, а затем перевезли из Иордании в Баграм, и я все равно хуже тех парней, которые держали оружие в руках при задержании?

– Да, ты хуже. Ты очень умный! Как по мне, ты подходишь под описание самого опасного террориста. Когда я тебя проверяю по списку признаков террориста, ты набираешь очень много очков.

Я был очень напуган, но пытался подавить свой страх.

– А что это за перечень признаков?

– Ты араб, молодой, ты участвовал в джихаде, говоришь на иностранных языках и был во многих странах, у тебя степень по техническим дисциплинам.

– И какое же преступление я совершил?

– Посмотри на угонщиков самолетов, они обладали теми же характеристиками.

– Я здесь защищаю только себя. Даже не упоминайте никого. Я спросил вас о моем преступлении, а не о преступлениях X или Y. Они не имеют для меня никакого значения!

– Но ты часть большого заговора против Соединенных Штатов.

– Вы всегда говорите это. Расскажите, какую именно роль я исполняю в этом «большом заговоре»!

– Я расскажу тебе, просто *sabr*^[75].

Меня продолжили допрашивать, используя подобные аргументы. Затем однажды, войдя в допросную комнату в «Коричневом доме», я увидел подготовленное видеоборудование. Если честно, я боялся, что мне покажут видео, где я совершаю террористические атаки. Не то что бы я совершал что-то подобное в своей жизни. Но мой друг-заключенный Мустафа из Боснии рассказывал мне, что следователи подделали американский паспорт с его фотографией.

– Смотри, теперь у нас есть неопровержимые доказательства, что ты подделал этот паспорт и использовал его в террористических целях, – говорили они.

Мустафа от всей души посмеялся над глупостью своих следователей.

– Вы забыли, что я IT-специалист и знаю, что для правительства США не составляет никаких трудностей подделать паспорт, – сказал он.

Следователи быстро забрали паспорт и больше никогда не говорили о нем.

Такие истории давали мне повод для паранойи, что правительство что-то готовит для меня. Как выходец из страны третьего мира я знаю, что полиция часто вешает преступления на политических конкурентов действующей власти. Подбросить оружие в чей-то дом, чтобы суд поверил, что жертва готовится к преступлению, это в порядке вещей.

– Ты готов? – спросил Роберт.

– Да, – сказал я, пытаюсь сохранить спокойствие, хотя мое красное лицо говорило за меня.

Роберт нажал на кнопку воспроизведения, и мы стали смотреть фильм. Я был готов подпрыгнуть, увидев, как взрываю какой-то американский объект в Тимбукту. Но запись была о чем-то совершенно другом. Это был разговор Усамы бен Ладена со своим помощником, которого я не смог узнать, о теракте 11 сентября. Они говорили на арабском. Мне нравилось, что я все понимал, в то время как следователям приходилось вчитываться в субтитры.

После короткого разговора между бен Ладеном и каким-то парнем комментатор объяснил, какой спорной была эта запись. Качество было ужасным, должно быть, запись была изъята американцами в убежище Джелалабада.

Но суть была не в этом.

– Какое отношение я имею к этому дерьму?! – спросил я агрессивно.

– Видишь, Усама бен Ладен стоит за 11 сентября, – ответил Роберт.

– Вы же понимаете, что я – не Усама бен Ладен, не так ли? Это проблема между вами и Усамой бен Ладеном, мне все равно. Я в этом не участвую.

– Как ты думаешь: то, что он сделал, правильно?

– Мне все равно. Достаньте Усаму бен Ладена и накажите его.

– Что ты думаешь о случившемся?

– Я думаю, что не имею к этому отношения. Все остальное не имеет значения!

Вернувшись в блок «Лима», я рассказал своим друзьям о цирке с «неопровержимыми доказательствами» против меня. Но это никого не удивило, так как почти все заключенные проходили через подобные шутки.

Во время разговоров с Робертом и его помощником у меня появился достаточно простой вопрос:

– Почему вы забираете приходящие мне письма?

– Я проверял, у тебя их нет!

– Вы хотите сказать, что моя семья отказывается отвечать на мои письма?

Братьям в моем блоке было жаль меня. Почти каждую ночь мне снилось, что я получаю письмо от своей семьи. Я всегда рассказывал об этих снах своим соседям, потому что это давало мне надежду, но никаких писем не приходило. «Мне снилось, что ты получил письмо от своей семьи», – было обычной фразой, которую я привык слышать. Мне было очень тяжело видеть, что у других заключенных есть фотографии их семей, а у

меня нет ничего. Не то чтобы я мечтал о том, чтобы они не получали письма. Наоборот, я был очень рад за них, я читал их письма и представлял, что они от моей мамы. Это было обычным делом: передавать новые письма по всему блоку, чтобы каждый мог почитать их, даже самые интимные письма, написанные вторыми половинками.

Роберт делал все возможное, чтобы убедить меня сотрудничать с ним, и он знал, что я рассказал о своей проблеме с письмами всем заключенным. Поэтому он поговорил с людьми, отвечающими за письма, и попросил, чтобы они достали мне что-нибудь. Около пяти часов вечера у моей камеры появился почтальон и вручил мне письмо, предположительно от моего брата. Еще перед тем, как прочитать письмо, я закричал на весь блок:

– Я получил письмо от своей семьи. Видите, мои мечты сбылись, разве я не говорил вам?

Отовсюду мои друзья-заключенные кричали в ответ:

– Поздравляю, передай мне письмо, когда закончишь! Я начал жадно читать его, но был потрясен. Письмо оказалось дешевой подделкой. Оно было не от моей семьи, его написал кто-то из службы разведки.

– Дорогие братья, я не получил никакого письма, простите!

– Вот уроды, они уже делали подобное с другими заключенными, – сказал мой сосед.

Подделка была такой неуклюжей и непрофессиональной, что даже дурак не поведется на нее. Во-первых, у меня нет брата с таким именем. Во-вторых, мое имя было написано с ошибкой. В-третьих, моя семья живет не в том месте, которое указано в письме, хотя оно довольно близко. В-четвертых, я знаю не только почерк каждого члена своей семьи, но и стиль их письма и то, как они выражают свои мысли. Письмо было чем-то вроде нотации: «Сохраняй терпение, как твои предки, и верь, что Аллах вознаградит тебя». Я был очень зол из-за этой попытки обмануть меня и сыграть на моих эмоциях.

На следующий день Роберт забрал меня на допрос.

– Как поживает твоя семья?

– Надеюсь, у них все в порядке.

– Я же проделал столько работы, чтобы достать тебе письма!

– Спасибо вам огромное, хорошая попытка, но, если вы хотите подделать письмо, позвольте дать вам совет.

– О чем ты говоришь?

Я улыбнулся:

– Если вы правда не знаете, то ничего страшного. Но подделать письмо и заставить меня верить, что я поддерживаю контакт с семьей, это так дешево! – сказал я, передав ему странное письмо.

– Я подобным дерьмом не занимаюсь, – ответил Роберт.

– Я не знаю, во что верить. Но я верю в Бога, и, если я не увижу свою семью в этой жизни, надеюсь увидеть их в следующей, так что не переживайте об этом.

У меня, честно, нет доказательств, причастен Роберт к этому грязному делу или нет. Но я точно знаю, что есть кто-то больший, стоящий за всем этим. Есть целая группа людей, работающих за кадром^[76]. ФБР занималось моим делом через Роберта и его команду, но несколько раз меня забирали для допроса другие сотрудники разведки, не информируя Роберта. Что касается писем от моей семьи, я получил свое первое письмо от Красного Креста 14 февраля 2004 года, спустя 816 дней после того, как меня похитили из моего дома в Мавритании. Письмо пришло на семь месяцев позже положенного срока.

Агент Роберт наконец продвинулся в своем обещании объяснить мне, почему правительство держало меня взаперти. Но он не предъявил мне ничего уличающего. В марте 2002 года канал CNN показал сюжет о том, что я якобы обеспечивал коммуникацию между всеми угонщиками 11 сентября через мой личный сайт. Теперь Роберт предъявил мне этот сюжет^[77].

– Я же говорил, что у тебя серьезные проблемы, – сказал Роберт.

– Я не разрабатывал этот сайт для «Аль-Каиды». Я сделал его очень давно и не заходил на него с начала 1997 года. Кроме того, если бы я решил помочь «Аль-Каиде», я не использовал бы свое настоящее имя. Я мог бы сделать эту страницу от имени Джона Смита. – Роберт хотел узнать все об этом сайте и о том, почему я вообще его сделал. Мне пришлось наплести ему весь этот бред о том, что у меня есть полное право сделать страницу с моим настоящим именем и ссылками на мои любимые сайты.

Во время одного из допросов Роберт спросил меня:

– Зачем ты изучал микроэлектронику?

– Я изучаю то, что мне хочется. Не знал, что я должен спрашивать у правительства США, что я должен изучать, а что не должен, – ответил я иронично.

– Я не верю, что есть только плохие и хорошие люди. Я думаю, что все мы представляем собой что-то среднее. Ты так не думаешь? – спросил Роберт.

– Я ничего не сделал.

– Помочь кому-то вступить в «Аль-Каиду», чтобы тот в итоге стал террористом, это не преступление! – постоянно говорил мне Роберт. Я точно понимал, что он имел в виду: просто признай, что ты работаешь вербовщиком для «Аль-Каиды».

– Может быть. Я не знаком с законами Соединенных Штатов. Но все равно я никого не вербовал для «Аль-Каиды», и никто не просил меня делать это! – сказал я.

«Предъявляя мне доказательства против меня», Роберт попросил своего коллегу о помощи. Этим коллегой был Майкл, один из агентов ФБР, который допрашивал меня в Нуакшоте в феврале 2000 года. Майкл – один из тех людей, которые говорят что-то, а ты в это время думаешь: он может быть злым, а может, и нет.

– Я рад, что вы пришли, потому что я бы хотел обсудить несколько вопросов, – сказал я.

– Конечно, Майкл здесь именно для того, чтобы ответить на твои вопросы! – ответил Роберт.

– Помните, как вы, парни, прибыли допрашивать меня в Мавритании? – начал я. – Помните, как вы были уверены в том, что я не только был вовлечен в заговор «Миллениум», но и был одним из его организаторов? Как вы себя чувствуете сейчас, зная, что я не имею ко всему этому никакого отношения?

– Это не проблема, – ответил Майкл. – Проблема была в том, что ты не был с нами честен.

– Я не обязан быть с вами честным. И вот срочное сообщение для вас: я не буду говорить до тех пор, пока вы не объясните мне, почему я здесь, – сказал я.

– Это твои проблемы, – сказал Майкл.

Вы сказали бы, что Майкл из тех, кто привык унижать заключенных, которым, вероятно, приходилось сотрудничать из-за мучительных пыток. К тому времени он уже допрашивал Рамзи бен аль-Схиба. Он говорил очень высокомерно:

– Ты будешь сотрудничать с нами, хочешь ты этого или нет, ха-ха!

Я признаю, что был груб с ним, я был так зол на него с тех пор, как он обвинил меня в причастности к заговору «Миллениум», а теперь он игнорировал все мои просьбы прояснить мне всю ситуацию и отказывался признать, что его правительство ошиблось.

Майкл выглядел уставшим после своей поездки.

– Я не понимаю, почему ты отказываешься сотрудничать, – сказал он. – Они делятся с тобой едой, и говорят с тобой по-дружески.

– Почему я должен сотрудничать с кем-либо из вас? Вы делаете мне больно, держите меня взаперти без какой-либо причины.

– Мы не арестовывали тебя.

– Приведите того, кто арестовал меня. Я хотел бы пообщаться с ним.

После этой напряженной дискуссии следователи вышли из комнаты и отправили меня обратно в камеру.

– Для будущих допросов я попросил агента Майкла помочь мне разобраться твое дело. Я хочу, чтобы ты был вежливым с ним, – сказал Роберт во время нашей следующей встречи.

Я повернулся к его коллеге:

– Сейчас вы знаете, что я не причастен к заговору «Миллениум». Что теперь вы собираетесь повесить на меня?

– Знаешь, иногда мы арестовываем людей ошибочно, но затем выясняется, что они причастны к чему-то другому, – сказал Майкл.

– И когда вы перестанете играть со мной в эту игру? Каждый раз, когда новое подозрение оказывалось ложным, меня начинали подозревать в чем-то другом, и так снова и снова. Есть хоть какая-то вероятность, что я ни во что не вовлечен?

– Конечно, и поэтому тебе нужно сотрудничать с нами, чтобы защитить себя. Все, что я прошу от тебя, это объяснить мне кое-что, – сказал Роберт.

Когда прибыл Майкл, у него в руках были какие-то бумаги с заметками, и он начал зачитывать их.

– Ты позвонил Рауфу Ханначи и попросил его принести тебе сахар. Когда ты сказал ему, что Хасни вернулся в Германию, он ответил: «Не говори об этом по телефону»; я бы не стал говорить такое кому-либо.

– Мне все равно, что Рауф Ханначи говорит по телефону. Я здесь не от лица Рауфа, идите и спросите у него. Запомните, я спрашиваю у вас о том, что я сделал.

– Я просто хочу, чтобы ты объяснил мне эти разговоры и еще многое другое, – сказал Майкл.

– Нет, я не отвечу ни на один вопрос, пока вы не ответите на мой. Что я сделал?

– Я не говорю, что ты что-то сделал, но есть много вещей, которые нужно прояснить.

– Я отвечал на все вопросы тысячу и один раз, говорил вам, что я имею в виду ровно то, что я говорю. Я не использую никаких шифров. Вы просто такие несправедливые и такие параноики. Вы пользуетесь тем, что я из страны, где установлена диктатура. Если бы я был из Германии или Канады, вы бы не только не смогли задержать меня, вы бы даже не смогли поговорить со мной.

– Я прошу тебя сотрудничать с нами, мы даем тебе такую возможность. После того как мы поделимся с тобой причинами твоего ареста, для тебя будет слишком поздно! – сказал Майкл.

– Мне не нужны никакие возможности. Просто скажите, почему вы арестовали меня, и пусть будет слишком поздно. – Агент Роберт знал меня лучше, чем агент Майкл, так что он пытался успокоить нас обоих. Майкл пытался запугать меня, но чем больше он пугал меня, тем меньше я хотел сотрудничать.

Лагерь был закрыт в течение всего дня. Около 10 вечера меня вытащили из камеры и повели в «Коричневый дом». Там было ужасно холодно. Я ненавидел, когда меня будили для допроса, сердце начало колотиться: почему они забирают меня так поздно?

Не знаю, как долго я пробыл в допросной, может, часа два. Меня трясло. Я убедил себя больше не ссориться со следователями. Я просто буду сидеть как камень и позволю им говорить. Многие заключенные делали так. Их забирали на допросы день за днем, чтобы сломать их. Уверен, что кто-то из них сломался, потому что невозможно терпеть эти муки всю жизнь.

После того как они дали мне попотеть или, давайте скажем, «потрястись» несколько часов, меня отвели в другую камеру в «Коричневом доме». Там меня ждали агенты Роберт и Майкл и еще один агент ФБР, который представился Крисом. Камера была терпимо холодной. Как обычно, из соседней камеры военные смотрели и слушали.

– Мы не могли забрать тебя днем, потому что лагерь был закрыт, – сказал Роберт. – Нам пришлось забрать тебя сейчас, потому что завтра Майкл уезжает.

Я молчал. Роберт попросил своих друзей выйти.

– Что с тобой? – спросил он. – Ты в порядке? Что-то случилось? – Но как он ни старался, он не мог заставить меня говорить.

Команда решила отвести меня обратно в холодную камеру. Может, она была не холодной для человека в обычной одежде, обуви и куртке, как у следователей, но она определенно была холодной для заключенного в тапочках и без одежды.

– Говори! – сказал Роберт. – Даже если ты откажешься говорить, Майкл все равно будет говорить с тобой.

Майкл начал свою лекцию:

– Мы давали тебе возможность, но, кажется, ты не хочешь пользоваться ею. Теперь слишком поздно, потому что я поделюсь с тобой кое-какой информацией.

Майкл положил на стол три большие фотографии, на которых были изображены четыре человека, которые, предположительно, принимали участие в теракте 11 сентября.

– Этого парня зовут Рамзи бен Аль-Схиб. Его захватили в Карачи 11 сентября 2002 года, и с тех пор я допрашиваю его. Я знаю о нем больше,

чем он сам. Он был со мной открытым и честным. То, что он рассказал мне, совпадает с тем, что мы знаем о нем. Он сказал, что он пришел в твой дом по совету парня по имени Халид эль-Масри, которого он встретил в поезде. Рамзи бен Аль-Схиб хотел, чтобы кто-то помог ему проникнуть в Чечню. Это произошло где-то в октябре 1999 года, – продолжил он. – Он пришел к твоему дому вместе с этими двумя парнями, – сказал он, показывая на Зиада Джарраха и Марвана Аль-Шеххи. – Другой парень, – сказал он, показывая на Мохаммеда Атту, – не мог встретиться с тобой, потому что у него был экзамен. Ты посоветовал им полететь через Афганистан, а не через Грузию, потому что их арабские лица выдали бы их, и, вероятнее всего, их бы отправили обратно. Более того, ты дал им номер телефона парня из Кветты, которого зовут Омар Абдель-Рахман. Эти парни вскоре после встречи с тобой отправились в Афганистан, встретились с Усамой бен Ладеном и присягнули ему на верность. Бен Ладен назначил их на теракт 11 сентября и отправил обратно в Германию. – Он продолжил: – Когда я спросил у Рамзи, что он думает о тебе, он ответил, что считает тебя главным вербовщиком для Усамы бен Ладена. Это его личное мнение. Тем не менее он сказал, что, если бы не ты, он бы никогда не вступил в «Аль-Каиду». По факту, я бы сказал, что если бы не ты, то 11 сентября никогда бы не случилось. Эти парни отправились бы в Чечню и умерли бы там.

Агент Майкл извинился и вышел. Всю оставшуюся ночь я провел с Робертом и агентом Крисом, которые все время злоебно смотрели на меня. Я был очень напуган. Парень заставил меня поверить, что я стою за 11 сентября. Но как такое произошло? Я подумал: может, он прав? И тем не менее любой, кто хоть немного осведомлен о теракте, легко понял бы, какое вранье Майкл пытался выдать за правду. Те люди, которых он упомянул, проходили обучение в 1998 году, и в этом же году они вступили в «Аль-Каиду», и именно тогда их назначили на теракт. Как я вообще мог отправить их в октябре 1999 года присоединиться к «Аль-Каиде», когда они уже не просто были членами организации, но и готовились к теракту уже больше года.

Всю ночь я не спал, меня заставляли смотреть на фотографии с трупами и оторванными конечностями, которые сделали после теракта. Зрелище было противное. Я почти сломался, но смог сохранить молчание и самообладание.

– Видишь последствия теракта? – спросил Роберт.

– Не думаю, что он предвидел, что они собирались сделать, – сказал агент Крис.

Они разговаривали друг с другом, задавали вопросы и сами отвечали на них. Я продолжал делать вид, будто меня нет. Они продолжали показывать мне эти жуткие фотографии всю ночь. С рассветом они отправили меня в камеру в новом блоке, блоке «Майк». Я молился и

пытался уснуть, но не мог выбросить из головы те картины с трупами. Мои соседи, особенно Дэвид Хикс и Бишер Аль-Рави, пытались помочь мне^[78].

– Не переживай! Просто поговори с ними, и все будет в порядке, – Дэвид Хикс подбадривал меня. Может быть, его совет показался благоразумным, да и сам я в любом случае понимал, что дальше будет только хуже, поэтому решил сотрудничать.

Агент Роберт забрал меня для допроса на следующий день. Я был слишком уставшим. Я не спал ни ночью, ни днем^[79].

– Я готов сотрудничать безоговорочно, – сказал ему я. – И мне не нужны никакие доказательства. Просто задавайте мне вопросы, и я отвечу на них.

Так наши отношения вышли на совершенно новый уровень.

Занимаясь мной, Роберт совершил две поездки – одну в Канаду и одну в Европу, скорее всего, в Германию, – чтобы расследовать мое дело и найти доказательства против меня. В феврале 2003 года, пока он был в Канаде, агент Канадской службы разведки и безопасности забрал меня для допроса.

– Меня зовут Кристиан, я из Канады. Я здесь, чтобы задать тебе несколько вопросов о твоём пребывании в моей стране, – сказал Кристиан, показывая свой значок. Он был в сопровождении женщины и мужчины, которые только делали записи^[80].

– Приветствую! Я рад, что вы приехали, потому что хочу разобраться с некоторыми вашими сообщениями обо мне, они очень неточные, – сказал я. – Особенно в связи с тем, что мое дело с США связано со временем, которое я провел в Канаде. Каждый раз, когда я говорю об этом американцам, они ссылаются на вас. Теперь я хочу, чтобы вы сели вместе с американцами и ответили на один мой вопрос: почему вы держите меня под арестом? Какое преступление я совершил?

– Никакое, – сказал Кристиан.

– Значит, меня здесь не должно быть, верно?

– Мы не арестовывали тебя, это сделали Соединенные Штаты.

– Так и есть, но США уверяют, что вы настроили их против меня.

– Просто у нас есть вопросы о некоторых плохих людях, и нам нужна твоя помощь.

– Я не буду помогать вам до тех пор, пока вы в моем присутствии не расскажете американцам, что кто-то из вас соврал.

Они вышли и привели агента ФБР Уильяма, который, возможно, наблюдал за допросом через одностороннее зеркало из соседней комнаты.

– Ты не честен с нами, раз отказываешься отвечать на вопросы канадцев. Это твоя возможность получить от них помощь, – сказал Уильям.

– Мистер Уильям, я знаю про эту игру намного больше, чем вы. Хватит нести чушь, – сказал я. – Сейчас у вас есть возможность предъявить мне все мои обвинения.

– Мы не обвиняем тебя ни в каких преступлениях, – сказал Уильям.

– Тогда освободите меня!

– Это не в моей власти. – Уильям пытался убедить меня, но безуспешно.

Меня отправили обратно в камеру и забрали снова на следующий день, но я просто сидел как камень. Я не проронил ни слова, потому что ясно дал им понять условия моего сотрудничества. Агенты Канадской службы разведки и безопасности также допросили подростка по имени Омар Хадр и заставили военных забрать все его вещи. Нам, заключенным, было очень жалко его. Он был слишком молод для всего этого^[81].

Когда Роберт вернулся, он был раздражен, потому что командование ЕОГ проигнорировало его и передавало меня, кому захочет. Теперь я знал, что моя судьба не в руках ФБР, у них не было возможности вести мое дело, и с этих пор я не мог доверять им. Я не люблю иметь дело с кем-то, кто не держит слово. Тогда я точно понял, что команда ФБР была просто шагом к настоящему допросу, проводимому Министерством обороны. Если вы посмотрите на всю ситуацию, это будет логично. Большинство заключенных были захвачены отрядами Министерства обороны в военных операциях. Агенты ФБР – просто гости в Гуантанамо: ни больше, ни меньше. Объект находится во власти военных Соединенных Штатов.

Это случилось снова. Когда Роберт отправился в Канаду в мае 2003 года, команда, которая представилась Канадской королевской конной полицией, забрала меня для допроса. Этих людей ждала не большая удача, чем их коллег из CSIS. А Агента Роберта окончательно выбесили его сослуживцы из командования ЕОГ.

Роберт вернулся из Канады.

– Мне приказали покинуть команду, расследующую твоё дело, и вернуться в США. Мой босс уверен, что я трачу время зря. Военная разведка займется твоим делом, – рассказал мне Роберт. Мне не нравилось, что он уходит, но я был не так уж расстроен. Агент Роберт больше остальных разбирался в моем деле, но у него не было ни власти, ни людей, поддерживающих его.

На следующий день команда организовала обед. Они накупили хорошей еды, чтобы проводить своего коллегу.

– Ты должен знать, что твои следующие допросы будут не такими дружелюбными, как предыдущие, – сказал Роберт, улыбнувшись лукаво. – Тебе больше не будут приносить еду и воду.

Я понял это как совет подготовиться к суровому содержанию, но я никогда не думал, что меня будут пытаться. Более того, я верил, что Роберт и его помощник агент Крис доложат нужным людям, чтобы те предотвратили преступление, если оно вообще планировалось.

– Желаю тебе удачи, и единственное, что могу тебе посоветовать, это говорить только правду, – сказал агент Роберт. Мы обнялись и попрощались^[82].

Когда я вошел в комнату, в ней уже стоял стол с несколькими стульями. Как только охранники приковали меня к полу, высокая девушка – лейтенант военно-морских сил – и другая высокая девушка в гражданской одежде вошли в комнату. Лейтенант, которая представилась Роникой, мне кажется, была лидером команды. У нее были длинные темные волосы, и она постоянно улыбалась, даже когда делала саркастичные замечания. Ее помощница была блондинкой около 45 лет, которая представилась как Сэм и сказала, что она агент ФБР. Мне стало очевидно, что они знают больше, чем я. Роника и Саманта принесли с собой тяжелые папки и начали разговаривать друг с другом^[83].

– Когда должен прийти парень?

– В девять часов. – Вопреки традициям допросов, один из предполагаемых членов команды не пришел с остальными. Эта техника использовалась, чтобы напугать заключенного.

Дверь открылась.

– Извините, я ориентировался по дипломатическому времени, – сказал новоприбывший. – Вы знаете, те из нас, кто не входит в ЕОГ, живут по другому времени.

Пожилой джентльмен старался всех впечатлить. Не уверен, что у него это получилось. Он сказал, что он из Государственного департамента США, и он очень сильно суетился. Даже принес с собой еду из Макдональдс, но никому не предложил ее.

– Я только что прибыл из Вашингтона, – начал он. – Вы знаете, как вы важны для правительства Соединенных Штатов?

– Я знаю, что я важен для моей любимой мамы, но насчет США не уверен. – Лейтенант Роника не могла сдержать улыбку, хотя и пыталась сохранить хмурый взгляд. Предполагалось, что ко мне будут сурово относиться.

– Вы готовы сотрудничать с нами? В ином случае ваше положение будет ужасным, – продолжил мужчина.

– Вы знаете, что я знаю, что вы знаете, что я ничего не совершал, – сказал я. – Вы удерживаете меня, потому что ваша страна достаточно сильная, чтобы быть несправедливой. И это не первый раз, когда вы похищаете африканцев и порабощаете их.

– Африканские племена продали своих людей нам, – ответил он.

– На вашем месте я бы не защищал рабство, – сказал я.

Было понятно, что лейтенант была той, у кого больше всего власти, хотя правительство использовало и другие службы для допросов заключенных. Я был как мертвый верблюд в пустыне, которого начинают есть сразу все насекомые.

– Если ты не будешь сотрудничать с нами, мы отправим тебя в суд и ты проведешь остаток жизни в тюрьме, – сказала лейтенант Роника.

– Просто сделайте это!

– Ты должен сознаться в содеянном, – добавила Саманта, показывая на большую папку перед ней.

– Что я сделал?

– Ты знаешь, что сделал.

– Знаете что? Я не впечатлен, но, если у вас есть какие-то вопросы, я отвечу на них, – сказал я.

– Я работала над твоим делом вместе с коллегами Робертом и Крисом. Роберта и Криса больше нет. Но я все еще здесь, чтобы дать тебе шанс.

– Оставьте этот шанс себе, мне он не нужен.

Этот допрос должен был испугать меня, но чтобы испугать меня, нужно гораздо больше. Самопровозглашенный дипломат ушел, и я больше никогда его не видел. Лейтенант Роника и Саманта допрашивали меня еще какое-то время, но это ни к чему новому не привело. Обе женщины использовали крайне традиционные методы и техники, которыми я, вероятно, овладел лучше, чем они сами.

– Как зовут твою нынешнюю жену? – Это был любимый вопрос Саманты. Когда я прибыл на Кубу, 5 августа 2002 года, мне было так плохо физически и морально, что я забыл, как зовут мою жену, и назвал неправильное имя. Саманта хотела доказать, что я лжец.

– Слушай, если ты будешь отрицать и лгать, мы расценим это самым худшим образом, – сказала лейтенант Роника. – Я допрашивала других заключенных и признала их невиновными. Мне правда очень неприятно спать в комфортной комнате, пока другие страдают в блоке. Но ты другой. Ты уникальный. У нас нет чего-то, уличающего тебя, но есть много чего, во что ты не можешь быть не вовлеченным.

– И что это за соломинка, которая сломала спину верблюда?

– Я не знаю! – ответила лейтенант Роника. Она была порядочным человеком, и я очень уважал ее честность. Ее назначили пытаться меня, но она не справилась, и ее отстранили от моего дела. Саманта казалась мне злым человеком. Она всегда язвительно смеялась.

– Ты очень груб, – однажды сказала она.

– Как и вы! – ответил я.

Наши встречи были неплодотворными. И лейтенант Роника, и Саманта хотели достичь результата, но это было невозможно. Они обе хотели, чтобы я признался в причастности к заговору «Миллениум», к которому я не имел никакого отношения. Единственная возможность заставить меня признаться в чем-то, чего я не совершал, это пытаться меня так сильно, что я больше не смогу терпеть боль.

– Вы хотите сказать, что я вру об этом? Знаете что? У меня нет причины не врать вам. Вы не кажетесь более впечатляющими, чем сотня других следователей, которые меня допрашивали до вас, – сказал я.

– Ты забавный, знаешь?

– Что бы это ни значило.

– Мы здесь, чтобы дать тебе шанс. Я в блоке уже какое-то время и скоро уеду, так что, если не будешь сотрудничать... – Саманта замолчала.

– Bon Voyage! – сказал я. Я был рад, что она уезжает, потому что она мне не нравилась.

– Ты говоришь с французским акцентом.

– О боже, а я думал, что говорю как Шекспир, – сказал я язвительно.

– Нет, ты говоришь довольно хорошо. Я имею в виду только акцент, – сказала Саманта.

Но лейтенант Роника была вежливым и честным человеком.

– Слушай, у нас очень много сообщений о том, что ты причастен ко многим вещам. Ничего уличающего, правда, нет. Но есть очень много разных мелочей. Мы не будем их игнорировать, чтобы просто отпустить тебя.

– Меня не интересует ваше милосердие. Я только хочу, чтобы меня освободили, если мое дело полностью чисто. Я уже слишком устал от этого бесконечного замкнутого круга освобождений и задержаний.

– Тебе нужна свобода, а нам нужна информация, ты даешь нам то, что нам нужно, а взамен мы дадим то, что тебе нужно, – сказала лейтенант.

Мы втроем спорили об этом днями, но безуспешно.

Затем в игру вступил парень, которого я называю Я-Настоящий-Мужик. Был примерно полдень, когда военный сержант присоединился к двум женщинам, пока они допрашивали меня.

– Этот сержант первого класса присоединится к нам для расследования твоего дела, – сказала лейтенант, показывая на новоприбывшего. – Этот сержант работает на меня. Он будет часто навещать тебя, как и все, кто работает на меня. Но ты будешь видеть и меня тоже, – продолжила лейтенант Роника.

Сержант Шэлли сидел там как камень, он даже не поприветствовал меня. Он делал заметки и почти не смотрел на меня, пока женщины задавали мне вопросы.

– Не отшучивайся, просто отвечай на ее вопросы, – сказал он в какой-то момент.

Он ожидал, что я буду сдержанным, но его сильно отвлекала моя дерзость в разговоре с его коллегами. Вскоре стало ясно, что сержанта Шэлли выбрали вместе с кем-то еще, чтобы делать грязную работу. У него был опыт службы в военной разведке, он допрашивал иракцев, захваченных во время операции «Буря в пустыне». Он сказал, что говорит на персидском языке, но было сложно представить, что он смог его выучить. Все, что он слышал, – свой собственный голос. Я всегда думал: «Этот парень вообще слушает, что я говорю?» Хотя наверняка его уши просто были настроены только то на, что ему нужно.

– Я сволочь, – сказал он однажды. – Именно так думают обо мне люди, и я из-за этого не переживаю.

Весь следующий месяц я должен был работать с сержантом Шэлли и его маленькой группой.

– Мы не из ФБР, мы не позволяем лгушим заключенным уходить безнаказанно. Возможно, мы будем пытаться не физическими пытками, – сказал он.

В течение последних месяцев я наблюдал, как заключенных пытали по приказу командования ЕОГ. Абдула Рахмана Шалаби забирали на допрос каждую ночь, насильно включали ему громкую музыку, заставляли смотреть страшные фотографии и подвергали его сексуальным домогательствам. Я видел Абдула Рахмана, когда охранники забирали его вечером и возвращали утром. Ему запрещали молиться во время допросов. Я помню, он спрашивал у братьев, что делать в таких случаях. «Просто молись в глубине сердца», – сказал ему алжирский шейх в блоке. Я извлек пользу из этой фразы, потому что сам впоследствии был в такой же ситуации на протяжении года. Для Абдула Рахмана не пожалели и холодильной комнаты. Мохаммед Аль-Квахтани пережил то же самое. Более того, чтобы сломать его, следователь швырнул Коран на пол, а через мгновение охранники впечатали лицом его самого рядом со священной книгой^[84]. Бедных йеменцев и саудовцев пытали точно так же. Но так как в этой книге я рассказываю о своем личном опыте, который отражает пример тех злых деяний, что совершены во имя войны с терроризмом, мне не нужно говорить о

каждом случае, который я наблюдал. Может, в другой раз, если на то будет воля Божья^[85].

Когда сержант Шэлли сообщил мне о намерениях своей команды, я испугался. Во рту пересохло, я начал потеть, сердце стало колотиться (через неделю развилась гипертония), меня затошнило, я почувствовал, что заболели голова и живот. Я свалился на стул. Я знал, что сержант Шэлли не шутит, и еще знал, что он врет о физических безболезненных пытках. Но я держал себя в руках.

– Мне все равно, – сказал я.

Все развивалось намного быстрее, чем я думал. Сержант Шэлли отправил меня обратно в блок, и я рассказал свои друзьям-заключенным о том, что меня передали пыточному отряду.

– Ты не дитя. Не стоит думать о пытках. Верь в Аллаха, – сказал мой сосед Абу Валид из Йемена^[86].

Должно быть, я вел себя как ребенок весь день до того момента, когда охранники вытащили меня из блока. Вы даже представить не можете, как страшно человеку, когда ему угрожают пытками. Человек буквально превращается в ребенка.

Сопровождающая команда показала у моей камеры.

– Тебе пора.

– Куда?

– Тебя это волновать не должно, – сказал ненавистный мне сопровождающий охранник. Но он был не очень умен, так как точка моего назначения была записана у него на перчатке.

– Братья, молитесь за меня, меня переводят в Индию! – закричал я.

Изоляционный блок «Индия» использовался для самых плохих заключенных в лагере. Чтобы кого-то перевели в этот блок, должно быть собрано много подписей, возможно, даже самого президента США. Единственные, кого я знаю из тех, кто провел какое-то время в блоке «Индия», предназначенном для пыток, были двое заключенных – из Кувейта и Йемена^[87].

Когда я вошел в блок, в нем не было никаких признаков жизни. Меня поместили в конце блока, а моего йеменского товарища в начале, чтобы мы никак не взаимодействовали. Мужчина из Кувейта был размещен в середине блока, но он тоже не мог контактировать с кем-либо из нас. Позднее их обоих перевели куда-то в другое место, и целый блок остался для меня одного, только для меня, для Аллаха, для моей команды следователей и охранников, которые работали на них. Теперь я зависел от милости своих следователей, а милости у них было крайне мало.

В блоке меня начали обрабатывать. Меня лишили всего, кроме тонкого матраса и очень маленького старого одеяла. Меня лишили всех моих книг, Корана. Меня лишили мыла, зубной пасты и туалетной бумаги. В моей камере, скорее даже в моей коробке, температура была такой низкой, что меня трясло почти все время. Мне запретили видеть дневной свет. Иногда меня выводили на прогулку, но ночью, чтобы я не контактировал с другими заключенными. Я жил в прямом смысле в страхе. В течение следующих 70 дней у меня не было полноценного сна, меня допрашивали 24 часа в сутки, три, а иногда четыре раза в день. Очень редко выдавался день без допросов. Не помню, чтобы хоть одну ночь я спал спокойно. «Если ты начнешь сотрудничать, то сможешь поспать, и мы тебя покормим горячей едой», – постоянно говорил мне сержант Шэлли.

В течение нескольких дней после моего перевода молодая швейцарка из Международного Комитета Красного Креста пришла к моей камере и спросила, хочу ли я написать письмо. «Да», – ответил я. Натали передала мне бумагу, и я написал: «Мама, я люблю тебя, я просто хотел сказать, что люблю тебя!» После этого визита я не видел людей из Красного Креста больше года. Они пытались встретиться со мной, но тщетно^[88].

– Вы начинаете пытаться меня, но не знаете, сколько я могу выдержать. Возможно, все закончится тем, что вы убьете меня, – сказал я, когда лейтенант Роника и сержант Шелли забрали меня для допроса.

– Мы только рекомендуем, но финальное решение не за нами, – сказала лейтенант Роника.

– Просто предупреждаю. Я страдаю из-за тяжелых условий, в которых я оказался из-за вас. У меня уже были проблемы с седалищным нервом. И пытки не располагают меня к сотрудничеству.

– Мой опыт подсказывает, что ты будешь сотрудничать. Мы сильнее тебя, и у нас больше возможностей, – сказала лейтенант Роника.

Сержант Шэлли не хотел, чтобы я знал его имя, но однажды кто-то из его коллег случайно назвал его по имени. Он не знает, что я знаю его имя. Но я знаю.

Сержант Шэлли становился хуже с каждым днем. Он начал пересказывать мне мое же дело. Он начал с Рамзи бен Аль-Схиба, и истории о том, что я завербовал его для теракта 11 сентября.

– Зачем ему врать нам? – спросил сержант Шэлли.

– Я не знаю.

– Все, что ты говоришь, это: «Я не помню, я не знаю, я ничего не сделал». Думаешь, что сможешь впечатлить подобными фразами американского судью? В глазах американцев ты обречен. Одного взгляда на тебя, мусульманина и араба, в оранжевом костюме и цепях достаточно, чтобы признать тебя виновным, – сказал сержант Шэлли.

– Это несправедливо!

– Мы знаем, что ты преступник.

– Какое преступление я совершил?

– Это ты скажи нам, какое преступление ты совершил, и тогда мы сократим твой срок до 30 лет, после которых у тебя будет шанс начать новую жизнь. В ином случае ты никогда больше не увидишь дневной свет. Если ты не будешь сотрудничать, мы закинем тебя в яму и вычеркнем твое имя из базы данных.

Я был очень напуган, потому что знал, что, даже если он и не может принять такое решение самостоятельно, его поддерживает правительство. Так что он не просто сотрясал воздух.

– Мне все равно, куда вы меня закинете, просто сделайте это.

Во время разговора при очередном допросе он казался особенно агрессивным. Он принес с собой записи моих телефонных звонков в Канаду.

– Что ты, черт возьми, имеешь в виду, говоря «чай или сахар»?

– Я просто имел в виду ровно то, что и сказал. Я не использовал никакого шифра.

– Пошел ты! – сказал сержант Шэлли.

Я решил, что не буду опускаться до его уровня, поэтому не стал ничего говорить. Когда я не смог ответить то, что он хотел услышать, он заставил меня встать, но стоял я с согнутой спиной, потому что мои руки были прикованы к ногам и полу. Сержант Шэлли довел температуру в камере до минимума и приказал охранникам следить за тем, чтобы все оставалось как есть до тех пор, пока он не решит иначе. Он много хлопотал, перед тем как уйти на ланч, чтобы он мог заставить меня страдать даже во время своего обеда, который длился минимум два или три часа. Сержант Шэлли любит поесть, он никогда не пропускал обед. Меня всегда удивляло, что он вообще смог пройти тест на физическую форму и стать военным со своим весом. Но я понял, что он был военным по одной важной причине. Он был совершенно бесчеловечным.

– Почему ты в тюрьме? – спросил меня он.

– Потому что ваша страна несправедлива, а моя страна не защищает меня?

– Теперь ты хочешь сказать, что мы, американцы, просто ищем тощих арабов, – сказал он.

Порой вместе с ним приходила лейтенант Роника, и для меня это было чем-то похожим на счастье. Я устал смотреть на безжизненное лицо, как у сержанта Шэлли. Когда приходила лейтенант, я чувствовал, что вижусь с человеком. Она предложила мне удобный стул, чтобы боль в спине не мучила меня, в то время как сержант Шэлли всегда настаивал на том,

чтобы я сидел на металлическом стуле или на грязном полу.

– Ты знаешь, что Ахмед Лаабиди торгует тем-то и тем-то? – спросила меня лейтенант Роника, назвав какие-то наркотики^[89].

– Какого черта вы имеете в виду? – спросил я.

– Ты знаешь, что она имеет в виду, – сказал сержант Шэлли.

Лейтенант Роника улыбнулась, потому что знала, что я не врал. Я на самом деле мог быть кем угодно, но не торговцем наркотиками, а сержант Шэлли просто мечтал навязать мне хоть какое-то преступление, неважно какое.

– Это вид наркотика, – ответила лейтенант Роника.

– Простите, я совсем не знаком с этими вещами.

Сержант Шэлли и его боссы осознали, что для того, чтобы сломать меня, нужно нечто большее, чем изоляция, угрозы и запугивание. Поэтому они решили ввести в игру нового следователя. Где-то в середине июля сопровождающая команда «Гольф» забрала меня и отвела в «Коричневый дом» для резервации. Команда сопровождающих была в замешательстве.

– Они сказали «Коричневый дом»? Это странно! – сказал один из охранников.

Когда мы вошли в здание, в нем не было ни одного наблюдающего охранника.

– Свяжитесь с ТОЦ^[90]! – сказал другой из моего сопровождения.

На другом конце провода им приказали оставаться со мной до тех пор, пока не придут мои следователи.

– Что-то здесь не так, – сказал первый охранник.

Сопровождающие не осознавали, что я понимаю, о чем они говорят. Они всегда думали, что заключенные не знают английский.

Руководство лагеря всегда старалось предупредить охранников. Знаки вроде «НЕ ПОМОГАЙТЕ ВРАГУ» и «НЕОСТОРОЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ ВЕДУТ К РАСКРЫТИЮ СЕКРЕТОВ» встречались нередко, но охранники все равно разговаривали друг с другом.

«Коричневый дом» был одновременно и обыкновенным местом для проведения допроса, и местом для пыток, и административным зданием. Сердце колотилось, я сходил с ума. Я просто ненавижу пытки. Стройная невысокая девушка вошла в камеру в сопровождении Мистера-Настоящего-Мужика, сержанта Шэлли. Штаб-сержант Мэри была молодой девушкой, которой было чуть за 30, ростом чуть больше 165 сантиметров, с длинными светлыми волосами, которыми она очень гордилась. Она служила в Национальной гвардии, и ее призвали на

службу после 11 сентября, как я потом узнал. Никто из них не поздоровался со мной и не снял с меня наручники.

– Что это такое? – спросила штаб-сержант Мэри, показывая пластиковый пакет с ручной дуговой сваркой внутри.

– Это индийские благовония, – ответил я. Это первое, что пришло мне в голову. Я подумал, что она хочет зажечь благовония во время допроса, что было хорошей идеей.

– Нет, ты ошибаешься! – Она едва ли не ткнула пакетом мне в лицо.

– Я не знаю, – сказал я.

– Мы нашли доказательства против тебя, нам больше ничего не нужно, – ответила штаб-сержант Мэри.

Я подумал: «Что тут происходит? Это часть той грязи, которую они хотят повесить на меня?»

– Это ручная дуговая сварка, которую ты прятал в ванной, – объяснила штаб-сержант Мэри.

– Как в моей камере вообще может быть эта штука, если вы или охранники не давали мне ее? К тому же я не контактирую ни с кем из заключенных.

– Ты смывленный и мог тайно пронести ее, – сказала штаб-сержант Мэри.

– Как?

– Отведите его в ванную, – приказала она.

Штаб-сержант Мэри позвала команду «Гольф», которая ждала снаружи. Охранники потащили меня в ванную. Я думал: «Неужели эти люди так хотят повесить на меня хоть что-то, типа вообще что угодно?» В это время старший офицер объяснял штаб-сержанту Мэри, как эти сварки оказались в камерах. Когда охранники отводили меня обратно, я услышал конец их разговора.

– Это обычное дело. Контрактники выбрасывают их в туалеты, когда заканчивают работать с ними.

Как только я вошел, все тут же замолчали. Штаб-сержант Мэри убрала сварку обратно в желтый конверт. Она никогда не называла мне своего имени, и я не ожидал этого от нее. Чем хуже намерения следователя, тем тщательнее он или она скрывает свою личность. Но один из коллег случайно назвал ее при мне по имени.

– Как ты теперь себя чувствуешь? – спросила меня штаб-сержант Мэри.

– У меня все отлично! – ответил я. На самом деле я страдал, но не хотел, чтобы они получали удовольствие от осознания, что добились своего.

– Думаю, ему слишком хорошо, – сказал сержант Шэлли.

– Слезай со стула! – сказала штаб-сержант Мэри, убирая стул из-под меня. – Я бы скорее позволила грязному фермеру сидеть на этом стуле, чем такому умнику, как ты, – продолжила она, когда мое тело упало на грязный пол.

Боль в спине из-за состояния моего седалищного нерва убивала меня. С 20 июня от него не было покоя. Сержант Шэлли, очевидно, начинал уставать от меня, поэтому его босс предложил ему свежую кровь. Теперь штаб-сержант Мэри могла полностью проявить себя. Она начала допрос. Она разложила передо мной фотографии подозреваемых в терактах 11 сентября. На фотографиях были Мохаммед Атта, Зиад Джарра, Марван Аль-Шеххи, Рамзи бен Аль-Схиб, Халид Шейх Мохаммед и другие.

– Посмотри на этих ублюдков, – сказала штаб-сержант Мэри. – Хорошо, теперь расскажи нам, что ты знаешь об этих ублюдках!

– Клянусь Богом, я не скажу ни слова при любых обстоятельствах.

– Вставай! Охрана! Если не встанешь, будет плохо, – сказала штаб-сержант Мэри.

Перед тем как пыточный отряд вошел в допросную, я встал с согнутой спиной: натянутые цепи связывали мои руки и ноги, я был полностью привязан к полу. Цепи не позволяли мне стоять прямо^[91]. До конца дня мне пришлось терпеть боль в каждой части своего тела. Я молча терпел ее до конца дня, пока мои мучители не устали и не отправили меня обратно в камеру. Я не сказал ни слова, будто меня там и не было. Ты, дорогой читатель, сказал им больше слов, чем я.

– Если тебе нужно воспользоваться уборной, вежливо попроси и скажи: «Пожалуйста, можно мне?», в ином случае делай свои дела в штаны, – сказала штаб-сержант Мэри.

Перед обедом штаб-сержант Мэри и сержант Шэлли уделили время оскорблениям моей семьи, в особенности моей жены. Ради моей семьи я не буду цитировать их уничижительные речи. Все время два сержанта предлагали мне только воду и холодную еду.

– Тебе нельзя есть горячую еду до тех пор, пока ты не будешь сотрудничать с нами, – сказал однажды сержант Шэлли.

Каждый раз когда они начинали пытаться меня, я отказывался пить или есть. Штаб-сержант Мэри принесла свой обед, чтобы подразнить меня.

– Вкуснятина какая, ветчина такая вкусная, – говорила она, пока ела свой обед.

Тот день был посвящен сексуальным домогательствам. Сержант Шэлли покинул допросную, чтобы наблюдать из соседней комнаты. Штаб-сержант Мэри стала касаться моего тела и сказала, что изнасиловала меня, если я откажусь говорить. «Честное предупреждение» – может сказать кто-то. Она медленно начала показывать самый убогий стриптиз, который вы только можете представить.

– Ты знаешь, закон не запрещает заниматься сексом с заключенными, – сказала она, снимая свою форму.

Она шептала мне на ухо: «Знаешь, я так хороша в постели» и «Американские парни любят, когда я шепчу им на ухо». Она говорила это и медленно раздевалась, надеясь, что я сломаюсь и освобожу ее от той боли, которую она причиняла сама себе. Было видно, что это не ее выбор действовать подобным образом. Но я не мог помочь ей и молчал. Она продолжала рассказывать об американских мужчинах и застенчиво хвалила себя, говоря фразы вроде: «У меня прекрасное тело».

Регулярно штаб-сержант Мэри предлагала мне другую сторону монеты.

– Если начнешь сотрудничать, я перестану приставать к тебе. Если не начнешь, я продолжу заниматься этим, и каждый день будет все хуже. Я очень хороша в этой работе, и поэтому мое правительство назначило меня на нее. Я всегда добивалась успеха. Заниматься с кем-то сексом не считается пыткой^[92].

Штаб-сержант Мэри вела монолог, пока сержант Шэлли наблюдал из соседней комнаты. Он постоянно заходил в допросную и пытался заставить меня говорить.

– Тебе не одолеть нас, у нас слишком много людей, и мы продолжим унижать тебя американским сексом.

– У меня есть одна пышногрудая знакомая, завтра я приведу ее с собой, – сказала штаб-сержант Мэри. – По крайней мере, *она будет* сотрудничать, – иронично добавила она. Она не раздевала меня, но терлась о мои интимные части тела.

Ближе к вечеру еще одна команда начала пытать другого заключенного. Я слышал, что играет громкая музыка.

– Ты хочешь, чтобы я отправила тебя к тем ребятам, или будешь сотрудничать? – спросила штаб-сержант Мэри.

Я промолчал. Охранники называли «Коричневый дом» «домом для вечеринок», потому что большинство пыток проводилось именно здесь, ночью, когда тьма окутывала жалкий лагерь.

Штаб-сержант Мэри отправила меня обратно в камеру, предупредив: «Сегодня только начало, дальше будет хуже».

Чтобы узнать, сколько пыток может выдержать заключенный, специальный отряд ЕОГ пользовался медицинской помощью. Меня отправили к врачу, офицеру ВМС. Я бы описал его как достойного и гуманного человека^[93].

– Вы собираетесь снимать с него цепи? Я не осматриваю людей с этим дерьмом на них, – сказал он сопровождающей команде «Гольф». – У этого джентльмена достаточно серьезные проблемы с седалищным нервом, – отметил он затем.

– Я не могу больше терпеть условия, в которых меня держат, – рассказал ему я. – Мне не дают обезболивающее и лекарства, которые мне необходимы, что удержаться на плаву.

Следователи устраивали допросы так, чтобы они совпадали со временем, когда я должен принимать лекарства. Мне выписали два препарата: таблетки для ослабления боли в седалищном нерве и ensure для компенсации потерянного веса, от которого я страдал с самого первого моего задержания. Обычно я принимал лекарства между четырьмя и пятью часами, поэтому следователи забирали меня так, чтобы в это время я точно был с ними и не принял лекарства. Хотя какой смысл давать мне обезболивающее, если следователи работают над тем, чтобы повредить мне спину, или плохо меня кормить, а потом позволить мне набрать вес?

– Я не так много могу сделать. Я могу написать рекомендацию, но решение остается за другими людьми. Ваш случай очень тяжелый! – сказал он мне.

Я вышел из больницы с небольшой надеждой, но мое положение только ухудшилось.

– Слушайте, врач сказал, что у меня высокое давление. Это очень серьезно, вы ведь знаете, что раньше я страдал от гипотонии, – сказал я штаб-сержанту Мэри, когда она забрала меня для допроса в следующий раз.

– Ты в порядке, мы разговаривали с врачом, – ответили следователи.

Тогда я осознал, что моим мучениям еще не пришел конец.

Пытки становились хуже с каждым днем. Охранники в блоке активно принимали участие в процессе. Следователи говорили им, что нужно делать с заключенными, когда их возвращали в блок. В мою камеру стучали, чтобы я не мог уснуть ночью. Они проклинали меня без причины. Постоянно будили, пока следователи не разрешали дать мне немного отдохнуть. Я никогда не жаловался на это своим следователям, потому что знал, что именно они все это и спланировали с охранниками.

Как и было обещано, штаб-сержант Мэри забрала меня утром. В камере я был один, и мне стало очень страшно, когда я услышал, как охранники несут тяжелые цепи и кричат: «Резервация!». Сердце заколотилось, потому что я всегда ожидал худшего. Но тот факт, что мне нельзя было видеть дневной свет, заставлял меня «полюбить» короткие переходы между моей чертовски холодной камерой и допросной. Для меня было счастьем, когда теплое солнце Гуантанамо согревало меня. Я чувствовал, что ко мне возвращается каждая частичка моего тела. Я всегда чувствовал это фальшивое счастье, и оно всегда длилось совсем не долго. Это как принимать наркотики.

– Как ты? – сказал один из сопровождающих охранников из Пуэрто-Рико на слабом английском.

– Я в порядке, спасибо. А вы?

– Не переживай, ты вернешься к своей семье, – сказал он.

Когда он произнес это, я не смог сдержать слез. В последнее время я стал таким ранимым. Что со мной не так? Всего лишь одного теплого слова в океане страдания было достаточно, чтобы довести меня до слез. Примерно в это время в лагере «Дельта» образовался полный пуэрториканский дивизион. Они отличались от остальных американцев, были не такими жестокими и враждебными. Иногда они позволяли заключенным принять душ в не отведенное для этого время. Их все любили. Но у этих людей были проблемы с теми, кто заправляет лагерями, из-за слишком гуманного подхода к заключенным. Я не могу объективно говорить о пуэрториканцах, потому что не так часто с ними встречался, но тем не менее, если вы меня спросите: «Ты когда-нибудь встречал плохого человека из Пуэрто-Рико?» – мой ответ будет отрицательным. Если вы спросите: «Атам вообще есть плохие люди?» – то я просто не знаю ответа. То же самое с людьми из Судана.

– Не снимайте с него цепи и не выдавайте ему стул, – сказал работник ТОЦ по радио, когда сопровождающая команда оставила меня в «Коричневом доме».

Штаб-сержант Мэри и обещанная пышногрудая женщина вошли в допросную. Они принесли фотографию чернокожего американца по имени Кристофер Поул, которого я видел однажды много лет назад в Афганистане.

– Сегодня мы поговорим об этом парне, Абдулмалеке, – сказала штаб-сержант Мэри после того как подкупила меня старым металлическим стулом^[94].

– Я уже рассказал вам, что знаю об Абдулмалеке.

– Нет, это вранье. Ты расскажешь нам больше?

– Нет, мне больше нечего рассказывать.

Новая женщина-следователь убрала металлический стул из-под меня и позволила мне упасть на пол.

– Теперь расскажи нам о Кристофере Поуле, также известном как Абдулмалек!

– Нет, мы уже проходили это, – сказал я.

– Да, ты прав. Раз мы уже проходили это, тебе нечего бояться, – сказала новая женщина-следователь.

– Нет.

– Тогда сегодня мы научим тебя великому американскому сексу. Вставай! – сказала штаб-сержант Мэри.

Я встал в ту же мучительную позу, в которой находился ежедневно на протяжении 70 дней. Я предпочел выполнять приказы и избежать боли,

которую причинят мне охранники, когда вступят в игру. Охранники использовали каждую возможность, чтобы избивать арестантов. «Заключенный проявил сопротивление» было святой истиной, которой они оправдывались, и угадайте, кому верили больше?

– Ты очень смысленный, потому что, если ты не встанешь, будет неприятно, – сказала штаб-сержант Мэри.

Как только я встал, обе женщины сняли с себя блузки и начали обсуждать самые грязные вещи, которые вы только можете представить. Более всего было терпеть то, что они заставляют меня принять участие в сексе втроем самым идиотским способом. Чего многие женщины не понимают, так это того, что мужчинам так же, как и женщинам, не нравится, когда их принуждают к сексу. Обе женщины буквально повесились на меня, одна была спереди, а другая женщина, постарше, терлась о меня сзади. Все это время они говорили мне неприличные вещи и играли с моими интимными частями тела. Здесь я избавлю вас от всех отвратительных и тупых фраз, которые мне пришлось слушать с полудня до 10 вечера, когда она передала меня Мистеру Иксу, новому персонажу, с которым вы скоро познакомитесь.

Если быть совсем честным, те женщины ни разу не раздевали меня, пока все происходило, на мне была форма. Старший следователь сержант Шэлли наблюдал за всем через одностороннее стекло из соседней комнаты. Все время я молился.

– Хватит, черт возьми, молиться! Ты занимаешься сексом с американскими шлюхами и молишься? Какой же ты лицемер! – злобно сказал сержант Шэлли, когда вошел в комнату.

Я не перестал молиться, и мне запретили проводить мои ежедневные молитвы в течение почти года. Также мне запретили поститься во время святого месяца Рамадана в октябре 2003 года и насильно кормили. На этой встрече я отказывался пить или есть, хотя они регулярно предлагали мне воду.

– Мы должны давать тебе еду и воду, но мы не против, если ты не поешь.

Еще они предложили мне самый отвратительный сухой паек, какой смогли найти в лагере. Мы, заключенные, знали, что следователи из ЕОГ собирали данные о том, какую еду заключенный любит и не любит, когда молится, и много других, просто смехотворных вещей.

Я надеялся, что меня вырубят, чтобы я наконец перестал страдать, и это было основной причиной для моей голодовки. Я понимал, что этих людей не особенно впечатляют голодовки. Конечно, они не хотели, чтобы я умер.

– Ты не умрешь, мы накормим тебя через задницу, – сказала штаб-сержант Мэри.

Я ни разу не чувствовал себя таким оскверненным, как тогда. До тех пор, пока меня не начали пытаться, чтобы я признался в преступлениях, которые не совершал. Ты, дорогой читатель, никогда не смог бы понять тот уровень физической и психологической боли, который испытывают люди в моей ситуации, как бы ты ни пытался поставить себя на чье-то место. Если бы я на самом деле совершил то, в чем они меня обвиняли, я бы сдался в самый первый день. Но проблема в том, что ты не можешь признаться в том, чего не совершал, ведь тебе нужно описать все в мельчайших подробностях, которых ты не знаешь, потому что ничего не совершал. Это не просто: «Да, я это сделал!» Нет, это так не работает. Ты должен рассказать полную историю того, что произошло, так, чтобы даже самый тупой человек ее понял. Одна из самых сложных вещей – рассказывать выдуманную историю и доказывать ее истинность. Конечно, я не хотел, чтобы ситуация дошла до того, чтобы мне пришлось признаться в преступлении, которого я не совершал. Особенно при нынешних обстоятельствах, когда правительство США прыгало от одного мусульманина к другому и пытались повесить на него хоть что-нибудь.

– Мы будем делать это с тобой каждый день, изо дня в день, пока ты не расскажешь нам об Абдулмалеке или не признаешься в совершении преступлений, – сказала штаб-сержант Мэри.

– Тебе нужно предъявить нам неопровержимые доказательства против одного из твоих друзей. Что-то вроде этого сильно поможет тебе, – сказал сержант Шэлли на одном из следующих допросов. – Зачем тебе терпеть все это, если ты можешь прекратить это в любой момент?

Я решил молчать во время пыток и разговаривать, когда они отпускали меня. Я понял, что даже когда я вежливо просил у следователей разрешения воспользоваться туалетом, что было базовой нуждой, то давал им контроль надо мной, который они не заслуживали. Я понимал, что это была не просто просьба об использовании уборной, что скорее они так унижали меня и принуждали говорить то, что они хотят слышать. Поэтому я отказывался и пить, и есть. Так мне не нужно было пользоваться уборной. И это работало.

Безумие этого момента делало меня сильнее. Я решил, что буду сражаться до последней капли крови.

– Мы сильнее тебя, у нас больше людей, у нас больше возможностей, и мы одолеем тебя. Но если будешь сотрудничать с нами, то начнешь нормально спать и получать горячую еду, – говорил сержант Шэлли много раз. – Если ты не сотрудничаешь, ты не ешь, не получаешь лекарства.

Унижения, сексуальные домогательства, страх и голод составляли мой распорядок примерно до 10 вечера. Следователи старались сделать так, чтобы я не знал точного времени, но никто не идеален. Их часы всегда раскрывали мне время. Я буду использовать эту ошибку позже, когда они отправят меня в неосвещенную одиночную камеру.

– Сейчас ты вернешься в свою камеру, но завтра ты испытаешь еще больше, – сказала штаб-сержант Мэри, посоветовавшись со своими коллегами.

Я был счастлив, что меня отпускают, я всего лишь хотел отдохнуть и побыть в одиночестве. Я был так измучен. Но штаб-сержант Мэри обманула меня, она просто провернула психологический трюк, чтобы сделать мне еще больнее. Я был еще очень далек от отдыха. ТОЦ, который принимал полноценное участие в пытках, прислал другой сопровождающий отряд. Как только я дошел до двери, ведущей к выходу из «Коричневого дома», то упал лицом на пол, ноги перестали держать меня, и я не чувствовал ни одну частичку своего тела. Охранникам не удалось поставить меня на ноги, поэтому им пришлось тащить мое тело.

– Верните этого ублюдка сюда! – крикнул Мистер Икс, знаменитость среди пыточных отрядов^[95]. Он был примерно моего возраста, ростом чуть больше 180 сантиметров, имел спортивное телосложение и носил специальную одежду для своей работы. Он ходил в темно-синем комбинезоне, но не вроде комбинезона пилота Воздушных сил, а как комбинезон работника скотобойни. Его лицо закрывала черная маска. Мистер Икс был осведомлен о том, что совершал серьезные военные преступления, поэтому его боссы приказали ему полностью закрыть себя. Но если в мире есть хоть какая-то справедливость, то они раскроют его. Мы знаем их имена и должности.

Когда я получше узнал Мистера Икса и услышал, как он разговаривает, я не понял, как такой умный человек может согласиться на такую идиотскую работу, которая точно будет преследовать его до конца жизни. Справедливости ради я должен сказать, что Мистер Икс говорил со мной убедительно, хотя не владел никакой информацией о моем деле. Возможно, у него особо не было выбора, потому что многие военные родились в бедных семьях, и иногда армия дает им самую грязную работу. Теоретически Мистер Икс мог отказаться совершать военные преступления, и, возможно, ему бы за это ничего не сделали. Позже я обсудил с охранниками, почему они запретили мне молиться, так как это было совершенно незаконно.

– Я мог бы отказаться, но тогда мой босс дал бы мне отвратительную работу или перевел в очень плохое место. Я знаю, что за то, что я сделал с тобой, мне самое место в аду, – рассказал мне один из них.

История повторяется: во времена Второй мировой войны немецких солдат не прощали, когда они начинали оспаривать полученные приказы.

– В последнее время ты усложняешь жизнь женщине-сержанту, – продолжил Мистер Икс, ведя меня с помощью охранников в темную камеру.

Он бросил меня на грязный пол. Комната была черна как смоль. Мистер Икс включил трек на очень большой громкости, я имею в

виду *очень* большой. Песня была «Let the bodies hit the floor», возможно, я никогда не забуду эту песню. В то же время Мистер Икс включил цветные мигающие лампы, свет которых резал мне глаза.

– Только попробуй уснуть, тогда я сделаю тебе больно, – сказал он.

Я был вынужден слушать эту песню снова и снова до следующего утра. Я начал молиться^[96].

– Черт возьми, хватит молиться, – сказал он громко.

К этому времени я уже очень устал и был напуган, поэтому решил молиться про себя. Мистер Икс регулярно давал мне воду. Я пил ее, потому что боялся, что он начнет избивать меня, если я откажусь. Я полностью перестал ощущать время.

Насколько мне известно, Мистер Икс отправил меня обратно в камеру где-то в пять часов утра.

– Добро пожаловать в ад, – сказала женщина-ВССБ^[97], когда я вошел в блок.

Я промолчал, потому что она того не стоила. Я подумал: «Ты заслуживаешь ада больше, чем я, потому что усердно работаешь, чтобы попасть туда!»

Когда Мистер Икс присоединился к команде, они организовали 24-часовой режим со сменами. Утренняя смена с сержантом Шэлли начиналась между 9:00 и 10:00 и заканчивалась между 15:00 и 16:00 часами. Дневная смена была за штаб-сержантом Мэри и длилась с 16:30 до 22:00 или 23:00 часов вечера. А ночная смена была за Мистером Иксом. Он принимался за меня сразу, как только штаб-сержант Мэри уходила, она буквально передавала меня ему. Это продолжалось до 24 августа 2003 года. Мне редко удавалось отдохнуть хотя бы от одной смены.

– Три смены! Это не слишком много для человека, которого допрашивают 24 часа в сутки, день за днем? – спросил я.

Штаб-сержант Мэри была наименьшим из всех зол, поэтому я старался говорить с ней по-человечески. Вы, должно быть, удивитесь, если я скажу вам, что она проявляла хорошие качества, как личность. Несмотря на то с какой силой я ненавидел то, что она делает, я должен быть справедливым и честным.

– Мы могли использовать больше персонала и сделать четыре смены. У нас достаточно людей для этого, – ответила штаб-сержант Мэри.

И это именно и произошло. Команда была дополнена молодым сержантом, и теперь вместо трех смен, я должен был иметь дело с четырьмя сменами все 24 часа.

– Ты облажался! – сказал сопровождающий охранник, который по ошибке провожал меня дважды за день из одного здания в другое. – Что ты здесь делаешь? Ты уже был в резервации!

– Меня допрашивают 24 часа.

Охранник громко засмеялся и злобно повторил: «Ты облажался!» Я просто посмотрел на него и улыбнулся.

На третий день сопровождающая команда показалась у моей камеры рано утром, как только я уснул после тяжелых 20 часов допроса. Вы знаете это состояние, когда вы только засыпаете и слюна начинает течь изо рта?

– Резервация! – крикнул один из охранников. Мои ноги еле несли меня. – Поторопись!

Я быстро умыл лицо и прополоскал рот. Я пользовался каждой возможностью оставаться чистым, хоть меня и лишили права пользоваться душем, которым обладали все заключенные. Команда хотела унижить меня.

– Какая вонь! – обычно говорил сержант Шэлли, когда входил в камеру, где меня допрашивали.

– Мужик, ты пахнешь как дерьмо! – говорил один из охранников более одного раза.

У меня появлялась возможность воспользоваться душем и переодеться только тогда, когда его низость сержант Шэлли не мог больше терпеть мой запах.

– Заберите парня и отведите его в душ. Он пахнет как дерьмо, – говорил он.

Только тогда я мог принять душ, и так продолжалось месяцы.

– Быстрее! – все время говорили охранники.

Меня забрали из блока «Индия» – блока, больше которого я ненавидел только допросные камеры. У меня болела голова, меня тошнило, была изжога от нескольких бессонных ночей подряд. Я ненавидел место, в которое меня вели.

Охранники оставили меня в «Коричневом доме». Никого в камере не было. Я дремал, дожидаясь сержанта Шэлли. Ох, шея так сильно болела. Я искренне хотел, чтобы он наконец пришел, потому что ненавидел спать вот так: по крайней мере, он насладится тем, что лишит меня сна. Сержант Шэлли – один из самых ленивых людей, что я встречал. Он не тратил время на ознакомление с отчетами, поэтому часто путал меня с другими подозреваемыми. Обычно он опаздывал, но все равно меня забирали рано утром, и поэтому я не мог поспать.

На самом деле новостей было немного. Сержант Шэлли и я смотрели друг на друга и обсуждали те же самые темы, прямо как в фильме «День сурка». Но со временем я стал сильно нервничать из-за отсутствия сна.

Распорядок дня всегда был именно таким. Сержант Шэлли начинал зачитывать какие-то бумаги, которые приносил с собой, и задавал мне вопросы.

– Какого черта ты поехал в Канаду?

– Я хотел найти работу и хорошо устроиться в жизни.

– Пошел ты! Вставай!

– Я лучше буду стоять вот так, пока не умру, чем буду разговаривать с таким уродом, как ты!

Заставив меня встать, сержант Шэлли убеждался в том, что охранники выполняют его приказы, пока он набивает живот во время обеда: каждый раз, когда я пытался поменять неудобное положение, охранники появлялись из ниоткуда и заставляли меня стоять прямо, насколько это возможно. Каждый следователь, с кем я был знаком, иногда пропускал прием пищи по какой-нибудь причине. Сержант Шэлли не пропускал его, несмотря ни на что.

– Если перестанешь отрицать свою причастность к преступлению, мы начнем кормить тебя горячей едой и позволим нормально спать. Мы сильнее тебя.

– Мне не нужно то, чего у меня нет.

– Мы бросим тебя в яму до конца твоей жизни. Ты уже осужден. Ты никогда не увидишь свою семью.

– Это решение принимаете не вы, но даже если и вы, то просто сделайте это. Чем скорее, тем лучше!

Иногда сержант Шэлли показывал мне пропагандистские плакаты с заключенными, которых якобы освободили.

– Посмотри на этого парня. Он преступник, но во всем признался и теперь может жить обычной жизнью.

Все следователи лгут, но ложь сержанта Шэлли была более чем очевидной. Хотя когда другие следователи начинали врать, по ним это было видно, а сержант Шэлли лгал точно так же, как и говорил правду. Его лицо всегда сохраняло гримасу ненависти.

Когда боль стала невыносимой, я был более расположен к переговорам, и он разрешал мне сидеть на неудобном стуле. Но вскоре он начинал кричать, потому что я не давал ответы, которые он хотел услышать.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы сломать тебя! – злобно сказал сержант Шэлли.

Он угрожал мне по-разному: «Ты проведешь остаток жизни в тюрьме», «Мы сотрем тебя из всех баз данных, закинем в яму, и никто не будет знать, где ты», «Ты никогда не увидишь свою семью». Мой ответ всегда был одинаковый: «Делайте, что считаете нужным! Я ничего не совершал!» Когда я произносил это, сержант Шэлли так сходил с ума, словно хотел сожрать меня заживо. Поэтому я избегал ответов и позволял ему говорить большую часть времени. Как я уже говорил, сержант Шэлли любил разговаривать и ненавидел слушать. Иногда я сомневался, работают ли у него вообще уши. Он говорил так, будто читал Евангелие.

Я просто пытался понять, почему он был так уверен, что я преступник.

– Сержант, а что, если вы ошибаетесь, подозревая меня? – спросил я.

– Тогда я просто теряю время, – ответил он.

– Справедливо.

– Если ты предоставишь нам информацию, доказывающую чью-то виновность, скажем, Карима Мехди или Ахмеда Лаабиди, и их дело закончится судом, твоя жизнь изменится к лучшему.

Я ничего не ответил, потому что у меня не было того, чего он хотел. Взгляд сержанта Шэлли на справедливость был очень суровым. Даже если бы я предоставил ему все, что он хотел, он смягчил бы мое наказание с электрического стула до пожизненного срока и потом, возможно, до 30 лет лишения свободы. Если честно, меня такое предложение совсем не интересовало.

В свою смену сержант Шэлли должен был отчитываться перед своим боссом во время перерывов. Я точно не знаю, кем был его босс в то время, но, скорее всего, это был Ричард Зулей. Но я уверен, что самым главным в цепочке командования Гуантанамо был генерал Джеффри Миллер. Еще я знал, что он осведомлен о моем деле и что это он давал приказы, что делать с «тем ублюдком». Мэри говорила, что президента Буша и Дональда Рамсфелда кратко вводили в курс моего дела. Дональд Рамсфелд даже отправил ко мне своего секретаря, большого темного джентльмена, которого, как сказали охранники, звали Батлер, чтобы тот проведal меня летом 2004 года. Он задал мне несколько важных вопросов. К тому времени напряжение уже немного спало^[98].

Дневную смену я провел с штаб-сержантом Мэри. Как я отмечал ранее, она была наименьшим из всех зол. Ее распорядок дня был таким. Забирая меня для допроса, она информировала ТОЦ, что стул не понадобится, поэтому я должен был сидеть на грязном полу. Но на самом деле даже такой возможности у меня не было, потому что ТОЦ всегда приказывал охранникам следить за тем, чтобы я стоял, пока не придет штаб-сержант Мэри. Затем она решала, могу я сесть или мне придется стоять всю смену, а после нее был Мистер Икс, который всегда заставлял меня стоять весь оставшийся день^[99].

Я начал тихо читать Коран, потому что молитвы были запрещены. Однажды она спросила меня в «Золотом доме»: «Почему ты не молишься? Давай, молись!» Я подумал: «Как мило с ее стороны!» Но когда я начинал молиться, она издевалась над моей религией, поэтому я молился про себя, чтобы не дать ей возможность богохульничать. Издеваться над чьей-то религией – это варварство. Президент Буш описал святую войну с так называемым терроризмом как войну между цивилизованным и варварским мирами. Но его правительство совершило больше варварских поступков, чем сами террористы. Я могу назвать тысячи военных преступлений, в которые вовлечено правительство Буша.

Тот день был самым тяжелым до примерно конца августа, когда наступил мой «день рождения», как назвала его штаб-сержант Мэри. Она привела кого-то, кто, очевидно, был морским пехотинцем. На нем был лесной боевой камуфляжный костюм. Он был маленького роста, но очень громким, и еще он принес с собой бумбокс.

Штаб-сержант Мэри предложила мне металлический стул.

– Я же говорила, что приведу помощников, чтобы допросить тебя, – сказала она, сидя в несколько дюймах от меня.

Гость сидел, будто привязанный к моему колену. Он начал задавать мне вопросы, которые я уже не помню.

– Да или нет?! – в какой-то момент закричал пехотинец так громко, как только можно представить, чтобы напугать меня или чтобы впечатлить штаб-сержанта Мэри, кто знает? Его метод показался мне крайне детским и глупым.

Я посмотрел на него, улыбнулся и сказал: «Ни то, ни другое!» Гость жестоко выбил стул из-под меня. Я упал прямо на цепи. Было очень больно.

– Вставай, мать твою! – закричали оба почти одновременно.

Затем началась сессия пыток и унижения. Заставив меня стоять, они вернулись к расспросам, но было уже слишком поздно, потому что я миллион раз говорил им: «Ровно в тот момент, когда вы начинаете пытать меня, я замолкаю». И я всегда держал свое слово, до конца дня разговаривали исключительно они.

Морской пехотинец довел температуру кондиционера до минимума, чтобы я начал замерзать. Этот метод практиковался в лагере с августа 2002 года. Я видел людей, которых подвергали такой пытке день за днем, к тому времени таких людей было уже много. Последствия этой пытки ужасные, например, ревматизм. Но проявляется он только через много лет, болезни требуется время, чтобы добраться до костей. Пыточный отряд был так хорошо натренирован, что они практически идеально совершали преступления, не оставляя никаких следов. Они никогда не доверялись воле случая. Они били в заранее определенные

места. Они практиковали ужасные методы, последствия которых проявятся только много позже. Следователи выкрутили кондиционер до минимума, пытаясь установить температуру в ноль градусов, но, очевидно, кондиционер разрабатывался не для того, чтобы убивать, поэтому они могли достичь только 9,4 градуса по Цельсию. Другими словами, было очень-очень холодно, особенно для того, кто провел там 20 часов в тонкой униформе и родился в жаркой стране. Человек из Саудовской Аравии не может спокойно пережить такой холод, как это сделает швед, и наоборот, когда дело касается высоких температур. Следователи принимали во внимание эти факторы и использовали их эффективно.

Вы можете спросить: «Где находились следователи после того, как оставляли заключенного в морозильной камере?» Вообще, это хороший вопрос. Во-первых, следователи не оставались в камере, они только приходили, чтобы унижить, оскорбить, обескуражить меня, после чего выходили из камеры и шли в соседнюю комнату, чтобы наблюдать за мной. Во-вторых, следователи были одеты адекватно. Например, Мистер Икс был одет так, будто заходил в холодильник на скотобойне. Но, даже несмотря на это, они не оставались с заключенным надолго. В-третьих, есть большая психологическая разница ощущений, когда вас загоняют в такую камеру для пытки и когда вы заходите туда ради развлечения. И напоследок, следователи ходили по камере, что означало циркуляцию крови и сохранение тепла в теле, в то время как заключенный все время был прикован к полу и стоял на месте. Все, что я мог делать, это двигать ногами и тереть руки. Но морской пехотинец не хотел, чтобы я тер руки, поэтому он запросил специальные цепи, которыми привязывали руки к бедрам. Когда я начинал нервничать, я всегда тер руки и писал на теле, и это сводило моих следователей с ума.

– Что ты пишешь? – закричал морской пехотинец. – Либо ты отвечаешь, либо тут же прекращаешь делать это.

Но я не мог остановиться, это было неосознанно. Морской пехотинец начал разбрасывать стулья по всей комнате, бил меня головой и осыпал самыми разными прилагательными, которых я не заслуживал.

– Ты выбрал не ту сторону, мальчик. Ты сражался за гиблое дело, – сказал он среди прочей пустой болтовни, оскорбляющей мою семью, религию и меня самого.

Не говоря уже о самых разных угрозах в адрес моей семьи за «мои преступления», что не имело никакого смысла. Я понимал, что у него нет власти, но знал, что он говорит от лица самой могущественной страны в мире, и, очевидно, ему нравилось, что его правительство полностью поддерживает его. Тем не менее, дорогой читатель, я не буду расписывать все его оскорбления. Этот парень псих. Он спрашивал меня о том, чего я совсем не знал, об именах, которые я никогда не слышал.

– Я был в Мавритании, – сказал он. – И знаешь, кто нас принимал? Президент! Мы отлично провели время во дворце.

Морской пехотинец задавал вопросы, и сам же на них отвечал.

Когда у парня не получилось впечатлить меня своими разговорами и унижениями, наряду с угрозами арестовать мою семью (так как мавританский президент был послушным слугой Соединенных Штатов), он принес ледяную воду и облил меня с ног до головы. Одежда все еще была на мне в тот момент. Это было ужасно, меня трясло так, будто у меня болезнь Паркинсона. Технически я больше не мог разговаривать. Этот парень был очень тупой, он буквально убивал меня, но очень медленно. Штаб-сержант Мэри приказала ему жестом перестать обливаться. Другой заключенный рассказал мне о «хорошем» следователе, который предложил ему поесть, чтобы уменьшить боль, но я отказывался что-либо есть. Все равно я не мог открыть рот.

Мэри остановила его, потому что боялась бумажной работы, которая ожидала ее в случае моей смерти. Поэтому он нашел новую технику, а именно принес CD-проигрыватель с усилителем и включил какой-то рэп. Я не возражал, потому что музыка помогала забыть о боли. На самом деле музыка была скрытым даром. Я пытался понять смысл слов. Все, что я понял, это то, что музыка была о любви. Можете поверить? Любовь! Все, что я переживал в последнее время, это сплошная ненависть.

– Слушай это, мать твою! – сказал морской пехотинец, жестоко закрывая дверь за собой. – Ты будешь слушать это день за днем и знаешь что?.. Будет только хуже. Сейчас это только начало...

Я продолжал молиться и игнорировать все, что они делали со мной.

– Аллах, помоги мне... Аллах, сжался надо мной, – штаб-сержант Мэри пародировала мои молитвы, – Аллах, Аллах... Нет никакого Аллаха. Он подвел тебя!

Я улыбнулся от того, какое невежество она проявила, говоря о Господе вот так. Но Господь очень терпелив, и Он не торопится с наказанием, потому что его никто не может избежать.

Заключенные знали распорядки в лагере. Если военная разведка верит, что ты скрываешь какую-то важную информацию, они пытаются тебя в лагере «Дельта» в блоке «Индия», но, если и это не работает, они похищают тебя и отвозят в секретное место, где никто не узнает, что с тобой будут делать. Пока я был в лагере «Дельта», двух человек похитили, и они исчезли. Это были Абдуллах Табарак Ахмад из Марокко и Мохаммед Аль-Квахтани из Саудовской Аравии^[100].

Мне стало казаться, что меня собираются похитить, потому что мое дело никак не продвигалось, так что я начал собирать информацию.

– Тот лагерь самый худший, – сказал молодой военный полицейский.

– Их не кормят? – поинтересовался я.

– Что-то вроде того, – ответил он.

Между 10 и 11 часами штаб-сержант Мэри передала меня Мистеру Иксу, который приказал охранникам отвести меня в специально подготовленную комнату. Было очень холодно, вокруг было много фотографий, демонстрирующих достижения США: оружие, самолеты и портреты Джорджа Буша.

– Не молись! Ты оскорбишь мою страну, если будешь молиться во время национального гимна. Мы самая великая страна в мире, и у нас самый мудрый президент, – сказал он.

Всю ночь мне пришлось слушать гимн США. Ненавижу гимны. Все, что я помню, это начало. «О, скажи, видишь ты...» раз за разом. Я был счастлив, что на меня не выливали ледяную воду. Сначала я пытался тихо молиться, но Мистер Икс внимательно наблюдал за мной через камеры и одностороннее стекло. «Черт подери, хватит молиться, ты оскорбляешь мою страну!» Я устал и был истощен, и последнее, что мне нужно было, это проблемы, поэтому я решил молиться про себя. Всю ночь меня трясло.

Между четырьмя и пятью утра Мистер Икс отпустил меня, но только для того, чтобы спустя пару часов сержант Шэлли пришел за мной, и все началось по новой. Но первый шаг всегда самый тяжелый, первые дни были самыми трудными, и с каждым прожитым днем я становился сильнее. Тем временем я был главной темой всех разговоров в лагере, хотя многие заключенные переживали то же самое, что и я. Я был «Преступником номер один», и ко мне соответствующе относились. Порой, когда я выходил на прогулку, заключенные кричали мне: «Сохраняй терпение. Помни, Аллах испытывает тех, кого любит больше всех». Подобные комментарии были моим единственным успокоением помимо моей веры в Господа.

Мои допросы практически не менялись. Те же холодные камеры, стояние часами, угрозы от следователей, что меня похитят и запрут навсегда^[101].

Мистер Икс заставил меня исписать тонны листов рассказами о своей жизни, но они его никогда не удовлетворяли. Однажды ночью он раздел меня, прибегнув к помощи блондинки и мужчины-охранника. Ожидая пытки холодной камерой, я надел шорты поверх штанов, и его это слишком взбесило, так что он приказал блондинке раздеть меня. Еще никогда я не чувствовал себя таким униженным. Я всю ночь простоял в ледяной комнате, молясь и игнорируя его гавканье и требования прекратить молиться. Мне было наплевать, что он собирается со мной сделать за это^[102].

Лидер группы, мистер Ричард Зулей, выполз из закулисья. Штаб-сержант Мэри несколько раз до его визита рассказывала мне об очень важном человеке из правительства, который собирается навестить меня и

поговорить о моей семье. Я принял эту новость положительно, думал, что он принесет какие-нибудь письма от моей семьи. Но я ошибался, речь шла о причинении вреда моей семье. Мистер Зулей неустанно накалял ситуацию.

Мистер Зулей прибыл около 11 утра. Его сопровождали штаб-сержант Мэри и новый мужчина-сержант. Он говорил кратко и прямолинейно:

– Меня зовут капитан Коллинз. Я работаю на Министерство обороны. Мое правительство жаждет получить от тебя необходимые сведения. Ты понимаешь?^[103]

– Да.

– Ты умеешь читать по-английски?

– Да.

«Капитан Коллинз» передал мне письмо, которое он, очевидно, подделал. Письмо было от Министерства обороны, и в нем говорилось, по сути, о том, что «ульд Слахи вовлечен в заговор „Миллениум“ и завербовал трех угонщиков для теракта 11 сентября. Если Слахи откажется сотрудничать, правительство США арестует его мать и поместит ее в особое учреждение».

Я прочитал письмо.

– Разве это не жестоко и несправедливо? – сказал я.

– Я здесь не для обеспечения правосудия. Я здесь для того, чтобы помешать людям взрывать самолеты о здания в моей стране.

– Тогда идите и остановите их. Я не сделал ничего плохого вашей стране, – сказал я.

– У тебя есть два варианта: либо ты будешь подсудимым, либо свидетелем.

– Я не хочу ни того, ни другого.

– У тебя нет выбора, иначе твоя жизнь решительно поменяется, – сказал он.

– Просто сделайте это, чем быстрее, тем лучше! – сказал я.

Ричард Зулей положил поддельное письмо обратно в сумку, сердито закрыл ее и вышел из комнаты. Мистер Зулей был главным в команде, которая занималась моим делом до августа или сентября 2004 года. Он всегда пытался убедить меня, что его настоящее имя капитан Коллинз, но чего он не знал, так это того, что мне было известно его имя еще до нашей встречи.

С того дня я не сомневался в намерениях «капитана Коллинза». Он всего лишь искал необходимый формальный повод похитить меня из лагеря и перевести в неизвестное место. «Твое пребывание здесь потребовало

много подписей. Мы потратили достаточно времени, чтобы доставить тебя сюда», – расскажет потом один из охранников. Еще «капитан Коллинз» готовил команду, которая должна была совершить похищение. Все эти планы разрабатывались втайне, все участники знали ровно столько, сколько нужно. Например, штаб-сержант Мэри не знала деталей плана.

В понедельник 25 августа 2003 года, около четырех часов вечера, штаб-сержант Мэри забрала меня для допроса в «Золотой дом». К тому моменту я уже провел выходные в блоке «Ромео», где совсем не было других заключенных, и был полностью изолирован от остального сообщества. Но я смотрел на это с хорошей стороны. Камера была теплее, и я мог видеть дневной свет, в то время как в блоке «Индия» я был заперт в ледяной камере.

– Теперь у меня полный контроль. Я могу делать с тобой все, что захочу. Я даже могу перевести тебя в Лагерь IV, – сказала штаб-сержант Мэри^[104].

– Я знаю, почему вы перевели меня в блок «Ромео», – сказал я. – Вы не хотите, чтобы я с кем-то виделся.

Штаб-сержант Мэри промолчала, она просто улыбнулась. Это больше походило на разговор двух друзей. Около 17:30 она принесла мне холодный сухой паек. К тому времени я уже привык к холодным порциям. Я не наслаждался ими, но страдал от нехватки веса как никогда раньше, и я знал, что обязан был есть, чтобы выжить.

Я начал есть сухой паек. Штаб-сержант Мэри все время входила и выходила, но в этом не было ничего подозрительного, она всегда так делала. Я едва закончил есть, когда внезапно мы с Мэри услышали шум, громко кричащих охранников («Я говорил тебе, ублюдок!»), громко топающих людей, лающих собак, громко закрывающиеся двери. Я замер на месте. Мэри не могла сказать ни слова. Мы смотрели друг на друга, не зная, что происходит. Сердце колотилось, потому что я знал, что какому-то заключенному не поздоровится. Да, этим заключенным был я.

Вдруг отряд спецназа, состоящий из трех солдат и немецкой овчарки, вломился в допросную комнату. Все произошло быстрее, чем мы могли подумать. Мистер Икс и охранник в маске сильно ударили меня, и я упал лицом в пол.

– Ублюдок, я же говорил, что тебе конец! – сказал Мистер Икс.

Его помощник продолжал избивать меня. В основном он бил по лицу и ребрам. Его тело тоже было полностью закрыто с ног до головы. За все время, пока он бил меня, он не проронил ни слова, потому что не хотел, чтобы его кто-то узнал. Третий мужчина был без маски. Он стоял у двери, держал собаку за ошейник и был готов натравить ее на меня в любой момент.

– Кто сказал вам сделать это? Вы покалечите заключенного! – закричала штаб-сержант Мэри, которая была напугана не меньше, чем я.

Мистер Икс командовал всеми охранниками и исполнял приказы «капитана Коллинза». Что касается меня, я не мог переварить эту ситуацию. Моя первая мысль была: «Должно быть, они перепутали меня с кем-то». Потом я подумал, что хочу осмотреться и постараться узнать тех, кто меня окружает, пока один из охранников вдавливал мою голову в пол. Я видел, что собака пыталась вырваться. Я видел, что штаб-сержант Мэри стояла и беспомощно смотрела на охранников, работающих со мной.

– Ослепите ублюдка, если он будет пытаться осмотре...

Один из них сильно ударил меня по лицу, быстро надел на меня защитные очки, звукоизолирующие наушники и маленький мешок на голову. Я не видел, кто это сделал. Они натянули цепи вокруг моих лодыжек и запястий, у меня потекла кровь. Я мог слышать только сквернословящего Мистера Икса. Я не сказал ни слова, я был слишком шокирован и думал, что меня собираются казнить.

Меня избили так, что я не мог подняться на ноги, поэтому Мистер Икс и другой охранник взяли меня за руки и потащили к грузовику. Как только они закинули меня внутрь, он тронулся. Вечеринка избиения будет продолжаться еще три или четыре часа, перед тем как они передадут меня другой команде, которая будет использовать другие пытки.

– Хватит молиться, мать твою, ты ведь убиваешь людей! – сказал Мистер Икс и сильно ударил меня по рту.

Из носа и рта потекла кровь, а губы стали такими большими, что я больше не мог разговаривать. Помощником Мистера Икса оказался один из моих охранников, высокий белый сержант под 30 лет, которого я называл Большой Босс. Мистер Икс и Большой Босс встали по обе стороны от меня и начали избивать и вдавливать меня в железные стенки грузовика. Один из них так сильно ударил меня, что я начал задыхаться. Я чувствовал, будто дышу через ребра. Они не знали, что я чуть не задохнулся. Мне было тяжело дышать из-за мешка на голове, к тому же они так часто били меня по ребрам, что в какой-то момент я совсем перестал дышать.

Я потерял сознание? Может, и нет. Помню только то, как несколько раз Мистер Икс давал мне нюхать нашатырный спирт. Забавно, но в то же время Мистер Икс был моим «спасителем», как и все охранники, с которыми я буду иметь дело весь следующий год, ну или почти все. Им было разрешено давать мне лекарства и оказывать первую помощь.

Через 10–15 минут грузовик остановился у пляжа, и команда сопровождения вытащила меня из грузовика и затащила на скоростной катер. Мистер Икс и Большой Босс не давали мне отдохнуть. Они все

время били меня. Мистер Икс много разговаривал, а Большой Босс молчал.

– Ты убиваешь людей, – сказал Мистер Икс.

Я думаю, он мыслил вслух: он знал, что совершает самое подлое преступление в мире, пытая беспомощного заключенного, который полностью подчинен его воле и добровольно сдался. Какой храбрый поступок! Мистер Икс пытался убедить себя, что он поступает правильно.

В катере Мистер Икс заставил меня пить соленую воду. Думаю, она была прямиком из океана. Это было так мерзко, что меня стошнило. Они кричали: «Глотай, ублюдок!» Но я решил, что не буду глотать соленую воду, которая наносит вред организму. «Глотай, идиот!» Я быстро все обдумал и решил, что лучше выпить мерзкую вредную воду, чем умереть.

Мистер Икс и сержант Большой Босс провели со мной на скоростном катере около трех часов. Эта поездка нужна была, чтобы, во-первых, подвергнуть арестанта жестоким пыткам и объявить, что «заключенный навредил себе во время транспортировки», и, во-вторых, заставить заключенного подумать, что его переводят куда-то очень далеко, в какую-то секретную тюрьму. Мы, заключенные, прекрасно это знаем. Некоторые арестанты рассказывали, что летели в самолете около четырех часов, а потом обнаруживали себя в той же тюрьме, откуда их забрали. С самого начала я знал, что меня переводят в лагерь «Эхо», который был примерно в пяти минутах от нас. У лагеря «Эхо» была отвратительная репутация. От одного только упоминания этого названия меня тошнило^[105]. Я знал, что вся эта долгая поездка нужна только для того, чтобы запугать меня. Но что это меняет? Следователи, которые пытаются меня, волновали меня куда больше, чем место, в котором меня будут держать. Независимо от того, куда меня переведут, я все еще буду заключенным Вооруженных сил Соединенных Штатов. А что касается выдачи меня третьей стране, я думал, что это меня уже не ждет, потому что восемь месяцев я провел в Иордании. Министерство обороны планировало заниматься моим делом самостоятельно. «11 сентября случилось не в Иордании, мы не хотим, чтобы другие страны совали свой нос в чужие дела, так, как это делаем мы», – однажды сказал Мистер Икс. Американцы, очевидно, были недовольны результатами работы их «пыточных союзников».

Но я думаю, что, когда начинаются пытки, все выходит из-под контроля. Пытки не гарантируют, что заключенный будет сотрудничать. Чтобы больше не страдать, заключенный должен угодить своему мучителю, даже неправдивыми и иногда запутывающими сведениями. Сортировка информации занимает слишком много времени. Опыт показывает, что пытки не способствуют исчезновению терактов и даже не уменьшают их количество: Египет, Алжир, Турция служат хорошими примерами. С другой стороны, спокойный разговор приводил к потрясающе хорошим

результатам. После неудачного покушения на египетского президента в Аддис-Абебе правительство достигло соглашения о прекращении огня с «Аль-Гамаа аль-исламийя», и те впоследствии предпочли вступить в политическое сражение. И все же американцы многому научились у своих союзников, практикующих пытки, пока работали рука об руку.

Когда катер достиг побережья, Мистер Икс и его помощник вытащили меня и посадили, заставив скрестить ноги. Я стонал от невыносимой боли.

– Ах... Ах... Аллах... Аллах... Я же говорил тебе, не шути с нами, не правда ли? – сказал Мистер Икс, пародируя меня.

Я надеялся, что смогу перестать стонать, потому что джентльмены продолжали пародировать меня и богохульствовать. Тем не менее стонать было необходимо, потому что только так я мог дышать. Я не чувствовал ног, потому что цепи мешали крови приливать к рукам и ногам. Я был рад каждому удару, потому что так я мог поменять свое положение.

– Не двигайся, ублюдок! – сказал Мистер Икс, но иногда я не мог не пошевелиться. Это стоило любого удара.

– Мы ценим всех, кто работает с нами, спасибо, господа, – сказал «капитан Коллинз».

Я узнал его голос. Хоть он и обращался к своим арабским гостям, я понимал, что это фраза относилась ко мне больше, чем к кому-либо. Был вечер, и защитные очки не спасали меня от света прожекторов высокой мощности.

– Мы рады это слышать. Может, мы заберем его в Египет, он все расскажет, – сказал араб, чьего голоса я никогда не слышал, с сильным египетским акцентом.

Основываясь на его речи и голосе, а позже и на его действиях, я думаю, этому парню было около 30 лет. Было слышно, что его английский очень плохой, он часто неправильно произносил слова. Я слышал неясные разговоры тут и там, а потом ко мне подошли египтянин и еще один парень. Теперь они говорили со мной на арабском.

– Какой трус! Вы, парни, просите прав? Полагаю, вы их не получите, – сказал египтянин.

– В Иордании нам нужно около часа, чтобы такой трус рассказал нам совершенно все, – сказал иорданец.

Очевидно, он не знал, что я уже провел восемь месяцев в Иордании, и чуда не произошло.

– Мы заберем его в Египет, – сказал египтянин, обращаясь к «капитану Коллинзу».

– Возможно, позже, – сказал «капитан Коллинз».

– Бедные американцы! Они балуют этих уродов. Но теперь мы поработаем с ними, – сказал египтянин, теперь обращаясь ко мне на арабском.

Когда я услышал о Египте и передаче, мое сердце заколотилось. Я ненавидел бесконечный тур по всему миру, в который меня насильно отправили. Я на самом деле думал, что отправка меня в Египет возможна, потому что знал, как сильно я раздражаю американцев. Правительство заблуждалось и до сих пор заблуждается по поводу моего дела.

– Но ты ведь знаешь, что в этой области мы работаем вместе с американцами? – сказал египтянин. И он был прав: йеменские заключенные рассказывали, что их одновременно допрашивали иорданские и американские следователи, когда их схватили в Карачи и затем перевели в секретное место 11 сентября 2002 года^[106].

После всех возможных угроз и оскорблений я перестал обращать внимание на пустую болтовню между арабами и их американскими коллегами и в какой-то момент углубился в свои мысли. Мне было стыдно, что моих единоверцев использовали для такой ужасной работы. Эту работу поручало государство, которое считается самым демократическим во всем мире, государство, которое «борется» с диктатурой и «сражается» за права человека. Как же правительство смеется над своим народом!

Что бы подумал среднестатистический американец, если бы он или она могли видеть, что делает их государство с людьми, которые не совершили никаких преступлений? Насколько стыдно мне было за своих арабских друзей, настолько я осознавал, что они точно не представляли собой среднестатистических арабов. Арабы – одни из лучших людей на планете, они чувственные, эмоциональные, щедрые, готовые пойти на жертвы, религиозные, милосердные и добродушные. Никто не заслуживает заниматься подобной работой, независимо от того, насколько он беден. Нет, мы намного выше этого! Если бы люди в арабском мире знали, что здесь происходит, они бы тут же возненавидели США, и обвинения в том, что США работают вместе с диктаторами в наших странах, подтвердились бы. У меня было чувство, а точнее, надежда, что эти люди не уйдут безнаказанными за свои преступления. Эта ситуация не заставила меня ненавидеть арабов или американцев, просто мне было жаль арабов. Какие же мы бедные!

Все эти мысли гуляли в моей голове и отвлекали меня от бессмысленных разговоров вокруг. Спустя примерно 40 минут, не могу сказать точнее, «капитан Коллинз» приказал арабам забрать меня. Двое парней схватили меня и, так как я не мог идти сам, потащили меня к катеру. Должно быть, я был совсем рядом с водой, потому что дорога до катера заняла мало времени. Я не знаю, посадили ли они меня в другой

катер или просто на другое сиденье. Это было жестким и с прямой спинкой.

– Шевелись!

– Я не могу!

– Шевелись, ублюдок! – Они отдали этот приказ, зная, что мне слишком больно.

В конце концов, у меня шла кровь изо рта, лодыжек, запястий и, возможно, из носа, не могу сказать точно. Но команда хотела сохранить фактор ужаса и страха.

– Садись! – сказал египтянин, который говорил больше других.

Они тащили меня вниз, пока я не ударился о металл катера. Египтянин сел справа от меня, а иорданец слева.

– Как тебя зовут, ублюдок? – спросил египтянин.

– Мох-хам-мед! – ответил я.

Вообще я не мог разговаривать из-за того, что губы опухли, а рот сильно болел. Я был невероятно испуган. Обычно я не разговаривал, если кто-то бил меня. В Иордании, когда следователи били меня по лицу, я отказывался говорить, игнорируя все угрозы. Мне было очевидно, что настал новый этап в истории моих допросов. Мне было больно, как никогда раньше. Это уже был не я, и я уже никогда не стану прежним. Жирная черта была проведена между прошлым и будущим, когда Мистер Икс нанес свой первый удар.

– Он как ребенок! – правильно подметил египтянин, обращаясь к своему иорданскому коллеге.

Я немного согрелся, пока сидел между ними, хоть и ненадолго. Вместе с американцами они приготовили для меня длинную программу пыток.

Я не мог сидеть прямо. Они посадили меня в какой-то толстый жилет, пристегнутый к сиденью. Мне было довольно комфортно. Но были и свои недостатки: мне так сильно давило на грудь, что я не мог нормально дышать. Помимо этого циркуляция воздуха была хуже, чем в первый раз. Не знаю, почему именно, но что-то явно шло не по плану.

– Я н-не м-мо-гу ды-шать...

– Всасывай воздух! – сказал египтянин иронично.

Я буквально задышался в мешке, который мне надели на голову. Все мои просьбы и мольбы дать мне немного свободно подышать игнорировались.

Я слышал неясные разговоры на английском, думаю, это был Мистер Икс, его коллега и, возможно, капитан Коллинз. Кто бы это ни был, они поставляли арабской команде материалы для пыток в течение трех- или четырехчасового пути. Порядок был такой: они забивали пустое

пространство между моей одеждой и телом кубиками льда с шеи до лодыжек, и, когда лед таял, они закидывали новые кубики. К тому же регулярно один из охранников бил меня, в основном по лицу. Лед служил как средством от боли, так и от синяков, которые появились у меня днем. Казалось, все было идеально подготовлено. Люди из холодных регионов могут не понять боль от того, что кубики льда прилипают к телу. В истории есть примеры, когда средневековые короли использовали этот метод, чтобы жертва медленно умирала. Другой метод – избивание ослепленного заключенного в неравные интервалы – использовался нацистами во времена Второй мировой войны. Нет ничего более ужасающего, чем заставлять кого-то ожидать нападения с каждым ударом сердца.

– Я из Хасе-Матруха, а ты? – спросил египтянин, обращаясь к иорданскому коллеге. Он говорил так, будто ничего не происходит. Было понятно, что он привык пытаться людей.

– Я с юга, – ответил иорданец.

Я старался молиться про себя. Было очень сложно вспомнить хоть какую-то молитву, но я точно знал, что мне нужна помощь Господа. Как и всегда, мои молитвы были именно об этом. Когда я был в сознании, я углублялся в мысли. Я наконец-то привык ко всему этому, к кубикам льда, к избиваниям. Но что было бы, если бы я сошел на землю в Египте спустя около 25 часов пыток? Как выглядел бы допрос там? Мамдух Хабиб, австралийский заключенный, который родился в Египте, однажды описал свою неудачную поездку из Пакистана в Египет. В ней было то же самое, через что прошел я: кубики льда, избивания – все совпадало с рассказом Мамдуха. Поэтому я ждал следующего этапа из его рассказов – электризованного бассейна. Сколько может выдержать мое тело, а особенно сердце? Я знаю немного об электричестве и его разрушительных и необратимых эффектах: я видел, как Мамдух падал без сознания несколько раз в неделю. Кровь текла из носа, пока его одежда не намокала. Мамдух Хабиб был тренером боевых искусств и имел спортивное телосложение^[107].

Я продумывал весь допрос, их вопросы, мои ответы. Но что, если они не поверят мне? Нет, они точно поверят, потому что куда лучше понимают терроризм, чем американцы, у них больше опыта. Культурный барьер между христианами и мусульманами существенно влияет на подход американцев к делу. Их главная задача – поймать как можно больше мусульман. Они всегда говорят о заговоре «Миллениум» против Соединенных Штатов. Меня лично допрашивали о людях, которые просто изучали основы религии, и им симпатизировали исламские движения. От меня требовали предоставить детальную информацию об исламских движениях, даже самую незначительную. Это удивительно для такой страны, как США, где христианские террористические организации, например, нацисты и белые расисты, имеют право и свободу выражать себя и открыто вербовать людей. Но мусульманина,

если он поддерживает взгляды исламской организации, ждут большие неприятности. Даже посещение той же мечети, в которую ходит подозреваемый, создает проблемы. Этот факт очевиден для каждого, кто хотя бы немного знаком с политикой США по отношению к исламскому терроризму.

Арабо-американская вечеринка закончилась, и арабы в очередной раз передали меня американской команде. Они вытащили меня из катера и швырнули, я бы сказал, в тот же грузовик, что и утром. Очевидно, мы ехали по очень грязной дороге.

– Не двигайся! – сказал Мистер Икс, но я уже не мог разобрать слов.

Не думаю, что в этот момент меня кто-то бил, но я был без сознания. Когда грузовик остановился, Мистер Икс и его сильный помощник вынесли меня и протащили по какой-то лестнице. Я почувствовал прохладный воздух камеры, и, бум, они бросили меня лицом на металлический пол моего нового дома.

– Не двигайся, я же говорил тебе не шутить со мной, ублюдок! – сказал Мистер Икс, его голос затихал.

Очевидно было, что он устал. Сразу после этого он ушел, пообещав вернуться с новыми пытками. То же самое сделала и арабская команда.

Вскоре после моего прибытия я почувствовал, что кто-то снимает с меня мешок, затычки и защитные очки. Это одновременно было больно и приносило облегчение. Больно, потому что они разрывали мне кожу, оставляя шрамы, а приятно, потому что теперь я наконец-то мог нормально дышать и голову больше ничего не сдавливало. Когда с меня сняли очки, я увидел мужчину в маске, который, казалось, был и врачом, и членом пыточной команды. На нем была военная униформа, но я не смог разглядеть его звания. Судя по тому, как он разговаривал, ему было немного за 30. Я понял, что это был доктор, но какого черта он скрывал лицо за маской, и почему он из армии США, если за оказание медицинской помощи заключенным отвечают Военно-морские силы?

– Если пошевелишься, тебе не поздоровится!

Интересно, как я вообще мог пошевелиться и чем я мог навредить? Я был закован, и каждая частичка моего тела болела. Это не доктор, а убийца!

Молодой парень осмотрел меня и понял, что ему понадобится больше лекарств. Он ушел и вскоре вернулся с медицинским снаряжением. Я быстро посмотрел на его часы. Было 1:30 ночи, а это означало, что прошло восемь часов с момента моего похищения из лагеря «Дельта». Доктор начал смывать кровь с моего лица. После этого с помощью охранников он положил меня на матрас, кроме которого в камере ничего не было.

– Не двигайся, – сказал охранник, стоящий надо мной.

Доктор обмотал мою грудь и ребра эластичными лентами. Затем они помогли мне сесть.

– Если попытаешься укусить меня, я сделаю тебе очень больно! – сказал доктор, давая мне кучу разных таблеток.

Я не отвечал. Они обращались со мной как с каким-то предметом. Через некоторое время они сняли цепи, и потом один из охранников кинул мне в камеру маленькое тонкое потрепанное одеяло. Кроме этого, в камере у меня ничего не было. Ни мыла, ни зубной щетки, ни коврика, ни Корана – ничего.

Я пытался поспать, но просто обманывал себя. Понадобилось какое-то время, чтобы лекарства подействовали. Затем я отключился и проснулся только тогда, когда один из охранников разбудил меня, ударив по двери камеры ногой.

– Вставай, кусок дерьма!

Доктор в очередной раз дал мне кучу лекарств и осмотрел мои ребра.

– С ублюдком я закончил, – сказал он, повернувшись ко мне спиной и направившись к выходу.

Я был так шокирован, что доктор ведет себя вот так, потому что 50 процентов лечения заключаются в психологии. Я подумал: «Это злое место, если единственное мое успокоение – это этот доктор-сволочь»^[108].

Вскоре я отключился. Если честно, мне особо нечего сказать о следующих нескольких неделях, потому что мое сознание было не в самом лучшем состоянии. Все время я лежал в кровати и не мог понять, где нахожусь. Я пытался найти киблу, направление к Мекке, но никаких зацепок не было.

VI

Гуантанамо Сентябрь 2003 – Декабрь 2003

Впервые в секретном месте. Мой диалог со следователями, и как я нашел способ утолить их жажду. Цепная реакция признаний. Добро приходит постепенно. Большое признание. Поворотный момент.

В лагере «Дельта» кибла обозначалась стрелкой в каждой камере. Даже призыв к молитве там звучал пять раз в день^[109]. США постоянно повторяли, что эта война – не против исламской религии, что вполне разумно, потому как бороться с такой большой религией, как ислам, стратегически невозможно. У себя в лагере «Дельта» они пытались

показать всему миру, как следует соблюдать религиозные права заключенных.

Но в секретных лагерях война с исламской религией была более чем очевидной. Дело не только в том, что не было указано направление к Мекке, но и в том, что молитвы были запрещены. Читать Коран было запрещено. Иметь Коран при себе было запрещено. Поститься было запрещено. Любые исламские ритуалы были строго запрещены. И это не какие-то слухи, я говорю о том, что происходило лично со мной. Не думаю, что среднестатистический американец платит налоги, чтобы поддерживать войну с исламом, но я действительно думаю, что в правительстве есть люди, которым очень не угодил ислам.

Первые несколько недель после моей «Вечеринки в честь дня рождения» я не имел ни малейшего представления, который час. Я не знал, день сейчас или ночь. Я мог только молиться про себя, лежа, потому что не мог стоять ни прямо, ни согнувшись. Очнувшись от летаргического сна, я все же попытался различить день и ночь. Это оказалось легко. Я смотрел в слив туалета, и, если водосток был ярко или приглушенно освещен, для меня это был день. Мне удалось втайне от охраны помолиться, но сержант Большой Босс раскрыл меня.

– Он молится! – закричал Большой Босс и позвал коллегу. – Ну же!

Они надели свои маски.

– Хватит молиться!

Я не помню, в каком положении закончил молитву и закончил ли я ее вообще. В качестве наказания сержант Большой Босс запретил мне пользоваться уборной какое-то время.

Как только наблюдающий доктор сообщил, что моя боль прошла, наступило время бить меня, пока раны не зажили окончательно, согласно поговорке «куй железо, пока горячо». Услышав какую-то суматоху за дверью и узнав голоса «капитана Коллинза» и его коллеги из Египта, я вспотел, голова закружилась, и я не мог стоять на ногах^[110]. Сердце колотилось так сильно, что я думал, что оно вылетит через рот. Слышались нечеткие разговоры между «капитаном Коллинзом» и охранниками.

– Ми-истер Ко-олли-инз, позво-ольте мне-е увиидеться с ни-им, – протяжно сказал египтянин на английском «капитану Коллинзу». – Если бы только ми-истер Ко-олли-инз позволил мне войти и немного поговорить с тобой, – сказал египтянин на арабском, обращаясь ко мне.

– Отойди, я должен встретиться с ним один, – сказал «капитан Коллинз».

Меня трясло, пока я слушал споры американцев и египтян о том, кто будет допрашивать меня. Мне казалось, что меня, живого и беспомощного, готовят к вскрытию.

– Ты будешь сотрудничать независимо от того, согласен ты на это или нет. Ты можешь выбрать: цивилизованно, как я предпочитаю, или по-другому, – сказал «капитан Коллинз», когда охранники вытащили меня из камеры. Фоном звучал лай египтянина и его угрозы, он обещал мне самую болезненную расправу.

– Я сотрудничаю, – сказал я очень тихим голосом.

Прошло много времени с тех пор, как я разговаривал в последний раз, и мой рот уже отвык. Мышцы сильно болели. Я был невероятно напуган. Охранник в маске для Хэллоуина, Большой Босс, буквально преследовал меня, он ходил вокруг и был готов нанести удар быстрее, чем я моргну.

– Нет, хватит отрицать. Нас не интересуют твои отпирательства. Не шути со мной, – сказал «капитан Коллинз».

– Я ничего не отрицаю.

– Я назначу нескольких следователей для твоего допроса. Кого-то из них ты знаешь, кого-то нет.

– Хорошо, – сказал я.

Разговор закончился. «Капитан Коллинз» приказал охранникам вернуть меня в камеру и ушел.

Затем произошло «чудо»: сержант Шэлли добрался до моего «далекого-далекого секретного места».

– От тебя так много неприятностей, ну, в Париже было не так плохо, но в Мавритании погода была ужасной. Я сидел за соседним столиком с Каримом Мехди, и, когда я спросил его: «Кто завербовал тебя для „Аль-Каиды“?», он назвал твое имя. То же самое с Кристианом Ганцарски. Они оба сейчас работают с нами. Ты знаешь, ты часть организации, которую свободный мир хочет стереть с лица земли, – сказал сержант Шэлли.

Я внимательно слушал и не мог понять. Свободный мир? В тот момент я думал: «Я что, правда должен слушать всю эту чушь?» Вместе с сержантом Шэлли была та женщина-сержант, которую штаб-сержант Мэри привела с собой два месяца назад, чтобы та помогала до меня.

– Знаешь, в тюрьме кто первый заговорит, выигрывает. Ты проиграл, а Карим Мехди выиграл. Он все рассказал про тебя, – сказала женщина-сержант. – Хорошая новость в том, что нам не нужно пачкать о тебя руки, вместо нас этим займутся израильтяне и египтяне, – продолжила она. Все это время она сексуально провоцировала меня, трогая за все части тела. Я молчал и не оказывал никакого сопротивления. Я сидел там как камень ^[111].

– Почему он так сильно трясется? – спросила женщина-сержант.

– Я не знаю, – ответил сержант Шэлли.

– Его руки безумно потеют!

– Если бы я был на его месте, со мной происходило бы то же самое, – сказал сержант Шэлли. – Думаешь, это место как лагерь «Дельта», где ты справлялся с каждой нашей попыткой сломать тебя? Здесь тебе не выжить, если продолжишь играть с нами, – сказал он.

– О чем вы говорите? – поинтересовался я.

– О твоей поездке в Словению. Ты рассказал мне про нее только потому, что знал, что я знаю о ней. Итак, ты будешь сотрудничать с нами? – спросил он.

– Я и так сотрудничал, – сказал я.

– Нет, не сотрудничал, и угадай что? Я напишу в отчете, что ты полон дерьма, и другие ребята позаботятся о тебе. Египтянин очень интересуется тобой!

Тем временем женщина-сержант перестала домогаться до меня, так как я не проявлял сопротивления.

– Что с ним не так? – поинтересовалась она в очередной раз.

– Я не знаю. Может, здесь он слишком расслаблен? Возможно, нам стоит немного лишить его сна, – сказал сержант Шэлли.

Он попросил сержанта охраны отойти в сторону, чтобы поговорить, и прошептал что-то, что, как мне показалось, имело отношение к моей следующей пытке. Каждый раз, когда он отводил кого-то в сторону для разговора, я знал, что для меня это ничем хорошим не обернется. Я никогда в жизни не видел такого неэмоционального человека, как он. Он говорил о том, чтобы лишить меня сна, не меняя интонации и выражения лица. Я имею в виду, что независимо от религии или расы мы, люди, всегда проявляем хоть какое-то сочувствие к страдающим людям. Лично я не могу не расплакаться, когда читаю грустную историю или смотрю печальный фильм. Я могу спокойно признать это. Кто-то может сказать, что я слабый. Ну что ж, пусть будет так!

– Ты должен попросить «капитана Коллинза» простить тебя за ложь и начать все сначала, – сказала женщина-сержант. Я ничего не ответил. – Начнем с малого. Расскажи нам что-нибудь, что ты еще не рассказывал! – продолжила она.

У меня не было ответа на это подлое и бессмысленное предложение.

– Твоя мама – пожилой человек. Не знаю, как долго она сможет продержаться в тюрьме, – сказал сержант Шэлли.

Я понимал, что это пустые угрозы. Но еще я понимал, что правительство было готово на все, что угодно, чтобы вытащить из меня информацию, даже если для этого придется покалечить кого-то из моих родных, особенно если учесть, что Мавритания слепо сотрудничает с США. Я говорю о том, что правительство США имеет большее влияние на мавританцев, чем на американцев, вот как далеко зашло их сотрудничество. Жителя США нельзя арестовать без надлежащей

правовой процедуры, но жителя Мавритании – можно, при этом его арестовывает правительство США! Я всегда говорил своим следователям: «Допустим, я преступник. Получается, к американскому преступнику вы относитесь гуманнее, чем к неамериканцу?» И у большинства из них не было ответа. Но я уверен, что американцам повезло не намного больше. Я слышал о многих случаях, когда их задерживали и обвиняли по ошибке, особенно мусульман и арабов, во имя «Войны против терроризма». Неважно, американец ты или нет, как говорится в немецкой пословице: «Heute die! Morgen du!»^[112]

Было очень сложно начать разговор с сержантом Шэлли. Даже охранники ненавидели его. В тот день мы с ним не сдвинулись с места. Я просто не смог найти хоть что-то, за что можно было зацепиться в его речи, чтобы в итоге дать ему понять, что мне нечего рассказать. Что касается женщины-сержанта, ее прислали только для того, чтобы сексуально домогаться до меня, но я был на той стадии, когда совсем ничего не испытывал по отношению к женщинам. Таким образом, ее миссия была обречена на провал с самого начала.

– Ты знаешь, каково это, почувствовать наш гнев, – сказал сержант Шэлли и ушел, оставив меня наедине со своими угрозами лишения сна и голодания, которые я считал реальными и серьезными.

Охранники грубо закинули меня обратно в камеру.

За следующие несколько дней я чуть не сошел с ума. План моего допроса был примерно таким: меня должны были похитить из лагеря «Дельта» и доставить в секретное место. Предполагалось, что я поверю, что меня привезли на далекий-далекий остров. «Капитан Коллинз» должен был сообщить мне, что мою маму задержали и отправили в специальное учреждение.

В секретном месте психические и психологические страдания должны быть доведены до предела. Я не должен был различать день и ночь. Я не знал ни точной даты, ни времени. Все мое время состояло из сводящей с ума темноты. Мой рацион намеренно испортили. Долгими промежутками я голодал, а затем мне давали еду, но не позволяли ее съесть.

– У тебя три минуты. Ешь! – кричал на меня охранник, а через 30 секунд забирал тарелку. – На этом все!

Бывало и наоборот: мне давали слишком много еды, охранник приходил в камеру и заставлял меня съесть все. Когда я просил воды, потому что еда застревала в горле, он наказывал меня, заставляя выпить две бутылки воды, объемом 0.7 литра каждая.

– Больше не могу пить, – сказал я, когда почувствовал, что живот вот-вот лопнет.

Но сержант Большой Босс кричал и угрожал мне, прижав меня к стене и замахнувшись для удара. Я подумал, что лучше буду пить, и я пил, пока меня не стошнило.

На всех охранниках были маски для Хэллоуина, как и на врачах. Им сообщили, что я высокоопасный преступник, невероятно умный террорист. Они заставили называть их именами персонажей из «Звездных войн», главного охранника нужно было называть Мастер Йода.

– Знаешь, кто ты? – спросил друг Йода. – Ты террорист, который помог убить 3000 человек!

– Действительно помог! – ответил я.

Я понял, что бесполезно обсуждать мое дело с охранником, особенно, когда он ничего не знает обо мне. Все охранники были враждебно настроены. Они оскорбляли меня, кричали и все время заставляли меня проходить что-то вроде базовой военной подготовки. «Вставай». «Подойди к щели». «Стоять!» «Забирай это дерьмо!» «Ешь». «У тебя две минуты!» «С тебя хватит!» «Отдавай это дерьмо!» «Пей!» «Лучше тебе выпить до дна!» «Шевелись!» «Сядь!» «Не садись, пока я не разрешу!» «Обыщите этот кусок дерьма!» Большинство охранников не нападали на меня, но сержант Большой Босс однажды бил меня, пока я не упал лицом на пол, и каждый раз, когда он и его помощники забирали меня, заставляли бежать в тяжелых цепях, крича: «Шевелись!»

Сон был запрещен. Чтобы это обеспечить, каждый час или два (в зависимости от настроения охранников) мне давали бутылку воды объемом 0.7 литра, 24 часа в сутки. Последствия были сокрушительны. Я не мог закрыть глаза и на 10 минут, потому что большую часть времени мне приходилось сидеть над раковиной. Позже я спросил одного из охранников:

– Почему водная диета? Почему вы просто не заставляете меня стоять, как в лагере «Дельта»?

– Заключенному доставляет больше психологических мук тот факт, что он не может заснуть сам, без каких-либо приказов, – сказал Мастер Йода. – Поверь мне, ты еще ничего не видел. Мы оставляли заключенных раздетыми под душем на несколько дней, где они ели и испражнялись, – продолжил он.

Другие охранники рассказывали мне о других пытках, о которых я предпочел бы не знать.

Мне разрешалось говорить три фразы: «Да, сэр!», «Мне нужен мой следователь!» и «Нужен врач». Порой вся команда охранников вламывалась ко мне в камеру, вытаскивала меня, приставляла к стенке и выкидывала все, что было в камере, крича и оскорбляя меня, чтобы унижить. Это еще не все: меня лишили всего, что нужно заключенному, кроме матраса и маленького тонкого старого одеяла. В течение первых

недель у меня также не было душа, возможности постирать одежду, почистить зубы. У меня чуть не завелись вши. Мой запах сводил меня с ума.

Никакого сна. Водная диета. Каждое движение за дверью заставляло меня вскочить в военную стойку, сердце колотилось. Аппетита просто не существовало. Каждую минуту я ждал следующую пытку. Я надеялся, что умру и отправлюсь в рай: неважно, насколько я грешен, эти люди не могут быть милосерднее Бога. Неизбежно мы все предстанем перед Господом и будем просить прощения, признавая все наши слабости и грехи. Я едва мог вспомнить какие-либо молитвы, все, что я мог сказать, это: «Прошу, Боже, смягчи мою боль...»

У меня начались галлюцинации, и я слышал голоса, ясные как день. Я слышал, как моя семья беседует, но не мог присоединиться к ним. Я слышал, как читают Коран небесным голосом^[113]. Я слышал музыку своей страны. Позже охранники стали использовать эти галлюцинации и говорить смешными голосами через трубы, призывая меня к нападению на охранников и попытке побега. Но они не повлияли на меня, хотя я им и подыгрывал.

– Мы слышали кого-то, возможно, джинна! – часто говорили они.

– Да, но я его не слушаю, – отвечал я.

Тогда я осознавал, что был на грани потери разума. Я начал разговаривать сам с собой. Хотя я и пытался изо всех сил убедить себя, что нахожусь не в Мавритании, что я далеко от семьи, что я никак не могу слышать их, я все равно слышал голоса, постоянно, днем и ночью. Ни о какой психологической помощи даже речи не шло, да и вообще о любой медицинской помощи, кроме визитов того ублюдка, которого я не хотел видеть.

Я не мог найти выход самостоятельно. Я не знал, день на дворе или ночь, но предположил, что была ночь, потому что водосток был довольно темным. Я собрался с силами, попытался угадать, где кибла, встал на колени, и начал молиться Богу. «Прошу, наставь меня на путь. Я не знаю, что мне делать. Я окружен беспощадными волками, которые не боятся Тебя». Пока я молился, я расплакался, хотя и приглушенно, чтобы охранники не услышали. Вы знаете, что есть серьезные молитвы, а есть ленивые. Жизнь научила меня, что Бог всегда отвечает на твои серьезные молитвы.

– Сэр, – сказал я, когда закончил молиться.

Один из охранников в маске для Хэллоуина подошел ко мне.

– Что? – сухо и холодно спросил охранник.

– Я хочу увидеть «капитана Коллинза». Не сержанта. Мне нужен главный, – сказал я.

– Ты имеешь в виду мистера Зулея? – Упс, охранник только что совершил огромную ошибку, раскрыв мне настоящее имя «капитана Коллинза». На самом деле я уже знал это имя, потому что когда-то давно видел его на одном из документов сержанта Шэлли, и если вы можете сложить два и два, то загадка легко разгадывается^[114].

– Да, я имею в виду того, кто принимает решения, не сержанта. – Я действительно хотел поговорить с кем-то, кто, вероятно, поймет меня, а не с сержантом Шэлли, который едва ли что-то понимал. Но мистер Зулей не пришел. Вместо него я увидел сержанта Шэлли.

– Ты просил о встрече с «капитаном Коллинзом»?

– Просил.

– И ты просил, чтобы меня здесь не было?

– Просил.

– Что ж, я работаю на «капитана Коллинза», и он прислал меня к тебе, – сухо сказал сержант Шэлли.

– Хорошо, мне нетрудно сотрудничать с вами так же, как я сотрудничал бы с «капитаном Коллинзом». Тем не менее я бы также попросил женщину-штаб-сержанта принимать участие в допросах, – сказал я.

– Не я принимаю такие решения, но полагаю, что с этим проблем не будет, – сказал он.

– Я умираю от голода, я хочу, чтобы вы сказали охранникам дать мне немного поесть.

– Если начнешь сотрудничать, получишь больше еды. Я приду немного позже, чтобы допросить тебя. Но хочу сказать, что ты сделал правильный выбор.

Признания как бусинки в ожерелье: если одна падает, остальные падают за ней.

Если говорить откровенно, здесь я рассказываю о многих вещах, которые укрывал из страха. Я не мог найти места, где я могу спокойно обсудить свое дело в расслабленной обстановке. Мне было не в чем сознаваться, и именно на этом я застрял со своими следователями. Из разговоров с ФБР и Министерством обороны я прекрасно понимал, что обо мне думает правительство.

– Мы знаем, что ты прибыл в Канаду, чтобы спланировать атаку на Соединенные Штаты, – сказал сержант Шэлли.

– И в чем заключался мой злобный план?

– Может, не именно навредить США, а атаковать Си-Эн Тауэр в Торонто? – сказал он.

Я подумал: «Этот парень сумасшедший? Я никогда не слышал про такую башню».

– Вы осознаете, что, если я признаюсь в таком преступлении, мне нужно будет вовлечь других людей! Что, если окажется, что я обманул вас? – ответил я.

– И что?.. Мы знаем, что твои друзья плохие, так что, если их арестуют, даже если ты врешь про Ахмеда Лаабиди, нам будет все равно, потому что они плохие.

Я подумал: «Какая же сволочь! Он хочет отправить в тюрьму невинных людей, просто потому, что они мусульманские арабы! Это безумие!» Так сержант Шэлли многое рассказал мне о конкретном преступлении, в котором я мог признаться, не противореча версии разведки.

– В Штатах, если я рекомендую кому-то хорошую школу, а все заканчивается тем, что этот человек устраивает стрельбу и убивает людей, это моя ошибка? – спросил меня однажды Шэлли.

– Нет!

– Значит, если ты завербовал кого-то для «Аль-Каиды», это не твоя вина, если они станут террористами, – сказал он.

– Единственная проблема в том, что я никого не вербовал.

Сержант Шэлли объяснил мне более понятным языком:

– Нам все равно, помогал ты бен Аль-Схибу и двум другим угонщикам добраться до Чечни или нет. Нас интересует только, отправил ли ты их к своему двоюродному брату Абу Хафсу.

Итак, по словам сержанта Шэлли, я могу прекратить пытки, если скажу, что завербовал бен Аль-Схиба и двух угонщиков. Если быть с вами честным, они заставили меня поверить в то, что я завербовал Рамзи бен Аль-Схиба. Я думал: «Боже, должно быть, я завербовал его еще до моего рождения!»

– Выглядит как собака, ходит как собака, пахнет как собака, лает как собака, должно быть, это собака. – Агент Роберт постоянно говорил это во время допроса.

Звучало ужасно, я знаю, что я не собака, и тем не менее, должно быть, я собака. Вся полицейская идея о том, что нужно проворачивать всевозможные трюки, чтобы удержать заключенного в тюрьме, повесив на него как можно больше преступлений, мне непонятна. Я просто верю в то, что невиновный подозреваемый будет освобожден. Как говорил справедливый легендарный арабский король Омар: «Я скорее освобожу преступника, чем арестую невинного человека».

Агент Майкл объяснил сюжет вербовки так: «Бен Аль-Схиб сказал, что ты помог ему добраться до Чечни, предложив ему сделать остановку в Афганистане, потому что Грузия выдворяла моджахедов. Более того,

когда я спросил бен Аль-Схиба, что он думает о твоих связях с „Аль-Каидой“, он сказал, что считает тебя их вербовщиком».

– Я убежден, что без твоей помощи 11 сентября никогда бы не случилось, – заключил Майкл.

Согласно его теории, я был организатором, все, что мне нужно было сделать, – признать это. Многие следователи спрашивали меня: «Что ты знаешь об „Аль-Каиде“ в Германии и Канаде?» Если честно, я никогда о таком не слышал. Я знаю об организациях «Аль-Каиды», но я не знаю о группировках «Аль-Каиды» в других странах, хотя это и не означает, что их нет.

Роберт продолжил развивать этот вопрос.

– Ты лидер, ты нравишься людям, они уважают тебя и готовы идти за тобой, – говорил он мне много раз. Как видите, для меня все было готово. Я – не только часть «Аль-Каиды» в Германии и Канаде, но еще и лидер.

Много раз я оспаривал дело бен Аль-Схиба с Робертом.

– Исходя из ваших слов, я завербовал Рамзи и двух его друзей для «Аль-Каиды», – сказал я.

– Да.

– Хорошо, но это обвинение требует множества других вещей и совпадений.

– Например? – спросил он.

Во-первых, я объяснил, что предположительно я знал бен Аль-Схиба, но сам Рамзи сказал, что видел меня всего один раз, а этого недостаточно, чтобы узнать кого-то, а уж тем более завербовать. Во-вторых, должно быть, бен Аль-Схиб не знал, что я завербовал его, потому что он заявляет только о том, что я рассказал ему, как добраться до Чечни.

– Исходя из ваших слов, – сказал я ему, – я сказал ему отправиться через Афганистан, но что давало гарантии, что он останется в Афганистане? А если он каким-то чудесным образом останется в Афганистане, что гарантирует, что он пойдет обучаться? А если он будет обучаться, что гарантирует, что он соответствует критериям «Аль-Каиды»? И если каким-то образом он соответствует критериям «Аль-Каиды», как я мог узнать, что он готов стать террористом-смертником и готов научиться летать? Это просто абсурд!

– Но ты очень умен, – сказал агент Роберт.

– При таких условиях я согласен, я не просто умен. Я экстрасенс! Но почему вы, ребята, думаете, что я такой злой?

– Мы не знаем, но умные люди не оставляют никаких следов. Например, у нас был агент ФБР, который работал на Россию 20 лет и остался незамеченным^[115], – сказал Роберт.

– У нас есть люди, которые все еще верят, что ты работал с Рессамом, – сказала штаб-сержант Мэри, когда я попросил не спрашивать меня об Ахмеде Рессаме, потому что ФБР закрыло его дело после того, как он начал сотрудничать.

– Очевидно, далеко мы с вами не уйдем, – обратился я к штаб-сержанту Мэри.

– Я рассказываю тебе, как нам решить все твои проблемы! – ответила она.

Теперь благодаря невыносимой боли, от которой я страдал, мне было нечего терять, и я позволил себе говорить что угодно, чтобы удовлетворить своих мучителей. С момента, когда я позвал «капитана Коллинза», допросы шли один за другим.

– Людям очень нравится то, что ты говоришь, – сказал сержант Шэлли после первого допроса.

Я ответил на все его вопросы максимально инкриминирующе. Я делал все возможное, чтобы казаться крайне плохим, а это именно то, что нужно, чтобы осчастливить следователей. Я мысленно был готов провести остаток жизни в тюрьме. Видите ли, большинство людей могут смириться с тем, что их несправедливо посадили в тюрьму, но никто не способен выдержать ежедневную агонию до конца своей жизни.

Сержант Шэлли начал больше походить на человека, хоть и на плохого.

– Я пишу отчет, будто это статьи в газетах, и члены сообщества предлагают свои комментарии. Они очень довольны, – сказал сержант Шэлли.

– Как и я, – сказал я. Меня интересовало новое полусчастливое лицо сержанта Шэлли. Обычно Шэлли ведет себя агрессивно. Если он разговаривает с тобой, то всегда смотрит в потолок и очень редко смотрит кому-то в глаза. Он едва ли может вести диалог, но он очень хорош в ведении монолога.

– Я развелся с женой, потому что она просто была слишком надоедливой, – сказал он мне однажды.

– Твой запрос о встрече с штаб-сержантом Мэри не получил одобрения, а пока что я буду заниматься твоим делом, – сказал он.

– Хорошо! – Я знал, что Министерство обороны хотело, чтобы я все еще имел дело с «плохим парнем».

– Я же говорил, что у меня отлично получается ломать заключенных, – сказал он.

– Но так как ты не знаешь моего предела, ты уже давно перешел все границы, – ответил я.

Когда я начал великодушно общаться с сержантом Шэлли, Ричард Зулей вернул штаб-сержанта Мэри в игру. По какой-то причине команда тоже хотела, чтобы она вернулась.

– Спасибо большое, что вернули сержанта, – сказал я.

Штаб-сержант Мэри выглядела и грустной, и счастливой.

– Мне нравится общаться с тобой, с тобой очень легко, и у тебя красивые зубы, – говорила она мне до того, как меня похитили из лагеря «Дельта». Мэри была самым близким для меня человеком, она была единственной, на кого я мог положиться. – Я никогда не смогу делать то, что делает «капитан Коллинз». Все, о чем он беспокоится, это выполнение работы, – сказала штаб-сержант Мэри, комментируя методы Зулея, когда Шэлли с нами не было.

Мэри и Шэлли теперь допрашивали меня по очереди. Почти все время до 10 ноября 2003 года они посвятили расспросам о Канаде и 11 сентября. Они не задали ни одного вопроса о Германии, которая была большой частью моей жизни. Каждый раз, когда они спрашивали меня о каком-то канадце, я выдавал уличающую его информацию, даже если не знал, о ком вообще идет речь. Когда я думал о словах «я не знаю», меня начинало тошнить, потому что я помнил слова сержанта Шэлли: «Все, что тебе нужно говорить, это „я не знаю, я не помню“, и мы тебя уничтожим!» Или как «капитан Коллинз» говорил: «Мы больше не хотим слышать твои отпирательства!» И поэтому я исключил эти слова из своего лексикона.

– Мы бы хотели, чтобы ты написал свои ответы на бумаге. Нам слишком сложно поспевать за тобой, и, возможно, ты забываешь что-то, пока рассказываешь, – сказал сержант Шэлли.

– Конечно! – Я был действительно рад этому, потому что мне было больше по душе разговаривать с бумагой, чем с ним. По крайней мере, бумага не стала бы кричать мне в лицо или угрожать.

Сержант Шэлли утопил меня в куче бумаги, которую я надлежащим образом заполнил. Это было хорошим отвлечением от моей депрессии и отчаяния.

– Ты очень щедр в своих ответах, подробно расписал про Абу Мохаммеда Аль-Канади, которого ты даже не знаешь, – точно подметил сержант Шэлли, забыв, что запретил мне использовать слова «я не знаю». – «Капитан Коллинз» читает твои ответы с большим интересом, – сказал он. Я был невероятно напуган, потому что эти слова были неоднозначными. – Мы дадим тебе досье Ахмеда Лаабиди. Его сейчас содержат во Флориде, и они не могут заставить его говорить. Он продолжает все отрицать. Тебе лучше представить нам неопровержимые доказательства против него, – сказал сержант Шэлли.

Мне было очень грустно: каким же гнилым был этот парень, чтобы попросить меня предоставить неопровержимые доказательства против человека, которого я почти не знаю?

– Все, что я могу сказать, это то, что Ахмед Л. – преступник и его следует отправить в тюрьму до конца жизни. Я готов свидетельствовать против него в суде, – сказал я, хоть и не был готов лгать в суде, чтобы сжечь невинную душу.

– Ахмеду Лаабиди грозит смертная казнь, если мы сможем доказать его причастность к контрабанде наркотиков, – сказала штаб-сержант Мэри однажды, показав мне его фотографию.

Я рассмеялся, когда увидел выражение его лица и тюремную робу от Боба Баркера и Кельвина Кляйна^[116].

– Над чем ты смеешься? – спросила меня Мэри.

– Просто это забавно!

– Как ты можешь смеяться над своим другом? – Тут я уже почувствовал себя виноватым, хотя знал, что смеялся не над ним.

В конце концов, мое положение было хуже, чем его. Я смеялся над ситуацией: я мог прочесть все, что происходит в его голове просто по выражению лица. Меня много раз заставляли делать такую же фотографию – в Сенегале, Мавритании, Германии, Иордании, Баграме, в Гуантанамо. Меня раздражает поза, раздражает взгляд, раздражает шкала роста заключенного. Позвольте мне сказать кое-что: каждый раз, когда вы видите мрачное лицо в тюремной робе, позирующее перед шкалой роста, повешенной на стене, вы можете быть уверены, что это несчастный человек.

На самом деле мне было жаль беднягу. Он долго искал приют в Канаде, но там отказали ему в прощении, частично потому, что считали его исламистом. Ахмед Лаабиди желал попытать удачу в США, где столкнулся с суровой реальностью в виде напряженного отношения к мусульманам и арабам. США дали ему приют в виде тщательно охраняемой тюрьмы и теперь пытались связать его с каким-нибудь преступлением. Я видел его лицо и знал, что он думал что-то вроде: «К черту этих американцев. Как же я их ненавижу! Чего они хотят от меня? Как я оказался в тюрьме, если прибыл сюда в поиске защиты?»

– Сегодня я разговаривал с канадцами, и они сказали, что не верят твоей истории о том, что Ахмед Лаабиди вовлечен в контрабанду наркотиков на территорию США, но мы знаем, что он вовлечен, – однажды рассказал мне сержант Шэлли.

– Я могу рассказать вам только то, что знаю, – сказал я.

– Но мы хотим, чтобы ты дал нам доказательства, связывающие Ахмеда Лаабиди с заговором «Миллениум». Что-то вроде его поддержки

моджахедов или веры в джихад будет хорошо, но недостаточно хорошо, чтобы посадить его до конца жизни, – рассказал он мне.

– Да, конечно, – сказал я.

Он вручил мне кучу листов, и я вернулся в камеру.

«О боже, я так несправедлив к себе и своим братьям, – все время думал я и затем повторял: – С нами ничего не будет. *Они* отправятся в ад. С нами ничего не будет... *Они* отправятся...» Я повторял и повторял эти молитвы про себя. Я взял ручку и бумагу и написал всю возможную уличающую ложь о бедном человеке, который всего лишь искал убежище в Канаде и пытался заработать денег, чтобы завести семью. Более того, он инвалид. Мне было очень плохо, и я продолжал молча молиться: «С тобой ничего не случится, дорогой брат...» – и, подув на бумагу, закончил. Конечно, у меня не было возможности рассказать им, что я по правде думаю об этом человеке, потому что сержант Шэлли уже дал мне указания:

– «Капитан Коллинз» с огромным интересом ждет твои свидетельства против Ахмеда Лаабиди!

Я отдал бумаги сержанту Шэлли и впервые увидел, как «капитан Коллинз» улыбается.

– Твои показания против Ахмеда очень интересные, но мы хотим, чтобы ты представил более детальную информацию, – сказал он.

Я подумал: «Какую информацию этот идиот хочет увидеть? Я даже не помню, что только что написал».

– Конечно, без проблем, – сказал я. Я был счастлив, что Бог ответил на мои молитвы об Ахмеде Лаабиди, когда в 2005 году я узнал, что его безоговорочно освободили из тюрьмы и вернули на родину.

– Ему грозит смертная казнь, – всегда говорила мне штаб-сержант Мэри. В действительности это я был не в лучшем положении.

– Учитывая, что я сотрудничаю с вами, как вы собираетесь поступать со мной? – спросил я сержанта Шэлли.

– Это зависит только от тебя. Если ты представишь нам огромное количество полезной информации, которую мы не знаем, это сильно повлияет на твой срок. Например, смертная казнь может быть смягчена до пожизненного заключения, а пожизненное до 30 лет, – ответил он.

Господь, сжапись надо мной! Какое суровое правосудие!

– О, это чудесно, – ответил я.

Мне было жаль каждого, кто пострадал от моих ложных показаний. Моими единственными утешениями было то, что, во-первых, я не вредил кому-то так сильно, как вредил себе, во-вторых, у меня не было выбора и, в-третьих, я был уверен, что несправедливость будет побеждена, это всего лишь вопрос времени. Более того, я не винил бы никого, кто врал

обо меня из-за пыток. Ахмед – всего лишь пример. За это время я написал более тысячи страниц с ложной информацией о моих друзьях. Я должен был играть ту роль, которую для меня сочинила американская разведка, и именно это я и делал.

В начале этой фазы сотрудничества напряжение почти не ослабевало. Меня допрашивали день и ночь, ко мне приходили следователи из ФБР и других служб, которые пользовались моей уязвимостью. Это так грубо – допрашивать человека вот так, особенно, когда он сотрудничает. Они заставили меня написать имена, места и адреса в Германии, Канаде и Мавритании. Они показали мне военные карты, указывая на интересующие места. Мне показали тысячи фотографий. Я знал их всех наизусть, потому что очень часто их видел. Все это походило на дежавю. Я думал: «Какие безжалостные люди!»

Все время охранники относились ко мне с неприкрытой ненавистью.

– Не щадите его. Увеличьте давление. Сведите его с ума, – говорил «капитан Коллинз».

И именно это охранники делали. Они стучали в мою камеру, чтобы запугать меня и чтобы я не мог спать. Они жестоко вытаскивали меня из камеры по меньшей мере дважды в день, чтобы провести осмотр. Они поднимали меня посреди ночи и заставляли заниматься физическими упражнениями, чего я не мог делать по состоянию здоровья. Несколько раз в день они вжимали меня лицом в стену и угрожали мне прямо и косвенно, но я ни слова не говорил своим следователям, потому что знал, что именно они стоят за всем этим.

– Знаешь, кто ты? – спросил помощник Йоды.

– Эм...

– Ты террорист, – продолжил он.

– Да, сэр!

– Если мы убьем тебя один раз, этого будет недостаточно. Мы должны убить тебя три тысячи раз. Но вместо этого мы кормим тебя!

– Да, сэр.

Водная диета продолжала жестоко сказываться на мне.

– Ты еще ничего не видел, – все время говорили мне.

– Я не хочу видеть остального. Я чувствую себя нормально без дальнейших мер.

Охранники работали в две смены, дневную и ночную. Каждый раз, когда приходила новая смена, они сообщали о своем приходе, сильно стуча по двери моей камеры, чтобы напугать меня. Всегда, когда приходила новая смена, мое сердце колотилось, потому что они придумывали новые способы превратить мою жизнь в ад. Например, они давали мне

немного еды и всего от 30 до 60 секунд, чтобы я поел, или заставляли меня очень быстро съесть все до последней крошки.

– Лучше тебе поскорее закончить! – кричали они.

Или они заставляли меня мыть душ до блеска и еще заставляли складывать полотенца и одеяло самыми невообразимыми способами до тех пор, пока они не будут удовлетворены. Чтобы лишить меня всех бытовых удобств, они придумали новые правила. Первое: я никогда не должен находиться в горизонтальном положении в тот момент, когда охранник проходит мимо моей камеры. Я должен был просыпаться и вскакивать, как только охранник входит в камеру. Второе: мой туалет всегда должен быть сухим! Как это возможно, если я постоянно испражняюсь и смываю за собой? Чтобы соблюдать это правило, мне приходилось использовать свою тюремную робу, чтобы вытирать туалет досуха, а сам я отмокал в дерьме. Третье: моя камера всегда должна находиться в «исходном положении», включая сложенное одеяло, так что у меня не было возможности им укрыться.

Таков был план охранников. Я всегда показывал больше страха, чем на самом деле чувствовал, для самозащиты. Не то чтобы я притворяюсь героем. Я не герой, но я не боялся охранников, потому что знал, что они просто выполняют приказы сверху. Если они докладывали, что «заключенный не был напуган», меры запугивания становились жестче.

Тем временем у меня был свой план. Во-первых, я знал, что был в двух шагах от лагеря «Дельта». Следователи и охранники всегда говорили, что я нахожусь в «Богом забытом месте», но я это игнорировал, а когда охранники спрашивали меня: «Как ты думаешь, где ты?», я просто отвечал: «Я не знаю, но меня это не очень беспокоит. Так как я далеко от своей семьи, мое местоположение не имеет для меня никакого значения». И так я всегда заканчивал разговоры о моем местоположении, потому что боялся, что меня будут пытаться, если узнают, что я понимаю, где нахожусь. Но меня достаточно сильно успокаивал тот факт, что я недалеко от своих друзей-заключенных.

С тех пор как я нашел способ отличить день от ночи, я начал считать дни, читая вслух по 10 страниц Корана каждый день. Через 60 дней я заканчивал и начинал сначала. Так я считал дни.

– Заткнись, мать твою! Здесь не о чем петь, – сказал сержант Большой Босс, когда услышал, что я читаю Коран.

После этого случая я читал тихо, чтобы никто не слышал меня. Но с днями недели все еще была неразбериха. Мне не удавалось вести их счет, пока я мельком не увидел часы сержанта Шэлли, когда он достал их из кармана, чтобы посмотреть время. Он был очень бдителен и осторожен, но было слишком поздно. Я увидел, что было немного за 10 часов утра, пятница, 17 октября 2003 года, но он этого не заметил. Пятница – очень важный день для мусульман, и именно поэтому я хотел

следить за днями недели. Помимо этого меня просто раздражал тот факт, что они лишили меня одной из моих базовых свобод.

Я пытался узнать имена всех, кто пытается меня, не для отношений или чего-то вроде такого; я просто не хотел, чтобы те люди имели преимущество перед моими братьями или неважно перед кем еще. Я убежден, что их нужно не только лишить власти, но и посадить в тюрьму. Мне удалось узнать имя самого босса, Ричарда Зулея, двух моих следователей, двух охранников и других следователей, которые не были напрямую вовлечены в мои пытки, но могли быть их свидетелями.

Когда я впервые встретился с американцами, я возненавидел их язык из-за боли, которую они причинили мне без какой-либо причины. Я не хотел изучать их язык. Но это была эмоция. Зов мудрости был сильнее, и я решил выучить язык. Хотя я уже знал, как спрягать глаголы «есть» и «иметь», мой багаж английского был очень скромным. Поскольку мне запретили читать книги, приходилось изучать язык с помощью охранников и иногда следователей. И спустя какое-то время я мог разговаривать как обычный человек: «Ему все равно, ей все равно, я ничего не сделал, мой друг и я сделали это и то, в жопу это и в жопу то, к черту X и к черту Y...»

Еще я изучил людей вокруг себя. Мои наблюдения показали, что только белые американцы допускались к работе со мной, это касалось и охранников, и следователей. Был только один чернокожий охранник, но у него не было права голоса. Его помощником был молодой белый военный специалист, но второй был главным. Вы можете спросить: «Как ты узнал звания охранников, если они были скрыты?» Я не должен был знать, кто главный, и они не должны были говорить мне этого, но в США очень просто заметить, кто стоит во главе. Этого человека просто невозможно с кем-то спутать.

Мое подозрение, что я нахожусь рядом с лагерем «Дельта» подтвердилось, когда однажды я получил ту же еду, что и в «Дельта III».

– Почему мне дали горячую еду? – спросил я саркастичного главного охранника.

– Доктор сказал, что это нужно сделать.

Я действительно выглядел как призрак: только кости, никакого мяса. За несколько недель волосы на голове поседали снизу, такой феномен в моей культуре относят к экстремальному результату депрессии. Справляться с напряжением было жизненно необходимо при моих допросах. План сработал: чем больше давления, тем больше рассказов я сочинял и тем больше нравился своим следователям.

Постепенно охранникам начали давать инструкции вернуть мне возможность чистить зубы, давать мне больше теплой еды и позволять мне чаще использовать душ. Следователи стали допрашивать меня без пыток или угроз. Вместо этого они начали использовать систему

поощрений, которая включала в себя конфеты и печенье. Судя по тому, что я мог видеть, штаб-сержант Мэри была человеком, который сделал первый шаг, но я уверен, что они обсуждали этот вопрос все вместе. Каждый в команде понимал, что я близок к тому, чтобы сойти с ума из-за своего положения. Я слишком много времени провел в изоляции.

– Прошу, вытащите меня из этого сущего ада! – попросил я.

– Ты скоро вернешься к основной группе заключенных, – сказала штаб-сержант Мэри. Ее ответ был суровым, но честным. Никто не планировал возвращать меня обратно. Они фокусировались на том, чтобы продержать меня в изоляции как можно дольше и вытащить из меня информацию.

В моей камере все еще ничего не было. Большую часть времени я тихо читал Коран. Остальное время я разговаривал сам с собой и обдумывал свою жизнь снова и снова, рассматривая самые худшие варианты развития событий. Я считал дырки в моей клетке. И насчитал их около четырех тысяч ста.

Может быть, из-за этого штаб-сержант Мэри начала с удовольствием давать мне головоломки, на разгадывание которых у меня уходило какое-то время.

– Если мы обнаружим, что ты врал нам, ты почувствуешь наш гнев, и мы заберем у тебя все. Все может вернуться к прежним временам, ты и сам это знаешь, – каждый раз говорил мне сержант Шэлли, давая головоломку.

Сердце колотилось, и я думал: «Какой же урод! Почему он не может просто позволить мне насладиться „наградой“, которую я получил за время, проведенное здесь?» Завтра будет новый день.

Я начал расширять словарный запас. Я взял лист бумаги и начал записывать слова, которые не понимал, а сержант Шэлли и штаб-сержант Мэри объясняли их мне. Если и есть в сержанте Шэлли что-то положительное, так это то, что у него обширный словарный запас. Не помню, чтобы хотя бы раз, когда я спрашивал у него какое-то слово, он не мог объяснить его мне. Английский был его единственным языком, хотя он заявлял, что может говорить на персидском.

– Я хотел изучать французский, но меня раздражало, как они разговаривают, и я бросил, – говорил он.

– «Капитан Коллинз» хочет встретиться с тобой через несколько дней, – сказала штаб-сержант Мэри.

Я был очень напуган. Я чувствовал себя комфортно без его визитов.

– Буду рад его видеть, – ответил я.

Я начал неустанно ходить в туалет. Кровяное давление безумно поднялось. Я думал о том, какой будет наша встреча. Но, слава богу, встреча с ним прошла намного легче, чем я ожидал. «Капитан Коллинз»

пришел в сопровождении сержанта Шэлли. Он был, как всегда, практичен и короток.

– Я очень доволен твоим сотрудничеством. Помнишь, я говорил тебе, что предпочитаю цивилизованные разговоры? Я думаю, что ты представил нам 85 процентов того, что ты знаешь, но я уверен, ты поделишься с нами оставшейся информацией, – сказал он, открыв сумку со льдом, в которой лежало несколько пакетов сока.

– О да, я так счастлив! – сказал я, заставив себя выпить сок, чтобы выглядеть так, будто все нормально. Но было не нормально. Я подумал: «85 процентов – это очень много».

«Капитан Коллинз» посоветовал мне продолжить сотрудничество.

– Я принес тебе подарок, – сказал он, протянув мне подушку. Да, подушку.

Я принял подарок с фальшивой огромной радостью, и не потому, что я до смерти хотел получить подушку. Нет, я принял подушку как знак окончания физических пыток. Дома у нас была шутка о мужчине, который стоял голым на улице. Когда кто-то спрашивал его: «Чем я могу вам помочь?» – он отвечал: «Дайте мне ботинки». Именно это со мной и происходило. Все, что мне нужно, – это подушка! Но это было хоть что-то: в камере я все время перечитывал ее бирку.

– Помнишь, «капитан Коллинз» сказал, что ты укрываешь 15 процентов, – сказал сержант Шэлли спустя пару дней после визита мистера Зулея. – Я думаю, что твой рассказ о Канаде – бессмыслица. Ты знаешь, что у нас есть на тебя и что есть у ФБР, – продолжил он.

– Но тогда не бессмыслица? – спросил я.

– Ты и сам знаешь, – сказал он язвительно.

– Вы правы, я ошибся по поводу Канады. Если быть точным, то в Канаде я...

– Я хочу, чтобы ты записал все, что только что сказал. Это совершенно точно имело смысл, и я все понял, но я хочу, чтобы ты записал это.

– С удовольствием, сэр, – сказал я.

Я прибыл в Канаду, заранее запланировав взорвать Си-Эн Тауэр в Торонто. Моими помощниками были Ахмед, Мохаммед, Хасни и Рауф. Хасни отправился в Россию, чтобы добыть материалы для взрывчатки. Мохаммед написал программную модель взрыва, которую я сам проверил и передал на носителе данных Рауфу. Он должен был отправить модель вместе со всем планом шейху Абу Кватаде в Лондон, чтобы мы могли получить последнюю фетву от шейха. Рауф должен был купить много сахара, чтобы смешать его с взрывчаткой для увеличения мощности. Ахмед обеспечил финансирование. Благодаря канадской разведке план был раскрыт и обречен на провал. Я признаю, что я

виновен в той же степени, что и другие участники, и мне жаль и стыдно за то, что я сделал.

Подпись, М. ульд Слахи

Когда я вручил текст сержанту Шэлли, он радостно его прочитал.

– Этот текст очень логичный.

– У нас товар, у вас купец, – сказал я.

Сержант Шэлли едва мог усидеть на месте, он хотел немедленно выйти. Полагаю, что он был ошеломлен, потому что достиг того, чего не смогли достичь другие следователи, несмотря на четыре года непрерывных допросов, проводимых различными службами из более шести стран. Какой успех! У сержанта Шэлли чуть сердце не остановилось от счастья.

– Мне нужно скорее увидеть его!

Я думаю, единственным несчастным человеком во всей команде была штаб-сержант Мэри, потому что она сомневалась в правдивости всей истории.

Действительно, на следующий день «Капитан Коллинз» навестил меня, как обычно, в сопровождении двоих мужчин в форме, которых он пытался выдать за телохранителей.

– Помнишь, я говорил о 15 процентах, которые ты укрываешь?

– Да, помню!

– Думаю, что это признание покрыло те 15 процентов!

Я подумал: «О боже, да!»

– Я очень рад, – сказал я.

– Кто обеспечил вас деньгами?

– Это был Ахмед.

– И ты тоже? – спросил «капитан Коллинз».

– Нет, я позаботился об электронике. – Если честно, не знаю, почему я начал отрицать финансовую часть. Неужели это имело значение? Может, я просто хотел сохранить убедительность.

– Что, если мы скажем тебе, что нашли твою подпись на фальшивой кредитной карте? – сказал «капитан Коллинз».

Я знал, что он обманывает меня, потому что никогда не имел дело с такими сомнительными вещами. Но я не собирался спорить с ним.

– Просто скажи мне правильный ответ.

– Правильно сказать «да» или «нет»? – спросил я.

В тот момент я надеялся, что был вовлечен во что-то, и смогу признаться в этом и избавить себя от написания рассказов о каждом мусульманине, которого я когда-либо встречал, и каждой исламской

организации, о которой слышал. Было бы намного легче просто признаться в настоящем преступлении и сказать, что на этом все.

– Твое признание не противоречит сведениям, которыми обладаем мы и другие службы, – сказал «капитан Коллинз».

– Я рад.

– Этот рассказ правдивый? – спросил «капитан Коллинз».

– Слушайте, те люди, которые вовлечены в это вместе со мной, очень плохие в любом случае. И их стоит кинуть за решетку. А что касается меня, мне все равно до тех пор, пока вы довольны. У вас купец, у нас товар.

– Но нам нужно свериться с другими службами, и, если история ложная, они это выяснят, – сказал «капитан Коллинз».

– Если хотите знать правду, эта история никогда не происходила, – сказал я с грустью.

«Капитан Коллинз» принес пару напитков и конфет, которые я заставил себя проглотить. На вкус они были как грязь, потому что я сильно нервничал. «Капитан Коллинз» приставил ко мне своего прихвостня. Сержант Шэлли вернулся, унижая меня и угрожая всеми возможными страданиями и агонией. Удивительно, как сильно «капитан Коллинз» контролировал мужчину, которому было уже за 40. Теперь Шэлли рассказывал мне, что я опять возвращаюсь к интенсивным пыткам, и из-за чего? Потому что мое ложное признание было недостаточно жестким.

– Ты знаешь, каково это, когда испытываешь наш гнев, – сказал сержант Шэлли.

Я подумал: «Какого черта эта сволочь хочет от меня? Если он хочет признание, я уже написал одно. Он хочет, чтобы я воскресил мертвых? Он хочет, чтобы я вылечил его слепоту? Я не пророк, да и он все равно в них не верит».

– Библия – это просто история еврейского народа, не более того, – всегда говорил он.

Если ему нужна правда, я уже рассказал, что ничего не совершал! Я не видел выхода. «Да!.. Да!.. Да!» После того как сержант Шэлли заставил меня пропотеть до последней капли в моем теле, «капитан Коллинз» позвал его и посоветовал, как действовать дальше. «Капитан Коллинз» вышел, и сержант Шэлли продолжил:

– У «капитана Коллинза» полный контроль. Если он счастлив, то все счастливы. А если нет, то никто не счастлив.

Сержант Шэлли начал задавать мне вопросы на другие темы, и я пользовался каждой возможностью выглядеть как можно более плохим.

– Я оставляю тебя наедине с бумагой и ручкой и хочу, чтобы ты написал все, что помнишь, про свой план в Канаде!

– Да, сэр.

Спустя два дня они вернулись.

– Вставай! Протяни руки через отверстие! – сказал охранник, его голос звучал недружелюбно.

Я не был рад визиту: я совершенно не скучал по лицам своих следователей, и они до смерти запугали меня. Охранники заковали меня и вывели из здания на улицу, где меня уже ждали «капитан Коллинз» и сержант Шэлли. Впервые я увидел дневной свет. Многие люди воспринимают дневной свет как данность, но, когда вам запрещают его видеть, вы начинаете ценить такую возможность. Яркое солнце заставило меня щуриться, пока глаза не привыкли. Солнце великодушно одарило меня своим теплом. Я был напуган, меня трясло.

– Что с тобой? – спросил меня один из охранников.

– Я не привык к этому месту.

– Мы вывели тебя на улицу, чтобы ты мог посмотреть на солнце. У тебя будет еще больше подобных наград.

– Спасибо большое, – удалось мне произнести, хотя во рту было сухо, и язык был тяжелее стали.

– Ничего с тобой не случится, если ты расскажешь нам о плохих вещах. Я знаю, ты боишься, что мы поменяем свое отношение к тебе, – сказал «капитан Коллинз», пока сержант Шэлли записывал.

– Я знаю.

– Давай поговорим гипотетически. Ты понимаешь это слово? – спросил «капитан Коллинз».

– Да, понимаю.

– Допустим, что ты совершил то, в чем признался.

– Но я не совершал.

– Просто давай представим.

– Хорошо, – сказал я.

«Капитан Коллинз» имел высокое звание, но это был худший следователь, которого я когда-либо встречал. Я имею в виду в профессиональном плане. Он просто прыгал туда-обратно, не фокусируясь на чем-то конкретном. Если бы мне нужно было угадать, я бы сказал, что он занимается чем угодно, но не допросами людей.

– Между тобой и Рауфом Ханначи кто был главный?

– По-разному: в мечети я был главный, а за ее пределами он, – ответил я.

Вопросы предполагают, что Ханначи и я принадлежим одной группировке, но я даже не знаю мистера Ханначи, а уж тем более о

заговорах, которых никогда не существовало^[117]. Но я не мог сказать ничего подобного «капитану Коллинзу». Я должен был выглядеть плохим.

– Был ли ты в сговоре с этими людьми?

– Хотите знать правду?

– Да!

– Я не был с ними в сговоре, – сказал я.

«Капитан Коллинз» и сержант Шэлли пытались применить на мне все возможные уловки, но, во-первых, я все их прекрасно знал, а во-вторых, я уже рассказал им правду. Поэтому было бесполезно пытаться обмануть меня. Но они вогнали меня в печально известный замкнутый круг: если я солгу им, тогда «я почувствую их гнев». А если скажу правду, я буду хорошим парнем, и они будут думать, что я скрываю от них какую-то информацию, потому что в их глазах я *преступник*, и у меня еще не было возможности поменять их мнение.

«Капитан Коллинз» вручил мне распечатанную версию так называемой Программы защиты свидетелей. Очевидно, он забыл отключить примечание о дате печати, поэтому я мог прочитать дату. Я не должен был ее знать, но никто не идеален.

– О, спасибо вам большое, – сказал я.

– Если будешь нам помогать, то увидишь, как щедро наше государство, – сказал «капитан Коллинз».

– Я прочитаю.

– Думаю, это для тебя.

– Конечно.

«Капитан Коллинз» жестом приказал охранникам вернуть меня в камеру. Все это время они все еще держали меня в специальном лагере «Эхо»^[118].

Как только команда следователей ушла, один из охранников открыл мою камеру и закричал: «Поднимайся, ублюдок». Я подумал: «Боже, опять?» Мастер Йода и его друг забрали меня и поставили лицом к стене.

– Чертов трус. Почему ты не сознаешься?

– Я говорил вам правду.

– Не говорил. Следователи никогда не задают вопросов, если у них нет доказательств. Они просто хотели проверить тебя. И угадай что? Ты провалился. Ты упустил свой шанс, – продолжил он.

Я вспотел, меня трясло, и я показывал даже больше страха, чем во мне было на самом деле.

– Это так просто: мы всего лишь хотим, чтобы ты рассказал нам, что сделал, как это сделал и кто тебе помогал. Эта информация нужна нам, чтобы предотвратить другие атаки. Разве это не понятно?

– Понятно.

– Так почему ты продолжаешь быть трусом?

– Потому что он гей! – сказал коллега Йоды.

– Ты думаешь, капитан дал тебе Программу защиты свидетелей просто так? Черт, нам следует убить тебя, но мы этого не делаем. Вместо этого мы дадим тебе деньги, дом, хорошую машину. Неприятно? В конце концов, ты террорист, – продолжил он. – В следующий раз, когда они придут, лучше расскажи им всю правду. Возьми ручку и бумагу и все запиши.

Следователи и охранники верили, что Программа защиты свидетелей – это особенность США, но это не так. Она распространена по всему миру, даже в самых темных диктаторских странах преступники могут получить выгоду от такой программы. «Капитан Коллинз» рассказал мне о других преступниках, которые стали друзьями американского правительства, например, Вернер фон Браун и Виктор Беленко, которые сбежали от Советов во времена холодной войны. Меня эти истории не вдохновили, но я все равно взял копию программы, чтобы почитать что-нибудь кроме бирки от подушки. Я читал, и читал, и читал ее, потому что я люблю читать, а больше было нечего.

– Помнишь, что ты ответил «капитану Коллинзу», когда он сказал, что ты укрываешь 15 процентов, – спросила штаб-сержант Мэри во время нашей следующей встречи.

– Да, но, видите ли, я не могу спорить с «капитаном Коллинзом». Иначе он сойдет с ума.

Штаб-сержант Мэри взяла напечатанную версию моего признания и начала читать ее, улыбаясь.

– Но ты делаешь хуже не только себе. Ты делаешь хуже невинным людям.

– Так и есть. Но что еще мне остается делать?

– Ты сказал, что вы хотели смешать сахар со взрывчаткой?

– Да.

Штаб-сержант Мэри улыбнулась:

– Но это не то, что мы хотели услышать, когда спросили, что ты имел в виду под «сахаром». На самом деле очевидно, что ты ничего об этом не знаешь.

– Сержант, я правда не знаю, – ответил я.

– Ты в принципе не можешь лгать о подобных масштабных вещах, – сказала штаб-сержант Мэри. – У нас есть высококвалифицированный специалист, который придет и допросит тебя. Что думаешь насчет теста на детекторе лжи?

– Детектор лжи? Безумно хочу пройти его! – сказал я, хотя сердце колотилось, потому что я знал, что могу провалить его, даже если буду говорить правду.

– Я организую его для тебя в ближайшее время^[119].

– Я знаю, что вы хотите показать себя с наилучшей стороны, – сказал я.

– Нет, я на самом деле беспокоюсь о тебе. Я бы хотела, чтобы тебя освободили, и ты мог начать нормальную жизнь. Есть заключенные, которых я хочу видеть здесь до конца жизни. Но не тебя! – искренне сказала штаб-сержант Мэри.

– Спасибо большое.

Мэри ушла со своим обещанием, а я вернулся в камеру совершенно опечаленный.

– Помни, что детектор лжи – решительно важный момент в твоей жизни, – сказал «капитан Коллинз» незадолго до окончания одного из наших допросов, пытаясь с помощью своего палача сержанта Шэлли вырвать несуществующую информацию из моих уст. Он безумно напугал меня, потому что теперь вся моя жизнь зависела от этого детектора лжи.

– Да, сэр, я знаю.

– С кем ты хочешь проходить детектор лжи? – спросил «капитан Коллинз» за несколько дней до теста.

– Не думаю, что мужчина-сержант подойдет, но мне будет комфортно, если вы будете со мной!

– Или другой мужчина-сержант? – сказал он, указывая на сержанта Шэлли.

– Точно, – сказал я неохотно. – Но почему бы вам не прийти?

– Я попробую, но, если не смогу, придет сержант.

– Меня очень испугало то, что сказал ваш босс «капитан Коллинз», – сказал я штаб-сержанту Мэри за день перед тестом.

– Слушай, я несколько раз успешно проходила этот тест. Все, что тебе нужно сделать, – это очистить свой разум и быть честным и открытым, – ответила штаб-сержант Мэри.

– Я буду честным.

12 ноября 2003 года пришла штаб-сержант Мэри.

– Угадай что? – спросила она, посмотрев на меня через решетку в камере.

Я быстро вскочил на ноги и подошел к двери.

– Да, сэр! – Я думал, что это был один из охранников. Она напугала меня и смотрела на меня, улыбаясь. – О, это вы! Прошу прощения, я думал, что это кто-то из охранников. Вы пришли для теста, не так ли?

– Да, через пару часов я вернусь с человеком и нужным оборудованием. Хочу, чтобы ты был готов.

– Хорошо, большое спасибо.

Штаб-сержант Мэри ушла. Я совершил ритуальное омовение и смог втайне от охранников помолиться, не помню, сделал я это формально или неформально. «О боже! Сейчас мне нужна Твоя помощь, как никогда. Прошу, покажи им, что я говорю правду. Прошу, пусть эти безжалостные люди не навредят мне. Прошу. Прошу!» После этой молитвы я занялся чем-то вроде йоги. До этого я никогда не пробовал медитировать, но теперь я сел на кровать, положил руки на бедра и представил, что мое тело присоединено к детектору лжи.

– Ты совершал какие-то преступления против Соединенных Штатов? – спросил я себя.

– Нет.

Неужели я пройду? Пошли они к черту! Я не сделал ничего плохого, почему я должен волноваться? Они злые! И затем я подумал: «Нет, они не злые, защищать свою родину – это их право. Они хорошие люди! Очень хорошие!» И затем снова: «К черту их! Я им ничего не должен. Они пытали меня, они должны мне!» Я занимался йогой, продумывая все возможные вопросы.

– То, что ты рассказал про Ахмеда Лаабиди, правда?

– Нет.

А это большая проблема, потому что сержант Шэлли сказал: «Когда мы поймем тебя на лжи, ты почувствуешь наш гнев». К черту его и «капитана Коллинза». Я не буду лгать, чтобы угодить им и разрушить свою собственную жизнь. Ни за что. Я расскажу правду, несмотря ни на что. Но что, если я провалю тест, даже отвечая правдиво? Хорошо! Без проблем, я буду лгать. Но что, если на детекторе лжи вскрыется новая ложь? Тогда я точно окажусь в тупике. Только Бог может помочь мне: мое положение слишком серьезное, а американцы безумны. Не переживай об этом, просто пройди тест, и все будет в порядке. Я так часто пользовался туалетом, что мне казалось, что мои почки скоро откажут.

Дверной звонок прозвенел, и штаб-сержант Мэри стремительно прошла в камеру с экспертом по детектору лжи. Это был невысокий белый мужчина слегка за 40, с такими седыми волосами, что он был прекрасной кандидатурой для того, чтобы быть контрактником Министерства обороны.

– Меня зовут Джон Смит. Приятно познакомиться.

– Приятно познакомиться, – сказал я, пожав его руку. Я понимал, что это не его настоящее имя. Он, к своей неудаче, выбрал одно из самых распространенных имен, и даже я о нем знал. Но мне было все равно. В конце концов, кто из следователей никогда не обманывает? Он с таким же успехом мог представиться Грязнулей Джо, и ничего не поменялось бы. – Сегодня вы будете работать со мной. Как вы себя чувствуете?

– Я очень сильно нервничаю, – ответил я.

– Отлично. Так и должно быть. Не люблю расслабленных заключенных. Дайте минуту, мне нужно установить оборудование.

Вообще-то штаб-сержант Мэри и я помогали ему устанавливать его же оборудование. Он жаловался, что здание недостаточно устойчивое, и он переживал из-за вибраций, так что ему понадобилось много времени, чтобы решить, куда установить аппарат. Мы остановили выбор на углу вне моей камеры. Жесткое пластиковое кресло приставили к столу, и мне сказали сесть лицом к толстой белой деревянной стене так близко, что она почти прикасалась к моему носу.

– Теперь я хочу, чтобы во время нашего разговора ты смотрел только на меня. – Джон Смит не выглядел как злобный следователь. Я думаю, он был скептическим, но справедливым.

– Вы когда-нибудь до этого проходили тест на детекторе лжи?

– Да.

– Значит, вы понимаете, как все будет проходить и как работает тест?

– Полагаю, что да.

Но Джон все равно начал длительное объяснение. Я заметил, что по потолку ползет муравей, а затем и много других муравьев, идущих за ним и перед ним. Я научился следовать за муравьями в мавританской секретной тюрьме, наблюдая за ними, пока они не оставят камеру и меня одного. Я наблюдал, как этот муравей карабкается, занимается своими делами и не осознает всей драмы, происходящей прямо перед его глазами. Я утопил себя в его мире и упустил многое из того, что говорил эксперт. Я очень нервничал, но я принял это как первую хорошую примету за утро. Я думал, стоит ли мне сфокусироваться только на муравье, на вопросы отвечать, не задумываясь.

Джон предупредил меня, что, если я собирался лгать ему, мне лучше оставить эту идею и говорить только правду, чтобы пройти тест. Он знал о моем тревожном состоянии. Он знал, что я боюсь «капитана Коллинза» и его приспешников, включая египтянина и иорданца, и он пользовался этим, говоря, что доложит о результатах «капитану Коллинзу». Штаб-сержант Мэри рассказала мне, что «капитан Коллинз» решил не приходить, чтобы не испортить результаты теста своим присутствием. Как сказала Мэри, он видел себя «источником авторитета». У меня было

ощущение, что его коллеги, которые знали о его предыдущих деяниях, решили, что ему лучше не приходить. Но на самом деле он следил за всем процессом через щель в черной пластиковой ширме, которая разделяла зону для заключенных и зону для охранников. Он было достаточно неуклюж: в течение всего времени проведения теста я слышал шуршание пластика. Позднее я узнал, что мастер Джедай и мастер Люк тоже наблюдали.

Джон рассказал, что вопросы будут задаваться в случайном порядке и что его ноутбук будет выдавать их, как ему захочется. В действительности же программисты говорят о псевдослучайных числах, потому что произвести истинный случайный порядок не так легко, как может показаться на первый взгляд. Но его вопросы были совсем не случайными. Меня просили ответить на два типа вопросов: относящихся к делу и не относящихся к делу. Основная цель вопросов, не относящихся к делу, была в том, чтобы «откалибровать» меня и оборудование.

«Вы носите обувь?»

«Ваше имя Мохаммед?»

«Вы сидите на стуле?»

«Вы космонавт?»

«Вы когда-нибудь списывали на контрольных?» Я ответил: «Да». Я вспомнил время, когда сильно разочаровался в учителе и его предмете и решил совсем не посещать его занятия. В итоге мне пришлось в спешке учить предмет, и я приносил учебник на контрольную, потому что не мог самостоятельно ответить ни на один вопрос.

Джон решил немного поругать меня. Он рассказал, что ни разу в своей жизни не списывал и что ненавидит тех, кто списывает, чтобы получить то место в обществе, которое они не заслуживают. Я пытался объяснить ему, что на большинстве предметов нам разрешали пользоваться учебниками во время контрольных, потому что именно так мы бы и сделали в реальной жизни. Но некоторые учителя запрещали пользоваться этой возможностью. Но никакое обеление себя не могло сделать так, чтобы Джон проявил ко мне больше симпатии или позволил сделать перерыв. Штаб-сержант Мэри смотрела на меня и улыбалась. Позже она рассказала, что тоже списывала, когда училась в колледже.

Самыми важными для Джона были точные, прямолинейные вопросы вроде: «Когда вы были в Канаде, вы планировали нападение на Соединенные Штаты?» Когда он спрашивал меня об этом, я просил его добавить к вопросу Канаду, потому что правительство США пыталось повесить на меня и несколько терактов и там тоже.

– Давайте пока остановимся на США, – сказал он мне.

Но, должно быть, он передумал, возможно, когда окончательно убедился, что против Соединенных Штатов я ничего никогда не

замышлял. Позже он начал, не задумываясь, добавлять к вопросам Канаду.

– Вы знаете каких-нибудь членов «Аль-Каиды», проживающих на территории США или Канады, о которых нам не рассказывали?

– Нет, – ответил я.

– Вы знаете о грядущих терактах в США или Канаде?

– Нет.

– Вы говорили что-нибудь, касающееся Ахмеда Лаабиди, что не является правдой?

– Да, – сказал я.

Я рассказал ему, что, насколько мне известно, Ахмед ни к чему не причастен. Когда я сказал это, и он, и Мэри сказали, что они чувствовали это и, что более важно, руководство разделяло эти мысли. Джон отошел за ширму, чтобы посоветоваться с «капитаном Коллинзом» и другими наблюдателями. Я понимал, что это была горькая пилюля для «капитана Коллинза», который своими глазами наблюдал, как два человека становятся близки к оправданию. Он был одержим тем, чтобы осуждать людей и сажать их в тюрьму, не только в Гуантанамо и США, но даже в Германии. Однажды он пришел ко мне с грустным лицом и сказал, что ему нужна моя помощь, потому что марокканец по имени Абдельгани Мзоуди был оправдан в немецком суде. Мне нужно было представить информацию, которая заставила бы немецкого федерального судью поменять свое решение и осудить человека, чье имя я слышу впервые. Посмотрев на фотографию, которую «капитан Коллинз», должно быть, распечатал из интернета, я потерял дар речи. «Я не знаю этого человека», – сказал я неохотно. Для «капитана Коллинза» любой арестованный – это преступник; не бывает невиновных подозреваемых.

Должно быть, «капитан Коллинз» посоветовал команде узнать, какая именно информация об Ахмеди Лаабиди, представленная мной, ложная. А это была вся информация, кроме того, что Ахмед Лаабиди – мусульманин из Туниса. Джон вносил поправки в вопросы и задавал их снова. До сих пор мои физиологические реакции скакали хаотично, как сказал Джон, и я просто надеялся, что он может отличить ложь от реакции человека на грани нервного срыва. Но с Мэри мне было намного комфортнее говорить о Лаабиди, потому что мы с ней были на одной волне. Джон еще раз спросил, предоставлял ли я какую-либо ложную информацию о Лаабиди теперь.

– Нет.

– Вы укрыли какую-либо информацию о Лаабиди? – спросил он.

– Нет.

Джон продолжал задавать мне эти вопросы, пока не был удовлетворен моими физиологическими реакциями. Он повторил вопросы о том,

собираюсь ли я организовывать теракты в США или Канаде. Он продолжал пытаться переубедить меня, потому что на графиках видел уровень моего страха и волнения. Его удивило, как я вообще могу быть террористом, и я сказал ему, что был бы «довольно неуклюжим», что он посчитал очень забавным.

– Вы хорошо справились, – сказал он мне, когда текст закончился. Он не имел в виду, что я прошел его, а только то, что я достаточно успокоился, чтобы он мог проанализировать результаты. Они должны были быть готовы на следующий день.

Я провел долгую бессонную ночь, ожидая худшего.

На следующий день штаб-сержант Мэри навестила меня с самой широкой улыбкой, какую я только видел.

– Я всегда верила в тебя, – сказала она мне. – Ты с блеском прошел тест, и в этот раз все выводы были «окончательными».

Она принесла мне немного печенья. Если бы я сказал вам, что был менее рад тому, что прошел тест, чем Мэри, я бы едва передал ее счастье. Я понял, что «капитан Коллинз» зашел слишком далеко в своей миссии по моему изобличению, и теперь я уже не боялся теста на детекторе лжи. Я рассказал ей, что готов пройти тест еще раз и ответить на любые вопросы по всем заявлениям, которые я делал ранее.

Вскоре мне выпал такой шанс. Кто-то из команды не мог поверить результатам, и меня попросили пройти этот же тест еще раз через неделю. Эксперт заявил, что просто хочет убедиться, что все в порядке и что я слишком сильно нервничал в первый раз. Не думаю, что он сомневался в своих результатах, но были другие люди, которые очень много потеряют, если я действительно пройду тест. Самый очевидный пример – «капитан Коллинз», но думаю, что не только он, потому что за мое дело разворачивалась настоящая внутриведомственная война.

Оборудование снова установили перед моей камерой. На этот раз я был намного более уверен в себе, чем в предыдущий раз. Я был скорее раздражен, чем напуган, и я подумал: зачем мне проходить тест еще раз, если я успешно прошел первый? Еще мне казалось, что специалиста раздражало, что другие члены команды ставили под сомнение его экспертизу, и я заключил, что теперь он на моей стороне, даже если он просто дорожит своей репутацией.

В этот раз он говорил со мной не так долго. В первый раз казалось, что каждое второе сказанное им слово было «к примеру». В этот день я не помню, чтобы он произнес это хотя бы раз. Я сидел как камень на жестком стуле, выискивая муравья, чтобы тот составил мне компанию, но мне пришлось смотреть в белую деревянную стену.

Эксперт задал те же самые вопросы. После пары кругов он собрался и ушел прочь. Вердикт остался тем же: эксперт придерживался своего мнения, и я вновь прошел тест. Мастер Джедай продолжал смеяться

надо мной, спрашивая, почему я так сильно нервничал во время первого теста. Я говорил ему, что это из-за того, что я «разумный» (sensible), но это не то, что я имел в виду. Я использовал не то слово. Он смеялся, и мы сошлись на том, что мне следует использовать слово «чувствительный» (sensitive)^[120].

VII

Гуантанамо 2004–2005

*Хорошие новости. Прощание как с семьей. Телевизор и ноутбук.
Первый неофициальный смех в океане слез. Текущая ситуация.
Дилемма кубинских заключенных.*

– Я счастлива, и «капитан Коллинз» очень доволен, – сказала штаб-сержант Мэри на следующий день после теста на детекторе лжи, когда пришла ко мне в сопровождении другого сержанта – белой девушки в возрасте около 30 лет.

– Что значит «доволен»? – спросил я штаб-сержанта Мэри. В целом я понимал, что она имела в виду, но хотел убедиться, так как именно это слово употребил «капитан Коллинз».

– Доволен, значит «очень счастлив».

– Ах, хорошо. Разве я не говорил вам, что я не лгу?

– Да, я рада, – сказала штаб-сержант Мэри, улыбнувшись. Ее чувства были очевидными и искренними. Казалось, она радуется за меня больше, чем я сам. Теперь мне было ясно, что ненавистные пытки медленно, но верно начнут сходиться на нет. Тем не менее я был крайне скептически настроен, потому что меня по-прежнему окружали люди, которые были со мной с самого первого дня.

– Посмотри на свою форму и на нашу. Ты не один из нас. Ты наш враг! – говорил обычно мастер Йода.

– Я знаю.

– Просто не хочу, чтобы ты забывал. Когда я говорю с тобой, я говорю со своим врагом.

– Я знаю!

– Не забывай.

– Не забуду!

Подобные разговоры не оставляли сомнений, что охранники озлобились до предела. Большую часть времени мне казалось, что их надрессировали, чтобы они сожрали меня живьем.

Штаб-сержант Мэри познакомила меня со своей коллегой.

– Это еще один следователь, можешь называть ее сержант, как меня.

Новая следовательница была тихой и вежливой. Я не могу сказать о ней ничего плохого. Она была трудоголиком и довольно закрытым человеком. Она дословно выполняла приказы своего босса, «капитана Коллинза», и порой работала как компьютер.

– Ты знаешь о поездке своего друга Фалаха в Ирак в 2003 году? – спросила она меня однажды.

– Ну же, сержант, вы ведь знаете, что я сдался в 2001 году. Как я могу знать о том, что происходило в 2003? Это же бессмыслица, разве нет? – спросил я.

Сержант улыбнулась.

– Этот вопрос указан у меня в заявке.

– Но вы ведь знаете, что я под стражей с 2001! – сказал я.

Сержант была очень осторожной, даже слишком. Она всегда скрывала свое звание и имя и никогда не рассказывала о своих убеждениях. Лично мне этого было вполне достаточно, главное, чтобы она не начала мне досаждать.

– Мне нравится, как ты налаживаешь отношения, – сказала она, улыбаясь. У следователей есть тенденция входить в дом через окно, а не через дверь. Вместо того чтобы задать прямой вопрос, он спрашивает о чем угодно, что немного связано с главной темой. Я принял это как вызов и большую часть времени пытался понять, каков главный вопрос, и ответить на него. «На самом деле вы спрашиваете, что я...» – говорил я. И казалось, сержанту нравится этот короткий путь.

Но существовало ли когда-нибудь в истории человечества расследование, которое длилось бы более шести лет? Никто не мог рассказать мне ничего нового, я слышал все возможные варианты. Каждый новый следователь выдвигал смехотворные теории и лгал, но было видно, что они все выпускники одной школы: еще до того, как следователь открывал рот, я точно знал, что он или она собирается сказать или почему он или она говорит это.

– Я твой новый следователь. У меня огромный опыт. Меня прислали специально из Вашингтона, чтобы расследовать твоё дело.

– Ты самый важный заключенный в лагере. Если будешь сотрудничать, я лично сопровожу тебя в аэропорт. Если не будешь сотрудничать, проведешь остаток жизни на этом острове.

– Ты очень смывленный. Мы не хотим держать тебя в тюрьме. Мы хотели поймать большую рыбку, отпустив маленькую вроде тебя.

– Ты не направлял самолет в здание, на твою причастность к теракту могут закрыть глаза после пяти минут беседы. США – величайшая страна на планете. Мы предпочитаем прощать, а не наказывать.

– Многие заключенные говорят, что ты очень плохой человек. Лично я им не верю. Но я хотел бы услышать историю с твоей точки зрения, чтобы защитить тебя должным образом.

– Я не против ислама, у меня много друзей-мусульман.

– Я помог многим заключенным выбраться отсюда; достаточно просто написать положительный отчет о том, что ты рассказал всю правду...

И дальше они бесконечно декламировали то, что декламировали другие следователи при встрече со своими заключенными. Многие арестанты не могли сдержать смех, когда им приходилось слушать эту чепуху, будто из «Дня сурка». На самом деле это было нашим единственным развлечением. Когда следователь сказал моему другу-заключенному: «Я знаю, что ты невиновен», – тот засмеялся в голос и ответил: «Я бы предпочел быть преступником и сидеть дома со своими детьми». Я уверен, что все что угодно теряет силу, если бесконечно повторяется. Когда вам говорят что-то вроде «ты самый опасный преступник на планете» впервые, скорее всего, это вас очень сильно пугает. Но если вы слышите эту фразу постоянно, с каждым разом страх отступает все дальше, и в какой-то момент она уже не производит на вас никакого эффекта. Она даже может начать звучать как ежедневный комплимент.

И все же давайте посмотрим на это с точки зрения следователя. Их буквально обучали ненавидеть нас, заключенных. «Эти люди – самые злые создания на земле... Не помогайте врагу... Помните, что они враги... Будьте осторожны, арабы – худшие люди, особенно саудовцы и йеменцы. Они жестокие, они дикари... Осторожно, не приближайтесь к ним и не говорите с ними, пока все внимательно не осмотрите...» В Гуантанамо следователи знают о потенциальном поведении заключенных больше, чем об их действительной значимости для разведки, поэтому американцам постоянно удавалось упускать самую банальную информацию о своих заключенных. Я сейчас говорю о своем личном опыте.

– ХШМ^[121] говорил про тебя! – сказала мне однажды штаб-сержант Мэри.

– ХШМ не знает меня, как он в принципе мог сказать что-то обо мне? Просто прочитайте мое дело еще раз.

– Уверена, что знает. Я покажу тебе! – сказала штаб-сержант Мэри.

Но она так и не показала, потому что она ошибалась. Я слышал о подобных и даже более нелепых примерах, демонстрирующих, как плохо следователи знают заключенных. Правительство скрывало основную информацию об арестантах, преследуя какие-то тактические цели, а потом говорило следователям: «Заключенный, которым вы занимаетесь, вовлечен в террористическую деятельность и обладает важной

информацией о прошедших и готовящихся терактах. Ваша задача – узнать все, что знает он». На самом деле я почти не встречал заключенных, которые были причастны к преступлениям против Соединенных Штатов.

Итак, есть следователи, которые готовы, обучены и натренированы встретить своих худших врагов. И есть заключенные, которых, чаще всего, схватили и передали службам США без какого-либо юридического процесса. Они содержатся в тяжелейших условиях, а потом оказываются в Гуантанамо по воле страны, которая заявляет, что охраняет права людей по всему миру, страны, которая, как подозревают мусульмане, делает все возможное, чтобы стереть ислам с лица земли.

Так что обстановка совсем не способствует любви и примирению. Здесь царит только ненависть.

Однако, хотя в это трудно поверить, я видел, как охранники плакали, когда им приходилось покинуть Гуантанамо.

– Я твой друг, и мне все равно, что говорят другие, – сказал мне один охранник перед своим уходом.

– Мне говорили, что ты очень плохой, но, насколько я могу судить, это совсем не так. Ты мне очень нравишься, и я люблю разговаривать с тобой. Ты отличный человек, – сказал другой.

– Надеюсь, тебя освободят, – искренне сказала штаб-сержант Мэри.

– Вы, парни, мои братья, все вы, – прошептал мне еще один охранник.

– Я люблю тебя! – призналась белая девушка-санитар моему соседу, молодому забавному парню, с которым лично мне было очень приятно общаться. Он был шокирован.

– Что... Здесь нет любви... Я мусульманин!

Я просто посмеялся над этой «запретной» любовью.

Но я не смог сдержать слез, когда однажды я увидел немецкую девушку-охранника, которая плакала от совсем небольшой раны. Забавно, но я спрятал свои чувства, потому что не хотел, чтобы их приняли за слабость или предательство. Одновременно я возненавидел себя и тщетно пытался в себе разобраться. Я начал спрашивать себя об эмоциях, которые испытывал по отношению к своему врагу. Как ты можешь плакать из-за того, кто делал тебе очень больно и разрушил твою жизнь? Как ты вообще можешь любить того, кто невежественно презирает твою религию? Как ты можешь мириться с тем, что эти люди вредят твоим братьям? Как тебе может нравиться кто-то, кто работает день и ночь, чтобы повесить на тебя любое дерьмо? Я был в положении хуже, чем рабском: по крайней мере, раб не всегда закован в цепи, у него есть хоть какая-то ограниченная свобода и ему не нужно каждый день слушать чушь, которую говорят следователи.

Я часто сравнивал себя с рабом. Рабов насильно забирали из Африки, как и меня. Рабов продавали несколько раз перед тем, как они достигали финальной точки маршрута, как и меня. Рабы внезапно переходили тем, кого даже не выбирали, как и я. И еще, взглянув на историю рабов, я заметил, что они иногда становились неотъемлемой частью дома их хозяев.

За все время в тюрьме я прошел несколько фаз. Первая фаза была самой тяжелой: я чуть не сошел с ума, пытаюсь вернуться к семье и своей прежней жизни. Мои муки таились в отдыхе: едва закрыв глаза, я начинал жаловаться своей семье на то, что со мной произошло.

– Я с вами на самом деле, или это сон?

– Нет, ты на самом деле дома!

– Прошу, держите меня, не дайте мне вернуться!

Но реальность всегда настигала меня, когда я просыпался в темной камере, осматриваясь по сторонам, чтобы снова уснуть и испытать все это еще раз. Прошло несколько недель, прежде чем я осознал, что нахожусь в тюрьме и в ближайшее время не вернусь домой. Это было сурово, но этот шаг был необходим, чтобы я осознал ситуацию, в которой оказался. Мне нужно было действовать без эмоций, чтобы избежать худшего, а не тратить время на игры разума. Многие люди не справляются с этим, они сходят с ума. Я видел многих заключенных, которые превращались в безумцев.

Вторая фаза – это осознание того, что вы в тюрьме на самом деле и у вас нет ничего, кроме всего времени в мире, которое вы тратите на размышления о своей жизни. Хотя в Гуантанамо заключенным еще приходится беспокоиться из-за ежедневных допросов. Вы осознаете, что ничего не контролируете: не решаете, что вы едите, когда спите, когда принимаете душ, когда просыпаетесь, когда обращаетесь к врачу, когда встречаетесь со следователем. У вас нет частной жизни, вы даже не можете испражниться без чьего-либо надзора. Поначалу страшно потерять все свои права в мгновение ока, но, поверьте, люди привыкают к этому. Лично я привык.

Третья фаза – это поиск нового дома и семьи.

Семья состоит из охранников и следователей. Да, вы не выбирали их и не росли с ними, но они навсегда станут вашей семьей, нравится вам это или нет, со всеми преимуществами и недостатками. Лично я люблю своих родственников и ни за что бы их не поменял, но в тюрьме я обрел новую семью, о которой тоже тревожусь. Каждый раз, когда кто-то из моей нынешней семьи уходит, я чувствую, будто от моего сердца отрезали кусок. Но я также и очень счастлив, когда плохому члену семьи нужно покинуть нас^[122].

– Скоро мне придется уйти, – объявила штаб-сержант Мэри за несколько дней до своего отъезда.

– Seriously? Почему?

– Пришло время. Но с тобой останется другой сержант. Это было не очень приятно, но спорить бессмысленно: трансфер агентов военной разведки – не тема для дискуссии. Мы посмотрим фильм перед тем, как я уйду, – сказала штаб-сержант Мэри.

– О, хорошо! – сказал я. Я еще не усвоил эту новость.

Штаб-сержант Мэри, скорее всего, изучала психологию и прибыла с западного побережья, возможно, из Калифорнии. Однажды она рассказала мне, что перед тем, как вступить в армию США, в конце 90-х годов, когда ей было немного за 20, ее направили в Боснию. Думаю, что Мэри выросла в довольно бедной семье. Армия США открывает огромные возможности для людей из низших слоев общества, и большинство военных, с которыми я встречался, были из низших слоев. Она высоко ценила взгляды и идеи Ричарда Зулея, но у нее были довольно напряженные отношения с остальной командой. У нее очень сильный характер. В то же время ей нравилась ее работа, и, возможно, ей приходилось переступать через свои принципы. «Я знаю, то, что мы делаем, не очень полезно для нашей страны», – говорила она мне обычно.

Штаб-сержант Мэри была первой американской женщиной-солдатом, с которой я познакомился.

– Сержант, вы так много сквернословите! Мне стыдно за вас, – однажды сказал я.

Она улыбнулась:

– Это потому, что я много времени провожу в окружении парней.

Первое время мне было трудно начать разговор со сквернословящей женщиной, но позже я понял, что в обычной жизни невозможно говорить по-английски, не посылая на три буквы все подряд. Английский терпит больше ругани, чем какой-либо другой язык, и вскоре я тоже научился сквернословить. Иногда охранники просили меня перевести какое-нибудь слово на арабский, немецкий или французский, и я знал перевод, но не мог произнести его, потому что он звучал слишком вызывающе. С другой стороны, ругаясь на английском, я чувствую себя нормально, потому что именно так я изучал язык с самого первого дня. Мне было противно, когда дело доходило до богохульства, но ко всему остальному я относился спокойно. Ругань становится весьма безобидной, когда все вокруг постоянно ее используют.

Штаб-сержант Мэри была одним из моих основных учителей языка сквернословия, наравне с мастером Йодой и остальными охранниками. Штаб-сержант Мэри прошла через сложные отношения; ей изменяли и всякое такое.

– Вы плакали, когда узнали об этом? – спросил я ее.

– Нет, я не хотела, чтобы мой парень наслаждался тем, что был важен для меня. Меня сложно заставить плакать.

– Понимаю.

Но на самом деле лично я не вижу в этом проблемы: я плачу, когда чувствую, что нужно плакать, и признание слабости делает меня сильнее.

Сержант Шэлли, его босс Ричард Зулей и еще несколько закулисных лиц допустили ошибку, назначив на работу со мной штаб-сержанта Мэри. Я осознаю, что пытаюсь оправдать штаб-сержанта Мэри. Она была достаточно взрослой, чтобы понимать, что то, что она делает, неправильно. К тому же она могла одновременно сохранить свою работу и сделать так, чтобы других высокопоставленных офицеров уволили. Она определенно внесла свой вклад в давление, которое на меня оказывали. Но еще я знаю, что штаб-сержант Мэри не верит в пытки.

Я смеялся над вывесками, которые они использовали, чтобы поднять боевой дух следователей и охранников: «Честь обязывает защищать свободу». Однажды я указал на эту вывеску штаб-сержанту Мэри.

– Ненавижу ее, – сказала она.

– Как вы в принципе можете защищать свободу, если вы забираете ее у людей? – спросил я.

Боссы заметили теплые отношения между мной и штаб-сержантом Мэри, поэтому разлучили нас, похитив меня. Последнее, что я слышал от нее, было: «Вы его покалечите! Кто дал вам такой приказ?» Ее крики затихали, пока Мистер Икс и Большой Босс вели меня из «Золотого дома». А когда они решили дать мне шанс на полугуманный допрос, штаб-сержант Мэри вновь вступила в игру. Но на этот раз она была какой-то недружелюбной и использовала каждую возможность показать, как глупы мои слова. Я не мог понять, почему она так себя ведет. Это было мне на руку, или ее просто все раздражали? Я не собираюсь никого судить; оставлю это Аллаху. Я просто привожу факты, какими я их видел, и не пытаюсь выставить кого-то в дурном или хорошем свете. Я понимаю, что идеальных людей нет и все совершают и плохие, и хорошие поступки. Единственный вопрос: сколько тех и других?

– Ты ненавидишь мое правительство? – спросила меня однажды штаб-сержант Мэри, всматриваясь в карту.

– Нет. Я не испытываю ни к кому ненависти.

– На твоём месте я бы ненавидела США! – сказала она. – Знаешь, никто на самом деле не в курсе, чем мы здесь занимаемся. Всего несколько человек в правительстве знают об этом.

– Правда?

– Да. Президент просматривает личные дела некоторых заключенных. Он знаком с твоим делом.

– Серьезно?

Штаб-сержант Мэри больше любила награждать заключенных, чем наказывать их. Могу уверенно сказать, что ей не нравилось участвовать в давлении на меня, хотя она и пыталась сохранить свое «профессиональное» лицо. Одновременно ей очень нравилось давать мне что-нибудь. Именно штаб-сержант Мэри активнее других принимала участие в выборе книг для меня.

– Эта книга от «капитана Коллинза», – сказала однажды Мэри, вручив мне толстую книгу под названием вроде «Жизнь в лесу»^[123]. Это был исторический роман британского писателя, который рассказывает о средневековой Европе и норманнских завоеваниях. Я принял книгу с благодарностью и жадно прочитал ее минимум три раза. Потом она принесла мне несколько книг по «Звездным войнам». Когда я заканчивал одну книгу, она давала мне следующую часть серии.

– О, спасибо большое!

– Тебе понравились «Звездные войны»?

– Конечно!

По правде говоря, мне не очень понравились книги по «Звездным войнам» и их язык, но я вынужден был привыкать ко всем книгам, которые они давали мне. В тюрьме у вас нет ничего, кроме времени, которое вы тратите на обдумывание своей жизни и ее конечной цели. Думаю, что тюрьма – это самая старая и самая лучшая школа в мире: здесь ты познаешь Бога и учишься терпению. Несколько лет в тюрьме сравнимы с десятилетиями, проведенными на свободе. Конечно, есть и разрушительное влияние тюрьмы, особенно на невинных арестантов, которым приходится не только каждый день справляться с трудностями тюремного заключения, но и терпеть психологическую боль, вызванную тем, что их лишили свободы несправедливо. Многие невинные в тюрьме заканчивают жизнь самоубийством.

Просто представьте, как вы ложитесь спать, откладывая все заботы в сторону, наслаждаясь любимым журналом перед сном. Вы уложили детей в постели, ваша семья уже спит. Вы не боитесь, что посреди ночи вас могут вытащить куда-то, где вы никогда раньше не были. Что вас могут лишить сна и все время угрожать. Теперь представьте, что у вас нет права распоряжаться чем-либо в своей жизни: когда спать, когда просыпаться, когда есть и, порой, когда ходить в туалет. Представьте, что весь ваш мир – это камера два на два с половиной метра. Если вы представите все это, то все равно не поймете, что такое тюрьма, пока сами не испытаете это на себе.

Штаб-сержант Мэри пришла, как и обещала, спустя пару дней. У нее был ноутбук и два фильма, и она сказала мне: «Ты можешь решить, какой мы будем смотреть». Я выбрал фильм «Черный ястреб». Второй вариант я уже не помню.

Фильм был кровавый и грустный. Больше внимания я обращал на эмоции Мэри и охранников, чем на сам фильм. Штаб-сержант Мэри была довольно спокойной; регулярно она ставила фильм на паузу, чтобы объяснить историческую основу некоторых сцен. Охранники практически сходили с ума от эмоций, наблюдая, как многие американцы получают смертельные ранения. Но они забыли, что число убитых американцев ничтожно мало по сравнению с числом жертв со стороны Сомали, где людей атаковали в их собственных домах. Меня удивляло, какими узкомыслящими могут быть люди. Рассматривая ситуацию только с одной стороны, они определенно не могут увидеть всю картину. Именно поэтому возникает недопонимание, которое ведет к кровавым конфликтам.

Когда мы досмотрели фильм, Мэри упаковала ноутбук и собралась уезжать.

– Эм, кстати, вы не сказали мне, когда собираетесь уехать!

– Я здесь закончила, ты больше никогда не увидишь меня.

Я встал как вкопанный. Мэри не говорила мне, что уедет *так* скоро; я думал, может, через месяц, три недели или что-то вроде того, но сегодня? В моем понимании это было невозможно. Представьте, будто смерть медленно пожирает вашего друга, а вы просто наблюдаете, как он постепенно исчезает.

– Неужели так скоро? Я удивлен! Вы не говорили... Прощайте, – сказал я. – Желаю вам всего хорошего.

– Я должна выполнять приказы, но я оставляю тебя в хороших руках.

И она ушла прочь. Я неохотно вернулся в камеру и молча заплакал, как если бы потерял кого-то из семьи, а не того, чьей работой было пытать меня и бесконечно стараться вытащить из меня информацию. Я одновременно ненавидел и жалел себя за все, что происходило со мной.

– Могу я увидеться со своим следователем? – спросил я у охранников, надеясь, что они смогут поймать Мэри, пока она не дошла до главных ворот.

– Мы попробуем, – сказал Йода.

Я вернулся в камеру, и вскоре Мэри пришла к двери моей камеры.

– Это не честно. Вы знаете, что я прошел через пытки, и я не готов к следующему раунду.

– Тебя не пытали. Ты должен довериться моему правительству. Пока ты говоришь правду, ничего плохого с тобой не случится!

Конечно, она имела в виду официальное определение «правды». Но я не хотел спорить с ней о чем-либо.

– Я просто не хочу начинать все сначала с новым следователем, – сказал я.

– Этого не произойдет, – сказала Мэри. – Кроме того, ты сможешь писать мне. Обещаю, я отвечу на любое твоё письмо.

– Нет, я не буду писать вам, – ответил я.

– Хорошо, – сказала Мэри. – Ты в порядке?

– Нет, но вы точно можете идти.

– Я не уйду, пока ты не убедишь меня, что все в порядке, – сказала Мэри.

– Я сказал, что должен был сказать. Счастливого пути. Да направит вас Аллах. Со мной все будет хорошо.

– Уверена, так и будет. Тебе понадобится не больше недели, чтобы забыть меня.

На это я ничего не ответил. Вместо этого я вернулся в камеру и заставил себя лечь. Мэри еще несколько минут стояла и повторяла то же самое: «Я не уйду, пока ты не убедишь меня, что все в порядке».

После того как Мэри ушла, я больше ее не видел и не пытался связаться с ней. На этом закончилась глава моей жизни, связанная с штаб-сержантом Мэри.

– Я слышал, что вчерашнее прощание было очень эмоциональным. Никогда о тебе бы так не подумал. Ты бы сказал о себе, что ты преступник? – спросил сержант Шэлли на следующий день.

Я осмотрительно ответил: «В некоторой степени». Я не хотел попасть ни в какую ловушку, хотя и чувствовал, что он задал этот вопрос искренне, поняв, что его представления обо мне, как о злом человеке, оказались ошибочными.

– Вопросы про зло закончились, – сказал сержант Шэлли.

– Я не буду по ним скучать, – ответил я.

Сержант Шэлли пришел постричь меня. Самое время! Одной из мер моего наказания был запрет на бритье, чистку зубов и стрижку, так что сегодня был важный день. Они привели парикмахера в маске. Этот парень выглядел очень устрашающе, но он сделал свою работу. Еще сержант Шэлли принес книгу, которую давно обещал дать мне, «Последняя теорема Ферма». Она мне очень понравилась. Понравилась так сильно, что я охотно прочитал ее дважды. Книга, написанная британским журналистом, рассказывает об известной теореме Ферма, которая гласит, что $A^n + B^n = C^n$ не имеет решения, если n больше двух. Больше 300 лет математики со всего мира бились над безобидной на вид теоремой, но так не смогли решить ее, пока британский математик в 1993 году не выступил со сложным доказательством. Оно явно отличалось от того, которое имел в виду Ферма, когда написал: «У меня есть изящное доказательство, но на бумаге закончилось место».

Меня постригли и затем отправили в душ. Сержант Шэлли не был общительным человеком, когда дело доходило до социального взаимодействия. Он задал мне всего один вопрос о компьютерах.

– Ты будешь сотрудничать с новым сержантом?

– Да.

– И со всеми, кто будет работать вместе с ней?

– Да.

Охранники придумали прозвища, объединенные одной идеей: они хотели, чтобы их называли именами персонажей из фильмов «Звездные войны».

– С этого момента мы джедаи, и только так ты будешь называть нас. Тебя будут звать Подушка, – сказал мастер джедай. Однажды я узнал из книги, что джедаи – что-то вроде «хороших парней», которые сражаются с силами зла. Поэтому я должен был быть «силой зла», а охранники представляли «хороших парней».

– Мастер Йода, так ты будешь называть меня, – сказал другой охранник.

Втайне от него я называл его Следователь-младший, потому что он ставил себя немного выше других охранников и немного ниже следователей. Он разработал собственные правила обращения со мной, в том числе систему наказаний и поощрений. Ему было чуть больше 40 лет, он был женат и с двумя детьми, он невысокий, но спортивного телосложения. Какое-то время он проработал на Ближнем Востоке, в Ливане, а потом начал выполнять «специальные поручения» для ВМС США.

– Я работал, чтобы ломать террористов вроде тебя, – рассказал он мне.

– Ваша работа выполнена. Я сломлен, – ответил я.

– Ничего не проси у меня. Если тебе что-то нужно, проси это у своего следователя.

– Я все понял, – сказал я.

Звучит странно и противоречиво, но хоть Йода и был суровым парнем, он был гуманным. Его лай был хуже, чем его укус. Йода понимал то, чего не понимают многие охранники: если вы говорите и рассказываете своим следователям то, что они хотят услышать, вам нужно дать отдохнуть. Многие другие кретины продолжали удваивать давление, оказываемое на меня, просто так.

Мастер Йода был главным среди всех охранников.

– Моя задача – дать тебе увидеть свет, – сказал мне Йода, наблюдая, как я ем.

Охранникам запрещалось говорить со мной или друг с другом, и я не должен был разговаривать с ними. Но Йода не любил работать по правилам. Он размышлял больше, чем кто-либо еще из охранников, и его целью было привести свою страну к победе, неважно какими способами.

– Да, сэр, – ответил я, даже не понимая, что он имеет в виду.

Я подумал о буквальном смысле света, который я не видел уже очень давно, и думал, что он позволит мне увидеть дневной свет, если я буду сотрудничать. Но Йода говорил о фигуральном значении. Йода всегда кричал и пугал меня, но никогда не бил. Он незаконно допрашивал меня несколько раз, поэтому я называл его у себя в голове Следователь-младший.

Мастер Йода хотел, чтобы я подтвердил огромное количество безумных теорий, о которых он слышал от следователей. Более того, он хотел больше узнать о терроризме и экстремизме. Я думаю, что он сам мечтал стать следователем. Какая же адская мечта!

Йода, по его собственному признанию, республиканец, он ненавидит демократов, особенно Билла Клинтона. Он считает, что США не должны вмешиваться в дела других стран, вместо этого им следует сфокусироваться на внутренних проблемах. Но если какая-то страна или группа стран нападает на США, враги должны быть жестоко и немедленно уничтожены.

– Довольно справедливо, – сказал я.

Я просто хотел, чтобы он замолчал. Он из тех людей, которых невозможно остановить, если они завелись. Боже, у меня от него уши заболели! Когда Йода впервые заговорил со мной, я отказался отвечать, потому что все, что мне можно было говорить, было: «Да, сэр», «Нет, сэр», «Нужен врач», «Нужны следователи». Но он хотел пообщаться со мной.

– Ты мой враг, – сказал Йода.

– Да, сэр.

– Поэтому будем говорить как враг с врагом, – сказал он. Он открыл мою камеру и предложил присесть. Большую часть времени говорил Йода.

Он рассказывал о величии и могуществе Соединенных Штатов. «США то, США это, мы, американцы, такие и такие...» Я просто смотрел на него и слегка кивал. Регулярно я подтверждал, что внимательно слушаю его, говоря: «Да, сэр... Правда?... О, а я не знал... Вы правы... Я знаю...» Во время наших бесед он незаметно пытался заставить меня признаться в преступлениях, которые я не совершал.

– Какую роль ты исполнял в теракте 11 сентября?

– Я не принимал участие в теракте 11 сентября.

– Ложь! – закричал он, как безумец.

Я понял, нет никакой пользы в том, чтобы доказывать свою невиновность, по крайней мере сейчас. Поэтому я сказал:

– Я занимался радио- и телекоммуникационным оборудованием в «Аль-Каиде».

Казалось, что ложь делала его счастливее.

– Какое у тебя было звание? – продолжил копать он.

– Я был лейтенантом.

– Я знаю, что ты был в США, – обманул он.

Об этом я точно не мог врать. Я мог туманно говорить, что сделал много всего в Афганистане, потому что американцы не могут подтвердить или опровергнуть это. Но американцы могут легко проверить, был ли я в их собственной стране.

– На самом деле я не был в США, – ответил я, хотя и был готов поменять свой ответ, если у меня не останется выбора.

– Ты был в Детройте, – язвительно ухмыльнулся он.

Я улыбнулся в ответ:

– Я не был там.

Хотя Йода и не поверил мне, он не стал настаивать на своем. Его интересовал длительный разговор со мной. В обмен на мои признания он начал давать больше еды и перестал кричать на меня. Тем временем, чтобы поддержать страх, остальные охранники кричали на меня и били в металлическую дверь моей камеры. Каждый раз, когда они делали это, мое сердце колотилось, хотя чем чаще они это делали, тем меньше я боялся.

– Почему ты трясешься? – спросил меня однажды Йода, забирая для разговора.

Когда он был на службе, я его одновременно и любил, и ненавидел. Я ненавидел то, как он допрашивает меня, но мне нравилось, что он дает мне больше еды и выдает новую одежду.

– Я не знаю, – ответил я.

– Я не причиню тебе вреда.

– Хорошо.

Потребовалось некоторое время, чтобы я согласился разговаривать с Йодой. Он начал давать мне уроки и заставил меня познать их на собственной шкуре. Уроки были поговорками и состояли из фраз, которые он хотел, чтобы я запомнил и применял в жизни. Я все еще помню эти уроки:

1) думай, прежде чем действовать;

2) не путай доброту и слабость;

3) всегда держи вопросы в голове, когда тебя о ком-то спрашивают.

Каждый раз, когда Йода считал, что я нарушил один из уроков, он выводил меня из камеры, разбрасывал мои вещи повсюду, а я должен был убрать все как можно быстрее. Мне никогда не удавалось расставить все по своим местам, но он заставлял меня делать это по несколько раз, после чего я чудесным образом возвращал все на место вовремя.

С каждым днем мои отношения с Йодой становились все лучше, как и с остальными охранниками, потому что они очень уважали его.

– К черту! Когда я смотрю на Подушку, я не думаю, что он террорист, я вижу, что это мой старый друг, и мне всегда нравится играть с ним, – сказал он другим охранникам.

Я немного расслабился и стал увереннее в себе. После этого охранники увидели во мне юморного парня и стали проводить со мной время, чтобы развлечься. Они заставляли меня чинить их DVD-проигрыватели и ноутбуки, а в обмен разрешали мне смотреть кино. У Йоды была не самая последняя модель компьютера, а когда коллега Йоды спросил меня, видел ли я его ПК, я ответил:

– Вы имеете в виду тот музейный экспонат?

Коллега Йоды рассмеялся:

– Лучше надейся, что он не слышал твоих слов.

– Не говорите ему!

Мы медленно, но верно становились сообществом и начали сплетничать о следователях и давать им прозвища. Тем временем девушка, пришедшая на замену Мэри, научила меня играть в шахматы. До тюрьмы я не мог отличить пешку от коня, да и вообще особо не увлекался играми. Но шахматы показались мне очень интересной игрой. Особенно мне понравилось, что даже заключенный имеет полный контроль над фигурами, который придает ему некоторую уверенность в себе. Когда я начал играть в шахматы, то играл очень агрессивно, чтобы высвободить свое раздражение, а это не очень хорошая тактика. Та девушка была моим первым учителем, она обыграла меня в моей самой первой игре в шахматы. Но следующая игра была за мной, и все остальные игры тоже. Шахматы – это игра тактики, искусства и математики. Она требует глубокого размышления, а удача никогда не помогает. Игра поощряет или наказывает вас за ваши действия.

Посоветовавшись со своим боссом «капитаном Коллинзом», она оставила мне доску для шахмат, чтобы я мог играть против самого себя. Когда охранники заметили мою доску, они все захотели сыграть со мной, и в самом начале они все время выигрывали. Самым сильным среди охранников был Йода. Он научил меня контролировать центр. Более

того, он принес мне несколько книг, которые очень помогли мне отточить навыки игры. У охранников не было ни единого шанса победить меня.

– Я не так учил тебя играть в шахматы! – со злостью сказал Йода, когда я выиграл.

– Что я должен делать?

– Ты должен выработать стратегию и организовать атаку! Вот почему чертовы арабы никогда не выигрывают.

– Почему нельзя просто играть фигурами на доске? – поинтересовался я.

– Шахматы – это не просто игра, – сказал он.

– Просто представьте, что играете против компьютера!

– По-твоему, я похож на компьютер?

– Нет.

В следующей игре я попытался разработать такую стратегию, чтобы позволить ему выиграть.

– Теперь ты понимаешь, как нужно играть в шахматы, – отметил он.

Я знал, что мастеру Йоде очень сложно признавать поражение, поэтому мне не нравилось играть с ним: мне было некомфортно, когда я пробовал использовать новые знания. Он убежден, что есть два типа людей: белые американцы и весь остальной мир. Белые американцы умны, и они лучше, чем кто-либо еще. Когда я пытался объяснить ему что-нибудь, говоря, например: «На вашем месте я бы» или «Если бы вы были на моем месте», – его это злило, и он говорил: «Не смей никогда сравнивать меня с собой или сравнивать любого американца с собой!» Меня это шокировало, но я сделал, как он сказал. В конце концов, мне не нужно было сравнивать себя с кем-то. Йода ненавидел остальной мир, особенно арабов, евреев, французов, кубинцев и других. Он хорошо отзывался только об Англии.

После очередной игры в шахматы он отшвырнул доску в сторону.

– К черту твои ниггерские шахматы, эти жидовские шахматы, – сказал он.

– Вы что-то имеете против чернокожих людей? – спросил я.

– Ниггер не значит черный, ниггер значит тупой, – ответил он.

У нас было много подобных дискуссий. В то время среди них был только один чернокожий охранник, у которого не было права голоса. Когда он работал с Йодой, они вообще не разговаривали.

Йода презирал его. У него очень сильный характер: доминирующий, авторитарный, патриархальный и высокомерный.

– Моя жена называет меня козлом, – с гордостью рассказал мне он.

Йода в основном слушал рок-н-ролл и некоторые жанры кантри. Его любимые песни – «Die Terrorist Die», «The Taliban Song» и «Let the Bodies Hit the Floor». Он приносил с собой ноутбук и показывал мне клипы на военные песни. Я был поражен тем, как красиво можно поставить и снять пропагандистские ролики.

Еще охранники нелегально приносили свои ноутбуки и просили меня нарисовать, как я представляю себе их. Все это время в специальном лагере «Эхо» охранники скрывались за масками, которые они выбрали и поделили между собой, среди них были Дядя Сэм, Джордж Буш и дикое лицо, похожее на кошачье. Это было просто: я понимал, что, если нарисую их уродливыми, они расстроятся, а мне придется пережить последствия этого расстройств. Йода был счастлив, потому что я выбрал в качестве основы его портрета лицо, сильно похожее на Тома Круза, и внес пару своих штрихов тут и там.

Я никогда не видел его лица, потому что он уехал до того, как новые правила, позволяющие охранникам показывать свои лица, вступили в силу. Но як этому относился спокойно. В тот момент мне совершенно не хотелось видеть ничьи лица. Поначалу Йода был груб со мной: он вытаскивал меня из камеры и заставлял бежать в цепях, крича при этом: «Шевелись!».

– Ты знаешь, кто ты? – спрашивал он меня.

– Да, сэр!

– Ты террорист!

– Да, сэр!

– Так, давай немного посчитаем: если ты убил пять тысяч человек своим сотрудничеством с «Аль-Каидой», нам следует убить тебя пять тысяч раз. Но нет, ведь мы американцы, поэтому мы кормим тебя и готовы заплатить тебе за информацию.

– Так точно, сэр!

Однако после теста на детекторе лжи «капитан Коллинз» приказал охранникам быть со мной дружелюбными. Друзья Йоды начали относиться ко мне как к человеку. Мне нравилось обсуждать с ним что-нибудь, потому что он очень хорошо говорил на английском, хотя и всегда считал, что он прав.

– Наша задача – приспособить тебя! – говорил он мне с сарказмом. – Тебе нужна домработница.

Так как охранники копируют друг друга, мастер Люк копировал мастера Йоду.

Коллегой мастера Йоды был инспектор: он любил обходить мою камеру и смотреть, все ли находится на своем месте, сложена ли простыня под углом 45 градусов к матрасу и все в таком духе. Еще он постоянно осматривал душ, и, если он находил маленький волосок, оставленный

там, он вместе с Йодой заставлял меня мыть все еще раз. Неважно, сколько раз я уже мыл, все должно было быть в идеальном порядке.

Коллега мастера Йоды особенно интересовался тем, как я мысленно слежу за календарем и как различаю день и ночь, несмотря на все попытки охранников перемешать все у меня в голове. Однажды они попытались убедить меня, что Рождество – это День благодарения, но я на это не купился.

– Это не имеет никакого значения, но я убежден, что сейчас Рождество, – говорил я им.

– Мы хотим, чтобы ты объяснил нам наши ошибки, чтобы мы избежали их, когда будем работать с новым заключенным.

Я объяснил столько, сколько нужно, но я уверен, что они допустят много других ошибок со следующим заключенным, потому что никто не идеален.

Коллега Йоды объяснил мне, что мое положение может стать хуже.

– Ты еще ничего не видел.

– Я уверяю вас, я не хочу видеть больше, – говорил я.

Возможно, он был прав, хотя и упустил один важный момент: никто из охранников не видел всего, что происходило со мной. В моей транспортировке участвовал Большой Босс, и он пользовался каждой возможностью избить меня в новом месте. Для него это явно не было проблемой, ведь бить меня ему позволили самые высшие власти Гуантанамо.

Коллега Йоды был единственным охранником, который не спал во время своей смены. Он сводил меня с ума, постоянно ошиваясь поблизости. Он любил удивлять меня посреди ночи, стуча в металлическую дверь моей камеры и заставляя меня принять душ и вымыть всю камеру. Я не должен был отдыхать больше часа: это один из самых важных способов сломать человека в заключении, потому что вы должны ненавидеть свою жизнь, своих охранников, свою камеру, своих следователей и даже себя. И именно этим занимался коллега Йоды, пока команда следователей и Йода не отдали новый приказ.

Большой Босс – белый мужчина 20 с небольшим лет, очень высокий, ленивый и с неспортивным телосложением.

– Мистер Икс – мой лучший друг, – рассказал он мне однажды.

– Как вы познакомились с Мистером Иксом?

Он не ответил и только улыбнулся, но продолжил говорить о Мистере Иксе и о том, как он издевался надо мной. Я всегда менял тему, потому что не хотел, чтобы охранники думали, что бить меня – это нормально. Я был рад, что охранники знали не обо всем, что со мной происходило;

мне не было нужно, чтобы у этой банды была мотивация совершать преступления.

Большой Босс был самым жестоким охранником. В здании V 3 специального лагеря «Эхо» охранники регулярно нападали на меня, чтобы поддерживать меня в состоянии страха. Они приходили большой группой в масках, кричали и давали противоречивые приказы, чтобы я не знал, что делать. Они вытаскивали меня из камеры и повсюду разбрасывали мои вещи.

«Вставай... Лицом к стене... В последнее время ты слишком много отдыхал... У тебя есть Подушка... Ха-ха! Осмотрите камеру... Это кусок дерьма может что-то прятать... Мы нашли два рисовых зерна под матрасом... У тебя 20 секунд, чтобы убрать все на место!»

Игра заканчивалась, когда они заставляли меня потеть. Я знал, что у охранников нет приказа избивать меня, но этот использовал каждую возможность избить или сильно оцарапать меня. Не думаю, что он самый умный, но он был хорошо натренирован избивать людей так, чтобы не было следов. «Удары по ребрам болезненны и не оставляют шрамов, особенно если сразу после побоев приложить лед», – рассказал мне один из охранников. Большой Босс был жестоким и шумным, но, слава богу, очень ленивым. Он лаял только в начале своей смены и спустя совсем немного времени исчезал со сцены, чтобы посмотреть кино или пойти спать.

Большой Босс не видел в своей работе ничего плохого, наоборот, он очень гордился тем, что делает, и его сводило с ума, что он получает недостаточно за свою грязную работу.

«К черту следователей: мы делаем всю работу, а они получают деньги», – сказал мне как-то Большой Босс.

Он плохо ладил с мастером Йодой, единственным парнем, кто был выше его по званию. «Йода – слюнтяй!» – так он описал мне его. В любом случае Большой Босс плохо чувствовал себя в социуме. Он не мог вести нормальную беседу, как все остальные. Он редко принимал участие в разговорах, а когда говорил, то о своем диком сексе. Многих охранников объединяет непонимание, как некоторые люди могут не заниматься сексом до свадьбы.

– Ты гей.

Это была обычная реплика.

– С этим у меня все в порядке, но мне нельзя заниматься сексом до свадьбы. Можете считать меня идиотом, но это нормально!

– Как ты можешь купить машину, не взяв ее на тест-драйв?

– Во-первых, женщина – это не машина. И я делаю это из-за своей религии.

Даже моя женщина-следователь Мэри удивила меня, когда однажды сказала: «Я бы никогда не вышла замуж, не опробовав партнера». Но я все равно убежден, что некоторые американцы не верят в секс до свадьбы.

Специалист, называвший себя мастер Джедай, был человеком, который придумал дать всем охранникам имена персонажей из «Звездных войн». Он думал, что все, что он делает со мной, – это часть его работы, ничего личного. Но еще он приносил мне печенье и даже газеты. Регулярно он заставлял меня мыть всю зону для охранников, но мне это действительно нравилось. Я мог видеть, чем там занимаются охранники, и в качестве поощрения получал содовую.

Когда мы общались, мастеру Джедаю нравилось говорить о себе. Он рассказал, что ему поручили собирать сведения обо мне еще до того, как меня похитили из «Золотого дома». Он подтвердил это, дав точное описание того, что со мной происходило. Я никогда не замечал его в блоках лагеря «Дельта», и, видимо, не должен был замечать. Мастер Джедай в основном работал на пару с мастером Люком; в начале и в решающий период Джедай был за главного. Джедай был в хорошей физической форме, в отличие от своего друга Люка.

Мастер Джедай последовательно и добросовестно выполнял приказы «капитана Коллинза» и других следователей. Он и его коллега посадили меня на водную диету, заставляли меня делать физические упражнения, запрещали молиться и поститься и все время устраивали «Душевую вечеринку». Это мастер Джедай придумал ту раздражающую нескончаемую муштру, когда я должен был собирать все вещи и расставлять их по местам. Еще он решил, что туалет и раковина всегда должны быть сухими, и в конце концов мне приходилось вытирать свой тюремной робой, потому что полотенце у меня не было. Он почти никогда не давал мне отдохнуть, кроме тех моментов, когда он и Люк начинали играть в Call of Duty и забывали обо мне. Тем не менее могу честно сказать вам, что мастеру Джедаю не нравилось мучить и пытаться меня.

– Почему вы запретили молиться мне, если знаете, что это незаконный приказ? – спросил я его, когда мы стали друзьями.

– Я мог бы не запрещать, но тогда меня бы отправили на очень дерьмовую работу.

Он рассказал мне, что «капитан Коллинз» приказал ему не давать мне соблюдать какие-либо религиозные ритуалы. Джедай сказал: «Я попаду в ад за то, что запрещал тебе молиться».

Мастер Джедай был так счастлив, когда ему приказали относиться ко мне хорошо. «Мне на самом деле нравится проводить время с тобой больше, чем дома», – сказал он искренне. Он был очень щедрым со мной: угощал пирожными, показывал фильмы, и мы вместе играли в PS2. Перед тем как уйти, он дал мне выбрать между двумя играми:

Madden 2004 и Nascar 2004. Я выбрал Nascar 2004, и она до сих пор у меня. Но прежде всего Джедай был чертовски веселым парнем. Он всегда говорил правду и рассказал мне много интересного. Порой он сообщал мне слишком много того, что я не хотел и не должен был знать.

Он был заядлым геймером, постоянно играл в видеоигры. Я очень плох в них, это просто не для меня. Я всегда говорил охранникам: «Американцы – это всего лишь большие малыши. В моей стране не принято, чтобы люди моего возраста сидели перед консолью и тратили время на игрушки». Действительно, одно из наказаний их цивилизации – это пристрастие к видеоиграм.

И еще американцы боготворят свои тела. Они хорошо едят. Когда меня доставили на авиабазу в Баграме, я подумал: «Какого черта тут происходит, эти солдаты постоянно что-то жуют». Ида, Бог наградил американцев огромным количеством полезной еды, но они расточительны, как никто другой: если бы все страны жили, как американцы, планета не выдержала бы всех наших отходов.

Еще они тренируются. У меня много друзей из разных слоев общества, и я на самом деле никогда не слышал от них, чтобы они обсуждали план своей следующей тренировки.

– Это журнал для гомосексуалистов? – спросил я охранника, в руках которого был журнал о фитнесе для мужчин, на его обложке красовался перекачанный мужчина. Вы знаете, один из тех парней, которые качаются до тех пор, пока их шеи не исчезнут, а головы не перестанут помещаться между плечами.

– О чем ты, черт возьми, говоришь?! Это журнал про фитнес, – ответил он.

Американцы менее толерантны к гомосексуалистам, чем немцы, и они качаются столько, будто готовятся к драке.

– Когда я обнимаю жену, она чувствует себя в безопасности, – сказал мне мастер Йода.

– Моя жена всегда чувствует себя в безопасности, ее не нужно обнимать, чтобы успокоить, – ответил я.

Мастер Джедай был как все: он покупал больше еды, чем ему нужно, тренировался даже во время своей смены, планировал увеличить член, играл в видеоигры и очень смущался, когда речь заходила о его религии.

– Подушка, говорю же, я правда не знаю. Но я христианин, и мои родители отмечают Рождество каждый год, – рассказал он. – Моя девушка хочет обратиться в ислам, но я запретил ей.

– Ну же, Джедай, ты должен позволить ей выбрать самой. Вы что, не верите в свободу вероисповедания? – ответил я.

У специалиста были все качества настоящего человека: мне нравилось общаться с ним, потому что ему всегда было что сказать. Ему нравилось

впечатлять женщин на острове. Особенно его возмущал охранник, который отказался взять себе имя из «Звездных войн». Я не могу винить его за это!

Он возмущал всех. Он был ленивым и все делал крайне медленно. Никто не хотел работать с ним, все его постоянно обсуждали у него за спиной. Этот тощий белый парень не проявлял инициативу, не обладал сильным характером и постоянно копировал всех охранников. Только начав работать с командой, он вел себя очень тихо. Он просто подавал мне еду и заставлял пить воду каждый час. И все в целом было нормально. Но он быстро понял, что можно на меня кричать, можно забирать у меня еду и заставлять выполнять физические упражнения, которые я делать не хотел. Он не мог поверить, что ему доверили такую власть, и чуть не сходил с ума, когда заставлял меня стоять часами по ночам, хотя знал, что у меня проблемы с седалищным нервом. Он заставлял меня убираться в камере снова и снова. Заставлял меня мыть душ снова и снова.

– Надеюсь, ты совершишь ошибку, любую ошибку, и я смогу тебя ударить, – приговаривал он, неумело изображая какие-то приемы несуществующего боевого искусства, которые, вероятно, выдумал специально для этой должности. Даже после того как «капитан Коллинз» приказал охранникам быть добрыми со мной, он стал вести себя только хуже, словно пытаюсь наверстать то, что упустил.

– Будешь звать меня мастер, ясно? – сказал он.

– О да, – ответил я, думая: «Кем он, черт возьми, себя возомнил?!»

В нем нет ничего особенного, кроме того, что он родился белым мужчиной на территории США. У него напарником был только единственный черный охранник в команде, и хотя он был выше по званию, мастер все время командовал. Когда он увидел, что другие охранники играют со мной в шахматы, то захотел поиграть тоже, но вскоре я обнаружил, насколько плохой он игрок. К тому же он постоянно навязывал собственные правила игры, ведь он мастер, а я заключенный. В его шахматном мире король стоял на клетке своего же цвета, а это идет вразрез с правилом: на старте игры король должен стоять на клетке противоположного цвета. Я знал, что он неправ, но поправлять его было нельзя, поэтому с ним мне приходилось играть по его правилам.

Примерно 15 марта 2004 года команда следователей ЕОГ предоставила мне телевизор со встроенным видеомэгнитофоном, чтобы я смотрел фильмы, которые они мне давали. «Капитан Коллинз» предложил мне фильм «Гладиатор» из своей коллекции. Я люблю этот фильм, потому что он во всех красках показывает: силы зла в конце концов проигрывают, какими бы сильными они ни казались. Сержант и ее коллега показывали мне множество интересных фильмов по предварительной консультации и одобрению.

В реальной жизни я не очень любил кино. С момента, когда мне исполнилось 18, я не досмотрел ни одного фильма до конца. Мне нравятся документальные фильмы и кино, основанное на реальных событиях. Но мне сложно погрузиться в кино, потому что я знаю, что все показанное в фильме ненастоящее. Но в тюрьме я мыслю иначе: я ценю любое изображение обычных людей, которые носят обычную одежду и разговаривают о чем-то, кроме терроризма и допросов. Я просто хочу посмотреть на млекопитающих, на которых я похож.

Все мои знакомые американцы часто смотрят кино. В США это что-то вроде «скажи мне, сколько фильмов ты посмотрел, и я скажу, кто ты». Но если американцы могут чем-то гордиться, то это своей киноиндустрией.

Конечно, телевизор был без антенны, потому что мне нельзя было смотреть ТВ или знать о том, что происходит вне моей камеры. Мне можно было смотреть только фильмы, одобренные «капитаном Коллинзом». Разумеется, несправедливо отрезать человека от внешнего мира и запрещать ему знать, что происходит снаружи, независимо от того, причастен он к преступлению или нет. Я заметил, что у ТВ/видеомагнитофона был радиоприемник, который принимал местные трансляции, но я никогда не трогал его: хотя это мое базовое право – слушать любое радио, какое я захочу. Мне кажется, было бы неправильно бить протянутую руку помощи. И неважно, что «капитан Коллинз» и другие следователи делали со мной. Я был рад, что они выдали мне такой инструмент для развлечения, и я не собирался использовать его против них. Более того, «капитан Коллинз» принес мне ноутбук, чему я тоже был очень рад. Конечно, мне дали его в основном для того, чтобы я помог печатать в него свои ответы во время допросов, чтобы сэкономить время и силы для команды ЕОГ. Но я относился к этому спокойно, в конце концов, я хотел донести свои слова, а не их интерпретацию.

– Слушай, у меня есть арабская музыка, – сказала сержант, протягивая мне аудио CD.

– О, здорово!

Но это даже близко не был арабский. Это был боснийский. Я посмеялся от души.

– Довольно близко. Это боснийская музыка, – сказал я, когда услышал первые слова песни.

– Боснийский и арабский – это не одно и то же? – спросила сержант. Это лишь маленький пример того, насколько мало американцы знают об арабах и исламе.

Сержант – член ЕОГ, а не просто какой-то посторонний человек; она якобы должна много знать об арабах и исламе. Но она и другие следователи всегда говорили мне: «Вы, люди с Ближнего Востока...» – что совершенно не соответствует действительности. Для многих

американцев мир поделен на три части: США, Ближний Восток, Европа и весь остальной мир вместе с ней. К сожалению, с точки зрения географии мир немного больше. У себя на родине мне приходилось звонить в США по работе. Я помню следующий диалог:

– Здравствуйте, мы работаем с офисными материалами. Мы заинтересованы в том, чтобы представлять вашу компанию.

– Откуда вы звоните? – спросила девушка на другом конце провода.

– Мавритания.

– Какой штат? – спросила девушка, чтобы получить более точную информацию. Мне неприятно удивило, насколько мал ее мир.

Замешательство «капитана Коллинза» было так же очевидно, как и его незнание о терроризме. Человек был совершенно в ужасе, как будто он тонул и искал соломинку, за которую можно ухватиться. Полагаю, я и был одной из таких соломинок, и он крепко ухватился за меня.

– Я не понимаю, почему люди ненавидят нас? Мы помогаем всему миру! – сказал он однажды, желая узнать мое мнение.

– Я тоже не понимаю, – ответил я.

Я осознавал, что бессмысленно объяснять ему исторические объективные причины, которые привели нас к этому, поэтому я решил проигнорировать его комментарий. К тому же очень не просто переубедить старика вроде него.

Многие юноши и девушки вступают в ряды армии США из-за лживой пропаганды американского правительства, которая заставляет их поверить, что Вооруженные силы это не что иное, как война чести. Если вы вступаете в армию, вы становитесь живой мортирой: вы защищаете не только свою семью, свою родину и американскую демократию, но вы также защищаете свободу и угнетенных людей по всему миру. Отлично, в этом нет ничего плохого, это даже может быть мечтой какого-нибудь молодого парня или девушки. Но в реальности армия США немножечко отличается от этих рассказов. В общем, весь мир считает, что американцы – это кучка варваров, страдающих отомщения. Это звучит довольно грубо, и лично я не верю, что каждый американец – варвар. Но правительство США тратит последний пенни на жестокость, как волшебное решение всех проблем, и каждый день теряет друзей, но, кажется, им на это наплевать.

– Слушайте, штаб-сержант, все вас, ребята, ненавидят, даже ваши старые друзья. Немцы ненавидят вас, французы ненавидят вас, – сказал я однажды штаб-сержанту Мэри.

– Пусть идут к черту. Нам даже лучше, чтобы они ненавидели нас, так мы сможем хорошенько надрать им задницы, – ответила Мэри.

Я просто улыбнулся от того, как легко был вынесен этот вердикт.

– Это лишь одна точка зрения, – ответил я.

– К черту террористов.

– Хорошо, – сказал я. – Но сначала вам нужно найти террористов. Вы не можете просто сходить с ума и измываться над каждым встречным во имя победы над терроризмом.

Она была убеждена, что каждый араб – террорист, пока не докажет обратное. Подобные странные беседы у меня бывали и с ее коллегой.

– Ты нужен нам, чтобы закрыть Ахмеда Лаабиди до конца его дней, – сказал он однажды.

– Я уже помог. Я представил достаточно сведений, чтобы вы могли осудить его.

– Но он все отрицает. Он имеет дело с другими учреждениями, которые работают не так, как мы. Если бы я мог добраться до него, все было бы совершенно по-другому!

Я подумал: «Надеюсь, ты никогда ни до кого не доберешься».

В другой раз, говоря об Ахмеди Ресааме, сержант Шэлли сказал мне:

– Он говорит только одно: он провернул всю операцию в одиночку.

– О, звучит убедительно! – сказал я иронично.

Позднее я начал копировать сержанта Шэлли, используя те же фразы, что и он. Он всегда говорил мне: «Все, что ты можешь сказать, это „я не знаю“, „я не помню“. Очень убедительно! Думаешь, сможешь впечатлить американского судью своей харизмой?» Он любил всегда цитировать американского президента, говоря: «Мы не позволим вам отправиться в суд и использовать нашу систему правосудия, потому что вы планируете уничтожить ее!»

– Это часть большого заговора? – иронично поинтересовался я.

– «Аль-Каида» пользуется нашей либеральной системой правосудия, – продолжил он.

Я ничего не знал о либеральной системе правосудия, о которой он говорил: США побили мировой рекорд по количеству арестантов в тюрьмах. Число заключенных уже превышает два миллиона – это больше, чем в любой другой стране мира, а их реабилитационные программы совершенно провальные. Соединенные Штаты – это «демократическая» страна с самой жестокой системой наказаний, по факту, это отличный пример того, что суровые наказания никак не помогают уменьшить количество преступлений. Европа намного гуманнее и справедливее, и реабилитационные программы там работают по-настоящему, поэтому преступления в Европе совершаются реже, чем в США. Но американская поговорка гласит: «Когда дело плохо, сильные берутся за него». Жестокость порождает жестокость: единственное, что вы можете дать в долг и быть уверенным, что вам

отплатят тем же, – это жестокость. Это может занять какое-то время, но вы всегда получите свой долг назад.

Когда мое положение улучшилось, я попросил «капитана Коллинза» перевести меня в другое место, потому что хотел забыть все плохое, что со мной здесь произошло. Он попытался выполнить мою просьбу. Много раз он обещал мне трансфер, но обещание не сдерживал. Я не сомневался в его намерениях, но понимал, что на маленьком острове Гуантанамо шла борьба за власть. Каждый хотел откусить самый большой кусок пирога и получить больше всего денег за работу по сбору разведданных. Он искренне обещал мне много чего, но эти обещания тоже сдержать не мог.

В «капитане Коллинзе» меня поражало то, что он никогда не упоминал историю моих пыток. Я всегда ожидал, что он начнет говорить об этом, но ничего подобного не происходило: табу! Лично я боялся говорить об этом, я не чувствовал себя в безопасности. Даже если бы он поднял эту тему, я бы не стал обсуждать ее.

Но, по крайней мере, он сказал мне, где я нахожусь.

– Я должен проинформировать тебя, против воли остальных членов моей команды, что ты в Гуантанамо, – сказал он. – Ты был с нами честен, и мы должны ответить тебе тем же.

Хотя весь остальной мир не знал, где США удерживали меня, я знал место своего содержания благодаря Богу и неуклюжести специальной команды ЕОГ. Но я вел себя так, будто впервые об этом услышал. Когда я пишу эти строки, я все еще сижу в той же камере, но, по крайней мере, теперь мне не нужно притворяться, что я не знаю, где нахожусь.

В начале 2004 года армия США предоставила доступ к первому письму от моей семьи^[124]. Его передали мне через Международный Комитет Красного Креста. Семья написала его за много месяцев до этого, еще в июле 2003 года. Прошло 815 дней с тех пор, как меня похитили из дома, и связь между мной и моей семьей оборвалась. С того дня, когда меня доставили на Кубу, я писал много писем родным, но все было без толку. В Иордании мне вообще запрещали писать письма.

«Капитан Коллинз» был тем, кто вручил мне этот исторический лист, на котором было написано:

Нуакшот, июль 2003 года

Во имя Бога Милосердного.

Да обретешь ты покой и милосердие Божье.

От твоей мамы Мэризм Минт Эль-Вадиа

После приветствия я сообщаю тебе, что у меня все отлично и у всех членов семьи тоже. Надеемся, что у тебя все так же хорошо. С моим

здоровьем все в порядке. Я все так же посещаю своих врачей. Я чувствую, что мне становится лучше. С семьей тоже все в порядке.

Как я уже сказала, все передают тебе привет. Любимый мой! До нынешнего момента мы получили от тебя три письма. А это наш второй ответ. У соседей все хорошо, и они просили передать тебе привет. В конце письма хочу еще раз поприветствовать тебя. Надеюсь, Бог наградит тебя терпением.

Твоя мама, Мэриэм

Трудно было поверить, что, пройдя через столько трудностей, я наконец держал в руках письмо от мамы. Я чувствовал аромат письма, которого касалась мама и все члены моей любимой семьи. Я испытывал смешанные чувства и не знал, что мне делать: плакать или смеяться. В конечном счете я и смеялся, и плакал одновременно. Я читал короткое письмо снова и снова и знал, что оно настоящее, а не как то поддельное, которое мне вручили год назад. Но я не мог ответить своей семье, потому что мне все еще запрещали видеться с представителями Красного Креста.

Тем временем мне продолжали выдавать книги на английском, которые мне очень нравилось читать, в основном западную художественную литературу. Я все еще помню одну книгу, из-за которой я чуть живот не надорвал от смеха. Она называлась «Над пропастью во ржи». Это была очень забавная книга. Я старался смеяться как можно тише, но охранники все равно слышали меня.

– Ты плачешь? – спросил один из них.

– Нет, я в порядке, – ответил я.

Это был мой первый смех в океане слез. Следователи – не профессиональные комедианты, так что чаще всего они пересказывали какие-то глупые шутки, которыми никого нельзя было насмешить, но я всегда натягивал улыбку.

В это время, спустя месяцы в специальном лагере «Эхо», гении из ЕОГ решили, что разрешат мне видеть лица охранников и территорию вне блока. Женщина-сержант пришла утром воскресенья и ждала меня снаружи. Мастер Люк без маски подошел к моей камере и объяснил, что произойдет дальше. Я не узнал его, конечно, и подумал, что это новый следователь. Но когда он заговорил, я сразу понял, что это он.

– Вы мастер Люк?

– Не переживай, твой следователь ждет тебя снаружи.

Я был ошеломлен и напуган одновременно, это было слишком. Мастер Джедай вывел меня из здания, постоянно отворачиваясь от меня, потому что стеснялся своего лица. Если кто-то долгое время скрывается под маской, вы узнаете этого человека именно по маске. Но, если он или она снимает ее, вам приходится иметь дело с его или ее чертами лица, а это

очень сложно для вас обоих. Было видно, что охранникам трудно показывать свои лица.

Большой Босс прямо сказал:

– Если замечу, что ты смотришь на меня, тебе не поздоровится.

– Не переживайте, не очень-то мне и хотелось смотреть на ваше лицо.

За то время, что я провел здесь, у меня сложилось смутное представление об их лицах, но мои фантазии были далеки от реальности.

Сержант накрыла небольшой стол со скромным завтраком. Я был чертовски напуган: во-первых, она никогда не выводила меня наружу, во-вторых, я не привык видеть своих охранников без масок. Я старался вести себя естественно, но дрожь выдавала меня.

– Что с тобой? – спросила она.

– Я нервничаю. Я не привык к такой обстановке.

– Но мы старались для тебя.

Сержант была деловым человеком: если она допрашивает вас, она делает это официально, если она завтракает с вами, она относится к этому, как к работе. И мне это нравилось. Я ждал, пока завтрак подойдет к концу, чтобы наконец вернуться в камеру, потому что сержант принесла мне фильм по пьесе Шекспира «Король Генрих V».

– Сержант, можно мне посмотреть фильм больше одного раза? – спросил я. – Я боюсь, что не пойму его с первого просмотра.

Когда сержант впервые принесла телевизор, она объяснила охранникам, что мне можно смотреть каждый фильм всего один раз. «Тебе нельзя пересматривать фильмы, но мы убеждены, что ты можешь смотреть их, сколько хочешь, если не расскажешь об этом своему следователю. Нам на самом деле все равно», – сказал мне потом Йода.

– Нет, я буду придерживаться того, что сказала сержант. Я не стану никого обманывать, – ответил я.

Мне не хотелось все испортить и лишиться такой полезной вещи, поэтому я относился к ней бережно. Впрочем, в этот раз сержант дала свое согласие.

– Можешь посмотреть его столько раз, сколько хочешь, – сказала она.

Я попросил еще кое о чем:

– Сержант, можно я оставлю бутылку с водой в камере и буду пить тогда, когда захочу?

Я просто устал от постоянного недосыпа из-за того, что посреди ночи металлическая дверь моей камеры открывается и меня заставляют пить воду. Я знал, что сержант не тот человек, от кого стоит ожидать инициативы, она была обязана в точности выполнять приказы «капитана

Коллинза». Но, к моему удивлению, она пришла на следующий день и сказала охранникам, что теперь бутылка должна находиться в моей камере. Вы даже представить не можете, как счастлив я был, потому что мне разрешили пить, когда и сколько я захочу. Люди, которые никогда не оказывались в подобном положении, не могут по-настоящему ценить возможность свободно пить воду.

Позже, в июле 2004 года, в корзине для белья я нашел копию священного Корана. Когда я увидел священный Коран под одеждой, мне стало плохо, ведь я должен был украсть его, чтобы спасти. Я забрал Коран к себе в камеру, и никто о нем никогда не спрашивал. И я об этом тоже никогда не говорил. Мне запрещали проводить религиозные ритуалы, поэтому я подумал, что Коран в моей камере не очень-то обрадует моих следователей. Более того, чуть позже религиозная тема стала очень щекотливой. Исламского священника в Гуантанамо арестовали, а солдата-мусульманина обвинили в измене. О да, в *измене*^[125]. Многие арабские и религиозные книги были запрещены, так же как и учебники по английскому языку. Я примерно понимал, почему запретили религиозную литературу.

– Но почему учебники по английскому? – спросил я женщину-сержанта.

– Потому что заключенные быстро осваивают язык и начинают понимать охранников.

– Похоже на слова коммуниста, сержант! – сказал я.

До сих пор мне не приносили никаких религиозных книг, хотя я постоянно просил о них. Все, что мне доставалось, это романы и рассказы о животных. Сняв маски, охранники примирились с моими молитвами. Я ценил их терпимость к моим практикам ислама. Раньше я регулярно испытывал терпимость охранников и следователей, и они всякий раз не давали мне молиться. Поэтому я молился втайне от них. Но в тот день в конце июля 2004 года я молился в присутствии нескольких новых охранников, и никто ничего не сказал. Началась новая эра моего заключения.

Примерно в апреле 2004 года командир ЕОГ передал управление командой полковнику Военно-морских сил США по имени Форест, а позднее военному майору, который называл себя Андерсон. Его настоящего имени я не знаю. Многие люди в специальной команде пытались убедить меня, что главный по-прежнему Ричард Зулей, чтобы сохранить фактор страха. На самом же деле Зулея отправили в Ирак вместе с генералом Миллером. Ричард Зулей вернулся оттуда однажды, чтобы навестить меня в специальном лагере «Эхо» и убедить меня, что он все еще главный^[126].

– Слушай, у меня еще много работы в Вашингтоне и за границей. Возможно, мы будем видеться не так часто, как ты к этому привык. Но ты знаешь, что меня радует, а что раздражает, – сказал он.

– Конечно знаю! – сказал я ему.

Зулей уладил кое-какие разногласия с моей новой командой в мою пользу и оставил мне на память камуфляжную пустынную шляпу. Эта шляпа все еще у меня. После этого разговора я никогда больше его не видел.

Наконец в сентябре 2004 года после долгих споров с правительством Красному Кресту разрешили встретиться со мной. Представителям Красного Креста показалось странным, что я внезапно исчез из лагеря, будто земля поглотила меня. Но их представители потерпели неудачу в попытках увидеть меня или хотя бы узнать, где меня держат.

Международный Комитет Красного Креста очень беспокоило мое положение, но они не могли прийти, когда я нуждался в них больше всего. Я не виню их, они определенно очень старались. В Гуантанамо следователь всегда несет ответственность за радость и отчаяние заключенного и полностью его контролирует. Генерал Миллер и его коллега Ричард Зулей категорически отказывались связывать меня с Красным Крестом. Только после того, как генерал Миллер покинул Гуантанамо, представителям Креста дали возможность увидеться со мной.

– Ты последний заключенный, ради встречи с которым нам пришлось бороться. Со всеми остальными проблем не было, – сказала Беатрис, представитель Красного Креста. Беатрис была крошечной белокожей дамой примерно 50 лет, у нее были кудрявые волосы и очень серьезное выражение лица, как если бы она искренне была из-за чего-то расстроена.

Она и ее коллеги пытались расспросить меня обо всем, что случилось, пока они не могли видеться со мной. «Мы разговаривали со многими заключенными, с которыми жестоко обращались. Но нам нужно узнать все о тебе, чтобы мы могли предотвратить насилие в дальнейшем». Несмотря на их просьбы, я не рассказывал им о жестоком обращении со мной, потому что боялся возмездия. Еще я молчал просто потому, что Красный Крест был не в состоянии хоть как-то повлиять на правительство США: они пытались, но правительство не поменяло своего курса ни на дюйм. Если они разрешали Красному Кресту встретиться с заключенным, это означало, что работа с ним была завершена.

– Мы не сможем помочь, если ты не расскажешь, что с тобой происходило, – уверяли они меня.

– Прошу прощения! Меня интересует только отправка и получение писем, и я благодарен, что вы помогаете мне с этим.

Беатрис была высокопоставленным представителем Красного Креста из Швейцарии, и она расследовала мое дело. Ее коллеги в Вашингтоне прислали ее, чтобы убедить меня рассказать, что со мной происходило;

она, как и другие до нее, пыталась заставить меня говорить, но это ни к чему не привело. Я просто был слишком напуган. Я заметил, что Беатрис была расстроена из-за меня, когда уходила, но она пыталась переубедить меня.

– Мы понимаем твое беспокойство, – сказала она мне. – Все, о чем мы беспокоимся, это твое состояние, и мы уважаем твой выбор.

Несмотря на то что беседы с Красным Крестом должны быть конфиденциальными, позднее меня допрашивали о первой встрече с ними, и я честно рассказал своим следователям, о чем мы говорили. Потом я рассказал об этом представителю Красного Креста, и после этого меня ни разу больше не допрашивали о наших встречах. Мы, заключенные, знали, что за нашими беседами с представителями Красного Креста следили. С некоторыми заключенными потом разбирались из-за того, что они рассказали представителям Красного Креста, хотя следователи ЕОГ никак не смогли бы узнать об этих признаниях, если бы за встречей заключенных с представителями Красного Креста не велась слежка. Многие заключенные отказывались разговаривать с представителями Красного Креста, потому что подозревали, что вместо их представителей с ними на самом деле будут говорить переодетые следователи. Я сам знаю несколько следователей, которые выдавали себя за независимых журналистов. Но мне это казалось слишком наивным: нужно быть идиотом, чтобы перепутать следователя с журналистом, и есть методы получше, чтобы получить всю нужную информацию от глупца. Из-за подобных случаев между заключенными и Красным Крестом установились напряженные отношения – некоторых представителей даже оскорбляли и плевали им в лицо.

Примерно тогда же меня попросили пообщаться с настоящим журналистом. Времена генерала Миллера были тяжелыми для всех: он был очень жестоким человеком и решительно вредил уже и без того искалеченному имиджу правительства США. Теперь многие люди из руководства страны пытались очистить свою репутацию.

– Знаешь, многие врут об этом месте, утверждая, что заключенных пытаются. Мы бы хотели, чтобы ты пообщался с независимым журналистом из *Wall Street Journal* и опроверг все, в чем нас подозревают.

– Ну, вообще-то меня пытали, и я расскажу журналисту правду. Чистую правду. Без преувеличения или преуменьшения. Я не собираюсь никого оправдывать, – сказал я.

После этого интервью отменили, что было хорошо: я все равно не хотел ни с кем общаться.

Со временем меня познакомили с моим новым «секретным» боссом. Я не знаю наверняка, почему команда держала его имя в тайне и пыталась убедить меня, что Ричард Зулей все еще был главным. Скорее всего,

потому, что они подумали, что я не буду настроен на сотрудничество с кем-то кроме Зулея. Но они ошибались: больше, чем кто-либо из разведки, я был заинтересован в том, чтобы вынести мою историю в свет. Полковник Форест работал над моим делом за кулисами некоторое время, а затем пришел ко мне, чтобы познакомиться лично. Я не знаю его настоящего имени, но он представился Морпехом. Это был белый мужчина около 40 лет, ростом примерно 180 сантиметров и со светло-русыми волосами. Он показался мне довольно интеллигентным и вдумчивым, и, кажется, он расценивал свою работу, как сбор данных, а не пытки людей. Во время наших бесед он показался мне довольно скромным. Он делал все возможное, чтобы сделать мою жизнь в тюрьме как можно легче.

Я попросил его перестать держать меня в изоляции и позволить увидаться с другими заключенными, и он организовал мне несколько встреч с заключенным-египтянином по имени Тарик Аль-Савах, в основном, чтобы мы вместе поели и поиграли в шахматы. Не Тарика я хотел бы увидеть в первую очередь, но не мне было решать, с кем встретиться. К тому же я просто до смерти хотел увидаться с другим заключенным, с которым у меня было что-то общее.

В начале лета 2005 года они перевели Тарика с соседний со мной домик и разрешили нам видаться во время отдыха^[127]. Мистер Аль-Савах был старше меня, ему было около 48 лет. Кажется, ему не удалось перенести шок от заключения и сохранить свой рассудок. Он страдал от паранойи, амнезии, депрессии и других ментальных расстройств. Некоторые следователи утверждали, что он притворяется, но, как мне кажется, он окончательно сошел с ума. Я не знал, кому верить, но мне было все равно. Мне страшно нужна была хоть какая-то компания, и он смог составить мне ее подобие.

Есть и обратная сторона того, что мы, заключенные, проводим время вместе, особенно если знаем друг друга только по лагерю: обычно мы очень скептически настроены по отношению друг к другу. Но в этом плане я был спокоен, потому что мне было совершенно нечего скрывать.

– Они приказали тебе разузнать у меня что-то? – спросил он меня.

Я не был удивлен, потому что подозревал его в том же самом.

– Тарик, расслабься и просто думай, что я шпиону за тобой. Держи язык за зубами и говори только о том, о чем ты можешь спокойно рассказать, – ответил я.

– У тебя нет секретов? – поинтересовался он.

– Нет. И я разрешаю тебе представить им любую информацию, которую ты узнал обо мне, – сказал я.

Я точно помню первый день августа, когда военный специалист, которая называла себя Эми, вбежала в мою камеру и, улыбаясь, поприветствовала меня:

– Ас-саляму алейкум.

– Уа-алейкум ас-салям! Tetkallami Arabi? – поприветствовал я ее и спросил, говорит ли она на арабском.

– Не говорю.

На самом деле Эми уже использовала все слова, которые знает на арабском, – приветствие. Эми и я сразу начали общаться так, будто были знакомы уже много лет. Она изучала биологию и вступила в армию США, скорее всего, чтобы заплатить за свое образование в колледже. Многие американцы так делают: учеба в колледжах США чертовски дорогая.

– Я помогу тебе завести сад, – сказала Эми.

Очень давно я просил следователей достать для меня несколько семян, чтобы проводить разные эксперименты и, возможно, выращивать что-нибудь в агрессивной почве Гуантанамо.

– У меня есть опыт садоводства, – продолжила она.

И в самом деле, оказалось, что у Эми был опыт: она помогла мне вырастить подсолнухи, базилик, полынь, петрушку, кинзу и всякое такое. Но, несмотря на то как она мне помогала, я продолжал ворчать по поводу одного-единственного негативного эпизода, в котором она заставила меня поучаствовать.

– У меня проблема со сверчками. Они уничтожают мой сад, – пожаловался я.

– Возьми мыло, смешай его с водой и каждый день распыляй его понемногу на растения, – предложила Эми.

Я слепо последовал ее совету. После этого я стал замечать, что зелень выглядит больной и плохо растет. Чтобы проверить мои опасения, я решил наносить разбавленное мыло только на половину растений и посмотреть, что из этого выйдет. Понадобилось совсем немного времени, чтобы увидеть, что мыло было причиной проблем, и я окончательно перестал пользоваться этим методом.

После этого я говорил Эми:

– Я знаю, что ты изучала: ты изучала, как убивать растения разбавленным мылом!

– Заткнись! Просто ты в чем-то ошибся.

– Неважно.

Полковник Форест представил мне Эми, и с этих пор она полностью взяла мое дело в свои руки. По какой-то причине специальная команда

подумала, что я не буду уважать ее и со скепсисом относились к выбору ее кандидатуры. Но им не о чем было беспокоиться: Эми относилась ко мне как к брату, а я относился к ней как к сестре. Конечно, кто-то может подумать, что это все уловки следователей, чтобы получить от меня нужную информацию: они могут быть дружелюбными, общительными, гуманными, щедрыми и чувственными, но они все еще злобно и с подозрением относятся ко всему. Разумеется, есть объективные причины сомневаться в намерениях следователей, хотя бы из-за сути их работы. Главная задача следователя – получить всю информацию от источника, и чем она мрачнее, тем лучше. Но следователи тоже люди, у них есть чувства и эмоции. Меня непрерывно допрашивали с января 2000 года, и я видел разных следователей – хороших, плохих и каких-то средних между ними. Правительство США назначает заключенному Гуантанамо команду следователей, которая проводит с ним каждый день, затем их сменяет новая команда, и так без конца. Так что, нравится вам это или нет, вам придется научиться жить со своими следователями и попытаться извлечь из жизни самое лучшее. Более того, я отношусь ко всему, основываясь на том, что они мне показывают, а не на том, что они могли бы скрывать от меня. Это правило я применяю со всеми, включая моих следователей.

Так как я никогда не занимался полноценно английским языком, мне была нужна, да и до сих пор не помешает, помощь в совершенствовании моих языковых навыков. Специалист Эми усердно работала над этим, особенно над моим произношением и грамотностью. Когда дело доходит до орфографии, английский становится отвратительным: я не знаю ни одного другого языка, в котором слово «полковник» пишется как «*Colonel*» и произносится как «*Kernel*». Даже носители языка испытывают колоссальные трудности с тем, что одни и те же буквосочетания не всегда произносятся одинаково.

А еще предлоги в английском совершенно нелогичны, вам просто приходится заучивать их. Помню, я все время говорил «*I am afraid from...*», а Эми поправляла меня: «*Afraid of*». Уверен, я сводил ее с ума. Моя проблема в том, что меня учили языку не те люди, а именно: полуграмотные служащие Вооруженных сил США. Поэтому мне нужен был тот, кто заменит мой неправильный английский на правильный. Может, все-таки существует шанс научить старую собаку новым трюкам, и это именно то, чем доблестно занималась специалист Эми. Думаю, у нее хорошо получалось, хотя порой нам было очень тяжело. Эми однажды забыла, что я нахожусь рядом, и сказала что-то вроде: «*Amana use the bathroom*»^[128], и я спросил:

– О, *Amana* – это какое-то слово, которое я упустил?

– Даже не лезь в это! – ответила она.

Эми учила меня американскому английскому.

– Но британцы говорят так-то и так-то, – сказал я.

– Ты не британец, – ответила она.

– Я просто хочу сказать, что это слово можно произнести по-разному, – сказал я.

Но она не смогла объяснить мне все необходимые правила грамматики. Будучи носителем языка, специалист Эми чувствует язык, а я нет. Помимо своего родного языка, она говорила на русском и собиралась преподавать его мне. Я хотел изучить русский, но у нее было мало времени, и через какое-то время я потерял всякое желание. Такой ленивый человек, как я, не выучит новый язык, пока обстоятельства не заставят его это сделать. Эми очень хотела изучить арабский, но и на это у нее тоже не было времени. Ее работа занимала уйму времени и днем, и ночью.

К этому моменту мое состояние здоровья стало намного лучше, чем в Иордании, но я все еще весил меньше нормы. Моя иммунная система отказывалась работать, я подолгу болел, и с каждым днем мое состояние заметно ухудшалось. Иногда сопровождающая команда вела меня мимо стены с зеркалом, и мне становилось страшно при виде моего лица. Это было жалкое зрелище. Хотя еда в лагере становилась все лучше и лучше, мне это совершенно не помогало.

– Почему ты не ешь? – всегда спрашивали охранники.

– Я не голоден, – обычно отвечал я.

Однажды Эми случайно стала свидетелем того, какой мне подают обед.

– Можно я посмотрю на твою еду?

– Да, конечно.

– Что, черт возьми, они здесь подают? Это же мусор! – воскликнула Эми.

– Нет, еда нормальная. Я не очень люблю разговаривать о еде, – сказал я. И я на самом деле не люблю.

– Слушай, может, для тебя эта еда и нормальная, но она не соответствует стандартам. Нам нужно поменять твой рацион, – сказала она.

Затем произошло настоящее чудо – специалист Эми смогла за короткий срок организовать для меня адекватный рацион, который значительно улучшил состояние моего здоровья.

По американским стандартам Эми была религиозным человеком. Я был очень рад, что рядом со мной человек, у кого можно поучиться.

– Эми, ты можешь достать для меня Библию?

– Посмотрим, что я смогу сделать, – сказала она и действительно принесла мне свою личную Библию, специальное издание.

– Как попасть в рай согласно вашей религии? – спросил я ее.

– Ты принимаешь Христа как своего Спасителя и веришь, что Он умер за твои грехи.

– Я убежден, что Христос был одним из величайших пророков, но я не верю, что Он умер за мои грехи. Для меня это бессмыслица какая-то. Я должен сам заботиться о себе, совершая правильные поступки, – ответил я.

– Этого недостаточно, чтобы быть спасенным.

– Тогда куда я попаду после смерти? – поинтересовался я.

– Согласно моей религии, ты попадешь в ад.

Я искренне рассмеялся и сказал Эми:

– Это очень грустно. Я каждый день молюсь и прошу Бога о прощении. Искренне. Я превозношу его больше, чем вы. Как видишь, я не очень успешен в этой жизни, поэтому надеюсь только на загробную жизнь.

Эми одновременно злилась на меня и испытывала чувство стыда. Злилась, потому что я посмеялся над ее высказыванием, а стыдилась, потому что поняла, что не знает, как спасти меня.

– Не буду врать тебе: это то, что говорит моя религия, – сказала она.

– Ничего, у меня с этим нет проблем. Можете готовить суп так, как вы этого хотите. Я не злюсь из-за того, что ты отправляешь меня в ад.

– А что насчет ислама? Я попаду в рай?

– Это совсем другая история. В Исламе, чтобы попасть в рай, ты должна принять Мохаммеда, естественного преемника Христа, и быть хорошим мусульманкой. И поскольку ты отрицаешь Мохаммеда, ты не попадешь в рай, – ответил я честно.

Эми была рада, что я тоже отправил ее в ад.

– Поэтому давай оба попадем в ад и там встретимся! – сказала она.

– Я не собираюсь в ад. Хотя я признанный грешник, я прошу Бога о прощении.

Когда у нас было свободное время, мы всегда обсуждали религию и доставали Библию и Коран, чтобы читать, что говорят та и другая книги.

– Ты бы вышла замуж за мусульманина?

– Никогда, – ответила она.

Я улыбнулся:

– Лично у меня не было бы проблем с тем, чтобы жениться на христианке, если она не имеет ничего против моей религии.

– Ты пытаешься обратить меня? – эмоционально спросила Эми.

– Да, пытаюсь.

– Я никогда, никогда не буду мусульманкой.

Я засмеялся:

– Почему тебя это так задевает? Ты тоже пытаешься обратить меня, но меня это не беспокоит, потому что это то, во что вы верите.

Затем я продолжил:

– Ты бы вышла замуж за католика, Эми?

– Да.

– Но я не понимаю. В Библии говорится, что после развода нельзя выходить замуж. Поэтому ты потенциальная грешница.

Эми сильно задело, что я процитировал Библию.

– Хватит. И, если не возражаешь, давай сменим тему.

Я удивился и немного улыбнулся:

– Хорошо! Прости за этот разговор.

Так закончилось в тот день обсуждение религии, потом мы взяли перерыв еще на несколько дней и после продолжили диалог.

– Эми, я на самом деле не понимаю концепции Троицы. Чем больше я пытаюсь понять ее, тем сильнее путаюсь.

– У нас есть Отец, Сын и Святой Дух, они втроем представляют Бога.

– Подожди! Разъясни это для меня. Бог – это отец Христа, правильно?

– Да!

– Биологический отец? – спросил я.

– Нет.

– Тогда почему вы называете его Отцом? Если вы говорите, что Бог – это наш отец в том смысле, что Он заботится о нас, тогда я все понимаю, – прокомментировал я.

– Да, так и есть, – сказала она.

– Значит, нет смысла в том, чтобы называть Иисуса Сыном Божьим?

– Но так сказано в Библии, – ответила она.

– Но, Эми, я не верю в стопроцентную точность Библии.

– Все равно Иисус – это Бог, – сказала она.

– Так Иисус Бог или Сын Божий?

– И то и другое!

– Эми, звучит как-то нелогично, не замечаешь?

– Слушай, я очень плохо понимаю Троицу. Мне нужно поискать информацию и спросить у эксперта.

– Справедливо, – сказал я. – Но как ты можешь верить в то, чего не понимаешь?

- Я понимаю, просто не могу объяснить, – ответила Эми.
- Давай сменим тему, – предложил я. – По вашей религии я все равно обречен. Но что насчет бушменов, живущих в Африке, у которых нет возможности узнать об Иисусе Христе?
- Для них нет спасения.
- Но что они сделали не так?
- Я не согласна с тем, что они должны страдать, но так говорит моя религия.
- Довольно справедливо.
- А что насчет ислама? – спросила Эми.
- В Коране говорится, что Бог не наказывает, если не направляет посланника, чтобы тот научил людей.

Эми представила меня своему другу сержанту Чарльзу, который был из тех людей, что нравятся вам с первой встречи. Сержант Чарльз был невысоким тощим белокожим мужчиной примерно 30 лет. Он был более набожным и менее толерантным, чем Эми; он рассказал мне, что он баптист. Ему не нравились вопросы о его убеждениях, даже если их задавала Эми. Но он был веселым человеком, и ему искренне нравилось проводить время со мной. Он не был моим следователем, он работал с Тариком и приходил ко мне, потому что ему было интересно со мной разговаривать. Он скорее тот, кто любит, чем тот, кто ненавидит. Сержант Чарльз и Эми – хорошие друзья, и он боролся за улучшение наших условий.

Эми представила его мне как своего друга и человека, который поможет ей утолить мою жажду информации о христианстве. Хотя мне нравилось близкое общение с Чарльзом, он никак не помог мне понять Троицу. Он даже еще больше запутал меня и тоже предсказал мне не лучшую судьбу, отправив меня в ад. Закончилось тем, что сержант Чарльз поспорил с Эми из-за небольших различий в вере, хотя они оба были протестантами. Я понял, что они не помогут мне разобраться, поэтому поменял тему разговора, и так мы начали обсуждать другие проблемы.

Очень забавно, до какой степени неверно представление американцев об арабах: дикие, жестокие, бесчувственные и хладнокровные. Могу с уверенностью заявить, что арабы миролюбивые, чувственные, цивилизованные, а еще мы умеем любить.

– Эми, вы, ребята, заявляете, что мы жестокие, но если вы послушаете арабские песни или почитаете арабские стихи, вы увидите, что они все о любви. А американская музыка превозносит жестокость и ненависть по большей части.

За то время, что я провел с Эми, мы прочитали много разных стихотворений. У меня ничего не сохранилось, все осталось у нее. Еще Эми дала мне сборник своих собственных стихотворений. Ее творчество

сюрреалистично, а я очень плох, когда речь идет о сюрреализме. Я почти не понимал, о чем были ее стихи.

Одно из моих стихотворений было написано под впечатлением от шедевра одного немецкого поэта по имени Курт Швиттерс. Его стихотворение называется «Анна Блум». Однажды я рассказал Эми об этом стихотворении, о котором я узнал, когда был в Германии, и которое мои братья перевели на арабский. Она принесла мне английский перевод, который сделал Швиттерс.

Oh thou, beloved of my twenty-seven senses, I love thine
Thou thee
thee thine, I thine,
thou mine, we?
That (by the way) is beside the point!
Who art thou, uncounted woman,
Thou art, art thou? People say, thou werst,
Let them say, they don't know what they are talking about.ц

И затем идет продолжение:

PRIZE QUESTION: 1. Eve Blossom is red,
2. Eve Blossom has wheels
3. What colour are the wheels?
Blue is the colour of your yellow hair
Red is the whirl of your green wheels.

Мне очень расстроило, что английское стихотворение не передает истинный смысл, и попросил принести мне немецкий текст. Я прочитал его Эми, и он понравился ей даже больше, хотя она совсем немного знает немецкий. Поэтому я написал свое поэтическое посвящение Анне Блум в таком же хаотичном стиле. Оно ей так понравилось, что она взяла себе псевдоним Анна Блум^[129].

Все это время я отказывался рассказывать о том, в каких условиях меня содержали, что Эми и ее босс понимали и уважали. Я не хотел говорить, во-первых, потому, что я боялся возмездия, во-вторых, потому, что я скептически относился к желанию государства решать проблемы как следует, и, в-третьих, потому, что в исламе принято доносить свои жалобы до Бога, а не раскрывать их людям. Но Эми продолжала терпеливо переубеждать меня. Более того, она объяснила мне, что обязана сообщить своему начальству о любом нарушении содержания, допущенном ее коллегами.

После тщательного обдумывания вариантов я решил поговорить со специалистом Эми. Выслушав меня, она привела полковника Фореста,

который попросил всех охранников выйти и затем задал мне несколько вопросов о моих проблемах. Полковник Форест предусмотрительно хотел избежать утечки и распространения моей истории. Я не знаю, что случилось после этого, Министерство обороны провело нечто вроде внутреннего расследования, потому что меня еще не раз допрашивали обо всем этом^[130].

– Ты очень смелый парень! – говорила мне Эми, когда речь заходила о моей истории.

– Я так не думаю! Я просто люблю покой. Но я знаю наверняка, что люди, которые пытаются беззащитных заключенных, трусы.

Я всегда пытался сменить тему разговора и поговорить о чем-то другом. Но специалист Эми и ее босс провели много времени, допрашивая меня о жестоком обращении и о тех, кто к этому причастен. Их обоим интересовало поведение ФБР. Эми не нравилось, что агенты ФБР и юристы приходят извне, и мне показалось, что она мечтала нарыть что-нибудь на них. Но я сказал им, что ФБР не пытало меня. Я рассказал им историю так, как смог. Но я очень боялся последствий, потому что знал, что участвовавшие в пытках все еще имеют полную власть над ситуацией.

Вскоре после этого Эми уехала на три недели.

– Я уезжаю в Монреаль со своим товарищем. Расскажи мне об этом городе.

Я рассказал ей все, что помнил о Монреале, но сказать я мог совсем немного.

Специалист Эми едва успела переодеться после возвращения, прежде чем навестить меня. Она была искренне рада видеть меня снова, и я тоже был рад. Эми сказала, что ей понравилось в Канаде и что путешествие было удачным, но, кажется, в Гуантанамо она чувствовала себя счастливее. Она устала после дороги, поэтому только заглянула, чтобы узнать, как у меня дела, а потом ушла.

Я вернулся в камеру и написал Эми следующее письмо:

Привет, Эми, я знаю, что ты была в Канаде со своим парнем, и я понимаю, что вы просто пытались хорошо провести время за пределами Гуантанамо. Я всего лишь заключенный, неудача которого привела его к тебе: я не выбирал, знать ли мне тебя, работать ли мне с тобой. Я пытаюсь извлечь все возможное из этой неприятной ситуации, и, признаюсь тебе, для меня это настоящий вызов. Мне от тебя ничего не нужно; я концентрируюсь только на том, чтобы сохранить рассудок. Я не знаю, почему ты думаешь, что мне есть дело до того, что ты делаешь за пределами тюрьмы. Я не спрашивал тебя о поездке, но я не люблю, когда мне врут и держат меня за идиота. Я на самом деле не знаю, о чем ты думала, когда придумывала эту историю, чтобы сбить меня с толку. Я

не заслуживаю такого отношения. Я решил написать тебе вместо того, чтобы сказать лично, чтобы у тебя была возможность обдумать все и не заставлять тебя быстро придумывать отговорки. Более того, тебе не нужно давать мне какой-либо ответ. Просто уничтожь это письмо и считай, что его никогда не было.

Твой верный Слахи

Я прочитал письмо охранникам перед тем, как вручил запечатанный конверт Эми и попросил ее не читать письмо в моем присутствии.

– Какого черта? Откуда ты знаешь, что Эми была со своим парнем? – спросил меня дежурный охранник.

– Сердце никогда не обманывает меня!

– Это бред какой-то. И вообще, какого черта тебя это должно волновать?

– Если вы не можете сказать, была ли у женщины близость с мужчиной, вы никакой не мужчина, – сказал я. – Мне плевать, но я не одобряю, когда Эми или кто-то еще пытается манипулировать моим чувством собственного достоинства и играет со мной, особенно, когда я в таком положении. Эми, может, думает, что я ранимый, но я сильный.

– Ты прав! Это хреново.

Эми пришла ко мне на следующий день и во всем созналась.

– Прости меня! Я просто подумала, что у нас близкие отношения и тебе будет больно, если ты узнаешь, что я уехала с моим парнем-врачом и наслаждалась Монреалем, пока ты торчал здесь, – грустно сказала она.

– Во-первых, спасибо за то, что ты пришла. Я просто запутался! Ты думаешь, я хочу отношений с тобой? Я не хочу! Ради всего святого, ты христианка, которая участвует в войне против моей религии и моего народа! Кроме того, я не знаю, сколько еще времени проведу в этой тюрьме.

После этого разговора Эми часто пыталась сказать мне, что, по ее мнению, ей не следует продолжать работать в моей команде следователей. Она боялась, что я больше не буду сотрудничать с ней или с полковником Форестом. Но я никак не отреагировал на это. Я сделал своими руками браслеты и передал их ей, Форесту и всем, кто мне нравился и кто помогал мне все это время.

– Мы жаждем получить от тебя информацию, – сказал Ричард Зулей, когда впервые встретился со мной.

Так и было: когда я прибыл в лагерь в августе 2002 года, большая часть заключенных отказывалась сотрудничать со своими следователями.

– Слушайте, я рассказал вам свою историю уже миллион раз. Теперь вы можете отправить меня либо в суд, либо на свободу, – говорил каждый из них тогда.

– Но в твоей истории есть противоречия, – отвечали следователи, имея в виду «ты лжешь».

Каждый заключенный, которого я знаю, как и я, думал, прибыв на Кубу, что его ждет обычный допрос. После допроса ему должны выдвинуть обвинения и отправить в суд, который решит, виновен он или нет. Если его признают невиновным или правительство США не выдвинет обвинений, его отправят домой. Всем это казалось логичным: следователи говорили, что именно так все и будет происходить, а мы отвечали: «Давайте сделаем это». Но оказалось, что либо следователи сильно нас обманули, чтобы заставить заключенных сотрудничать, либо правительство лгало следователям, чтобы собрать информацию от заключенных.

Шли недели, месяцы, а следователи все никак не могли утолить свою жажду информации. Чем больше сведений предоставлял заключенный, тем сильнее следователи усложняли его дело и тем больше вопросов задавали. Со всеми заключенными в какой-то момент происходило одно и то же: все они уставали от непрерывных допросов. Только прибыв в тюрьму, я принадлежал к тем немногим заключенным, которые все еще сотрудничали со следователями, но вскоре присоединился к другой группе. «Просто скажите, почему вы арестовали меня, и я отвечу на любой ваш вопрос», – говорил я.

Большинство следователей каждый день возвращались с пустыми руками. «Источник не представил никакой информации», – докладывали они каждую неделю. Так что командование ЕОГ, как сказал Ричард Зулей, жаждало заставить заключенных говорить. Чтобы добиться этого, ЕОГ создала маленькую «специальную команду» внутри большой организации. Эта оперативная группа, которая включала в себя представителей армии, ВМС и гражданских, занималась вытягиванием информации от заключенных. Операция была засекречена.

Мистер Икс был выдающимся человеком в Специальной допросной группе ЕОГ. Несмотря на то что Мистер Икс был умен, ему дали самую грязную работу на всем острове. Удивительно, но ему промыли мозги, и он поверил, что он делает то, что нужно. Мистер Икс всегда носил форму, которая скрывала его с ног до головы, потому что осознавал, что совершает военные преступления против незащищенных заключенных. Мистер Икс был ночной совой, почитателем дьявола, любителем громкой музыки, антирелигиозным парнем, но главное – следователем.

Мистер Икс всегда «развлекал» заключенных, которых лишали сна. Он не давал мне спать около двух месяцев, во время которых пытался сломать мое психическое сопротивление, но все было бесполезно. Чтобы не дать мне уснуть, он выставлял в моей камере самую низкую температуру, какую мог, заставлял записывать все, что я только мог вспомнить о своей жизни, и часто пить воду, а иногда – стоять всю ночь. Однажды он вместе с женщиной-охранником раздел меня догола, чтобы

унизить. В другую ночь он оставил меня в морозильной камере, полной пропагандистских фотографий, в том числе был портрет Джорджа Буша, и заставлял меня раз за разом слушать гимн США.

Мистер Икс занимался сразу несколькими заключенными. Я слышал, как хлопают дверьми и включают громкую музыку, слышал, как приходят и уходят заключенные, потому что звон тяжелых цепей выдавал их местоположение. Он оставлял заключенных в темной камере с фотографиями, которые должны были изображать демонов. Включал для заключенных музыку ненависти и безумия, например, песню «Let the Bodies Hit the Floor», чтобы они слушали ее раз за разом всю ночь в темной камере. Он открыто заявлял о своей ненависти к исламу и строго-настрого запрещал любые мусульманские ритуалы, в том числе молитвы и чтение Корана.

Несмотря на все эти попытки, к концу августа 2003 года специальная команда поняла, что я не собираюсь сотрудничать с ними так, как они этого хотели, поэтому руководство решило дать «зеленый свет» следующему уровню пыток. Мистер Икс, мой охранник Большой Босс и еще один парень с немецкой овчаркой вломились в дверь допросной, где сидели я и штаб-сержант Мэри. Это произошло в «Золотом доме». Мистер Икс и его коллега били меня в основном по ребрам и по лицу и заставляли пить соленую воду почти три часа, пока не передали меня арабской команде в лице египетского и иорданского следователей. А они продолжили избиение, засыпая мне под одежду кубики льда, чтобы помучить меня и чтобы свежие синяки быстро исчезли.

Затем, почти спустя три часа, Мистер Икс и его друг забрали меня и оставили в моей нынешней камере. «Я говорил тебе, не шути со мной, ублюдок!» – последнее, что я слышал от Мистера Икса. Как-то раз, уже после этого, штаб-сержант Мэри сказала, что Мистер Икс хочет навестить меня по-дружески, но я не проявил желаний, так что встречу отменили. Меня все еще держат в той же самой камере, но теперь мне хотя бы больше не нужно притворяться, что не знаю, где нахожусь.

Наконец в марте 2004 года мне разрешили встретиться с врачами, а в апреле впервые оказали психологическую помощь. С того момента я принимаю антидепрессанты рахил и klonopin, чтобы легче засыпать. Врачи также выписали мультивитамины, чтобы восполнить отсутствие солнечного света. Еще я несколько раз общался с психологами, которые мне сильно помогли, хотя я не мог рассказать им об истинной причине своей болезни, потому что боялся возмездия.

– Моя задача – помочь тебе реабилитироваться, – сказал один охранник летом 2004 года.

Правительство осознало, что я был сильно искалечен и физически, и морально, и мне нужно было время на восстановление. Я получил новую команду охранников, в которую входили капрал ВМС, которого все называли Морпехом, высокий тощий белокожий охранник, которого мы

называли Стретчем, и охранник спортивного телосложения, которого я называл Большим Джи. Капрал хорошо относился ко мне; по факту, он почти ни с кем не общался, кроме меня. Он часто клал матрас прямо перед дверью моей камеры, и мы разговаривали на самые разные темы, как старые друзья. Мы говорили о культуре, истории, политике, религии, женщинах – обо всем кроме текущих событий. Охранникам сказали, что я попытаюсь перехитрить их, чтобы узнать о последних новостях. Но, охранники тому свидетели, я не хотел никого обманывать, да и последние новости в то время меня не интересовали, потому что мне было от них тошно.

Перед тем как Стретч покинул команду, он оставил мне пару вещей на память и вместе с Морпехом и Большим Джи подарил мне книгу *The Pleasure of My Company* («Удовольствие моей компании») Стива Мартина.

Морпех подписал ее: «Подушка, за последние 10 месяцев я многое узнал о тебе, и мы стали друзьями. Желаю тебе удачи, я уверен, что буду часто о тебе вспоминать. Будь осторожен. Морпех».

Стретч написал: «Подушка, удачи тебе. Просто помни, что у Аллаха всегда есть план. Я надеюсь, ты думаешь о нас не только как об охранниках. Мне кажется, мы все стали хорошими друзьями».

Большой Джи написал: «19 апреля 2005 года. Подушка, за последние десять месяцев я делал все возможное, чтобы сохранить отношения между нами в формате заключенный – охранник. Временами мне это не удавалось: с таким человеком, как ты, почти невозможно не подружиться. Сохраняй свою веру. Я уверен, она направит тебя в нужном направлении».

Я часто спорил о вере с Морпехом. Капрал вырос в семье католиков-консерваторов. Он не был особо религиозен, но по нему было видно, что он перенял многое у своей семьи. Я не оставлял попыток убедить его, что существование Бога – это логическая необходимость.

– Я не поверю ни во что, пока не увижу это собственными глазами, – говорил он мне.

– После того как ты увидишь что-то, тебе не нужно будет верить в это, – отвечал я. – Например, если я скажу тебе, что у меня в кармане лежит холодная баночка пепси, ты в это либо поверишь, либо нет. Но после того как ты увидишь ее, ты будешь знать точно и тебе не нужно будет верить.

Лично у меня есть вера. И я верю, что мы с ним и другими охранниками стали бы хорошими друзьями, если бы познакомились при других обстоятельствах. Да направит их Бог и да поможет им сделать правильный выбор в жизни.

Кризис всегда выявляет в людях и странах все самое плохое и хорошее. На самом ли деле страна – лидер свободного мира, Соединенные Штаты

Америки, пытается заключенных? Или истории о пытках – это часть заговора, который должен выставить США в ужасном свете и заставить весь остальной мир возненавидеть их?

Я даже не знаю, как относиться к этой теме. Я описал только то, через что прошел сам, что я видел и что я узнал из первых рук. Я старался не преувеличивать и не преуменьшать. Мне хотелось быть честным, насколько это возможно, с правительством США, со своими братьями и с собой. Я не жду, что незнакомые мне люди станут мне верить, но надеюсь, что они хотя бы дадут мне минимальный кредит доверия. А если американцы готовы отстаивать свои убеждения, я также ожидаю, что общественное мнение вынудит правительство США начать расследование о пытках и военных преступлениях. Я более чем уверен, что смогу доказать каждое слово, написанное в этой книге, если мне когда-нибудь удастся вызвать свидетелей на соответствующую юридическую процедуру и если военному персоналу не удастся подтасовать факты и уничтожить все доказательства против них.

Люди по своей природе ненавидят пытать других людей, и американцы не исключение. Многие солдаты выполняли свою работу неохотно и были счастливы, когда им приказывали остановиться. Конечно, везде в мире есть больные люди, которым нравится смотреть, как страдают другие, но обычно люди прибегают к пыткам, когда они вовлечены во всеобщий хаос и сбиты с толку. А американцы определенно были поглощены хаосом, жадой мести и беспорядком после 11 сентября 2001 года.

Под руководством президента Буша Соединенные Штаты начали кампанию против талибского правительства в Афганистане. 18 сентября 2001 года резолюция Конгресса позволила президенту Бушу применять силу против «наций, организаций или людей», которые «планировали, организовывали, совершали, помогали осуществлять теракты 11 сентября 2001 года или укрывали подобные организации или людей». Затем правительство США начало секретную операцию по похищению, задержанию, пыткам и убийствам подозреваемых в терроризме. У этой операции не было законных оснований.

Я стал жертвой такой операции, хотя и не был причастен к терактам и вообще не совершал преступлений. 29 сентября 2001 года мне позвонили и попросили сдать ся. Я мгновенно сделал это, потому что был уверен, что я чист. Однако сначала американцы допросили меня на моей же родине, а затем получили разрешение от мавританского правительства переправить меня в Иорданию, чтобы выжать из меня всю информацию. В течение восьми месяцев меня допрашивали в ужасных условиях, после чего перевезли на авиабазу в Баграме, где допрашивали еще две недели. Затем меня наконец доставили в Гуантанамо, в специальный лагерь «Эхо», где я нахожусь до сих пор^[131].

Так прошла ли американская демократия испытание, которому подверглась в 2001 году из-за терактов? Оставляю этот вопрос вам. Хотя следует заметить, что к моменту написания этих строк, Соединенные Штаты и их граждане по-прежнему не могут решить проблему с кубинскими заключенными.

Поначалу в правительстве США были довольны своими секретными операциями, потому что думали, что смогли собрать самых злых людей планеты в Гуантанамо и обойти международные законы, чтобы дать правосудию свершиться. Но потом, после многих лет изнурительной работы, они осознали, что собрали группку невинных гражданских. Теперь у США есть проблема, но они совсем не хотят раскрывать всю правду об этой их операции.

Все мы ошибаемся. Я убежден, что правительство США обязано рассказать своему народу правду о том, что происходило в Гуантанамо. К сегодняшнему дню работа со мной точно стоила американским налогоплательщикам как минимум один миллион долларов, и счетчик продолжает крутиться. Другие заключенные стоят примерно по столько же. Хотя бы даже из-за этого американцы имеют право знать, какого черта здесь происходит.

Многие мои братья сходят с ума здесь, особенно молодые заключенные, из-за условий содержания. Сейчас я пишу эти слова, а многие братья объявили голодовку и будут держаться, несмотря ни на что^[132]. Я очень беспокоюсь за них, но вынужден беспомощно смотреть на то, как они, без всякого сомнения, наносят непоправимый вред своему здоровью, даже если они в итоге все же прекратят голодать. Это не в первый раз, когда здесь устраивается такое: я участвовал в голодовке в сентябре 2002 года, но, кажется, правительство это не впечатлило. Так что мои братья продолжают голодать по все тем же старым и новым причинам. И кажется, эта ситуация не разрешится сама собой. Правительство ждет от личного состава в Гуантанамо, что те извлекут какие-то волшебные решения из своих рукавов. Но силы США в Гуантанамо видят ситуацию намного лучше, чем любой бюрократ, сидящий в Вашингтоне, и они понимают, что единственное решение – это вмешательство правительства и освобождение заключенных.

Что об этом думают американцы? Я очень хочу знать. Я готов поверить, что большинство американцев желают увидеть истинное правосудие и не хотят спонсировать содержание невинных людей в тюрьмах. Я знаю, что есть немногие экстремисты, которые убеждены, что в этой кубинской тюрьме находятся только злые люди и что к нам следует относиться еще хуже, чем сейчас. Но это мнение не основывается ни на чем, кроме невежества. Я не устаю поражаться тому, что кто-то может быть такого ужасного мнения о людях, которых даже не знает.

~~UNCLASSIFIED~~

331

~~PROTECTED~~

personality, very confident, knows what he's supposed to do, and doesn't respect his less competent superiors. Before [redacted] left he brought me a couple of souvenirs, and dedicated to me The Pleasure of My Company by Steve Martin, with [redacted] and [redacted] wrote "Pill, over the past 10 months I have gotten to know you and we have become friends. I wish you good luck and I am sure I will think of you often. take good care of yourself. [redacted] wrote: "Pillow, Good Luck with your situation. Just remember Allah always has a plan. I hope you think of us as more than just guards. I think we all became friends. [redacted] wrote: "Pillow 19 APRIL, 2005 For the past 10 months I have done my damnest to Detainee Guard relationship. At time I have failed. It is almost impossible not to like a character like yourself. Keep your faith + I'm sure it will guide you in the right direction. [redacted] That was not exactly a bad time. ③ [redacted]

Religion, Islam, Christianity and Judaism as the Middle Eastern culture as well. He found found in me the right address as I did in him. We had been discussing all the time, without prejudices or any taboos. We had been even hitting, some times, Racism in the U.S when the other his other black colleague [redacted] worked with him, [redacted] is proud on his [redacted] all he reads, watches is mostly [redacted] and that why [redacted] and I always started a friendly discussion with him. [redacted] suspects me of having some times, instigated the discussion, and

Примечание автора

Когда эта книга была впервые опубликована, я все еще был в тюрьме, поэтому через своих адвокатов я отправил письмо, которое в этом

издании появилось в виде «Примечания автора». В этом письме говорилось:

Во время последнего разговора со своим адвокатом Мохаммед сказал, что он не держит обиды ни на кого из тех, кто упомянут в этой книге. Он призывает их прочесть ее и поправить, если посчитают, что в ней есть какие-то ошибки, и что он мечтает однажды собраться со всеми ними и выпить чаю после всего того, что они узнали друг от друга.

Я хочу повторить и подтвердить это письмо здесь, и сказать, что теперь, когда я дома, эта мечта становится настоящим приглашением. Двери моего дома всегда открыты.

Введение редактора к первому изданию

Летом и в начале осени 2005 года Мохаммед ульд Слахи, находясь в изоляции в одиночной камере в лагере «Эхо» в Гуантанамо, написал черновой вариант этой книги, состоящий из 466 страниц и 122 тысяч слов.

Он писал ее частями, начав вскоре после первой встречи с Нэнси Холлэндер и Сильвией Ройс, двух адвокатов из бесплатной юридической помощи. Строгий режим цензуры Гуантанамо делал каждую написанную им страницу секретным материалом с самого момента ее создания, а каждая новая глава отдавалась правительству США на рассмотрение.

15 декабря 2005 года, через три месяца после того, как он закончил последнюю страницу своей рукописи, Мохаммед прервал слушания Комиссии по пересмотру в Гуантанамо, чтобы обратиться к председателям:

Я просто хочу упомянуть, что недавно закончил писать книгу в тюрьме. В ней говорится обо всем, что произошло со мной здесь. Я отправил ее в Вашингтон, и, когда ее опубликуют, я советую вам всем прочитать ее. Небольшая реклама. Это очень интересная книга, как мне кажется^[133].

Но рукопись Мохаммеда не была опубликована. Ей присвоили гриф «SECRET». Так классифицировали информацию, которая могла навредить национальной безопасности страны при публикации. Также ей присвоили статус «NOFORN», что означало, что ее запрещено передавать иностранным агентам или службам. Ее передали на охраняемый объект близ Вашингтона, и увидеть ее могли только те, у кого был допуск к секретной информации. Более шести лет адвокаты Мохаммеда участвовали в судебных процессах и переговорах, чтобы получить разрешение на публикацию рукописи.

В течение этих шести лет, в основном из-за закона о свободе информации, который появился на свет силами Американского союза защиты гражданских свобод, правительство США рассекретило тысячи документов, описывающих условия содержания заключенных, которых держали под стражей в Америке после терактов 11 сентября 2001 года. Во многих документах упоминаются намеки на историю страданий Мохаммеда: сначала в руках ЦРУ, а затем в руках военных США в Гуантанамо, где Команда специальных проектов подвергла его самым упорным, обдуманым и жестоким допросам в современной истории. Некоторые из этих документов содержат кое-что еще: дразнящие реплики самого Мохаммеда.

Один из примеров содержится в его собственных записках на английском. В коротком обращении, датированном 3 марта 2005 года, он написал:

Приветствую. Я Мохаммед ульд Слахи, заключенный в Гуантанамо под номером 760, данным письмом подаю заявление по приказу «Хабеас Корпус».

Запись закончилась просто:

Я не совершал преступления против США, и США не выдвигало против меня никаких обвинений, поэтому я прошу моего немедленного освобождения. Для выяснения других деталей моего дела буду рад увидеть вас на слушаниях в будущем.

Другой написанный на английском документ – это письмо его адвокату Сильвии Ройс, датированное 9 ноября 2006 года, в котором он шутит:

Вы попросили меня написать все, что я рассказал своим следователям. Вы в своем уме? Как я могу записать семь лет непрерывных допросов? Это как спросить у Чарли Шина, сколько девушек у него было.

Он продолжил:

Тем не менее я представил вам все (почти) в своей книге, в доступе к которой вам отказывает правительство. Я собирался углубиться в детали, но осознал, что это бесполезно.

Короче говоря, вы можете поделить мое время на два этапа:

(1) До пыток (я говорю о тех пытках, которые не мог терпеть): я рассказал им правду о том, что ничего не делал по отношению к их стране. Этот этап длился до 22 мая 2003 года.

(2) Эра после пыток: когда тормоза отказали. Я соглашался с каждым обвинением, выдвинутым моими следователями. Я даже написал свое печально известное признание о готовящейся атаке на Си-Эн Тауэр в Торонто, полагаясь на совет штаб-сержанта. Я просто хотел, чтобы

от меня отстали. Мне все равно, сколько меня продержат в тюрьме. Моя вера спасает меня^[134].

Документы также содержали два выступления Мохаммеда на слушаниях комиссии в Гуантанамо. Первая запись (также оказавшаяся первой записью слов Мохаммеда в каких-либо документах) – из слушания Трибунала по пересмотру статуса заключенного, датированного 8 декабря 2004 года, спустя несколько месяцев после окончания «специального допроса». В ней есть такой эпизод:

В: Как вы можете ответить на самое первое обвинение – в том, что вы член Талибана или «Аль-Каиды»?

О: Я не имею никакого отношения к Талибану. Что до «Аль-Каиды», я входил в ее ряды в 1991 и 1992 году. Покинув Афганистан, я оборвал все связи с «Аль-Каидой».

В: И вы никогда не спонсировали ее и никак не поддерживали с тех пор?

О: Нет, ничего такого.

В: Когда-нибудь вербовали для нее?

О: Никогда. Даже не пробовал вербовать кого-то для нее.

В: Вы сказали, что вас заставили признаться в причастности к заговору «Миллениум», правильно?

О: Да.

В: Кому вы в этом признались?

О: Американцам.

В: А что вы имеете в виду под «давлением»?

О: Ваша честь, я не хотел бы говорить об этом, если мне это позволено.

В: Вы не обязаны говорить об этом. Мы просто хотим убедиться, что вас не пытали и не вынудили сказать неправду. Только по этой причине вам задали этот вопрос.

О: Я не принимал участия в этих ужасных терактах.

Да, я признаю, что был членом «Аль-Каиды», но не хочу говорить об этом. Умные люди пришли ко мне, проанализировали мои слова и поняли, что я честен. Мне было на руку говорить правду, тем более что моим словам находилось подтверждение. Я сказал, что не причастен к терактам. Я прошел тест на детекторе лжи, и мне сказали, что разговаривать об этом больше не придется. Они попросили меня не говорить об этом, и эта тема не поднималась уже год.

В: Значит, власти США никогда не обращались с вами плохо?

О: Я не хочу отвечать на этот вопрос. Я не стану, если только вы не заставите меня^[135].

Источник другой записи – Административная комиссия по пересмотру 2005 года, где он объявил, что написал эту книгу. С прошлого Трибунала по пересмотру статуса заключенного прошел уже год, и в этот раз он наконец смог встретиться со своими адвокатами и нашел время и силы перенести свой опыт на бумагу. На этот раз он свободно говорил о своей одиссее, не со страхом или злостью, но иронично и остроумно. «Он был довольно глупым, – Мохаммед описывает, как один следователь угрожал ему. – Он сказал, что приведет ко мне черных людей. Я вообще не был против, половина моей страны – чернокожие!» Другой следователь, известный как Мистер Икс, прятался под одеждой с головы до ног, «как женщины в Саудовской Аравии» и носил «перчатки как у О. Джей Симпсона». Ответы Мохаммеда нарочно были очень детальными, чтобы усилить впечатление и доказать их искренность. «Прошу, – говорит он комиссии. – Я хочу, чтобы вы правильно поняли суть моего рассказа. Мне все равно, освободят меня или нет, я просто хочу, чтобы меня поняли»^[136].

У нас нет полной записи того, как Мохаммед пытался рассказать свою историю на том слушании. Как только он начнет описывать, что испытал в Гуантанамо летом 2003 года, «записывающее оборудование перестанет работать». Вместо утерянного эпизода, где «заключенный рассказывал, как в Гуантанамо его пытали несколько человек одновременно», документ предлагает «восстановленную по памяти запись, испорченную тысячей щелчков»:

Заключенный начал рассказывать о пытках, которые устраивала женщина-следователь, известная ему под именем __. Заключенный попытался объяснить Комиссии, что делала __, но вдруг пришел в смятение и заметно расстроился. Он объяснил, что подвергся сексуальному домогательству, и хотя ему нравятся женщины, ему не нравилось, что __ делала с ним. Председатель заметил, что заключенный очень огорчен, и сказал, что ему необязательно продолжать рассказ. Заключенный был очень благодарен и решил не останавливаться на подробностях домогательства со стороны __.

Заключенный предоставил детальную информацию о жестоком обращении со стороны и __. Заключенный заявил, что вошли в камеру в масках и начали избивать его. Они били его так сильно, что очень расстроилась. __ не нравилось, как обращались с заключенным, и она сопереживала ему. По словам заключенного, плакала и просила и перестать избивать его. Заключенный хотел показать Комиссии шрамы и раны, но комиссия отказала в осмотре. Все члены Комиссии подтверждают, что данная восстановленная запись правдиво отражает содержание испорченного фрагмента пленки^[137].

У нас есть доступ к этим записям лишь потому, что весной 2006 года их приказал опубликовать федеральный судья, рассматривающий судебный иск по Закону о свободе информации, поданный *Associated Press*. Этот судебный иск наконец заставил Пентагон, спустя четыре года после начала работы, опубликовать официальный список людей, содержащихся в тюрьме. Впервые у заключенных были имена, а у имен был голос. На записях секретных слушаний многие заключенные рассказывают истории, которые подрывают заявления о том, что в лагере на Кубе содержались «худшие из худших». Это якобы были люди настолько опасные, что, по словам одного генерала, в то время руководившего операциями в лагере, первые заключенные, прибывшие в 2002 году, «грызли гидравлические линии самолета C-17, чтобы вывести его из строя»^[138]. Несколько заключенных, в том числе и Мохаммед, затронули вопрос их содержания в американской тюрьме.

Пентагон удвоил ставку. «Заключенные, содержащиеся в Гуантанамо, тренировали террористов, подрывников, смертников и других опасных людей», – снова заявил военный спикер, когда записи попали в публичный доступ. «И мы знаем, что они научены врать, чтобы попытаться завоевать сострадание к их положению и чтобы оказать давление на правительство США»^[139]. Спустя год военные опубликовали записи слушаний Административной комиссии по пересмотру, которые прошли в Гуантанамо в 2006 году, но запись с Мохаммедом полностью отсутствовала. Она засекречена до сих пор.

Рукописи Мохаммеда наконец допустили к публикации, его команда юристов передала их мне на диске с надписью «Рукописи Слахи – рассекреченная версия» летом 2012 года. К тому времени Мохаммед находился в Гуантанамо уже 10 лет. Федеральный судья удовлетворил заявление Мохаммеда о вынесении приказа по «Хабеас Корпус» и приказал освободить его, но правительство США подало апелляцию, и апелляционный суд направил ходатайство назад в федеральный районный суд для пересмотра. Это дело все еще ожидает вердикта.

Мохаммед до сих пор содержится в том же изоляторе, где он написал «Дневник Гуантанамо». Я прочитал, кажется, все, что есть по этому делу, и я не понимаю, как он вообще оказался в тюрьме.

Мохаммед ульд Слахи родился 31 декабря 1970 года в Росо, в то время поселке, а ныне – маленьком городе на реке Сенегал на южной границе Мавритании. У него было восемь старших братьев и сестер, еще трое родились после него. Семья переехала в столицу, Нуакшот, когда Мохаммед закончил начальную школу, вскоре после этого умер его отец, торговец верблюдами. Стечение обстоятельств, и, очевидно, таланты Мохаммеда определили его роль в семье. Отец научил его читать Коран, и Мохаммед еще подростком знал его наизусть. Он хорошо учился в школе, особенно ему давалась математика. Статья в *Der Spiegel*, опубликованная в 2008 году, описывает его в детстве как

популярного мальчика, который очень увлекался футболом и особенно любил немецкую сборную. Именно эта страсть подтолкнула его к тому, чтобы подать заявление на грант от Общества имени Карла Дуйсберга для учебы в Германии, который он в итоге получил. Это было невероятное достижение для всей семьи, рассказывается в журнале:

Слахи сел на самолет до Германии в пятницу в конце лета 1988 года. Он был первым членом семьи, кто учился в университете, да еще и за границей, и первым, кто хоть раз летал на самолете. Отъезд любимого сына сильно взволновал мать Мохаммеда, и прощание с ней было таким печальным, что Мохаммед ненадолго засомневался, стоит ли ему лететь. Но в конце концов остальные члены семьи все же убедили его отправиться в Германию. «Мы надеялись, что он поможет нам с деньгами», – говорит теперь его брат Яхди^[140].

В Германии Мохаммед получил степень по электротехнике и собирался работать в сфере телекоммуникаций и компьютерных компаниях. Но он прервал обучение, чтобы принять участие в деле, которое объединило молодых людей со всего мира: восстание против коммунистического правительства в Афганистане. В те дни подобная деятельность не была запрещена или ограничена, и молодые люди вроде Мохаммеда съезжались из самых разных стран. А Запад и, в частности, США активно это поддерживали. Чтобы присоединиться к борьбе, нужно было пройти обучение, поэтому в начале 1991 года Мохаммед посещал тренировочный лагерь Аль-Фарук неподалеку от Хоста в течение семи недель, после чего поклялся в верности «Аль-Каиде», которая управляла лагерем. Его научили пользоваться минометами и легким стрелковым оружием – по большей части тем, что было произведено в Советском Союзе. Позже, на слушании в 2004 году, Мохаммед вспоминал, что, в отличие от самих минометов, снаряды к ним были произведены в США.

Пройдя тренировку, Мохаммед вернулся к обучению, но в начале 1992 года, когда коммунистическое правительство было на грани краха, он вновь приехал в Афганистан. Он присоединился к подразделению, которым командовал Джалалуддин Хаккани. Они осаждали город Гардез, который, не оказав серьезного сопротивления, сдался через три недели после прибытия Мохаммеда. Кабул пал вслед за Гардезом, и, как Мохаммед объяснил на слушании комиссии, дело быстро стало мутным:

Сразу после падения коммунистов моджахеды устроили джихад против самих себя, чтобы разобраться, кто будет главным: разные группировки начали сражаться друг с другом. Я решил вернуться в Германию, потому что не хотел воевать с другими мусульманами и не смог найти причину для этого, сегодня я тоже не смог бы найти смысл в войне за то, чтобы кто-то стал президентом или вице-президентом. Моей задачей было воевать против агрессора, в первую очередь против коммунистов, которые пытались запретить моим братьям совершать религиозные ритуалы.

Это, как всегда настаивал Мохаммед, означало конец его работы с «Аль-Каидой». Как он сказал председателю трибунала на слушании:

Я знал, что воевал на одной стороне с «Аль-Каидой», но тогда «Аль-Каида» не вела джихада против США. Они направляли нас на борьбу против коммунистов. В середине 90-х «Аль-Каида» хотела объявить джихад США, но лично меня это никак не касалось. Я не поддерживал их в этой идее, это их собственная проблема. Я никак не связан с отношениями между «Аль-Каидой» и США. Они должны решать свои проблемы самостоятельно, я к ним не имею никакого отношения^[141].

В Германии Мохаммед устроился так, как этого хотели он и его семья в Нуакшоте. Он получил степень в университете Дуйсбурга, его молодая жена переехала к нему из Мавритании, пара жила и работала в Дуйсбурге почти все 1990-е годы. В те годы он поддерживал дружеские отношения со своими товарищами из Афганистана. Некоторые из них были тесно связаны с «Аль-Каидой». Еще он был близок с знаменитым членом «Аль-Каиды» Мафхоузом ульд Аль-Валидом, также известном, как Абу Хафс Аль-Мавритани – членом совета (Шуры) «Аль-Каиды» и одним из религиозных советников Усамы бен Ладена. Абу Хафс – дальний родственник Мохаммеда и к тому же приходится ему шурином, потому что женат на сестре жены Мохаммеда. Они разговаривали по телефону, когда Мохаммед находился в Германии. На звонок от Абу Хафса с телефона бен Ладена обратила внимание немецкая разведка в 1999 году. Еще Мохаммед дважды помогал Абу Хафсу перевести 4000 долларов его семье в Мавританию во время Рамадана.

В 1998 году Мохаммед со своей женой отправился в Саудовскую Аравию, чтобы совершить паломничество. В том же году Мохаммед по совету своего друга подал заявление на получение статуса эмигранта в Канаде, потому что не смог получить разрешение на жительство в Германии, и в ноябре 1999 года переехал в Монреаль. Какое-то время он пожил у бывшего одноклассника, а затем в суннитской мечети в Монреале, где его, как *хафиза* – того, кто знал Коран наизусть, – приглашали вести молитвы во время Рамадана, когда имам отсутствовал. Меньше чем через месяц после его приезда в Монреаль алжирский эмигрант и член «Аль-Каиды» по имени Ахмед Рессам был арестован при попытке въехать на территорию США на машине, начиненной взрывчаткой. Он планировал устроить теракт в международном аэропорту Лос-Анджелеса в Новый год. Это должно было стать частью большой операции, которая стала известна как заговор «Миллениум». Рессам обосновался в Монреале. Он покинул город до того, как туда приехал Мохаммед, но посещал суннитскую мечеть и общался с несколькими знакомыми Мохаммеда, которых тот потом на слушании трибунала назвал «плохими друзьями».

Арест Рессама стал началом крупного расследования по делу эмигрантов-мусульман в Монреале, и отчасти – сообщества суннитской мечети. В это время впервые в жизни Мохаммед был допрошен о

возможных связях с террористами. Королевская канадская конная полиция «пришла и допросила меня», сообщил он во время слушания:

Я был чертовски напуган. Они спросили, знаю ли я Ахмеда Рессама, я сказал «нет». Затем они спросили, знаю ли я того парня и этого, а я отвечал: «Нет, нет». Было так страшно, что меня трясло... Я не привык к такому, впервые в жизни меня допрашивали, а я просто не хотел неприятностей и говорил только правду. Но они следили за мной и делали это как-то мерзко. За вами могут наблюдать, и это в целом нормально, но только не когда вы видите людей, которые ведут за вами слежку. Это выглядело нелепо, но они хотели дать мне понять, что следят за мной.

Семья Мохаммеда в Мавритании была очень встревожена. «Что ты делаешь в Канаде?» – спрашивали они его. «Я же им уже сказал, ничего, кроме поиска работы. Но моя семья решила, что мне нужно вернуться в Мавританию. Им показалось, что у меня очень плохое окружение и что меня нужно срочно спасать». Его теперь уже бывшая жена позвонила от имени всей семьи, чтобы сообщить ему, что его мама больна. Так он рассказал об этом комиссии:

[Она] позвонила мне и сказала, плача: «Либо ты перевозишь меня в Канаду, либо возвращаешься в Мавританию». Я сказал: «Эй, успокойся». Мне не нравилась моя жизнь в Канаде, я не мог насладиться свободой, да и быть под наблюдением не очень здорово. Я ненавидел Канаду и сказал, что у меня слишком тяжелая работа. Я вылетел в пятницу 21 января 2000 года. Я вылетел из Монреаля в Брюссель, а оттуда в Дакар^[142].

С этого полета начинается одиссея, которая в итоге станет «Дневником Гуантанамо».

Она начинается здесь, потому что с этого момента только одна сила решала судьбу Мохаммеда – Соединенные Штаты. Географически то, что он называет своим «бесконечным мировым туром» арестов и допросов, подразумевает 20 тысяч миль, которые он преодолел за следующие 18 месяцев: начиная с того, что должно было стать возвращением домой, и заканчивая его высадкой на Карибском острове в четырех тысячах миль от дома. Его будут удерживать и допрашивать в четырех странах, часто при участии американцев и всегда от имени США.

Вот как первое из этих задержаний описывается в хронологии событий, которую окружной судья Джеймс Робертсон включил в рассекреченный в 2010 году приказ, одобряющий заявление Мохаммеда о пересмотре его статуса заключенного:

Январь 2000. Перелет из Канады в Сенегал, где братья Мохаммеда встретили его, чтобы отвезти в Мавританию. Их схватили] власти и допросили о заговоре «Миллениум». Прибыл американец, чтобы сделать

несколько фотографий, затем кто-то, по мнению Мохаммеда, американец, полетел с ним в Мавританию, где местные власти допросили его о заговоре «Миллениум».

Февраль 2000. Допрошен по поводу заговора «Миллениум».

14.02.2000. Освободил его, заключив, что нет оснований полагать, что он причастен к заговору «Миллениум».

Мавританцы сказали: «Ты нам не нужен. Уходи. Ты нам не интересен». Мохаммед рассказывает, как он спросил: «А что насчет американцев?» Они сказали: «Американцы говорят, что ты зацепка, но они не дают никаких доказательств, так что нам тогда остается делать?»

Но, как отмечает судья Робертсон в хронологии событий, правительство Мавритании еще раз вызвало Мохаммеда по запросу США вскоре после терактов 11 сентября.

29.09.2001. Арестован в Мавритании. Власти сказали, что арест, потому что Слахи обвиняется в причастности к заговору «Миллениум».

12.10.2001. Пока он был под стражей, агенты провели в его доме обыск, конфисковав кассеты и документы.

15.10.2001. Освобожден властями^[143].

Между этими двумя задержаниями в Мавритании, в которых были задействованы агенты ФБР, Мохаммед жил обычной жизнью, достаточно успешной по меркам его страны, занимался работой с компьютерами и электроникой – сначала для компании – поставщика медикаментов, которая в том числе предоставляла услуги и через интернет, а затем на многоотраслевой семейный бизнес. Но теперь он беспокоился. Хотя он был свободен и «вернулся к жизни», Мохаммед объяснил на слушании:

Я думал, что теперь у меня будут проблемы с занятостью, и мой прежний работодатель не возьмет меня к себе из-за подозрений в причастности к терроризму, но они сказали, что позаботятся об этом. Передо мной сидел самый влиятельный человек мавританской разведки. Он позвонил моему работодателю и сказал, что я отличный человек, что со мной никаких проблем нет и что меня арестовали по особой причине. «Мы должны были допросить его и допросили, теперь он свободен, так что вы можете взять его обратно»^[144].

Босс действительно взял его назад, и спустя всего месяц рабочие дела привели Мохаммеда в мавританский президентский дворец, где он потратил день, чтобы обновить телефонные и компьютерные системы президента. Когда он вернулся домой, полиция объявилась вновь и сообщила, что им снова нужно допросить его. Он попросил их подождать, пока он примет душ. Затем оделся, взял ключи. Он пошел с ними добровольно и доехал до полицейского участка на собственной машине. Свою маму он попросил не беспокоиться и пообещал, что скоро вернется домой. Тогда-то он и пропал.

Почти год его семью обманывали и говорили, что Мохаммеда держат в мавританской тюрьме. Самый старший его брат, Хамуд, регулярно посещал тюрьму, чтобы привезти Мохаммеду чистую одежду и деньги на еду. Спустя неделю после того, как Мохаммед сдался, ЦРУ посадило его в самолет и отправило в Иорданию. Через несколько месяцев США забрали его из Аммана и доставили на авиабазу Баграм в Афганистане, а еще через пару недель – в Гуантанамо. Все это время семья Мохаммеда платила за его содержание в тюрьме Нуакшота, а администрация тюрьмы клала деньги себе в карман, ничего не говоря. Наконец, 28 октября 2002 года младший брат Мохаммеда Яхди наткнулся на номер еженедельного издания *Der Spiegel*, где прочитал, что его брат уже «несколько месяцев сидит в камере в тюремном лагере Гуантанамо».

Яхди был крайне зол, но не на Соединенные Штаты, а на местные власти, которые врал, что Мохаммед у них и что он в безопасности. «Эти полицейские – ужасные люди. Они воры!» – кричал и кричал он, когда позвонил семье с новостями. «Не говори так!» – отвечали они и в панике бросали трубку. Он звонил им, но снова мог только кричать, а они снова вешали трубку.

Яхди все еще живет в Дюссельдорфе. Мы встретились в прошлом году в марокканском ресторане, который находится в центре для североафриканского сообщества на Ellerstrasse. Яхди познакомил меня с несколькими своими друзьями, в основном молодыми марокканцами, многие из которых, как Яхди, в итоге стали жителями Германии. Между собой они говорили на арабском, французском и немецком, а со мной – на английском, смеясь над ошибками друг друга. Яхди рассказал на арабском классическую эмигрантскую шутку своих друзей, а потом перевел ее для меня. Это была шутка о тесте на знание английского языка для начинающего работника отеля. «Что ты говоришь, если хочешь подозвать кого-то?» – спрашивают у сдающего тест. «Подойдите, пожалуйста», – отвечает он. «А что, если хочешь, чтобы он ушел?» Работник задумывается, а затем выдает: «Я выйду из отеля и скажу: „Подойдите, пожалуйста“».

В Дюссельдорфе мы с Яхди провели все время, сортируя и подписывая фотографии братьев и сестер, невесток и шуринов, племянников и племянниц и многих других людей из его с Мохаммедом семейного дома в Нуакшоте, где живет сразу несколько поколений. Во время слушаний 2004 года Мохаммед объяснил, почему у него пропал интерес к «Аль-Каиде» после того, как он вернулся в Германию: «Мне нужно было прокормить большую семью, сто человек, сто ртов». Он преувеличил, конечно, но не больше, чем в два раза. Теперь Яхди несет за это ответственность. Из-за того, что политический активизм в Мавритании – рискованное дело, он стал представлять интересы Мохаммеда от имени всей семьи. За нашим последним ужином мы смотрели видео на

YouTube о демонстрации, которую он год назад помог организовать под стенами президентского дворца в Нуакшоте.

За несколько дней до моей встречи с Яхди Мохаммед смог позвонить своей семье, что дозволяется ему только дважды в год. Звонки организуются под эгидой Международного Комитета Красного Креста, они поддерживают связь Мохаммеда с его семьей в Нуакшоте и с Яхди в Германии. Яхди рассказал мне, что недавно писал в Красный Крест с просьбой увеличить количество допустимых звонков до трех в год.

Первый такой звонок состоялся в 2008 году, спустя шесть с половиной лет после его исчезновения. Репортер *Der Spiegel* стал свидетелем сцены:

В полдень в пятницу в июне 2008 года семья Слахи собирается у здания Международного Красного Креста в столице Мавритании, Нуакшоте. Его мама, братья, сестры, племянники, племянницы и тети – все были в выходной одежде, которую могли бы надеть на праздник. Они пришли поговорить с Мохаммедом, с их потерянным сыном, по телефону. Единая оперативная группа в Гуантанамо дала на это согласие, а Красный Крест выступил в качестве посредника. Каменные полы офиса Красного Креста покрыты толстыми коврами, а на окнах колышутся яркие занавески.

– Сын мой, сын мой, как ты себя чувствуешь? – спрашивает его мама.

– Я так рад слышать тебя.

Она начинает плакать, когда слышит его голос – впервые за шесть лет. Старший брат Мохаммеда разговаривает с ним 40 минут. Слахи рассказывает, что с ним все хорошо. Он хочет узнать, кто на ком женился, как поживают его братья и сестры, кто завел детей. «Это был мой брат, мой брат, я уверен. Он совсем не изменился», – говорит Хамуд ульд Слахи после беседы^[145].

Судя по тому, что мне рассказывает Яхди, разговоры спустя пять лет остаются примерно такими же, хотя кое-что изменилось. Теперь они созваниваются по Skype и могут видеть друг друга. И теперь с ними нет мамы. Она умерла 27 марта 2013 года.

Передовая статья в *New York Daily News* от 23 марта 2010 года была озаглавлена: «Держите тюремную камеру закрытой: апелляция на возмутительное решение судьи отпустить бандита 9/11». Статья начиналась так:

Невероятно, но это правда: федеральный судья приказал освободить Мохаммеда ульд Слахи, одного из главных вербовщиков, связанного с терактами 11 сентября; человека, который считался самым важным заключенным в Гуантанамо.

Это решение было в тот момент все еще секретным приказом судьи Джеймса Робертсона, удовлетворяющим прошение Мохаммеда о

пересмотре статуса заключенного. То прошение, которое Мохаммед написал от руки в своей камере в лагере «Эхо» пятью годами ранее. Не имея доступа к этому решению или к официальным записям слушаний, которые стали основанием для этого решения, в статье тем не менее предполагалось, что судья отпускает на свободу «террориста, чьи руки испачканы в крови трех тысяч человек». Еще в газете можно было прочесть такое: «Скорее всего, он – человек, чье преступление совершенно очевидно, но вину которого сложно неопровержимо доказать, потому что следователи брезгают использовать доказательства, полученные благодаря жестокому обращению». Выразив уверенность, что Мохаммеда «хорошенько прижали после теракта 11 сентября» и что подобное обращение с ним сделало страну безопаснее, редакторы газеты уговаривали администрацию Обамы подать апелляцию, добавив: «К чему эта спешка с его освобождением? Перед тем как вынести свое законное решение, судья мог и должен был подождать, пока страна поймет, почему это должно случиться»^[146].

Через две недели суд опубликовал рассекреченную отредактированную версию приказа судьи Робертсона. Часть судебного решения, где излагаются аргументы правительства, почему Мохаммед должен остаться в Гуантанамо, включает сноску, которая могла бы удивить читателей газеты:

Правительство сначала утверждало, что Слахи заключен под стражу как «участник терактов 11 сентября» в рамках РПВС^[147], но теперь отвергает эту теорию, признав, что Слахи скорее всего даже не знал о терактах^[148].

Так что назвать Мохаммеда «бандитом 9/11» можно с большой натяжкой. Еще едва ли стоит говорить, что отпустить человека после девяти лет заключения вовсе не значит «поспешить с освобождением». Но в глубине статьи из *Daily News* есть правда, – как и в остальных газетах, освещающих дело Мохаммеда, – и правда эта в том, что все находятся в полном замешательстве. Девять лет теперь стали тринадцатью годами, а страна, кажется, не знает, кто разбирается в этом деле лучше: правительство, которое просто удерживает Мохаммеда, или судья Робертсон, единственный, кто тщательно изучил дело Мохаммеда, и постановил, что он должен быть освобожден.

Это отлично видно в одном из доступных отчетов: поначалу Мохаммеда задержали даже не по обвинению в вербовке людей для теракта 11 сентября. Когда агенты ФБР допрашивали его по возвращении в Мавританию в феврале 2000 года и еще раз через несколько недель после 11 сентября, основное внимание они уделяли заговору «Миллениум». Именно это и использовали как причину отправки Слахи в Иорданию. «Иорданцы расследовали мою причастность к заговору „Миллениум“, – объяснил Мохаммед в 2005 году на Комиссии по пересмотру. – Они сказали, что их особенно беспокоит заговор».

К тому времени, как ЦРУ доставило Мохаммеда в Иорданию, Ахмед Рессам уже несколько месяцев сотрудничал с Министерством юстиции США. А когда ЦРУ вывезло Мохаммеда из Иордании спустя восемь месяцев, Рессам уже успел признаться в участии в двух терактах и выдал имена более 150 человек, которые замешаны в терактах против США и шести других стран. Некоторые из них – заключенные Гуантанамо, и правительство США использовало признания Рессама как улики против них на слушаниях по пересмотру их статуса заключенного.

Но не против Мохаммеда. Рессам «явно не обвиняет Слахи ни в чем», – отметил Робертсон в своем заключении по делу Слахи.

ЦРУ узнало бы об этом. Еще разведка узнала бы, если бы иорданцы нашли что-то, связывающее Мохаммеда с заговором «Миллениум», 11 сентября или любым другим терактом. Но ЦРУ, по-видимому, никогда не передавало информацию, полученную во время допросов в Аммане, следователям в Гуантанамо. В 2012 году лейтенант-полковник Стюарт Коуч, назначенный в Гуантанамо прокурором в деле против Мохаммеда, дал интервью Колумбийскому университету, где проводился проект «Устная история власти закона». В интервью он говорит, что ЦРУ не показало ни одного своего отчета и что большую их часть он получил от следователей из Гуантанамо. «Он пробыл в их тюрьме шесть месяцев. Они знали, что я ведущий прокурор. Они знали, что мы считали возможным назначить по этому делу высшую меру наказания. Если бы мы смогли найти его связь с 11 сентября, мы бы добились смертной казни».

«Значит, что-то здесь не так, – предположил Стюарт Коуч в интервью. – Слахи был арестован ЦРУ, и они либо достали из него столько информации, сколько возможно, или данные, которую они получили, не были важны, и они просто перебросили его военным США в Баграм, Афганистан»^[149].

В отчете о расследовании генерального прокурора «Контртерроризм и меры задержания и допроса, сентябрь 2001 – октябрь 2003», обнародованном в 2004 году, есть одна особенно леденящая душу строка. Это одна из всего двух сохранившихся строк в полностью засекреченной четырехстраничной главе отчета под названием «Развязка».

По сравнению с военными, ЦРУ содержало у себя относительно малое количество заключенных. Несмотря на это, агенты ЦРУ, как и военные, активно интересовались условиями их содержания. Они уделяли особое внимание тем заключенным, кто с высокой долей вероятности мог обнародовать условия своего содержания, если бы их не держали в изоляции^[150].

В начале 2002 года даже семья Мохаммеда не знала, что он в Иордании. Лишь несколько людей были в курсе, что в Соединенных Штатах действует программа перевода, задержания и допросов и что она

осуществляется с помощью не только давних союзников, вроде службы разведки Иордании, но и других, более сомнительных, друзей. Мавритания была как раз таким другом. В 2002 году на мавританского президента и многолетнего правителя ульд Тайя обрушилась критика: за границей – из-за многочисленных нарушений прав человека в его стране, а дома – за тесное сотрудничество с американцами по их антитеррористической программе. То, что агенты ФБР допросили Мохаммеда на его родине в 2000 году, было уже достаточно скандально, чтобы привлечь внимание прессы. А что, если бы он вернулся домой в середине 2002 года с рассказами о том, как его выдали американцам без каких-либо официальных процедур, в обход конституции Мавритании, что ЦРУ тайно доставило его в Иорданию и что там его допрашивали месяцами?

Так или иначе, ничто не указывало на то, что 31-летний мавританец Слахи был заключенным высшей ценности, когда 5 августа 2002 на борту американского военного самолета C-17 Мохаммеда и 34 других заключенных перевозили в Гуантанамо. В противном случае его бы заметили: через две недели в *Los Angeles Times* была опубликована статья под названием «Лидеры „Аль-Каиды“ не обнаружены на территории Гуантанамо на Кубе», в которой говорилось, что, по словам источников в правительстве, в тюрьме нет «большой рыбки», и около 600 заключенных на острове не были «достаточно влиятельными фигурами в террористической иерархии, чтобы помочь экспертам по борьбе с терроризмом разобраться в сложно переплетенной системе ячеек и мерах безопасности „Аль-Каиды“»^[151].

Сверхсекретная проверка учреждения, которую провело ЦРУ примерно тогда же, показала такие же результаты. Когда журналисты посещали лагерь в августе, командир операций по задержанию Гуантанамо рассказал, что его собственные офицеры стали сомневаться, что заключенные должны носить статус «вражеских бойцов», а не «военнопленных», которые имеют право на защиту в соответствии с Женевской конвенцией. По решению Пентагона этого командира заменили и расширили операции, проводимые разведкой в лагере.

Почти сразу произошел раскол между военными следователями и ФБР вместе с Оперативной группой криминального расследования, которые проводили практически все допросы в Гуантанамо. В сентябре и октябре, несмотря на яростные возражения агентов ФБР и ОГКР, военные организовали первую «Команду специальных проектов» и разработали план допроса саудовского заключенного Мохаммеда Аль-Квахтани. План включал в себя «усиленные техники допроса», которые ЦРУ несколько месяцев пробовало в своей собственной секретной тюрьме. Согласно плану, подписанному министром обороны Рамсфелдом, в течение 50 дней Квахтани был обречен на круглосуточные пытки, которые включали в себя лишение сна и отдыха, громкую музыку и белый шум,

экстремально низкие температуры, угрозы и огромное количество физических и психологических унижений.

Примерно в то же время, когда в лагере разыгрывалась борьба между сотрудничающими допросными группировками по поводу методик допроса, всплыла связь между Слахи и захватчиками самолетов 9/11. «11 сентября 2002 года Соединенные Штаты арестовывают человека по имени Рамзи бен Аль-Схиб, который считается ключевой фигурой в терактах 9/11», – сообщает Мохаммед в 2005 году на слушании комиссии.

Прошел ровно год с событий 11 сентября, и с момента его ареста моя жизнь кардинально изменилась. Этот парень узнал во мне человека, которого видел в октябре 1999 года, что верно: он тогда посетил мой дом. Он сказал, что я посоветовал ему отправиться в Афганистан для тренировки. Затем следователь из ФБР попросил его поразмыслить, кем я могу быть. Он сказал, что думает, что я помощник Усамы бен Ладена и что без меня он никогда бы не стал участвовать в терактах 11 сентября^[152].

Бен Аль-Схиб находился в международном розыске с 11 сентября из-за подозрений в участии в координации «Гамбургской ячейки» угонщиков самолетов. Сразу же после перестрелки на окраинах Карачи, в результате которой он был схвачен, его отдали ЦРУ, которое держало его в «Темной тюрьме» в Афганистане, а затем до конца осени в тюрьме рядом с Рабатом в Марокко. Во время допросов в одной из этих тюрем бен Аль-Схиб рассказал, как однажды встретил незнакомца в поезде в Германии, где он и два его друга говорили о джихаде и своем желании отправиться в Чечню, чтобы вступить в борьбу с русскими. Незнамец предложил им обратиться к Мохаммеду в Дуйсбурге, и, когда они приехали к нему, Мохаммед устроил их у себя на ночь. «Когда они прибыли», как описывается в отчете разведки о проведении допросов, «Слахи объяснил им, что до Чечни трудно добраться, потому что многих задерживают в Грузии. Он порекомендовал им отправиться через Афганистан, где они могли пройти тренировки для джихада перед тем, как ехать в Чечню»^[153].

Бен Аль-Схиб не утверждал, что Мохаммед отправил его в Афганистан, чтобы присоединиться к заговору против Соединенных Штатов. Лейтенант-полковник Коуч, который видел отчет разведки по бен Аль-Схибу, рассказал в интервью в 2012 году: «Я нигде не обнаружил указаний на то, что речь шла про планирование теракта против США. Я не видел, чтобы Рамзи бен Аль-Схиб заявил: «Мы сказали ему, куда мы хотим, и он ответил: „Чтобы тренироваться, вам нужно сюда“. Нет, это было скорее как: „Вот здесь вы можете потренироваться“»^[154]. Во время судебных разбирательств по делу Мохаммеда правительство США не заявляло, что он убедил этих людей присоединиться к заговору отправиться на подготовку в Афганистан (которая, по опыту Мохаммеда, была необходима перед участием в конфликте с русскими) он исполнял

функции вербовщика «Аль-Каиды». Судья Робертсон не согласился с этим, поскольку в записи было указано только, что «Слахи обеспечил троих мужчин ночлегом на одну ночь в Германии. Один из них был Рамзи бен Аль-Схиб, и они обсуждали джихад и Афганистан»^[155].

Стюарт Коуч получил отчеты разведки по бен Аль-Схибу, когда его назначили расследовать дело Мохаммеда осенью 2003 года. Отчеты и само назначение имеют важную роль для него, бывшего пилота ВМС: его близкий друг Майкл Хоррокс, который во время их совместной службы управлял самолетом-заправщиком, был вторым пилотом самолета, который угнали террористы, чтобы взорвать Южную башню Всемирного торгового центра. Это событие вернуло Стюарта Коуча к активной службе. Он присоединился к ведущей команде прокуроров в Гуантанаме с определенной целью: он надеялся, как он объяснил в 2007 году в *Street Journal*, «разобраться с теми, кто атаковал Соединенные Штаты»^[156].

Вскоре он получил доступ к серии отчетов с информацией из другого источника – от самого Мохаммеда. Военные следователи уже рекламировали эти отчеты как самый успешный допрос в Гуантанаме. В этих отчетах не было упоминаний о методах, применявшихся во время допросов, но у подполковника Коуча были свои подозрения. Ему рассказали, что Мохаммеда включили в «Специальные проекты». Во время своего первого визита на базу Коуч обратил внимание на какого-то заключенного, который был прикован к полу в пустой допросной камере, где он качался из стороны в сторону под оглушающий тяжелый металл и вспышки стробоскопа. Он уже видел подобное раньше: как морпех, он неделю подвергался подобным испытаниям в рамках программы, которая готовит пилотов ВМС к возможному захвату в заложники и пыткам.

Его подозрения подтвердились, когда следователь лейтенант-полковник, агент Службы уголовных расследований ВМС (СУРВМС), получил доступ к документам военных следователей. В этих документах содержались ежедневные записи Команды специальных проектов с данными не только о том, что говорилось на каждом допросе, но и о том, как эта информация была извлечена.

Те отчеты по-прежнему засекречены, но краткая выжимка из них изложена в «Отчете об обращении с заключенными» Комитета Сената США по Вооруженным силам 2008 года и собственном отчете Министерства юстиции 2008 года о методах допросов в Гуантанаме, Афганистане и Ираке. В этих докладах описываются методы «специального допроса», которые до мелочей соответствуют плану, утвержденному Рамсфелдом и которые были реализованы в точности так, как их описывает Мохаммед в «Дневнике Гуантанаме». Среди документов, описанных в этих отчетах, значатся две записи, которые Стюарт Коуч обнаружил в 2004 году и которые помогли ему окончательно убедиться, что Мохаммеда пытали.

Первое – это поддельное письмо Государственного департамента Мохаммеду, которое было представлено в августе 2003 года и явно предназначалось для того, чтобы воспользоваться близкими отношениями Слахи и его мамы. В своем отчете Комитет Сената США по Вооруженным силам описывает «фиктивное письмо, которое принес глава команды следователей. В нем сообщалось, что мама Мохаммеда задержана, что ее будут допрашивать, и, если она откажется сотрудничать, ее отправят в Гуантанамо. В письме подчеркивалось, что она будет единственной женщиной-заключенной в «тюремной обстановке, где раньше всегда были только мужчины».

Второй документ датируется 17 октября 2003 года и содержит переписку по электронной почте между одним из следователей Мохаммеда и американским военным психологом. В ней, как выяснил комитет, следователь «заявляет, что Слахи жалуется на „голоса в голове“... Он обеспокоен, потому что знает, что это ненормально... Кстати, разве не это происходит с людьми, когда их надолго лишают внешних раздражителей вроде солнечного света и человеческого общения? Звучит это довольно жутко». Психолог ответил: «Сенсорная недостаточность влечет за собой галлюцинации, чаще визуальные, чем слуховые, но никогда нельзя быть уверенным... В темноте вы создаете вещи из того немногого, что у вас есть»^[157].

В интервью 2009 года лейтенант-полковник Коуч рассказывает, как на него повлияли эти открытия:

В то же время, когда я получил информацию от агента СУРВМС – документы, письма Госдепа – после долгих месяцев, которые я провел, слушая, читая и изучая всю эту информацию, однажды в воскресенье я оказался в церкви, где проходило крещение. Обряд дошел до литургии, когда молящиеся повторяют – здесь я перефразирую, но суть в том, что мы уважаем достоинство каждого человека, мы ищем мира и справедливости на земле. И когда мы произнесли эти слова тем утром, в церкви было много людей, но для меня это было неважно, я будто был там один. Я просто почувствовал этот неповторимый удивительный момент. Я не могу просто так прийти сюда в воскресенье и, как христианин, присоединиться к молитве о том, что каждый человек заслуживает достоинства и справедливости, что я всеми силами буду искать правосудия и мира на земле, и в то же время продолжить вести это расследование, опираясь на такие жалкие доказательства. В тот момент я понял, что мне делать. Я должен перестать колебаться^[158].

Стюарт Коуч вышел из расследования по делу Мохаммеда, отказавшись выдвигать против него какие-либо обвинения на военной комиссии.

В итоге Мохаммеда ульд Слахи не удавалось ни в чем обвинить; ни один военный адвокат не был назначен на это дело, и, казалось, дальнейших попыток выдвинуть обвинения не будет. Статья в *Daily*

News, раскритиковавшая решение судьи Робертсона по делу Слахи, объясняет это «брезгливостью» следователей по отношению к «доказательствам, полученным благодаря жестокому обращению», но в ней ничего не говорится о том, были ли вообще получены какие-то доказательства вины Мохаммеда во время зверских допросов в Гуантанамо. На слушании в 2005 году он рассказал, что ему приходилось придумывать признания под пытками, но следователи, должно быть, сами не брали в расчет то, что, как они знали, было вынужденным признанием. Поэтому их письменные отчеты, по словам Коуча, представляли собой нечто вроде «Кто есть кто в „Аль-Каиде“ в Германии и по всей Европе»^[159].

Подобному тому, как для многих жестокое обращение с Мохаммедом подразумевает его вину, эти отчеты разведки тоже стали служить чем-то вроде опосредованного доказательства, что Мохаммед сам должен быть среди этих «кто есть кто». И все же, как предполагает Стюарт Коуч, Мохаммед едва ли мог сообщить больше, чем уже и так знали следователи. «Если память мне не изменяет, то большинство фактов были известны службам разведки до того, как его допросили». В интервью 2012 года Коуч отметил:

Я должен кое-что прояснить. Когда вы читаете отчеты, написанные Слахи, вы видите, что он ни в чем не замешан. Единственное, что связывает его с обвинениями, – знакомство с этими людьми. Он не причастен ни к чему, что я бы посчитал явной частью заговора «Аль-Каиды», итогом которого стало нападение на США 11 сентября»^[160].

И кажется, что американские разведывательные службы тоже не смогли накопать ничего, что уличило бы Мохаммеда в других терактах. В интервью 2013 года полковник Моррис Дэвис, который стал главным прокурором от военной комиссии Гуантанамо, описал последнюю попытку выдвинуть обвинения против Мохаммеда спустя почти два года после того, как Стюарт Коуч отказался от этого дела. Истинной целью полковника Дэвиса был не столько Мохаммед, который к тому времени практически перестал фигурировать в расследованиях, сколько заключенный, которого поселили по соседству с ним, чтобы смягчить последствия пыток и почти двух лет одиночного заключения. Этот заключенный не пошел бы на сделку со следствием, если бы Мохаммеду не предложили то же самое. «Нам нужно было придумать что-то для подобной сделки со Слахи, – сказал полковник Дэвис в интервью. – Это значило, что мы должны найти *что-нибудь*, в чем его можно обвинить, и с этим у нас были настоящие проблемы».

Когда Слахи прибыл, я думаю, у них было подозрение, что они поймали «большую рыбку». Он напоминал мне Форреста Гампа в том смысле, что в истории «Аль-Каиды» и терроризма было много громких событий, и был Слахи, притаившийся где-то сзади. Он был в Германии, Канаде, в разных местах, что кажется подозрительным, поэтому они решили, что он действительно «большая рыба», но,

когда они по-настоящему взялись за расследование, оно привело их совершенно не туда. Помню, когда я только пришел туда в начале 2007 года, у нас была большая встреча с представителями ЦРУ, ФБР, Министерства обороны и Министерства юстиции, и мы выслушивали краткие отчеты тех следователей, которые работали со Слахи, и каждый из них сделал вывод, что в этом деле было много дыма, но не было огня^[161].

Когда заявление Мохаммеда о пересмотре статуса заключенного наконец оказалось в федеральном суде в 2009 году, правительство США не пыталось доказывать, что он был крупной фигурой в «Аль-Каиде» или что он руководит всеми терактами и планами «Аль-Каиды». Окружной апелляционный суд написал свое заключение по этому делу:

США намереваются задержать Мохаммеда уль-д Слахи на основании того, что он был «частью» «Аль-Каиды» не потому, что он воевал на их стороне против США, а потому, что он присягнул в верности этой организации, общался с ее членами, а также помог ей несколькими способами, принимая ее лидеров у себя как гостей и направляя начинающих джихадистов к известному оперативнику «Аль-Каиды»^[162].

Когда судья Робертсон получил заявление Мохаммеда в 2009 году, окружной суд Вашингтона решал, является ли заявитель членом «Аль-Каиды», а для этого правительство США должно было доказать, что Мохаммед в самом деле играл активную роль в террористической группировке. Мохаммед присоединился к «Аль-Каиде» в 1991 году и поклялся организации в верности, но это была другая «Аль-Каида», фактически тогда она была союзником Соединенных Штатов. Мохаммед всегда подчеркивал, что с падением коммунистического правительства в Афганистане он разорвал все связи с «Аль-Каидой». При рассмотрении его прошения правительство настаивало на том, что раз Мохаммед периодически общался со своим родственником Абу Хафсом и еще несколькими своими друзьями и знакомыми, которые были активными членами «Аль-Каиды», значит он по-прежнему был частью организации. Некоторые подобные взаимодействия, возможно, оказали небольшую помощь организации, но, как утверждает Робертсон, это никак не было связано с финансированием террористов. Более того, контакты с этими людьми были настолько единичны, что «они скорее подтверждают рассказы Слахи о том, что он пытался найти баланс: избегать слишком тесных контактов с „Аль-Каидой“, но одновременно постараться не стать им врагом».

Решение судьи Робертсона удовлетворить прошение Мохаммеда и немедленно освободить его было вынесено в критический момент: к 1 апреля 2010 года правительство США проиграло 34 из 46 дел о пересмотре статуса заключенного. В нескольких апелляциях в Окружном апелляционном суде Вашингтона правительство требовало принять более «размытый» стандарт признания подсудимого «частью» «Аль-

Каиды». Апелляционный суд в ответ признал решение судьи Робертсона недействительным и направил дело на повторное рассмотрение Окружного суда. Как указано в объяснении, предоставленном апелляционным судом, правительству более не требовалось предоставлять доказательства, что заключенный в Гуантанамо исполнял приказы «Аль-Каиды», когда его задержали.

Вынося решение, апелляционный суд с большой осторожностью формулировал «точный характер судебного дела „Правительство против Слахи“». «Правительство не привлекает Слахи к уголовной ответственности за оказание материальной поддержки террористам или „иностранной террористической организации“ „Аль-Каида“, – заявил суд. – Помимо этого правительство не собирается задерживать Слахи на основании разрешения на применение военной силы при подозрении в „намеренной материальной“ поддержке сил, связанных с группировкой „Аль-Каиды“ в связи с террористическими актами 11 сентября». Когда состоятся повторные слушания по делу Мохаммеда в федеральном суде, правительство США, скорее всего, опять будет настаивать на том, что случайные единичные разговоры Мохаммеда с членами «Аль-Каиды» полностью доказывают его активное участие в делах группировки. Следуя новым стандартам, суд постановил: «Даже если эти разговоры, взятые по отдельности, не подтверждают того, что Слахи является „частью“ „Аль-Каиды“, само наличие этих связей с большой вероятностью говорит о том, что он был членом организации на момент его задержания, а значит, вопрос о правомерности его задержания остается открытым»^[163].

Иронично, что, когда окружной суд будет пересматривать дело, обвинителям скорее всего будут заданы вопросы о связи, которую они представляли как сильно дискредитирующую Мохаммеда, – о его отношениях с шурином Абу Хафсом. Абу Хафс был членом совета бен Ладена, в конце 90-х годов за его голову назначили награду пять миллионов долларов, а после 11 сентября 2001 года награда увеличилась до 25 миллионов долларов. Хотя в США знают, что многие годы Абу Хафс выступал против тех терактов: «Комитет 11 сентября» сообщает, что он «даже написал бен Ладену письмо, в котором высказался против нападения». После терактов Абу Хафс покинул Афганистан и уехал в Иран, где иранские власти отправили его под смягченную форму домашнего ареста более чем на 10 лет. В апреле 2012 года Иран доставил Абу Хафса в Мавританию. Его продержали в мавританской тюрьме два месяца. В это время он встречался с международными делегациями, в том числе с американскими, активно осуждая теракты 11 сентября и отказываясь от каких-либо связей с «Аль-Каидой». В июле 2012 года он был освобожден и начал жить как свободный человек.

Я не встречался с Мохаммедом ульд Слахи. Когда у меня спросили, могу ли помочь издать рукопись, я отправил ему письмо, чтобы просто представиться. Не знаю, получил ли он его. Я ни разу не общался с Мохаммедом.

Я направлял запрос на встречу с ним перед тем, как отправлять готовый текст в печать, чтобы он мог одобрить все правки. Ответ Пентагона был кратким и однозначным. «Посещение заключенных в Гуантанамо или какое-либо общение с ними невозможно, если вы не являетесь его адвокатом, – сообщил специалист по связям с общественностью. – Насколько вы знаете, заключенные содержатся в соответствии с законом военного времени. Вдобавок мы не выставаем их на всеобщее обозрение».

Фраза «на всеобщее обозрение» появилась здесь из одного из столпов права войны, Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 1949 года. Статья 13 конвенции «Гуманное обращение с военнопленными» гласит:

С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции. [...]

Военнопленные равным образом должны всегда пользоваться защитой, в особенности от всяких актов насилия или запугивания, от оскорблений и любопытства толпы.

Применение к ним репрессалий воспрещается.

Я предложил конфиденциальную встречу по строгим протоколам безопасности, чтобы убедиться, что отредактированная версия работы Мохаммеда – работы, которую он специально написал для широкой публики, – полностью соответствует оригинальному содержанию и целям. Годами эти материалы скрывались из-за цензурного режима, который не всегда соответствовал Женевским соглашениям.

Цензура стала неотъемлемой частью содержания заключенных под стражей после 11 сентября. Это было выгодно по двум причинам: во-первых, чтобы открыть простор для жестокого обращения с заключенными, а во-вторых, чтобы скрыть сам факт насилия над ними. В случае Мохаммеда, например, речь идет о похищении, противозаконном аресте и содержании в тюрьме без связи с внешним миром, жестоким и унижающим достоинство обращении, пытках. Мы знаем обо всем этом благодаря документам, которые тщательно скрывались в течение нескольких лет.

Я не знаю, в какой степени личные и правительственные интересы в сокрытии жестокого обращения повлияли на продление срока

заклучения Мохаммеда. Одно я знаю точно: за те пять лет, что я провел в изучении этого дела, меня не смогли убедить ни туманные объяснения правительства о том, почему он вообще оказался в Гуантанамо, ни заявления защитников его 13-летнего содержания под стражей в духе «он, скорее всего, то-то и, вполне возможно, то-то». Мое собственное чувство справедливости говорит: они уже должны были объяснить, что различные факты в деле Мохаммеда могут значить и почему его нужно оставить в американской тюрьме. Ответы на эти вопросы давно бы уже нашли, если бы этот «Дневник Гуантанамо» не держали в секрете так долго.

Когда Мохаммед заканчивал рукопись девять лет назад в том же самом изоляторе, где происходили те кошмарные сцены, описанные в книге, он ставил перед собой конкретную цель. «Я написал только о том, что пережил, что я видел и что узнал из первых рук, – объясняет он ближе к концу. – Я старался не преувеличить и не преуменьшить. Я старался быть настолько честным, насколько это возможно, с правительством США, с моим братьями и с самим собой».

Насколько я могу судить, именно это ему и удалось. История, которую он рассказывает, подкрепляется рассекреченными документами. Он доказывает снова и снова, что его рассказам можно верить. Он явно не преувеличивает: в документах описаны пытки и унижения, которые Мохаммед не включил в книгу, а некоторые из тех, что все же попали в «Дневник», он выбирал и описывал с большой осторожностью. Даже когда события, о которых он рассказывает, накаляются до предела, его рассказ остается сдержанным и непосредственным. Ужасы тех событий говорят сами за себя.

Это все потому, что даже в этих обстоятельствах больше всего его интересуют отношения между людьми. «Закон войны суров», – пишет Мохаммед в начале.

Если и есть в войне что-то хорошее, так это то, что она показывает все самое плохое и самое хорошее в людях: кто-то пытается использовать безнаказанность, чтобы делать другим больно, а кто-то пытается облегчить чужие страдания.

Когда Мохаммед рассказывает о своем путешествии по самым мрачным частям американской программы по поимке и допросу подозреваемых в терактах 11 сентября, все его внимание приковано к следователям и охранникам, друзьям-заключенным и к нему самому. В своем «стремлении быть честным», по его собственным словам, он учитывает общее чувство страха и непонимания, которым охвачены все персонажи, а также гораздо более локальные социальные силы и правила учреждения, которые влияют на взаимодействия этих персонажей.

В своем стремлении «быть честным», как он пишет, он осознает, насколько сильно страх и замешательство, а также власть местных авторитетов, уполномоченных правительством, влияют на

взаимодействие людей. Но еще он видит, что каждый человек может изменить ход событий и уберечь других от страдания, поэтому он всегда старается относиться к людям с пониманием, независимо от их униформы, состояния, звания и прочего. Таким образом, он преобразует даже самые бесчеловечные ситуации в серию взаимодействий между разными людьми, порой пугающе близких.

Это тайный мир Гуантанамо: мир поразительной умышленной жестокости и неоправданного насилия, но еще и мир легкости и доброты, благодарностей и признаний, взаимного интереса и рискованных прыжков через глубокие пропасти. То, что Мохаммеду удалось пережить четыре года самого жестокого обращения, какое только можно представить, и самые чудовищные допросы в Гуантанамо, очень много говорит о его характере и человеческих качествах. Еще большим доказательством его писательского мастерства стало то, как он сумел в короткий промежуток времени превратить свой травматичный опыт в повествование, в котором он как осуждал, так и прощал.

Но все же не это больше всего впечатлило меня, как писателя и как читателя, когда я впервые открыл написанный Мохаммедом от руки «Дневник Гуантанамо». Куда сильнее меня захватывали истории, произошедшие далеко от Гуантанамо: несчастный безбилетник в сенегальской тюрьме; закат в Нуакшоте после песчаной бури; душераздирающая тоска по дому во время Рамадана; полет над трущобами Нуакшота; мокрая от дождя взлетная полоса на Кипре. Здесь я впервые увидел в Мохаммеде писателя, его внимание к характерам людей, его острый слух на их голоса. Я увидел, как мастерски его воспоминания переплетаются с информацией от всех пяти органов чувств, то, как он на полную использует спектр эмоций в себе и других. В Мохаммеде есть качества, которые я больше всего ценю в писателе: трогательное внимание к прекрасному и острое чувство иронии. У него фантастическое чувство юмора.

Ему удалось выразить все это на английском, его четвертом языке, который он продолжал учить во время написания книги. Это достижение гласит о его умении мастерски управлять словом и черпать из него вдохновение. Но оно так же, очевидно, стало возможным благодаря его упорному желанию следовать своим правилам, какая бы ситуация ни встречалась ему на пути. С одной стороны, овладение английским языком в Гуантанамо для него означало освобождение от необходимости перевода и присутствия третьих лиц в разговоре, а также открывало возможность установить более тесный контакт с каждым из его похитителей. С другой стороны, он теперь мог расшифровать и понять язык власти, которая контролировала его судьбу, – а это была очень осязаемая сила, которая продемонстрирована в этой одиссее длиной 20 тысяч миль, задержаниях и допросах свое ошеломляющее влияние. Так родилась поистине уникальная работа. Это зеркало, в котором, впервые за всю мою историю прочтения документов из

Гуантанамо, я узнал себя, – в изображении как моих соотечественников, так и тех, кого моя страна удерживает в плену. Вместе с тем это увеличительное стекло, наставленное на империю, истинный размах и влияние которой многие из тех, кто живет в ней, не осознают.

Власти по-прежнему цензурируют историю Мохаммеда. На этих страницах более чем 2600 темных полосок, закрывающих имена, названия и другую информацию. Эти исправления не просто скрывают важные элементы действия. Они идут наперекор правилам, которыми руководствуется Мохаммед, и его основной цели, подрывая ту откровенность, с которой он обращается со своей историей. Они сводят на нет его усилия различить в каждом его персонаже настоящего человека. Одни его герои заслуживают порицания, другие – восхищения, но в основном они предстают как сложные личности, одновременно преступники и хорошие люди.

И присутствие этой силы, контролирующей судьбу Мохаммеда, особенно очевидно в его продолжительном и плохо оправданном тюремном заключении. 13 лет назад Мохаммед покинул свой дом в Нуакшоте в Мавритании и направился в штаб своей национальной полиции для допроса. Домой он так и не вернулся. Ради того, чтобы разобраться в этой истории, ради нашего коллективного чувства справедливости у нас должно быть более четкое представление, почему Мохаммед до сих пор не дома и что с ним будет дальше.

Гуантанамо живет вопросами без ответов. Но теперь, когда у нас есть «Дневник Гуантанамо», можем ли мы найти ответы хотя бы в деле Мохаммеда?

Когда мы это сделаем, я верю, это будет сродни возвращению домой. Когда это произойдет, все пропуски будут заполнены, текст переиздадут, дополнят и обновят, как это сделал бы сам Мохаммед. Тогда мы все сможем взглянуть на «Дневник Гуантанамо», каким он и должен быть: рассказ об одиссее одного человека через тревожный мир, где не существует границ, где силы, влияющие на жизни людей, становятся все дальше и таинственнее, где судьбы вершат, казалось бы, всемогущие власти, мир, который угрожает обезличить человека, но ему все же это не под силу – короче говоря, эпопея нашего времени.

Благодарности редактора к первому изданию

За то, что мы можем читать эту книгу, хочется поблагодарить адвокатов Мохаммеда ульд Слахи, которые боролись больше шести лет, чтобы добиться разрешения на публикацию. Они сделали это спокойно и с достоинством, но и настойчиво, веря и доказывая, что правда может не враждовать с безопасностью. Время покажет, каким было это достижение, и сколько читателей по всему миру должны поблагодарить

Нэнси Холлендер и Терезу М. Дункан, его ведущих адвокатов, и их помощников: Линду Морено, Сильвию Ройс и Джонатана Хафетза, а также Хину Шамси, Бретта Кофмана, Джонатана Мейнса и Мелиссу Гудмен.

Я выражаю личную благодарность Нэнси Холлендер, всей команде юристов Мохаммеда и, конечно, самому Мохаммеду ульд Слахи, за предоставленную мне возможность помочь довести его слова до печати. Каждый день, читая рукописи Мохаммеда, размышляя и работая над ними, я осознавал, каким подарком были их доверие и уверенность во мне.

Издание жестко цензурированных материалов – занятие не для слабонервных, поэтому я особенно благодарен всем тем, кто добился публикации работы Мохаммеда: Уиллу Добсону и *Slate* за предоставленный шанс показать отрывки из рукописей; Рейчел Вогел, моему агенту, Джеффу Шендлеру, Майклу Сэнду и Элли Соммер из Little, Brown; Джейми Бингу и Кэти Фолейн из Canongate за их видение и терпеливую помощь с различными трудностями при издании книги. Спасибо всем из Little, Brown/Hachette, Canongate и всем иностранным издателям «Дневника Гуантанамо» за то, что эта работа, до недавнего времени запрещенная, но неудержимая, стала доступна для прочтения по всему миру.

Любой, кто писал о том, что произошло в Гуантанамо, в долгу у проекта национальной безопасности Американского союза защиты гражданских свобод. Их «Закон о свободе информации» извлек на свет кладезь секретных документов, которые представляют собой выдающееся свидетельство жестоких практик задержания и допроса, используемых Соединенными Штатами после 11 сентября. Я благодарен им за эти записи, потому как без них невозможно было бы снабдить историю Мохаммеда множеством перекрестных ссылок, аннотаций и подтверждений. Также я благодарен Американскому союзу защиты гражданских свобод за возможность изучать эти материалы, впитывать их и писать о них на протяжении последних пяти лет.

Я в долгу у всех, кто потратил на меня свое время, делился со мной идеями, мыслями и впечатлениями, пока я работал над рукописями. Мне не удастся назвать всех, но не могу не поблагодарить Яхди ульд Слахи, который помог понять историю Мохаммеда с точки зрения его семьи, а также Джамила Джаффера, Хину Шамси, Лару Тобин и Эли Дэвис Симс за их постоянную поддержку, вдумчивые советы и внимательное чтение отредактированных версий этой книги.

Наконец, я в вечном долгу у Мохаммеда ульд Слахи за то, что он имел мужество написать эту книгу, за честность, остроумие и человечность его работы и за его веру в нас. Пусть суд будет так же справедлив к нему, как он был справедлив ко всем нам.